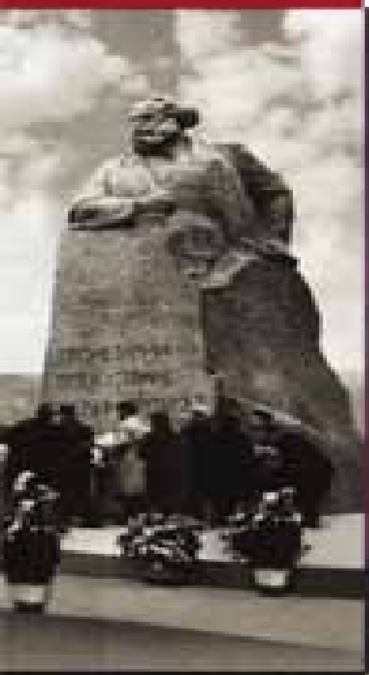
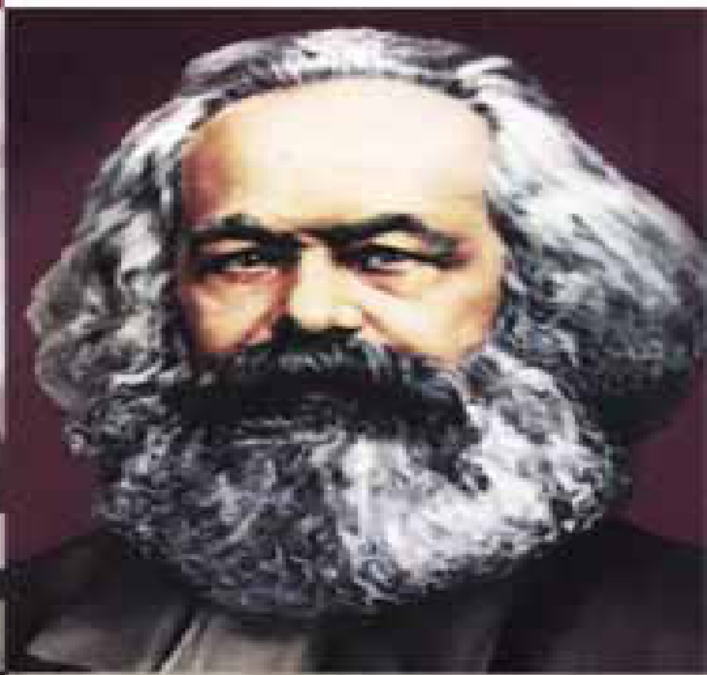
КАРЛ МАРКС

Жак Аттали

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Десятки лет учение Карла Маркса было официальной идеологией Советского Союза и ряда других стран. Все это время подлинный Маркс находился в тени: его теории «дополнялись» и искажались, его ошибки замалчивались, его многогранная противоречивая личность втискивалась в рамки канонического жития. Реакцией на это стали исследования, где Маркс предстает в совершенно неожиданном свете. Среди них и книга Жака Аттали — французского политика, политолога, экономиста, одного из ведущих теоретиков глобализации и «нового мирового порядка». Скрупулезно исследуя биографию Маркса, его семейную жизнь, здоровье, отношения с друзьями и врагами, автор главное внимание уделяет творческому наследию своего героя. Вопреки привычным представлениям он видит в Марксе не предтечу тоталитарных режимов, а приверженца демократии, либерализма и рыночных отношений. С этим можно соглашаться или спорить, но книгу Ж. Аттали, переведенную на многие языки, необходимо прочитать всем, кого интересует фигура основателя научного коммунизма.

Перевод осуществлен по изданию: Jacques Attali. Karl Marx ou l'esprit du monde. Paris: Fayard, 2005.

- Аттали Жак
  - СВОЕВРЕМЕННАЯ КНИГА
  - ВСТУПЛЕНИЕ
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА КАРЛА МАРКСА
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49

- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91

Аттали Жак
КАРЛ МАРКС:
Мировой дух

Итак, чтобы понимать Писание, нужно уметь находить тот основной смысл, при котором все противоречивые тексты согласуются между собой. Недостаточно смысла, подходящего лишь к нескольким согласующимся текстам; следует искать такой смысл, в котором снимались бы все мнимые противоречия.

Блез Паскаль. Мысли. Моему отцу

СВОЕВРЕМЕННАЯ КНИГА

Издание в серии «Жизнь замечательных людей» биографии Карла Маркса, сконструированной Жаком Аттали, без сомнения, является важным событием. Любая биография такого человека, как Маркс, есть значимый манифест, полный явных и скрытых смыслов, актуальных сегодня. Тем более это справедливо для книги Аттали, который является не только знатоком, но и идеологом важных цивилизационных и геополитических доктрин современности. Биографию Маркса он писал не ради гонорара и не для кружков политграмоты поредевших марксистов. Ему нужно было высказать несколько идей той огромной общности людей, которые осмысливают современность вместе с ее корнями, уходящими в марксизм.

Потребность разобраться в тех импульсах, которые Маркс задал бурным процессам XX века, велика независимо от того, какую позицию занимает человек, размышляющий об идейных, политических и социальных столкновениях. Много ошибок мы делаем просто потому, что не понимаем и даже просто не знаем, как мыслит человек по другую сторону баррикады. Написал о Марксе Жак Аттали? Надо его прочитать.

Это правильно. Аттали — умный человек, в его суждениях много смысла. Он к тому же хороший писатель, и читать его интересно. Он, как сам признается, не марксист, но прильнул к Марксу, читает его и сверяет с ним свои мысли. Аттали пишет о Марксе: «Сегодня, хоть я и осознаю его неоднозначность и почти никогда не разделяю выводов его эпигонов, нет такой темы, в которую я бы углубился, не спросив себя, что об этом думал он, и не испытав огромного удовлетворения, найдя его высказывания на эти темы».

Это признание, сделанное в самом начале книги, мне кажется очень важным и мудрым. Именно так! Размышляя о проблемах общественного бытия, очень полезно «проиграть в уме» тот анализ этих проблем, который проделал бы Маркс. Для этого вовсе не надо быть приверженцем Маркса — следует лишь освоить суть его метода и применять его как инструмент. Это очень хороший инструмент, и если ты знаешь его возможности и ограничения, то он тебе поможет и не заведет тебя в ловушку. Разумеется, одним этим инструментом обойтись нельзя, вопреки мнению многих марксистов. Книга Аттали поможет усвоить и эту мудрую мысль.

Нужно ли предисловие к такой книге? Нужно, и как раз потому, что Аттали — умный человек и умелый писатель.

Предисловие — совет человека, уже испытавшего книгу на себе. Совет необязательный, но он может быть полезным. При чтении таких книг надо не забывать включать в своей голове аппаратик здорового скептицизма. Мы очень часто забываем об этом и поддаемся внушению мыслей писателя или обаянию его стиля. Конечно, читать при включенном контроле не так приятно, но в подобных случаях надо.

Выше сказано, что Аттали *сконструировал* биографию Маркса. Это не упрек — иначе и быть не может. Жизнь Маркса (как и всех людей) — огромное множество событий и отношений со множеством людей. Это — сырой материал, из которого автор строит свою конструкцию. Он отбирает из этого материала ничтожную долю крупиц и соединяет их по собственному плану, заданному согласно целям и мотивам, которых не сообщают. Конечно, тупо подгонять богатство всего множества событий и мыслей под заданную схему нельзя — никто читать не будет. Надо делать хорошую оболочку, и качество ее зависит от мастерства.

Аттали — мастер. Раскручивая нить жизни Маркса согласно своему плану, он облекает ее в прекрасно сотканный контекст, сообщая читателю множество ценных подробностей об эпохе, быте, воззрениях, типе человеческих отношений. Быстрыми, короткими мазками он создает богатую, насыщенную красками картину, обладающую собственными достоинствами. Правда, нередко контекст «принижает» Маркса, уводит от него мысль. Иногда даже сожалеешь — бросил бы он Маркса и развил вот эту тему, так интересно он ее поставил!

Вот мелкий эпизод: отец Маркса, председатель коллегии адвокатов Трира, один из самых богатых жителей города, владелец виноградников, в письме выговаривает сыну-студенту: «Сейчас четвертый месяц учебного года, а ты уже просадил 20 талеров». Отец болен, при смерти, но велит сыну остаться в Берлине и не тратиться на поездку домой на Пасху. Так юный Карл не простился с любимым отцом да и на похороны не приехал, а мать за это не выплатила его долю наследства. «Так начались в высшей степени сложные отношения Карла с деньгами, состоящие из поклонения и ненависти, которые вскоре доведут его практически до болезни», — пишет Аттали. Тему денег он делает одной из центральных в книге, давая ее в непривычном для нас фрейдистском ключе.

Вообще, эта биография представляет внутренний мир Маркса необычно для российского читателя — смело, даже жестоко, и в то же время с глубочайшим уважением к своему великому герою. Эти пассажи, конечно, окрашены сугубо личным восприятием

самого Аттали; написанный им духовный портрет Маркса никак нельзя принимать за фотографию, но книге это придает дополнительное очарование.

В 1993 году вышла другая биография Маркса («Сага о семействе Маркс»), испанского писателя Хуана Гойтисоло, — книга высокохудожественная, написанная с большой страстью и горечью от исторического поражения коммунистического проекта. Интересно сравнить ее с книгой Аттали — те же эпизоды той же жизни, но освещенные светом разных мировоззрений и разных этических систем. Аттали — певец глобализации и буржуазного духа, Гойтисоло отвергает вестернизацию и власть денежного мешка. Оба находят у Маркса духовную и интеллектуальную опору. И оба в этом правы. С таким же правом черпали в Марксе свою силу и Ленин, и Сталин, и Троцкий. Понять это нам сегодня было бы очень полезно. Тут не о Марксе речь, а о способности осваивать сложную реальность, умея отделять ценность знания и идей от идеологических упаковок.

После этих общих вводных слов скажу о некоторых узловых моментах книги, о которых я хотел бы предупредить читателя, опираясь на собственные впечатления. Предисловие — не рецензия и не критическая статья. Это «пометки на полях», без аргументов и систематического анализа.

Аттали сопровождает биографию Маркса как описание его *жизни* параллельным изложением идей, выводов и установок своего героя, соответствующих каждому моменту. Это «эманация» Маркса, развивающийся во времени образ, который и делает Маркса подлинным героем книги. По словам автора, «ни один человек не оказал на мир бóльшего влияния, чем Карл Маркс в XX веке». Но влияние Маркса определялось именно *идеями.* Как видно из книги, остальные виды деятельности Маркса (как редактора газеты, политического организатора, пастыря единомышленников или отца семейства) не были успешными. Слишком часто они вели к явному провалу, нередко трагическому.

Маркс, без сомнения, был человеком гениальным, но обладал многими аномальными чертами, которые делали сотрудничество с ним для многих нормальных людей просто невыносимым. Книга полна такими примерами, которые Аттали приводит с большим тактом и сочувствием, но все же называя вещи своими именами. Не раз в книге повторяются выражения такого типа: «Маркс разрушает то, чему поклонялся еще несколько дней назад, выказывая крайнюю жестокость и бесконечную неискренность…» Удивительно то, что Маркс выказывал это отношение и к врагам, и к единомышленникам, и к самым близким и любимым людям.

Он разрушал не только то, чему поклонялся, но и то, что создавал своим титаническим трудом.

Здесь, кстати, Аттали вступает в противоречие с изложенными им же фактами. Он причисляет Маркса к «таким вот редчайшим людям, которые предпочли удел обездоленных отщепенцев, чтобы сохранить свое право мечтать о лучшем мире, тогда как все дороги „во власть“ им были открыты». Никак нет — всякая дорога «во власть» Марксу была закрыта именно той «крайней жестокостью и бесконечной неискренностью», с которой он относился к людям. Преодолевать или изживать это свойство Маркс не собирался. Как и многим другим гениям, ему был уготован удел обездоленных отщепенцев, и он этот удел принял с полным осознанием своей гениальности.

Аттали холодно, как будто производя психологический эксперимент над читателями, описывает эпизод из жизни Маркса, который обычно опускался благожелательными биографами. Речь идет о том, что у Маркса был сын. Он родился в 1851 году у служанки Хелен Демут (Ленхен). Она была абсолютно предана семье Маркса и прожила в ней до его смерти. Лучший друг Маркса Фридрих Энгельс признал мальчика своим ребенком и только перед смертью признался, что отцом его был Маркс. Маркс ничего не сделал для Фредерика, Энгельс не желал его видеть, а дочери Маркса после смерти отца считали его своим сводным братом. Сам он был рабочим, социалистом. По сведениям Аттали, он так ничего и не узнал о своем происхождении, хотя подружился с дочерью Маркса Элеонорой. В 1877 году Маркс встретился с ним и попросил просочиться на собрание сторонников Бакунина, выведать их планы. Это печальная история, и Аттали возвращается к ней неоднократно, добавляя подробностей, которые нагоняют тоску. Кстати, Гойтисоло тоже обсуждает этот эпизод, но удивительно человечно. В любом случае от этой истории исходит какой-то страшный холод.

Плодами созидательного труда Маркса были не его дела среди людей, а идеи, заключенные в статьях и книгах. При этом он чрезвычайно трудно расставался со своими текстами, которые были для него как дети — он их «выращивал», непрерывно что-то добавляя. Для него большой проблемой было выпустить их из рук, отдать в печать. В ряде мест Аттали утверждает даже, что вся концепция *отчуждения,* которую многие считают важнейшим достижением в философии Маркса, родилась из того страдания, которое ему причиняла необходимость отдать свой текст, расстаться с ним. По словам Аттали, Маркс переживал неизбежность «позволить отнять у себя произведение. Из этого Маркс заключит, что любой труд — отчуждение… Он, с

величайшим трудом решавшийся отдать рукопись издателю, как раз и увидел основу отчуждения в разлучении человека с плодами своего труда».

В связи с этим Аттали подмечает очень важную особенность Маркса как мыслителя — устойчивость его идей. Мы привыкли, после наших курсов марксизма, различать «раннего» Маркса, «зрелого», «позднего». Мол, изменялась общественная реальность, накапливалось знание, новые воззрения вытесняли прежние — так обычно бывает (примером такого развития взглядов был для нас Ленин). Сейчас, когда из-за нашего кризиса возникла необходимость проследить развитие некоторых представлений Маркса в «сплошном» порядке Полного собрания сочинений, думаю, многие наши исследователи были поражены этой совершенно уникальной особенностью. Некая совокупность «ядерных» идей была как будто свыше *запечатлена* в разум молодого Маркса и прошла через всю его жизнь, не меняясь в своей сущности. Эти идеи со временем проступали резче, он их дорабатывал, менял форму изложения, расширял аргументацию. Но это были *те же* идеи, он их лелеял. Он действительно был пророком и не изменил той вести, которую должен был нести человечеству.

Аттали, на мой взгляд, не дал верного образа этого «ядра» идей Маркса — он смотрит на эту структуру под своим углом зрения, как идеолог современного западного капитализма и глобализации. Да и книга эта — не научная монография, многие вещи автор упрощает, многие сложные проблемы, которые не втискиваются в его конструкцию, просто отбрасывает. Аттали, правда, пишет: «Сегодня, когда коммунизм, похоже, навсегда стерт с лица земли, а идеи Маркса — уже не ставка в борьбе за власть, становится, наконец, возможно поговорить о нем спокойно, серьезно и, стало быть, объективно». Но содержание книги, скорее, опровергает это обещание. Даже наоборот, кажется, что на Западе гораздо больше, чем в России, опасаются нового появления Призрака коммунизма, уже с новым идейным арсеналом, но все же связанного с Марксом нитями, которые пока что не позволяют говорить о его идеях «спокойно и, стало быть, объективно»[1].

Объективное представление Маркса требует взгляда на него не только с Запада (это, конечно, необходимо), но и из тех культур и цивилизаций, где Маркс, согласно его учению, *не должен был бы быть принят,* но где он как раз был принят и на целый исторический период стал знаменем. Что же такого было в учении Маркса, чего сам Маркс не понял (точнее, *не принял*), но что приняли и использовали сотни миллионов человек в России,

Китае, Индии — и далее по всему миру, по всем крестьянским странам. Чтобы объективно представить Маркса, надо было «спокойно и серьезно» объяснить, что из него взял, а что отверг русский коммунизм на всех его этапах — Ленина, Сталина и т. д., вплоть до Горбачева. Что взял и что отверг китайский социализм — и на этапе Сунь Ятсена, и на этапах Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

Все это случаи очень разные, но есть в них и нечто общее, что можно было бы вычленить. Весь марксизм XX века («после Маркса») Аттали изложил скороговоркой в последнем разделе книги, и этот текст сильно уступает основным разделам, посвященным собственно Марксу. Представление революций в России и Китае и последующего развития этих стран носит чисто формальный, местами даже карикатурный характер. Оно составлено из старых «антитоталитарных» штампов, которые российскому читателю, пережившему перестройку и антикоммунизм 1990-х годов, покажутся довольно-таки пресными.

Но авторов надо не упрекать за то, чего они не сделали, а благодарить за сделанное. Аттали сделал, насколько позволяло место и его угол зрения, выборку из идей Маркса, и сделал хорошо. Это не формальный обзор, а продуманное и краткое изложение сути. Есть некоторый дисбаланс в пользу политэкономии и, на мой взгляд, ненужная попытка кратко пересказать «Капитал». Она мало поможет тому, кто «Капитала» совсем не читал, и ничего не даст тому, кто прочел. Но это несущественно в сравнении с той ценностью, какой обладают данные Аттали четкие формулировки тех положений Маркса, которые были отвергнуты «социалистическими» революциями в незападных странах, а затем «спрятаны в спецхран» в официальном марксизме, который для этого был подвергнут «вульгаризации».

Сегодня в России прятать их не нужно и вредно. Они послужили важным идеологическим оружием перестройки, и если бы раньше их подвергли осмыслению и спокойному обсуждению, то этого оружия разрушители СССР были бы лишены. Аттали прекрасно сформулировал главные положения «антисоветского марксизма». Стоит их процитировать, хотя сам Маркс изложил их гораздо мощнее, эмоциональнее и с большой художественной силой.

Вот некоторые формулировки Аттали, без комментариев:

Маркс «никогда и не мечтал об агонии капитализма и не мог предполагать, что социализм возможен в одной отдельно взятой стране, наоборот: он отстаивал свободную торговлю,

приветствовал глобализацию и предвидел, что если революция и произойдет, то лишь как выход за рамки капитализма, утвердившегося повсеместно…

В нем сошлось воедино всё то, что составляет сущность современного западного человека…

Участь его трудов показывает, как, стремясь к самой лучшей мечте, можно стать основоположником самого худшего варварства…

Капитализм — обязательное предварительное условие коммунизма… Мировой капитализм — необходимое предварительное условие для коммунизма, который станет возможным лишь благодаря восстанию против господствующей идеологии в завершающей фазе капитализма, ставшего мировым. Он установится как общепланетная система и будет претерпевать постоянные перемены, стремясь к бóльшей индивидуальной свободе…

Он [Маркс] пишет самые яркие страницы, когда-либо опубликованные во славу буржуазии, которые и сегодня еще стоит читать и перечитывать… Маркс воспевает пророческую хвалу грядущей глобализации… Мировой дух [Маркс], в очередной раз размышляя о глобализации, уже подталкивает к ней Азию, позиционируя капитализм как освободителя народов… Следовательно, нужно ускорить повсеместное распространение капитализма, способствовать глобализации и свободной торговле…

Наконец, коммунизм может быть только всемирным… Маркс решительно против всякой революции в странах, где капитализм и демократия еще недостаточно развиты; он полагает, что революционное сознание рабочего класса может зародиться только в рамках парламентской демократии. Читая эти строки, можно понять, почему он никогда не поверит в успех коммунистической революции в России…

В глубине души Карл всегда ненавидел труд и не скрывал этого, с самого начала своих исследований назвав его главной причиной отчуждения, выходящего далеко за рамки капитализма. Он никогда не отстаивал право на труд, на полную занятость, — и борьба трудящихся за эти ценности казалась ему лишь способом увеличивать отчуждение».

В этих формулах — главная идеологическая весть книги Аттали. Он не исказил установки своего героя, скорее даже смягчил их. Так, Маркс не просто «не верил в успех коммунистической революции в России», а считал такую революцию реакционной, поскольку она привела бы к «казарменному коммунизму» и повернула назад колесо истории.

Аттали призывает следовать составленному им катехизису марксизма и обещает за это наступление того светлого будущего, которое пророчил Маркс. Вот что он пишет в заключительных строках книги: «Исчерпав возможности товарного преобразования социальных отношений и использовав все свои ресурсы, капитализм, *если он к тому времени не уничтожит человечество,* сможет перейти в мировой социализм. Иначе говоря, рынок сможет уступить место братству… что произойдет не через осуществление власти во всемирном масштабе, а через перемену в умах — „революционную эволюцию“, столь дорогую Марксу. Через переход к ответственности и бескорыстности. Каждый человек станет гражданином мира, и мир, наконец-то, окажется созданным для человека» (выделенная мной оговорка очень существенна. — *С. К.-М.*).

Надо заметить, что, говоря о марксизме XX века, Аттали умалчивает о том, что центральная догма классического марксизма о «мировом капитализме как общепланетной системе» была признана нереализуемой уже в самом начале этого века. К тому времени стало очевидным, что капитализм развивается как система, построенная по принципу «центр — периферия». При этом периферия в целом (сначала колонии, потом «третий мир») не может повторить путь, пройденный метрополией. Ее ресурсы как раз и становятся материалом для строительства метрополии. Невозможность выполнения этого пункта в модели Маркса лишают силы и все остальные. Скорее всего, численность людей, не согласных дожидаться, пока капитализм уничтожит человечество, будет расти. А значит, будет сокращаться численность тех, кто поверит Аттали — даже при всем уважении к Марксу.

Пожалуй, стоит отметить два-три момента в книге, которые вызывают несогласие. Аттали представляет Маркса крайним рационалистом. Он пишет о молодом Марксе: «Знание предшествует этике. Социальный анализ должен быть в первую голову рациональным и объективным, а уж после — нравственным. Карл не забудет этого наставления».

О такой установке можно говорить лишь как об иллюзии рационального мышления. Знание (но не социальное) может быть в какой-то мере *отделено* от этики, но не может ей *предшествовать,* человек — существо общественное, а общество собирается этикой, и человек не может «стереть» ее из сознания. Социальный анализ, предметом которого является человеческое общество, по определению не может быть вполне объективным, поскольку любое представление о человеке включает в себя *моральные ценности,* иррациональные и не формализуемые на

языке знания.

Если же говорить конкретно о Марксе, то в его учении с самого начала были сильны, по выражению С. Н. Булгакова, «*крипторелигиозные* мотивы». Именно эта *идеальная* (иррациональная) сторона учения Маркса и определила столь широкий отклик, который оно получило в *традиционных* обществах, прежде всего в России. Именно эта сторона органично сочеталась, как выражался Макс Вебер, с русским *крестьянским общинным коммунизмом.* «Капитала» русские рабочие и крестьяне не читали, он больше интересовал буржуазию и западников (либералов и меньшевиков).

Второй момент — то преувеличенное значение, которое Аттали придает еврейской теме в жизни Маркса. Видимо, эта тема важна для автора и той аудитории, к которой он обращается в первую очередь. Большинство читателей в России, думаю, специфического интереса к этой теме не имеют, и придаваемый ей особый вес их может дезориентировать. Если взять труд Маркса в целом, то видно, что Маркс действительно ощущал себя, выражаясь словами Аттали, «мировым духом». Его очень мало волновала исходная детская принадлежность к еврейству. Вряд ли он придавал значение событию, которое Аттали отмечает как важное: «В 1827 году скончался Самуил Маркс Леви, трирский раввин, брат Генриха и дядя Карла. Впервые за несколько веков городской раввин уже не будет членом их семьи».

Сам же Аттали признает: «Иудаизм для Карла — возможность ввести рациональное в христианское государство. Впервые он отваживается заявить о том, что ненавидит иудаизм; вскоре он объяснит, почему… Покончив с иудейством, можно будет обрушить одновременно христианство и капитализм, основу которых составляет еврейство. Ведь поскольку основой всего является еврейское самосознание, избавившись от него, можно будет избавиться от вытекающего из него христианства и пришедшего на его плечах капитализма».

Думаю, в познавательном плане не принесет пользы осовременивание той научной картины мира, на которой строил свою концепцию Маркс. Аттали пишет: «Как много общего у теории естественного отбора (приводящей к мутации видов живых существ), теории классовой борьбы (приводящей к изменению социальной структуры общества) и еще одной великой теории XIX века — теории термодинамики (приводящей к изменению состояний материи)! Во всех трех говорится о ничтожных вариациях и мощных скачках; о времени, утекающем необратимо — к хаосу, как говорил Карно; к свободе, как говорит Маркс; к приспособлению наилучшим образом, как говорит

Дарвин. Приспособиться к хаосу свободы — вот что объединяет Карно, Маркса и Дарвина, трех гигантов этого века».

Здесь исторический материализм Маркса предстает почти как синергетика с ее бифуркациями, хаосом и аттракторами. Это для темы книги — не более чем смелая метафора, способная толкнуть поверившего в нее читателя на ошибочный путь. Исторический материализм Маркса имеет своим основанием механистический детерминизм, что и сделало его неадекватным с наступлением кризиса ньютоновской картины мира в начале XX века.

Маркс не принял второго начала термодинамики — взяв у Карно идею цикла идеальной тепловой машины для разработки концепции цикла воспроизводства, он, как и Карно, не включил в свою модель «топку и трубу». Он сознательно отказался связать свою политэкономию с экологией, что предлагал ему С. А. Подолинский. Механицизм исторического материализма затруднил для Маркса понимание политэкономии крестьянского двора, что в конце жизни его очень беспокоило. Аттали пишет: «Маркса всю жизнь будет преследовать крестьянский вопрос, столь важный из-за количества сельского населения и столь сложный для включения его в модель капитализма из-за крестьянского мировоззрения и самой природы сельского труда».

В этом — гносеологическая причина поразительно непримиримого конфликта Маркса с русскими народниками и отрицание будущей революции в России, образ которой он предвидел с удивительной прозорливостью. Для книги Аттали все это неважно, а для понимания роли Маркса в драме русских революций XX века имеет первостепенную важность.

Размышления Маркса в связи с Россией представлены в книге Аттали неполно (думается, и с точки зрения западного читателя). Эти размышления — важный этап в жизни самого Маркса, этап сомнений на пороге смерти. Его выбор сыграл большую роль в расколе марксистов тех стран, где произошли революции, — прежде всего в фатальном расколе русских социалистов, который толкнул к Гражданской войне.

Аттали вскользь касается последней стадии конфликта Маркса с народниками, представив первую его стадию (конфликт с Бакуниным) как тривиальную интригу. Он пишет: «В важном, чрезвычайно обдуманном (сохранилось три черновика), письме, написанном в это время [1881 год] русской революционерке Вере Засулич, Маркс пришел-таки к выводу о возможности в России прийти к социализму, минуя стадию капитализма… Именно за это письмо — и только за это письмо — уцепятся те, кто вознамерится построить коммунизм „в одной отдельно взятой стране“ вместо капитализма, а не после него. Мы увидим, что два

года спустя Маркс внесет уточнение, как бы предвидя такое толкование: революция в России может иметь успех только в рамках мировой революции».

И фактологически, и тем более по сути представление Аттали ошибочно. На просьбу Засулич высказаться о судьбе русской крестьянской общины Маркс написал *четыре* (!) варианта ответного письма (не считая короткого предварительного ответа 8 марта 1881 года). Все они очень важны, в них отражены глубокие раздумья и сомнения Маркса и он действительно склоняется к признанию правоты народников. Три наброска — целые научные труды (первый составляет пятнадцать машинописных страниц).

Но дело в том, что *ни один* вариант ответа Маркс Вере Засулич не отослал! Слишком в большое противоречие с его теорией входили эти ответы. Они настолько противоречили доктрине Маркса, что он и сам не решился их обнародовать. Черновики этого письма были большевикам неизвестны и никакого влияния на «намерение построить коммунизм в одной отдельно взятой стране» оказать не могли. Тут Аттали дал маху — совсем не такие вещи определяли ход русской революции.

Какой же революции ожидал Маркс от России? Ограниченной революции «направленного действия» как средства ослабления, а лучше разрушения Российской империи, которая в глазах Маркса была «империей зла». Если взять всю совокупность суждений Маркса о русской революции, начиная со спора с Бакуниным, то его отношение к ней сводилось к следующему: он поддерживал революцию, не выходящую за рамки буржуазно-либеральных требований, свергающую царизм и уничтожающую Российскую империю; он категорически отвергал рабоче-крестьянскую народную революцию, укрепляющую Россию и открывающую простор для ее модернизации на собственных цивилизационных основаниях, без механического повторения пройденного Западом пути. Грубо говоря, взглядам Маркса отвечала Февральская революция 1917 года и противоречила Октябрьская.

Книга Жака Аттали, будучи интересной, талантливо написанной биографией Маркса, есть в то же время крайне своевременный шаг к спокойному и серьезному разговору о влиянии идей Маркса на ход исторического развития в XX веке и сегодня. Надо надеяться, что она побудит нас сделать и следующие шаги вперед.

Сергей Кара-Мурза, профессор, член Союза писателей России.

ВСТУПЛЕНИЕ

Ни один писатель не имел бóльшей аудитории, ни один революционер не вселил бóльших надежд, ни один идеолог не спровоцировал бóльшего количества толкований, и, если не считать основателей некоторых религий, ни один человек не оказал на мир бóльшего влияния, чем Карл Маркс в XX веке.

Однако перед самым наступлением нынешнего, XXI, столетия теории и мировоззрение Маркса были повсеместно отвергнуты; политическую практику, выстроенную вокруг его имени, отправили на задворки истории. Сегодня почти никто больше его не изучает и считается хорошим тоном утверждать, что он заблуждался, считая капитализм загнивающим, а социализм — неизбежным. Многие считают его главным виновником ряда величайших трагедий и одновременно самых чудовищных режимов, отметивших собой конец минувшего тысячелетия.

Но если вчитаться в его произведения, становится очевидным, что он задолго до всех прочих разглядел в капитализме освобождение от прежних оков. Выясняется, что он никогда и не мечтал об агонии капитализма и не мог даже предполагать, что социализм возможен в одной отдельно взятой стране. Напротив, он отстаивал свободную торговлю, приветствовал глобализацию и предвидел, что если революция и произойдет, то лишь как выход за рамки капитализма, утвердившегося повсеместно.

Пересматривая его биографию, осознаешь и острую драматичность судьбы этой необычайной личности, исполненной противоречий. Она достойна внимания, во-первых, потому, что век Маркса удивительно похож на наш. Как и сегодня, в мире тогда демографически господствовала Азия, а экономически — англосаксонский мир. Как и сегодня, демократия и рынок пытались завоевать планету. Как и сегодня, новые технологии производили переворот в производстве энергоносителей и потреблении энергии, в сферах коммуникации, искусства, идеологии и предвещали существенное сокращение трудозатрат. Как и сегодня, никто не знал, стоят ли рынки на пороге беспрецедентного подъема или находятся на пике своего развития и готовы к спаду. Как и сегодня, между богатыми и бедными существовал значительный разрыв. Как и сегодня, группы влияния неистово, порой даже отчаянно противились глобализации рынков, росту демократии и секуляризации. Как и сегодня, люди мечтали о лучшей жизни, о братстве, которое освободит людей от нищеты, притеснений и страданий. Как и

сегодня, многие писатели и политики оспаривали друг у друга честь открытия единственного пути к такой жизни, чтобы вести по нему людей — силой или добровольно. Как и сегодня, смелые мужчины и женщины, в особенности журналисты, умирали за свободу слова, печати, мысли. Наконец, как и сегодня, капитализм царствовал безраздельно, оказывая воздействие на рынок труда и переустраивая весь мир по образцу европейских стран.

Во-вторых, деятельность Маркса стала нашим «сегодня»: в рамках основанной им организации — Интернационала — зародилась социал-демократия; а на основе искажения его идеалов взросли некоторые из худших диктатур минувшего века, воздействие которых в полной мере ощутили на себе несколько континентов. Именно благодаря социологической науке, одним из столпов которой он, несомненно, является, сформировалась та концепция, которая обусловила нынешнее соотношение Государства и Истории. Именно благодаря публицистике, блестящие образцы которой он дал, излагая свои теории, мир постоянно познает себя, а потому преобразуется.

Наконец, в нем сошлось воедино всё то, что составляет сущность современного западного человека. Основатель политэкономии почерпнул в иудаизме мысль о том, что бедность нестерпима, а жизнь может иметь ценность только в том случае, если она призвана улучшить удел человечества. Вместе с христианством он принял мечту о будущем всеобщем освобождении, когда люди возлюбят друг друга. Он почерпнул в эпохе Возрождения стремление к рациональному осмыслению мира. Впитал в себя немецкую уверенность в том, что философия — первейшая из наук, а государство — грозное сердце всякой исторической эпохи. Взял у французских революционеров идею освобождения народов и способ ее осуществления. Заразился от Англии пристрастием к демократии, эмпиризму и политэкономии. Наконец, унаследовал от Европы стремление к свободе и глобализму.

Благодаря этому наследству, которое он поочередно принимал и отвергал, он сделался поборником политической силы и защитником слабых. Даже если многие философы до него дали целостное осмысление человека, он первым охватил разумом мир как единство одновременно политическое, экономическое, научное и философское. Вслед за Гегелем, своим главным учителем, он намеревался дать глобальное прочтение истории, однако, в отличие от Гегеля, рассматривал действительность только в обществе людей, а не в царстве духа, и совершенство видел не в настоящем, а в будущем. Проявив

невероятную ненасытность к знаниям во всех областях, на всех языках, он всеми силами старался охватить мир во всей его целостности, найти все движущие силы, ведущие человека к свободе. Его по праву можно назвать «мировым духом»[2].

В целом необычайная судьба этого изгоя, основателя единственной за последние века новой религии, помогает понять, что наше настоящее было воздвигнуто такими вот редчайшими людьми, которые предпочли удел обездоленных отщепенцев, чтобы сохранить свое право мечтать о лучшем мире, в то время как им были открыты все дороги «во власть». Мы перед ними в долгу. В то же время участь его трудов показывает, как, стремясь к самой лучшей мечте, можно стать основоположником самого худшего варварства.

Я говорю это без пафоса и без упрека. Я никогда не был и не являюсь «марксистом» ни в одном из смыслов этого слова. Труды Маркса не окружали меня в юности; как невероятно это ни звучит, я даже почти не слышал его имени, обучаясь естественным наукам, праву, экономике или истории. Впервые я серьезно соприкоснулся с ним, запоздало читая его книги и переписываясь с Луи Альтюссером[3], автором книги «За Маркса». С тех пор я не расставался с предметом своего исследования, все больше и больше проникаясь его творчеством. Маркс обворожил меня четкостью своей мысли, силой своей диалектики, мощью своих рассуждений, прозрачностью своего анализа, беспощадностью своей критики, остроумием своих выпадов, ясностью своих концепций. В процессе изысканий я все чаще и чаще испытывал потребность узнать его мнение о рынке, о ценах, о производстве, о торговле, о власти, о несправедливости, о притеснении, о товаре, об антропологии, о музыке, о времени, о медицине, о физике, о собственности, об иудаизме и об истории. Сегодня, хотя я в полной мере осознаю его неоднозначность и почти никогда не разделяю выводов его эпигонов, нет такой темы, в которую я бы углубился, не спросив себя предварительно, что об этом думал он, и не испытав огромного удовлетворения, найдя его высказывания на эти темы.

Об этом величайшем уме были написаны десятки тысяч исследований, десятки биографий — всегда либо хвалебных, либо враждебных и почти никогда — объективных. Нет ни одной написанной им строчки, на которую человечество не откликнулось бы сотнями страниц яростных или восторженных комментариев. Одни пытались выставить его политическим авантюристом, финансовым карьеристом, семейным тираном и социальным паразитом. Другие разглядели в нем пророка, инопланетянина, первого из великих экономистов, отца

общественных наук, новой истории, антропологии и даже психоанализа. Наконец, третьи дошли до того, что увидели в нем последнего христианского философа. Сегодня, когда коммунизм, похоже, навсегда стерт с лица земли, а идеи Маркса уже не являются ставкой в борьбе за власть, становится, наконец, возможно поговорить о нем спокойно, серьезно и, стало быть, объективно.

Настал момент рассказать без уловок, современным языком, о его невероятной судьбе и его исключительном интеллектуальном и политическом пути. Понять, как он смог, не достигнув тридцати лет, создать самое читаемое политическое произведение за всю историю человечества; обнажить неординарное отношение к деньгам, труду, женщинам; явить миру исключительного памфлетиста, каковым Маркс, собственно, и был. А заодно дать новую трактовку XIX веку (прямыми наследниками которого мы являемся), состоящему из насилия и борьбы, бедствий и избиений, диктатуры и угнетения, нищеты и эпидемий, веку, столь чуждому блеску романтизма, аппетитности буржуазного романа, позолоте театра «Опера» и декорациям «прекрасной эпохи».

Глава первая
НЕМЕЦКИЙ ФИЛОСОФ (1818–1843)

Углубляясь в родословную Карла Маркса, как по отцовской, так и по материнской линии, мы встречаем там раввинов. В начале XV века некто Галеви Минц покинул Германию, спасаясь от преследований. Его сын Авраам Галеви Минц, родившийся около 1408 года, стал раввином в Падуе. Среди его потомков были Меир Каценеленбоген, ректор талмудического университета в Падуе, умерший в 1565 году, и Иосиф бен Гершон га-Коэн, скончавшийся в 1591 году в Кракове. В начале XVII века это семейство под фамилией Минц вернулось на землю своих предков и обосновалось в Трире, в Рейнской области.

Трир был тогда маленьким городком, самым древним в Германии. Он был основан императором Августом на стыке будущих немецкой и французской культур. Изначально это была резиденция императора и одна из четырех столиц Римской империи при Диоклетиане, затем город отошел к королевству франков по Верденскому договору 843 года, потом снова стал германским и остался католическим, в то время когда многие немецкие государства были обращены в протестантство Лютером и его последователями.

Поселившись в Трире в XVII веке, семейство Минц там и осталось. Мальчики становились раввинами — эстафета передавалась от отца к сыну; девочки выходили замуж за раввинов, сыновья которых тоже становились раввинами — чаще всего в Трире и уж обязательно в Рейнской области. А поскольку прожить священством было нелегко, они были также портными, столярами или ростовщиками. В начале XVIII века в документах встречается некий Арон Львов, раввин из Трира, перебравшийся затем в Вестхоффен в Эльзасе. Его сын Йошуа Гершель Львов тоже стал раввином в Трире, а в 1733 году был назначен областным раввином в Ансбах. Его сын, Моисей Львов, сменил его в должности трирского раввина, а дочь Моисея Ева Львов вышла замуж за другого городского раввина, некоего Мордехая Маркса Леви, раввина с 1788 года, который сам был сыном городского раввина — Мейера Маркса Леви, приехавшего из Саарлуи — городка на реке Саар, где он носил имя Авраам Марк Галеви. Таким образом, превращение «Марка» в «Маркса» вызвано только опиской при составлении документов.

Трир был тогда настолько католическим, что, если верить побывавшему там Гёте, «внутри своих стен он загроможден —

нет, задавлен — церквями, часовнями, монастырями, коллегиями, владениями религиозных и рыцарских орденов или монашеских общин; снаружи его обступают — нет, осаждают — аббатства, религиозные учреждения, картезианские монастыри».

Область Трира в то время по-прежнему была предметом спора между Французским королевством и некоторыми немецкими государствами. Иудеев там было мало, они жили в крайней бедности; почти все профессии, включая земледелие, оказались для них под запретом. Многие отдавали деньги в рост — это было единственное ремесло, к которому у них имелся открытый доступ и которым они были вынуждены заниматься.

В то время как Франция уже была в то время по-настоящему единой, Священная Римская империя германской нации всё еще являла собой конфедерацию независимых княжеств, расчлененную соперничеством между двумя самыми сильными государствами — Пруссией и Австрией. Ни неграмотный народ, который никто не стремился просвещать, ни князья, озабоченные лишь сохранением своей династии, не интересовались национальной идеей. Только купцы, философы и некоторые поэты мечтали об объединении Германии.

Когда во Франции началась революция, Трир предоставил убежище аристократам — форпосту реакции, авангарду Кобленцской эмиграции. Армия принца Конде соединилась там с белыми батальонами; эмигранты плели бесчисленные заговоры. Однако в 1794 году армии Конвента, молниеносной контратакой разбившие роялистские войска, встретили в городе восторженный прием. Молодежь, покоренная идеалами демократии, плясала вокруг дерева Свободы. Трир стал центром французского Саарского департамента, из Парижа прибыли чиновники, чтобы им управлять, нотабли создали клуб якобинцев.

Местных евреев было тогда около трехсот. С приходом французов у них появилась надежда получить политические свободы, которыми их французские соплеменники пользовались со времен Учредительного собрания. В 1801 году Франция подтвердила свою власть над городом, когда Австрия уступила Первому консулу Бонапарту левобережье Рейна. Немецкие княжества рушились одно за другим под напором наполеоновской армии. В 1806 году, победив и оккупировав как Пруссию, так и Австрию, Наполеон расформировал Священную Римскую империю.

Пока происходили все эти события, один из двух сыновей Мордехая Маркса Леви, Самуил, собирался сменить отца в должности трирского раввина. Мейер Маркс умер в 1798 году. Второй сын Мордехая, Гершель, родившийся в 1777 году (его отец

был тогда раввином в Саарлуи), вовсе не стремился принять этот сан, поскольку был очень далек от религии. Французская революция оказала сильное влияние на этого юношу. В 1799 году, с трудом получив согласие отца, он одним из первых евреев Рейнской области уехал изучать право на французском языке в Страсбургском университете и там проникся духом революции. Он хотел стать адвокатом, в частности, чтобы защищать евреев от всяческих нападок.

Все евреи наполеоновской империи, включая жителей Трира, должны были избрать делегатов ассамблеи, созванной в Париже 26 июля 1806 года министром исповеданий Порталисом, чтобы определить статус евреев и отношение еврейского культа к государству. Еще обучаясь в Страсбурге, Гершель Маркс Леви был, как и большинство его единоверцев, безграничным почитателем Наполеона. Тогда же, в сентябре 1806 года, австрийский посол в Париже Меттерних писал министру иностранных дел в Вене графу Штадиону: «Все евреи видят в Наполеоне Мессию».

В 1807 году, пока в Париже Давид заканчивал «Коронацию Наполеона», а в Берлине Гегель готовил к печати «Феноменологию духа», в Рейнской области был введен французский Гражданский кодекс. После целого года дискуссий 17 марта и 20 июля 1808 года были опубликованы документы о статусе иудеев: компетенция суда раввинов была ограничена религиозными вопросами, иудеи стали такими же гражданами, как и все прочие: они должны были носить фамилию, могли покупать земли, свободно вступать в брак, а главное (величайшая вольность, касающаяся Гершеля в первую голову) — заниматься любым ремеслом по своему выбору. Но им было запрещено покидать страну, в которой они жили, а иноземным иудеям запрещалось селиться на территории империи, разве что в случае приобретения там поместья или для работы в нем. Говоря точнее, ни один иудей, не проживающий в Верхне- или Нижне-Рейнской областях, не мог там поселиться, поскольку их и так было слишком много. Зато — катастрофа для трирских евреев! — ростовщичество, единственное ремесло, позволявшее им выходить за пределы своей общины, оказалось под запретом: отныне эта деятельность была закреплена за банками. Иначе говоря, Гершель мог заниматься всем, чем хочет, но только в Трире, и больше нигде. Гершель Маркс Леви также отметил, что, запретив евреям давать деньги в рост, а значит, лишив их привычных средств к существованию, власти рискуют пробудить в них дух реваншизма и недоверие в отношении своих новых гражданских прав.

Кое-кто из рейнских раввинов, в том числе Мордехай Маркс Леви с сыном Самуилом, попытался помешать членам своей общины передавать спорные вопросы на рассмотрение имперских судов. Все тщетно: возможность выбирать профессию и учиться в университетах, общение с христианами перетряхнули все правила и привычки. Увлеченные новой эрой, очарованные наукой, демократией, философией и свободой, молодые люди больше всего боялись поражения Империи, которое лишило бы их только что обретенных прав.

У Гершеля Маркса Леви появилась надежда заняться ремеслом, о котором он мечтал. Вероятно, он стал атеистом и не скрывал этого. Во всяком случае, он слыл знатоком Гражданского кодекса Наполеона, который понемногу в полном объеме вступил в действие в Рейнской области, как и во всей Империи. В 1810 году (Гершелю тогда было тридцать три года) он, наконец, явился адвокатом в Трир, где его брат Самуил стал раввином после смерти их отца Мордехая. Гершель стал первым евреем-юристом, поселившимся в этом городе. Были другие — в Кёльне, главном городе Рейнской области, где евреи были многочисленнее, богаче и где к ним относились терпимее, чем в Трире. Рейнские евреи тоже начали заниматься новыми профессиями: они становились журналистами, чиновниками, офицерами, инженерами, химиками, промышленниками, художниками, музыкантами, романистами или поэтами. Чем новее ремесло, тем оно привлекательнее, и тем больше вероятности, что никакая власть, никакая каста еще не успела закрыть к нему доступ. Некоторым, несмотря на запреты, удалось уехать из Рейнской области в Париж, где эти новые профессии были еще доступнее.

В ноябре 1812 года, когда наполеоновская армия тонула в Березине, народы Империи уже громко роптали против налогового бремени и воинской повинности. Крестьяне с Мозеля и сыновья трирских ремесленников, как и многие другие, в большом количестве гибли в составе имперских войск. Пламя революции угасало, бонапартистский дух ослаб, безразличие сменилось враждебностью. Евреи же оставались одной из последних опор Империи, и порой их даже обвиняли в шпионаже в пользу Наполеона. Фактически некоторые из них прикрывали беспорядочное бегство императора и его войск, отступавших из России.

И у них были на то причины: падение Наполеона возвращало иудеев всей Европы в прежние времена. Пока еще прусский король Фридрих Вильгельм III сохранял в силе положение, по которому евреи, проживающие в его стране, были обязаны обратиться в христианство, чтобы заниматься свободной

профессией или исполнять государственную должность. Что касается прусского декрета, который отменил некоторое количество дискриминационных положений, открыв иудеям, в частности, доступ в школы и университеты, то он так и не вступил в силу. То же самое было в Австрии, а в России ограничения для лиц иудейского вероисповедания были еще строже.

Двадцать второго ноября 1814 года, когда Наполеон находился в изгнании на острове Эльба и Венский конгресс был уже открыт, адвокат Гершель Маркс Леви, которому тогда было тридцать семь лет, сочетался браком в синагоге Трира, еще находившегося под французской властью, с двадцатишестилетней голландской еврейкой Генриеттой Прессбург. Она была из семьи венгерского происхождения, уже давно обосновавшейся в Соединенных провинциях, где после ухода испанцев евреи пользовались религиозной и экономической свободой, не имевшей аналога в Европе. Ее дед по материнской линии был раввином в Нимвегене; отец вел там процветающую торговлю; одна из сестер вышла замуж за еврея-банкира из того же города Лиона Филипса — предка основателя знаменитой компании «Филипс». Генриетта умела читать и писать по-голландски, что в те времена было необычно для женщины; она плохо владела немецким, который выучила, отталкиваясь от идиша, — на нем она тоже говорила, как и все евреи с Востока. На свадьбу Генриетта получила приданое в 4536 талеров — это было приличное жалованье за пятнадцать лет. Молодожены поселились в Трире в красивом доме по адресу Брюккенштрассе, 664 (сегодня это дом 10 по той же улице).

В январе 1815 года все 11 тысяч жителей Трира, в свое время бурно рукоплескавшие приходу французов, встречали союзников как освободителей. Город отошел к Пруссии. Больше всех повезло трем сотням городских лютеран, которые исповедовали ту же религию, что и новый господин. Пруссаки вели себя осмотрительно. В Рейнскую область послали высокопоставленных чиновников, дав им напутствие управлять с соблюдением местных традиций. В результате конфискация церковного имущества не подверглась пересмотру; кодекс Наполеона остался в силе; слушания в судах по-прежнему были открытыми и гласными. В июне 1815 года, по завершении Венского конгресса, победители создали не национальное государство, как ожидалось, а Германскую конфедерацию — аморфный союз княжеств, пришедший на смену почившей в бозе Священной Римской империи. Единственным общим органом был лишенный всяких полномочий Союзный сейм, заседавший во Франкфурте-

на-Майне под председательством австрийских представителей, уполномоченных тридцатью девятью князьями и правителями сотен мелких немецких государств.

Священный союз повсюду отменял положения, касающиеся эмансипации иудеев: во Флоренции и Франкфурте их вновь заперли в гетто, в Рейнской области, снова ставшей прусской, им было запрещено покупать земли, свободно вступать в брак, менять место жительства, заниматься ремеслом по своему выбору. Те редкие иудеи, которые заняли при французах официальные должности, должны были оставить государственную службу. В Трире эта мера ударила по трем евреям, в том числе по Гершелю Марксу Леви.

Новоиспеченный адвокат был к этому готов: как только Французская империя зашаталась, он уже знал, что иллюзии скоро развеются и он лишится с трудом завоеванного права заниматься единственным делом, которое знал и любил. Он не мог этого допустить, искал поддержки, хотел добиться для себя исключения из правил, стучался во все двери. После Ватерлоо, в конце июня 1815 года, Гершель Маркс обратился в комиссию, которой пруссаки поручили организовать в Трире передачу власти от старых хозяев новым. В докладной записке он объяснял, что является лояльным гражданином и будет всецело предан королю; говорил о том, что верит в дух справедливости Пруссии, и просил сделать для него исключение. Председатель комиссии передал его прошение в Берлин и посоветовал оккупационным властям удовлетворить просьбу, представив Гершеля «очень образованным человеком, исполненным усердия и совершенно лояльным». Ответ долго не приходил, затем грянул, как гром среди ясного неба: отказ. Никаких послаблений! Все иудеи всех немецких провинций должны быть отстранены от свободных профессий.

Как и всем прочим евреям бывшей Французской империи, Гершелю Марксу Леви пришлось делать выбор между профессией и конфессией. Многие из рейнских евреев, столкнувшись с той же дилеммой, предпочли сменить веру. Гершель колебался: он не так давно женился, жена только что родила дочку и уже снова ждет ребенка. Он не видит для себя возможности заниматься иной профессией из тех, что разрешены иудеям. Хотя, казалось бы, проблем нет — достаточно сменить религию и все пути открыты. Тем более что в сердце Гершеля нет особой привязанности к иудаизму. Он верит, но не в иудейского Бога со всеми его особенностями, а в абстрактное Божество, которое говорит скорее с учеными, чем со священниками. С некоторых пор он лишь эпизодически появляется на службах своего брата в синагоге,

считая проводимый там ритуал архаичным. Ему ближе позиция иудеев из Гамбурга, читающих молитвы по-немецки и уже не заводящих речи ни о возвращении в Сион, ни о приходе Мессии, ни о восстановлении Храма. Даже еженедельная служба у них ведется не по субботам, а по воскресеньям. Его брат, городской раввин, умолял его не предавать их народ, не причинять такого горя их больной матери.

Гершель поколебался, а потом принял решение: он не отречется от веры своих предков. Он вышел в отставку и жил на помощь от своей семьи. Его друзья-христиане продолжали с ним общаться. Он всё еще надеялся, интриговал, суетился. Познакомился с новыми чиновниками, прибывшими из Берлина для организации передачи власти; старший из них, барон Людвиг фон Вестфален, попытался ему помочь — всё тщетно. Этот барон был нетипичным аристократом: его отец служил адъютантом герцога Брауншвейгского в Семилетнюю войну, а вторая жена была дочерью шотландского пастора из знатного рода Аргайлов. Образованный, но не имеющий личного состояния, этот отец семерых детей от двух браков получал самое высокое жалованье в городе: 1800 талеров в год.

Материальное положение Гершеля пошатнулось. Его дочка умерла как раз перед рождением своей сестренки Софии, 13 ноября 1816 года, то есть через несколько недель после первого заседания Союзного сейма во Франкфурте. Какое-то время он подумывал уехать во Францию, где евреи хотя бы внешне сохраняли свои права, но ему не позволили. Он не видел возможности заниматься своим ремеслом, но и не представлял, как сможет уехать из этого города, с которым его связывало столько уз. С другой стороны, не мог же он бесконечно находиться на содержании у семьи!

На следующий год после смерти матери Гершель не выдержал. Он отрекся от иудаизма и сменил имя Гершель Маркс Леви на Генрих Маркс. Однако не порвал со своей общиной, в особенности с братом. Чтобы показать ему, что его обращение носит чисто тактический и, возможно, временный характер, он перешел не в католичество, главенствующую религию в городе, а в лютеранство — религию берлинских господ, которую исповедовали только 300 человек из 11400 жителей, то есть лютеран было не больше, чем евреев. Гершель снова сделался адвокатом. Всю свою жизнь он будет защищать рейнских евреев и протестовать против несправедливости, жертвой которой считал как самого себя, так и всех остальных немецких евреев.

Первый его сын родился в Трире 5 мая 1818 года. Его не обрезали, но и не крестили по лютеранскому обряду. При этом он

получил по еврейской традиции имена отца и деда, бывшего городского раввина. Полностью его звали Карл Генрих Мордехай, но в истории осталось сокращенное имя — Карл Маркс.

В тот год Шопенгауэр опубликовал «Мир как воля и представление», а Мэри Шелли — своего «Франкенштейна», который двадцать пять лет спустя произвел сильное впечатление на молодого Карла. В том году канцлер Гарденберг, стоявший во главе правительства, реорганизовал Пруссию, разделив ее на восемь провинций, и установил новые таможенные тарифы, позволившие виноградарству процветать в Рейнской области. С другой стороны, Берлин поощрял интерес к прошлому и выделил крупные субсидии на археологические раскопки, которыми занимались в свободное время жители Трира — врачи, адвокаты и учителя: это не давало им полностью отдаваться борьбе за гражданские свободы. Эта борьба продолжалась в других местах: в следующем году состоялся первый переход через Атлантику парового судна «Саванна», занявший двадцать восемь дней, а под Манчестером прошла демонстрация за реформы и гражданские права, собравшая 60 тысяч участников; при ее разгоне шесть человек погибли.

Гершель стал процветающим адвокатом; в его семью вернулся достаток, и в октябре она переехала в удобный дом по адресу Симеонштрассе, 1070 (сегодня дом 8), у ворот Порта-Нигра. В 1820 году (когда вышел роман «Айвенго» Вальтера Скотта — одна из любимых книг Карла) родилась третья девочка — Генриетта. Тогда же Генрих Маркс стал адвокатом апелляционного суда, только что учрежденного в Трире. Принимая близко к сердцу общественные интересы, страстный поборник демократии в Германии, где полиция была вездесуща, а любое неосторожное слово могло стать приговором, Генрих с несколькими друзьями (среди них был Гуго Витгенбах, учитель философии, директор гимназии имени Фридриха Вильгельма Трирского) основали клуб «Казино» — кружок, где собиралась просвещенная городская буржуазия. Там Маркс сошелся с бароном Людвигом фон Вестфаленом и с самыми крупными купцами-католиками в городе. Все они стали его клиентами. Осторожно рассуждали о философии, литературе и даже политике. Говорили об изготовлении первой термоэлектрической батареи немецким физиком Томасом Зеебеком, а в следующем, 1821 году — о создании в Манчестере первого завода непромокаемых тканей неким Макинтошем.

В семье появились на свет еще двое детей: мальчик Герман в 1821 году и девочка Эмилия в 1822-м. На следующий год Генрих вел в клубе «Казино» беседы о мощном общественном движении в

Англии, которое только что добилось принятия закона, разрешающего создание союзов или коалиций трудящихся и проведение забастовок.

Два года спустя (в 1824 году, когда в Лондоне был изготовлен первый электромотор) Генрих, несмотря на возражения своей жены, решился на непростой шаг — окрестить всех четырех детей в городском лютеранском храме. Разрыв с иудаизмом отныне стал полным: Генрих уже не верил в возможность возвращения к религии предков ни для себя самого, ни для своих детей. Он полагал, что абсолютизм установился надолго.

Страстно увлекаясь литературой, философией, наукой, он старался воспользоваться редкими просветами свободы, когда те возникали перед ним. В 1825 году он пришел в восторг, узнав о сооружении в Англии первой железной дороги. В своем клубе он оживленно обсуждал создание под Нью-Йорком первой так называемой «социалистической» общины (это слово было выдумано тремя годами раньше неким Эдвардом Оппеном в письме Роберту Оуэну, основателю этой самой общины). Родившийся в Уэльсе Оуэн, уехав в 1824 году в США, приобрел имение «Гармония» и создал в нем коммуну, основанную на принципах равенства и автономии, под названием «Новая Гармония».

Генрих также вел споры о творчестве французского графа Анри де Сен-Симона, который умер в том же 1825 году. Отец будущего великого экономиста находился под обаянием теории «общественных классов», противопоставляющей большинству эксплуатируемых трудящихся меньшинство эксплуататоров — праздных людей, собственников-рантье и вообще всех, кто ничего не делает. Он восхищался идеей Сен-Симона о «Совете просветителей», состоящем из ученых, художников, мастеров и глав предприятий. Он даже говорил об этом с сыном Карлом, которому тогда было семь лет, но отец уже тогда держался с ним как со взрослым, будучи сильно к нему привязан. Карл казался наделенным исключительным интеллектом; это поражало и его сестер, которые впоследствии скажут, что восхищались его талантом рассказчика. Дочь Карла Элеонора потом будет рассказывать, что ее тетки описывали Карла в детстве настоящим тираном, который заставлял их сбегать с холма Маркусберг, сидя на них верхом, и есть «пирожки», слепленные им грязными руками из соответствующего теста, и они вынуждены были подчиняться — так им хотелось послушать те истории, что он им рассказывал. Обладавший неброской внешностью, матово-бледным цветом лица и довольно хрупким здоровьем, Карл нежно

любил свою мать. Зажиточная дружная семья пока что вела спокойную жизнь без особых происшествий…

В 1826 году во всей Европе разразился серьезный финансовый кризис, вызванный сельскохозяйственным перепроизводством. В ту же эпоху Нисефор Ньепс сделал первую в мире фотографию — вид своего родного дома. Жизнь в Трире чинно текла день за днем. Марксы и Вестфалены ходили друг к другу в гости. Женни фон Вестфален, дочь барона, стала подругой Софии Маркс. Брат Софии Карл учился в одном классе с братом Женни Эдгаром. Карлу было восемь лет, Женни — двенадцать.

В 1827 году, через месяц после смерти Бетховена и за год до смерти Гойи, Генрих рукоплескал открытию первой линии французской железной дороги между Сент-Этьеном и Андрезье[4]. В том же году скончался Самуил Маркс Леви, трирский раввин, брат Генриха и дядя Карла. Впервые за несколько веков городской раввин уже не будет членом их семьи. Генрих теперь — открытый деист, отступник в глазах правоверных иудеев.

В следующем году в клубе «Казино» велись споры об отмене рабства в штате Нью-Йорк и о развале американской социалистической коммуны Оуэна из-за внутренних противоречий. Генрих, восхищавшийся Францией и следивший за всем, что в ней происходит, возрадовался ее возвращению на международную арену: при Карле X десять французских военных кораблей пересекли Средиземное море, чтобы поддержать восставших греков; в союзе с Англией и Россией Франция одержала победу над османским флотом в морском сражении при Наварине.

В 1829 году Генрих приветствовал изготовление Джорджем Стефенсоном «Ракеты» — локомотива, одержавшего победу в Рэйнхильских испытаниях и успешно прокатившего пассажиров. Как и все члены клуба «Казино», Генрих догадывался, что железные дороги произведут революцию в Европе. Он увлеченно выискивал малейшие факты, свидетельствующие о том, что ветер свободы вновь подул над континентом: рукоплескал созданию рабочими фарфорового завода в Лиможе первого общества взаимопомощи и с радостью узнал об основании (которое должно было остаться тайным) Огюстом Бланки и Эженом Кавеньяком «Общества друзей народа», осмелившегося бороться за установление республики. В том же году вышел роман «Шуаны» — первый успех Оноре де Бальзака, который впоследствии станет любимым французским писателем Карла: тот даже захочет написать о нем книгу.

В июле 1830 года, как и все либералы Европы, Генрих с

увлечением следил за трехдневной революцией, принудившей Карла X к отречению от престола и сделавшей Луи Филиппа Орлеанского «королем французов»[5]. В Европе началась перекройка границ: Бельгия отделилась от королевства Голландия, в Северной Италии, в Польше, в некоторых южногерманских государствах, даже в Кёльне вспыхнули восстания. Купец из Ахена, председатель торгового суда Ганземан, попросил Фридриха Вильгельма III установить в Германии гегемонию Пруссии и учредить парламент, в котором была бы представлена «самая активная часть нации»; он даже написал: «Уничтожим жалкие пережитки феодализма!» Как и многие трирские буржуа, Генрих Маркс уповал на то, что в Рейнской области пробил час буржуазной республики по голландскому образцу, и несколько неосторожно говорил об этом. В это же самое время он приветствовал открытие железной дороги Ливерпуль — Манчестер британским премьер-министром герцогом Веллингтоном: демократия, как он думал, способствовала экономическому прогрессу.

В тот год Карлу исполнилось двенадцать лет: в этом возрасте еврейские мальчики, его родня, готовились совершить бармицву[6]. Карл общался с городской еврейской общиной, но практически не вращался в этой среде со смерти дяди. Хотя он знал, что его отцу пришлось отречься от веры, чтобы не отказаться от своей профессии, а его мать, по-прежнему считая себя еврейкой, продолжала посещать службы в синагоге, он намеревался ассимилироваться. Карл читал на иврите, которому обучила его мать, но связывал иудаизм с образом еврея-ростовщика, обличаемого отцом, — здесь он явно шел по стопам родителей. Однако, не веря в Бога своей матери, он не слишком верил и в безличное божество своего отца. Зато он находился под обаянием семейства фон Вестфаленов — зажиточных аристократов, управлявших городом, не трудясь по-настоящему, и не считавших деньги предметом для разговора. Юный Эдгар фон Вестфален — его лучший друг; а Женни, четырьмя годами его старше, в его глазах — самая хорошенькая девушка в мире. Та нежно любит своего младшего брата, которого впоследствии будет называть «единственным и любимым братом, идеалом моего детства и юности, моим единственным и дорогим товарищем».

В 1830 году Трир испытал серьезный социальный кризис и попал в сложную экономическую ситуацию. Добрая часть городских доходов поступала с виноградников, и вдруг цены на вино обрушились, упав на 90 процентов по сравнению с ценами 1818 года. Генрих Маркс с головой ушел в борьбу с бедностью,

покупая доли участия в общественном складе продовольствия, учрежденном для продажи хлеба по сниженным ценам.

Карл тем временем поступил в гимназию Фридриха Вильгельма Трирского и открыл там для себя произведения Генриха Гейне — немецкого поэта, еврея-выкреста, который отправится в изгнание в Париж, — а также сочинения Гёте и Эсхила. Он тренировал свою исключительную память, выучивая наизусть стихи на языках, которых не знал.

Во Франции монархия снова пошатнулась под ударами экономического кризиса. Перед Пале-Роялем и Тюильри шествовала толпа, требуя «работы и хлеба»; в Лионе взбунтовались 40 тысяч ткачей: они стали зарабатывать в шесть раз меньше, чем при Империи. В том же 1831 году Виктор Гюго опубликовал «Собор Парижской Богоматери». В Виргинии вспыхнуло восстание рабов, а изобретение механической жатки американцем Мак-Кормиком возвещало переворот в мировом сельском хозяйстве. В Марселе бывший итальянский революционер в изгнании, Джузеппе Мадзини, основал тайное общество «Молодая Италия» и уехал в Лондон. Провалился заговор в Геттингене. В Берлине умер Гегель — титан философии, а имперские власти, самодержавные как никогда, отобрали кафедру у молодого философа из Эрлангена Людвига Фейербаха, посмевшего провозгласить в своих «Мыслях о смерти и бессмертии», что бессмертен только разум, а не душа.

Как и Франция, Германия сотрясалась от политических выступлений. 27 мая 1832 года более 20 тысяч человек устроили демонстрацию в Нейштадте, перед замком Хамбах, призывая к демократии и единению Германии. 28 июня прусский король официально запретил говорить в газетах о политике; только аугсбургская «Газетт», для которой делалось послабление, могла публиковать письма Гейне, Тьера или Мольтке. В Париже в серии статей, вышедших в «Трибюн», Дежарден впервые использовал термин «пролетариат» для обозначения рабочего класса. В том же году молодой пианист Фредерик Шопен, укрывшийся во Франции после польского восстания 1830 года, потряс Париж своим первым сольным концертом у Плейеля, а во французской столице свирепствовала эпидемия холеры, унесшая 18 тысяч жизней, в том числе и председателя правительства Казимира Перье.

В 1833 году адвокат Генрих Маркс получил титул советника юстиции и стал председателем коллегии адвокатов Трира. Благодаря успехам в своей деятельности он смог приобрести два небольших виноградника на Мозеле, став одним из самых богатых жителей города. Личное состояние его жены оценивалось в 11136 талеров.

Карлу было тогда пятнадцать. Он по-прежнему много говорил с отцом о Франции, иудаизме, Боге, морали, свободе. Но появился и другой собеседник — барон фон Вестфален, который проникся симпатией к этому юноше. Они говорили о Шекспире, Гомере, Сервантесе, недавно ушедшем Гёте и графе де Сен-Симоне, который оставил после своей смерти в 1825 году глубокий след в памяти европейской интеллигенции. София, старшая сестра Карла, по-прежнему была лучшей подругой Женни — «самой лучшей партии в Трире»; девушку покорили дерзость и ум мальчишки, бывшего четырьмя годами младше ее.

Первого января 1834 года вступил в силу Германский таможенный союз, созданный по инициативе Пруссии, что свидетельствовало об осознании общности экономических интересов тридцати девяти немецких государств, соединенных в конфедерацию. В некоторых из них, в том числе в Рейнской провинции, либерализация экономики сопровождалась робкой либерализацией политики: там избрали парламентские ассамблеи, наделенные незначительными полномочиями. Празднуя избрание нескольких депутатов-либералов в рейнскую ассамблею, Генрих Маркс на ужине в клубе «Казино» произнес саркастический тост в честь прусского короля. Об этом тотчас донесли в полицию, и за клубом учредили надзор, Генриха Маркса записали в «смутьяны», а его друга Виттенбаха, директора гимназии, передали под опеку заместителя, назначенного прусской администрацией.

Карл с отцом еще долго обсуждали эти меры, а также рабочие волнения во Франции: рабочие фарфоровой фабрики в Лиможе вновь прекратили работу в знак протеста против снижения заработной платы, а в те дни, когда Бальзак закончил и издал «Отца Горио», республиканские бунты привели к кровавой бойне. В поле особого внимания были отмена в Англии старого «закона о бедных» и открытие работных домов, куда отныне должны были принимать неимущих. Генрих встревожился и сделался осторожнее: в конце концов, он адвокат, а не политик.

После провала заговора «Общества защиты прав человека» в Гессене в 1834 году во французскую столицу потоком хлынули беженцы, присоединившиеся там к Людвигу Бёрне и Генриху Гейне. Гейне заявил, что поселился в Париже, «чтобы упражняться в своем искусстве в условиях свободы, которые ему необходимы». Пьер Леру впервые во французском языке использовал новое словечко «социализм», введя его в марте 1834 года в статью под названием «Об индивидуализме и социализме», опубликованную в «Ревю энсиклопедик». Леру определил социализм как «доктрину, которая не поступится ни одним из понятий в

формуле Свобода — Равенство — Братство».

В 1835 году Техас объявил о своей независимости от Мексики, Кольт изобрел барабанный револьвер, а Алексис де Токвиль опубликовал первую часть «Демократии в Америке». Линия железной дороги Сент-Этьен — Лион стала доступной для пассажиров, а соответствующий декрет положил начало строительству дороги Париж — Сен-Жермен-ан-Лэ. Карла завораживало развитие этой транспортной отрасли, и Женни, которой он только что признался в любви (ему уже семнадцать), подтрунивала над ним, прозвав его «Господин Железная дорога».

Первыми сохранившимися текстами Маркса являются три гимназических сочинения, написанные в том году. Одно из них — «Размышления молодого человека о выборе призвания» — проливает свет на то, по какому пути он пойдет. В сочинении он создает осязаемый автопортрет, вызывающий тем больший интерес, что Карл не анализирует в нем собственные заботы сквозь призму своих последующих взглядов на природу человеческого опыта. Маркс провозглашает, что молодой человек при выборе профессии должен «руководствоваться чувством долга, быть готов к самопожертвованию, заботиться о благе человечества и о нашем собственном совершенстве» и ошибочно полагать, будто эти группы интересов противостоят друг другу. Он связывает свою веру в прогресс человечества с целой серией тревог, касающихся его собственного будущего. «Неверный выбор профессии, — утверждает он, — может сделать человека несчастным на всю жизнь». Кроме того, в момент выбора каждый молодой человек подвергается разного рода принуждениям личного характера и в первую очередь социального порядка. «Наше физическое строение тоже ограничивает наши устремления», — с досадой признается Маркс. Таким образом, уже в семнадцать лет он обозначил существование конфликта между «идеальными» и «материальными» установлениями человеческой жизни.

В октябре того же 1835 года, завершив более чем приличное среднее образование (он выучил латынь, греческий, французский и немного древнееврейский), Карл по совету отца отправился в Бонн изучать право. Это был естественный выбор: Боннский университет находился ближе всего, он был основан в 1786 году, и там училось примерно 700 студентов. И совершенно естественно, что Генрих предназначил своему сыну карьеру адвоката или профессора права. Некоторые биографы утверждают, будто Карла отправили в Бонн, чтобы удалить от Женни. Ничего подобного: обе матери, конечно, беспокоились по поводу их взаимного влечения, но никто ни разу не обронил

словечко «мезальянс», разве что Фердинанд, сводный брат Женни, который жил далеко от Трира и ненавидел Марксов с тех пор, как узнал, что его отец водится с крещеными евреями.

В Бонне, куда Карл приехал в октябре 1835 года, студенческая жизнь была хорошо организована и относительно более свободна, чем в других городах Германии. Чтобы включиться в нее, новые студенты должны были примкнуть к одной из многочисленных ассоциаций, формировавших структуру университетской жизни. Ассоциации были трех типов: в *Korps* входили молодые люди одинакового социального происхождения (например, *Borussia Korps* объединял отпрысков прусской аристократии); *Landsmannschaften* были землячествами (так, в *Treviraner Klub* собирались уроженцы Трира), а *Burschenschaften* — политизированными ассоциациями, находившимися под строжайшим надзором. Показательный факт: Карл не записался сразу же в политический кружок, а вступил в *Treviraner Klub,* в котором было тогда больше тридцати человек. Из семи трирцев, поступивших в том году в Боннский университет, четверо собирались изучать право, и все вступили в землячество.

Карл выделялся работоспособностью и личным обаянием. Он холил свою пышную черную шевелюру и уже отпустил бородку. Среднего роста и заурядного телосложения, он слегка пришепетывал и говорил с ярко выраженным рейнским акцентом. Что бы он ни делал — всё через край: работа, бессонные ночи, словесные стычки, драки… и выпивка. Он ходил по барам, танцзалам и всюду дрался. Он даже купил себе пистолет для защиты от соперников. У него не было других средств к существованию, кроме тех, что присылал ему отец и что он тратил без счета на выпивку, еду, квартиру, книги. За несколько месяцев он оброс долгами на кругленькую сумму в 160 талеров, которые пришлось уплатить его сильно негодующему отцу. Так начались в высшей степени сложные отношения Карла с деньгами, состоящие из смеси поклонения и ненависти, которые вскоре доведут его до настоящей болезни. Так началось и его вовлечение в трудовую деятельность — по принуждению, чтобы заработать на жизнь. Это был наемный, эксплуатируемый труд, включающий даже, как мы увидим, насильственное присвоение плодов этого труда.

Зимой и весной 1836 года Карл изучал право в Бонне, а в это время в Англии была создана Лондонская ассоциация рабочих, выразившая в своем программном документе[7] требования всеобщего избирательного права для мужчин, отмену имуществ и ценза. Во Франции братья Шнейдер приобрели металлургические заводы в Крезо, Эмиль де Жирарден начал издавать газету

«Пресса», шло строительство железной дороги Париж — Сен-Жермен[8]. Немецкий рабочий-портной Вильгельм Вейтлинг основал в Париже «Союз справедливых»[9]. Карл много трудился: он слушал лекции по праву, прослушал курс латинской литературы по Проперцию[10] и открыл для себя философию. Это стало откровением — вот его область, здесь ему вольготно, и он больше никогда ее не покинет.

Прежде всего он открыл для себя Гегеля, безраздельно господствовавшего в немецкой философии того времени и утверждавшего, что миром правит Разум. По Гегелю, каждая эпоха в человеческой истории — логически обусловленный момент развития Духа. «Смерть, — прочел он в предисловии к «Феноменологии духа», — если мы так назовем… недействительность, есть самое ужасное, и для того, чтобы удержать мертвое, требуется величайшая сила». «Однако, — продолжает автор, — не та жизнь, которая страшится смерти и только бережет себя от разрушения, а та, которая претерпевает ее и в ней сохраняется, есть жизнь духа». Гегель добавляет: нужно обладать взором Разума, проникающим сквозь поверхность вещей и пронзающим пеструю видимость событий. Карл восхищен тем, что эта книга придает смысл Истории: влекомая прогрессом рациональности, морали и свободы, она движется к цели, которую Гегель называет «Богом», или «Идеей», или «абсолютным Духом», или «абсолютным Знанием» — к осуществлению права, к универсальности и торжеству свободы. По мнению философа, индивидуумы (индивидуальность — форма выражения свободы) состоят, даже не желая и в большинстве не ведая о том, на службе Истории, благодаря разуму, который с помощью всяческих уловок ставит страсти себе на службу. Роль Государства — действительности нравственной идеи, стоящей над Историей, — состоит в том, чтобы позволить каждому располагать тем, что необходимо для «достойной» жизни, и следить, чтобы никто не был этого лишен и никто этим не злоупотреблял, а также положить конец конфликтам. В конце Истории исчезнет «отчуждение» — для Гегеля это одновременно *Entfremdung* (отход от человеческой сущности) и *Entdusserung* (отступление от себя самого).

Встреча с Гегелем оставит неизгладимый след. Благодаря «Феноменологии духа» Карл открыл для себя значение мысли, которая превратится в его глазах в главное направление человеческой деятельности, более важное, чем стремление к Благу. Один из его зятьев, Поль Лафарг, впоследствии вспоминал: «Я часто слышал, как он повторял слова Гегеля, своего учителя философии времен юности: „Даже преступная мысль злодея

величественнее и важнее, чем чудеса небесные“». Знание предшествует этике. Социальный анализ должен быть в первую голову рациональным и объективным, а уж после — нравственным. Карл не забудет этого наставления.

В тот год он вел регулярную переписку с отцом и Женни. С первым говорил о юриспруденции, литературе, политике и даже философии; отец отвечал скупо, напирая на учебу и сокращение расходов. В своих письмах Генрих превозносил Канта и подчеркивал, что вера в Бога (Бога «Ньютона, Локка и Лейбница») — ценное и необходимое подспорье для ведения нравственной жизни. В послании 1836 года Генрих пишет сыну: «Если Господь пожелает, ты проживешь долгую жизнь для своего собственного блага, для блага твоей семьи и, если мои предчувствия верны, для блага всего человечества». Генриетта Маркс давала Карлу трогательные наставления, призывая сына «никогда не относиться к порядку и чистоплотности как к второстепенным вещам», ибо «от них зависят здоровье и счастье»; она беспокоилась о том, чтобы он не пил слишком много вина и кофе, не ел чересчур острой пищи, не курил, рано ложился и рано вставал, «берегся от простуды и не танцевал, пока совершенно не поправится».

С Женни он обменивался любовными письмами; девушка была влюблена, но благоразумна: она боялась, что страсть к ней Карла окажется мимолетной юношеской любовью. «Мужчина любит не один раз в жизни», — думала она. Почувствовав интерес Карла к Гегелю, Женни, не получившая глубокого образования, тоже принялась читать философов.

Карл вел настолько бурную жизнь, что в июне 1836 года его посадили на день под арест за пьянство и нарушение общественного спокойствия. Поскольку ему уже нравилось лидерствовать во всем, за что он ни брался, в июле он стал председателем Трирского клуба; на литографии того времени, изображающей членов землячества пирующими в харчевне «Белая лошадь», Карла легко узнать: он взирает на происходящее с достоинством, как и полагается председателю клуба. В августе 1836 года, когда он заканчивал первый курс, между членами *Borussia Korps* и *Treviraner Klub* разразилась драка. Первый пример классовой борьбы? Марксу рассекли левую бровь — этот шрам останется на всю жизнь. Его отец пришел в ярость: адвокату приходилось многим жертвовать, чтобы оплачивать учебу старшего сына, а он тратит эти деньги на попойки, дерется и сидит в тюрьме!

Карл, однако, достаточно прилежно изучал право и 22 августа 1836 года получил свидетельство о завершении года

обучения в Боннском университете, в котором его хвалили за «отменную усидчивость и внимание», не преминув, однако, упомянуть о ночи, проведенной под арестом «за нарушение тишины и пьянство». Прочитав эти замечания, отец решил перевести его в другой университет, но Карл хотел остаться в Бонне, чтобы изучать там уже философию, а не право; он не посмел открыться в этом отцу. Философы были уже на плохом счету во всех немецких университетах: прусское правительство отказало молодому профессору Людвигу Фейербаху, устроившему скандал несколькими годами раньше, в праве преподавать в университете, что заставило его примкнуть к группе молодых критически настроенных философов, прозванных «младогегельянцами». Младогегельянцы, в отличие от своего учителя, не видели в Прусском государстве ничего идеального — они ратовали за реформы. И хотя они еще не решались отмежеваться от Гегеля, однако толковали его весьма специфически; быть младогегельянцем значило верить в роль политической деятельности в завоевании свобод.

В сентябре 1836 года Карл вернулся в Трир на каникулы, не ведая, что отец не намерен больше оплачивать учебу в Бонне. Он увидел мать, отца, младшего брата Германа (тот был серьезно болен) и четырех сестер: Каролину, Луизу, Эмилию и Софию. Начинающийся туберкулез избавил его от военной службы. Они с Женни, так много писавшие друг другу, решили обручиться. Генрих не видел к этому препятствий: женитьба может остепенить его сына. Генриетта заняла более сдержанную позицию: Карл слишком молод (ему всего восемнадцать лет), а двадцатидвухлетняя Женни привыкла к образу жизни, который Карлу не по средствам.

Очарованный Карлом, ослепленный его энергией и образованностью, барон фон Вестфален, со своей стороны, был за его союз с Женни. Но ее сводный брат Фердинанд, бывший тогда первым правительственным советником в Трире, сделал все возможное, чтобы этому помешать; он затребовал у берлинской полиции отчет о жизни и деятельности будущего зятя и просветил барона, доложив ему о похождениях Карла в Бонне. Барон и бровью не повел. Помолвка состоялась, но было решено, что свадьбу сыграют только тогда, когда Карл найдет постоянную работу. Много позже одна из дочерей Карла и Женни напишет: «Отец говорил, что в то время он был неистовым Роландом. Но вопрос быстро уладили, и его приняли в женихи до достижения им восемнадцати лет».

Поскольку Генрих Маркс все еще надеялся, что Карл тоже станет адвокатом в Трире или, на худой конец, профессором

права, он послал его продолжать учебу в Берлин. Там ему придется задержаться как минимум на пять лет; вот и посмотрим, чем кончится испытание чувств.

Генрих думал, что в этом суровом, еще неотесанном городе его сын будет испытывать меньше соблазнов, чем в Бонне. Но произойдет прямо противоположное: царившая там нетерпимость сделает его бунтарем.

В столице Прусского королевства было тогда 190 тысяч жителей. Берлинский университет, основанный в 1810 году, после французской оккупации, находился под пристальным надзором власти. Под подозрением было все, что касалось права и философии. Гегелевская философия служила идеологической гарантией самодержавной политики. Однако молодые философы от нее отмежевались: они разделяли со старшими основополагающий постулат гегелевской диалектики, согласно которому «все действительное разумно, все разумное действительно». Но в то время как консерваторы делали акцент исключительно на первой части этого высказывания, молодые сторонники прогресса делали крен в сторону второй. Однако в Берлине прессу держали в узде, а активистам студенческих движений затыкали рот.

Двадцать второго октября 1836 года Карл снял комнату в Берлине на Миттельштрассе, 61, в двух шагах от университета имени Фридриха Вильгельма. Денег у него было мало, комната оказалась слишком сырой. Привыкший жить на широкую ногу юноша заболел. Он читал, пил, писал Женни пламенные стихи (не меньше 152 из 262 страниц в тетради, присланной на Рождество 1836 года). У него было «несравнимо богатое поэтическое воображение», скажет один из его зятьев: «Его первыми литературными произведениями были стихи. Госпожа Маркс бережно хранила юношеские произведения своего мужа, но никому их не показывала». Из его переписки с отцом, с которым он по-прежнему поддерживал тесную интеллектуальную связь, нам известен круг его чтения: Шиллер, Гёте, «Лаокоон» Лессинга, писатели, которых сегодня мало кто помнит (Гейнзиус, Тибо, Зольгер), «История искусства» Винкельмана, «История Германии» Лудена. Он перевел на немецкий «Германию» Тацита, «Тристии» Овидия, два сборника латинских юридических текстов. Самостоятельно учил английский и итальянский, даже без учебника грамматики. Взялся писать исторический роман «Скорпион и Феликс», но бросил после нескольких глав. Задумал трагедию «Уланам», сочинил одну сцену и отправил отцу. Молодой человек хотел быть писателем, философом, поэтом; неизменно представлял себя знаменитым, прославившимся на

весь мир. Он мало спал, неустанно работал, черкал, переписывал. Ясно отдавал себе отчет: все, что он пишет — нехорошо, в этих страницах нет жизни и страсти. Он доводил себя до отчаяния, находя свои стихи бездарными. В конце концов, он решил, что у него нет способностей к писательству.

И тут проявилась черта характера, которая сохранялась всю его жизнь и оказала глубокое влияние на творчество. Невозможность считать рукопись законченной, позволить отнять у себя произведение. Из этого он заключит, что любой труд — отчуждение.

Именно в годы учебы в Берлине будущего теоретика промышленного пролетариата прозвали «Мавром», и это прозвище останется его любимым псевдонимом. Оно было порождено конечно же смуглым цветом его лица, но и скрывало в себе завуалированный намек на его еврейское происхождение. Берлинцы 1830-х годов знали о существовании мавров только по книгам, на слуху был Отелло: Шекспир был тогда в моде, и Маркс увлекался им с тех самых пор, как будущий тесть прочел ему первые строки английского классика. Мавры встречаются и в некоторых пьесах Шиллера, а герой «Разбойников» Карл Моор, хоть и не мавр[11], был одним из главных романтических героев — это своего рода борец за справедливость с щедрым сердцем, обреченный на насилие предательством брата. Мораль пьесы, которую Шиллер написал в двадцать два года и которая перекликалась со «Страданиями молодого Вертера» Гёте, другой драмой о юношеском бунте, заключалась в том, что «пороки общества не позволяют использовать добродетели лучших из его членов». Карл отождествлял себя с молодым Карлом Моором, чьи отношения с отцом были одновременно бурными и нежными и напоминали его собственные отношения с Генрихом Марксом.

Юриспруденцию преподавали Эдуард Генс, Фридрих Карл фон Савиньи, а главное — Бруно Бауэр, протестантский богослов, связанный с либеральными движениями. Последний, благодаря широкой образованности, умению четко формулировать свои мысли, иронии и смелости, естественным образом встал во главе городского движения «младогегельянцев», а также закрытого Профессорского клуба, в который входили самые боевые и самые одаренные из молодых философов. Недостатка в темах для споров не было. Одни, как Бауэр, считали, что нужно сначала произвести революцию в сознании, ибо влиять на мир можно только через мышление. Другие, как Адольф Рутенберг (который, едва выйдя из тюрьмы, ходатайствовал о вступлении Карла в Профессорский клуб), считали, что пора бросить рассуждения и перейти к действию. Для некоторых прусская монархия была

идеальным воплощением государства, что соответствовало политологическим взглядам Гегеля[12]. Другие, напротив, считали, что гегельянство — прежде всего доктрина движения, и не могли допустить, что История остановилась и достигла своего совершенства в прусской монархии. Левые гегельянцы утверждали, что на самом деле есть два Гегеля: подлинный, убежденный атеист, критик существующего порядка, выражавший свои мысли только для посвященных; и официальный, бесконечно шедший на уступки политической власти своего времени. Разумеется, младогегельянцы видели, что Прусское государство не имеет ничего общего с Абсолютом, и поэтому Пруссию-идеал приписывали не действительности, а мечте Гегеля. Главную причину ущербности своего государства они нашли во всемогуществе религии, которая препятствует развитию свободы. Глубинный и скрытый смысл гегелевской мысли — это атеизм. Сначала, говорили они, нужно освободить человека и государство от власти религии.

Карл вместе с Бауэром и младогегельянцами думал, что необходима новая интерпретация мира, новый «конец истории» — в будущем, и тогда возможны преобразования. Он образно описал отцу свои теоретические устремления: «В очередной раз я хотел нырнуть в море, но с твердым намерением установить, что природа духа так же точно необходима, конкретна и прочно определена, как и природа тела. Моя цель — уже не скрещивать звонкие шпаги, а доставать на свет настоящие жемчужины». В письме того же года он пишет по поводу своей матери, полностью посвятившей себя семье, что она «ангельская мать».

В конце зимы 1837 года, промучившись полгода в своей берлинской квартире с жаром и кашлем, Карл, по совету врача, снял комнату за городом, в Штралове — рыбачьем поселке на правом берегу Шпрее, откуда до университета был час ходьбы через лес. Он попытался углубить Гегеля, но на сей раз был разочарован: его «причудливая мелодия больше не вдохновляла».

Тот год ознаменован существенным техническим прогрессом, в Европе вновь начался экономический рост. Англичане Кук и Уитстон разработали первый электрический телеграф; француз Энгельман запатентовал технологию цветной литографии.

Готовясь к экзаменам, Карл зарылся в учебники: исследование Савиньи о собственности, трактат по уголовному праву Грольмана Крамера, «О значении слов», «Пандекты», сборники «Кодекса Юстиниана» с отрывками из произведений римских юристов классической эпохи. Он изучал книги Веннинг-Ингенгейма и Мюленбруха с комментариями к «Пандектам». Углублялся в тома Лаутербаха по гражданскому и процедурному

праву, в «Согласование разноречивых канонов» Грациана и «Институции» Ланчелотти. Изучал историю немецкого права, особенно интересуясь капитуляриями франкских королей и папскими буллами. Пытливый студент перевел часть «Риторики» Аристотеля, проглотил «О достоинствах и приумножении наук» Фрэнсиса Бэкона, а также сочинение Германа Самуэля Реймаруса о художественном инстинкте животных. В конце концов, он отошел от Гегеля, чьи достижения, конечно, были «бесконечно велики». Гегель помог ему открыть понятие «гражданского общества», послужившее основой для его собственной материалистической теории, но отныне экономический социалист чувствовал потребность пойти дальше, овладев новой наукой — политической экономией. Он начал читать Адама Смита, Адама Фергюсона, Давида Рикардо, Франсуа Кене, Буагильбера…

В его комнате книги были навалены друг на друга в большом беспорядке. Поль Лафарг напишет: «Маркс никому не позволял наводить порядок (по его словам, беспорядок) в своих книгах и бумагах. Ибо хаос был лишь кажущимся: на самом деле всё лежало на своих местах, и он всегда без труда находил нужную книгу или тетрадь. Даже во время разговора он часто прерывался, чтобы показать в книге отрывок или цифру, о которой только что говорил. Он составлял единое целое со своим рабочим кабинетом, где книги и бумаги повиновались ему, точно части его тела».

Карл взялся читать и Фейербаха — того самого молодого профессора философии, изгнанного из университета за скандал, вызванный его атеизмом и критикой Гегеля. Он подпал под обаяние человека, «который имеет смелость все отрицать и силу — созидать новое». Фейербах отважился упрекнуть Гегеля за то, что тот представил бытие как абстракцию. Как можно утверждать, что для рождения нового необходимы противоречия, заявляя при этом, что История завершится созданием системы, лишенной противоречий? Фейербах отказывался это понимать.

Карл стал искать свой путь между Гегелем и Фейербахом. Он очень много работал, регулярно писал отцу и Женни, но также гулял и ужинал с друзьями, спорил о философии больше, чем о праве, много пил, встречался с женщинами. Стремясь помериться силами с гигантами, Карл сочинил диалог на двадцати четырех страницах под названием «Отправная точка и необходимая преемственность философии» — это была радикальная критика Гегеля, поверженного кумира. Однако, поразмыслив, он нашел свое сочинение бездарным, разозлился, порвал его и сжег вместе с набросками романов. Несколько дней он был так раздосадован, что не мог размышлять; бесцельно бродил по лесам и даже

согласился сопровождать своего квартирного хозяина из Штралова на охоте, от чего до сих пор всегда отказывался.

Он начал задумываться о том, действительно ли его дарования соответствуют его детским устремлениям. Задавался мыслями о своей карьере. А если отказаться от всего? Смириться и жить себе потихоньку? В конце концов, столько людей поступали так до него! Он познакомился с налоговым инспектором Шмидтханнером, который посоветовал ему поступить на службу в судебное ведомство. «Это было бы мне по вкусу, ибо я предпочитаю юриспруденцию всякой другой административной науке», — писал он отцу. Налоговый инспектор пояснил, что всегда можно проникнуть в университет «с черного хода», даже без всяких дарований. Вот он, например, дослужился за три года в Мюнстере до административного чина, соответствующего ученой степени доктора права, и в перспективе может получить место профессора права — таким же способом стал профессором в Бонне один его друг, имевший в своем активе только одну академическую работу о провинциальном законодательстве. Карл начинал подумывать о том, что вполне мог бы довольствоваться такой жизнью.

Отучившись год в Берлинском университете, летом 1837 года он приехал на каникулы в Трир, увидел мать, отца, брата Германа (тот был тяжело болен), четырех сестер. Проводил время с Женни, которая тоже была больна, и с бароном фон Вестфаленом, на которого произвело впечатление то обстоятельство, что вчерашний школьник превратился в девятнадцатилетнего юношу, образованного, страстно увлеченного литературой и философией, безгранично честолюбивого. Оба говорили о Берлине, рассуждали о демократии и научном прогрессе, о будущем человечества. Карл проводил долгие часы и в обществе своего отца, не ревновавшего его к барону. Генрих все еще тревожился о тратах сына, в то время как он сам, страдавший от жестокого туберкулеза, уже не обладал прежними доходами. Ему также не нравилось, что Карл слишком вольно говорит о политике, и ему казалось, что сын растрачивает себя, интересуясь политэкономией — наукой, которая тогда не была в почете в Германии; он побуждал сына прилежнее заниматься правом и не отказываться от хорошей карьеры.

В конце лета Карл вернулся в Берлин, увозя с собой дагеротип отца, который вернул ему веру в его будущность. Профессорский клуб, в котором «Мавр» отныне был одним из самых активных членов, превратился в скандальное место. Находясь под влиянием Людвига Фейербаха, никто здесь уже не скрывал своего атеизма. Будучи много моложе остальных членов,

Маркс покорил всех, включая самого Фейербаха, который как-то явился в клуб пообщаться со своими последователями.

Теперь Карл открыто стремился стать профессором философии, таким, как его учитель Бруно Бауэр и Людвиг Фейербах. Он больше не хотел лгать самому себе, а главное — своему отцу. Он решил приехать в Трир на Рождество и объясниться. Прочитав письмо сына об этом намерении, Генрих воспротивился: Карл должен поскорее закончить учебу. С другой стороны, он не хотел, чтобы сын видел его больным: туберкулез внезапно обострился.

Десятого ноября 1837 года Карл написал отцу новое и очень длинное письмо, в котором настаивал на встрече. Он рассказал вкратце о результатах работы за год и дал понять, что собирается оставить право, чтобы заняться философией. На письмо у него ушла вся ночь; в четыре часа утра ему пришлось прерваться за неимением свечи. Эти страницы выспреннего текста, отражающего психологию юного Карла (ему нет еще и двадцати), достойны пространного цитирования:

«Дорогой отец, в жизни человека бывают такие моменты, которые, словно пограничные заставы, отмечают конец одного периода и ясно указывают новое направление. В такие переходные моменты чувствуешь необходимость окинуть взором прошлое и будущее, чтобы понять настоящее. На самом деле, сама история мира любит вот так оглядываться назад и подводить итог, что порой создает впечатление отката назад или застоя, в то время как речь всего лишь о том, чтобы сесть в кресло, дабы понять самого себя и охватить разумом всю деятельность собственного ума. В такие моменты перемен каждый может поддаться лиризму, ибо любая метаморфоза — в чем-то лебединая песня, в чем-то начало большой и новой поэмы… У каждого тогда возникает чувство, что он должен воздвигнуть памятник пережитому, чтобы опыт обрел в чувствах то, что было позабыто в действии. Нет лучшего места для водружения такого памятника, чем сердце отца — самое снисходительное, самое выспреннее, согревающее солнцем любви все наши дела. И какого еще прощения ждать для того, что достойно порицания, если не попытаться сделать так, чтобы это признали проявлением необходимости? И как убедить хотя бы в том, что произошедшее по вине случая или заблуждений ума не заслуживает осуждения как результат намеренного деяния извращенного сердца…? Проведя здесь год, я оглядываюсь назад, дорогой отец, и позвольте мне взглянуть на мою жизнь, как я смотрю на жизнь вообще, то есть как на выражение умственной деятельности, развивающейся во всех направлениях — в науке, в

искусстве и в частной сфере… Удрученный болезнью Женни и своими тщетными умственными потугами в попытке покончить с навязчивой мыслью, которая теперь мне ненавистна, я заболел, о чем я уже писал тебе, дорогой отец. Когда мне стало лучше, я сжег свои стихи и наброски романов, думая отказаться от них совершенно, ибо не нахожу ни малейшего подтверждения моего таланта… И даже мое пребывание в Берлине, которое должно было бы бесконечно мне нравиться, побуждать к созерцанию природы, оставило меня равнодушным… Ибо в конечном счете ничто так не прекрасно, как Женни… Но, дражайший отец, я хотел бы поговорить об этом с вами лично. Здоровье брата, моей дорогой матушки, ваша собственная болезнь (надеюсь, не слишком серьезная) — всё это вызывает во мне желание мчаться к вам, которое становится почти необходимостью. Я был бы уже с вами, если бы не имел сомнений по поводу вашего позволения мне покинуть Берлин. Поверьте мне, мой дорогой отец, мною не движет ни одно эгоистическое побуждение (хотя для меня было бы счастьем увидеться с Женни), но есть одна мысль, которая волнует меня и которую я не вправе выразить. И хотя это трудно допустить, как пишет мне моя дорогая Женни, эти соображения ничтожны в сравнении с исполнением священного долга. Умоляю вас, дорогой отец, что бы вы ни решили, не показывайте эту страницу моего письма матушке: мой неожиданный приезд мог бы позволить этой несравненной женщине поправиться… Надеюсь, что тучи, сгустившиеся над нашей семьей, развеются и мне будет дано страдать и плакать вместе с вами, а может быть, и предоставить вам доказательства той глубокой и безграничной любви, которую мне обычно так плохо удается выразить. В надежде, что вы, дорогой, возлюбленный отец, учтете смятение моего ума и простите блуждания моего сердца, находящегося во власти ума, и что вы вскоре поправите свое здоровье, чтобы я смог сжать вас в своих объятиях и высказать вам все свои мысли, ваш вечно любящий сын».

В постскриптуме он добавил:

«Пожалуйста, дорогой отец, простите меня за дурной стиль и неразборчивый почерк. Сейчас почти четыре часа утра, свеча догорает, глаза мои устали, мною овладело чрезвычайное возбуждение, и я не смогу унять этих неугомонных призраков, пока не окажусь вместе с теми, кто мне так дорог. Пожалуйста, расскажите о моих мыслях моей нежной и чудесной Женни. Я перечел ее последнее письмо двенадцать раз и каждый раз открывал в нем новые услады, в том числе стиль. По-моему, это самое прекрасное письмо, когда-либо написанное женщиной».

Маркс отправил свое письмо и стал ждать ответа от отца.

Ответа не последовало. Он остался в Берлине на Рождество и продолжал учиться всю зиму, беспокоясь о том, что происходит в Трире и о чем молчит Женни.

Десятого февраля 1838 года отец, наконец, ему ответил: это было волнующее письмо с двумя постскриптумами: один от матери, другой от сестры Софии. Это письмо, на мой взгляд, задаст направление всей жизни Карла. Генрих, беспокоясь прежде всего об отношениях Карла с деньгами, просит не приезжать к нему, продолжать учебу и намекает на свое согласие по поводу смены направления. Процитируем это письмо почти целиком, учитывая, насколько велико его значение для последующих событий:

«Дорогой Карл… я надеюсь, что смогу сегодня продержаться на ногах несколько часов, чтобы написать письмо. Хотя рука и дрожит, у меня получается писать, но… нет сил вступать с тобой в теоретическую дискуссию. Если твое сознание худо-бедно гармонирует с твоей философией и подлаживается под нее, тем лучше. Только по одному вопросу ты мудро выдержал в своем письме аристократическое молчание: по мелкому вопросу о деньгах, ценность которых для отца семейства высока, даже если ты как будто этого не признаешь. Я злюсь на себя, что дал тебе чересчур большую свободу в этом отношении. Сейчас четвертый месяц учебного года, а ты уже просадил 20 талеров. А вот я не заработал столько за всю эту зиму. Напрасно ты говоришь, что я тебя недооцениваю или не понимаю. Напротив, я полностью доверяю твоему сердцу и совести. И всегда доверял им, даже на первом курсе юридического факультета, когда не потребовал у тебя объяснений по поводу того темного дела [дуэли]. Это было возможно именно из-за моей веры в твою высокую нравственность. И, слава Богу, она еще не утрачена. Однако я не слеп… Верь, что ты в моем сердце и что ты один из самых мощных рычагов моей жизни. Твое последнее решение [изменить направление учебы] похвально, благоразумно и заслуживает уважения; и если ты сделаешь, как обещал, это принесет наилучшие плоды. Будь уверен, что не ты один приносишь большую жертву. Это общая наша жертва. Но разум должен восторжествовать. Я устал, дорогой Карл, и должен прерваться… Твое последнее предложение, касающееся меня [приехать повидаться], наталкивается на большие трудности. Какое право я имею просить тебя об этом? Твой верный отец».

Вопреки всему, что злонамеренные биографы будут говорить о плохих отношениях матери Карла с сыном и Женни, мать добавляет:

«Мой дорогой, обожаемый Карл, из любви к тебе твой отец

впервые снова взялся за перо. Твой добрый отец очень слаб; да будет Богу угодно, чтобы к нему поскорее вернулись силы. Я здорова, дорогой Карл, и спокойна, смирившись со своим положением. Милая Женни ведет себя как прелестная дочь и ободряет нас своим умонастроением, как если бы выросла в семье, где всегда стараются видеть во всем хорошую сторону. Напиши мне, как твое здоровье. Я больше всех расстроилась оттого, что ты не приедешь на Пасху. Я позволяю чувствам брать верх над разумом и жалею о том, что ты, дорогой Карл, слишком уж рассудителен. Мое письмо, надеюсь, позволит мне засвидетельствовать мою глубокую любовь. Бывают моменты, когда чувств много, а слов мало. Поэтому я говорю тебе: до свидания, мой дорогой Карл, поскорее напиши своему дорогому отцу, это наверняка поможет его скорейшему выздоровлению. Вечно любящая тебя мать».

Генрих явно выполнил просьбу сына и не показал жене ту страницу письма, где Карл просил о позволении приехать в Трир, поэтому она решила, что молодой человек по собственной воле решил остаться в Берлине.

Далее следует второй постскриптум, от Софии, которая в завуалированных выражениях сообщает, что финансовое положение семьи столь же непрочно, как и здоровье отца:

«Наш дорогой отец чувствует себя лучше. Все улаживается. Вот уж скоро будет восемь недель, как он не встает с постели, поднялся только раз несколько дней назад, чтобы можно было проветрить комнату. Сегодня он сделал над собой огромное усилие, чтобы написать тебе несколько строчек дрожащей рукой. Наш бедный отец теперь очень нетерпелив. Ничего удивительного: он всю зиму был отстранен от дел. Теперь его влечет к ним в четыре раза сильнее, чем раньше. Каждый день я пою для него и читаю ему вслух. Пришли же мне, наконец, тот романс, который уже давно обещал. Напиши поскорее. Это развлечет всех нас. Каролина нездорова. Луиза слегла; кажется, у нее скарлатина. Эмилия держится молодцом. Что же до Йетте [младший брат Герман], он как раз не в лучшем состоянии».

Стоит отметить, что Каролина и Герман вскоре умрут[13].

Это важное письмо, дающее Карлу благословение отца изучать, что пожелает («Я полностью доверяю твоему сердцу и совести. Твое последнее решение [изменить направление учебы] похвально, благоразумно и заслуживает уважения; и, если ты сделаешь, как обещал, это принесет наилучшие плоды»), содержит также, на мой взгляд, главнейшую фразу — ту, в которой говорится про «аристократическое молчание по мелкому вопросу о деньгах, ценность которых для отца семейства высока,

даже если ты как будто этого не признаешь. Я злюсь на себя, что дал тебе чересчур большую свободу в этом отношении».

Манера отца смешивать аристократизм со способностью не говорить о деньгах предвещала, что деньги навсегда станут для Карла рабскими цепями, источником зависимости. И позже в обличении Марксом эксплуатации будет сквозить похожая идеализация знати. Эксплуатация, от которой нужно освобождаться, не зарабатывая денег, подобно буржуа, и не умалчивая о них, подобно дворянину, но по-пролетарски сражаясь с их властью.

Повинуясь отцу, Карл не поехал домой и провел Пасху в Берлине. Он больше не увидится с отцом: 10 мая 1838 года Генрих Маркс умрет от туберкулеза в Трире, в возрасте 61 года. Начиная с этого дня и вплоть до своей собственной смерти, Карл будет носить во внутреннем кармане жилета, у самого сердца, дагеротип, который отец подарил ему годом раньше при их последней встрече.

Эта смерть ознаменовала собой разрыв: Карл, похоже, не приехал в Трир на похороны, а мать не выплатила его долю наследства — неплохую сумму в 6 тысяч франков золотом, поскольку для этого пришлось бы продать дом, где всё еще проживала вся семья. По мнению иных биографов, Карл не присутствовал на похоронах отца из-за своей черствости, но переписка это опровергает. Отсутствие (если таковое имело место) можно объяснить тем, что извещение о кончине запоздало. Кроме того, разве отец в своем последнем письме не просил его настоятельно оставаться в Берлине и продолжать учебу?

Далее, если он не получил своей доли наследства, то не потому, что мать отвергла его или не любила Женни (это тоже неверно, о чем свидетельствует то же самое письмо), а потому, что сестрам и брату, очень больным, надо было выжить вместе с матерью на средства, оставленные отцом. Впрочем, Генриетта продолжала ежемесячно посылать сыну деньги и ясно осознавала, что должна ему его долю наследства.

Подобно тому, как его собственный отец дождался смерти матери, чтобы отречься от веры, Карл, хоть и получил согласие Генриха в последнем письме, все-таки именно после его смерти отказался от профессии адвоката и начал воплощать свою новую мечту: стать профессором философии.

Это также означало, что он займется политикой. Ибо критиковать Гегеля значило нападать на прусский режим. Именно тогда возникло странное выражение «настоящие социалисты», придуманное Карлом Грюном (псевдоним Эрнста фон Гайде) для обозначения младогегельянцев, которые высказывались тогда в

основном в журналах типа «Зеркало общества» или «Трирская газета». Профессорский клуб, их берлинское прибежище, стал самым поднадзорным местом в столице. Там бывали два человека, которые сыграют важную роль в жизни Маркса.

Сначала появился Арнольд Руге[14], приват-доцент философии из Галле, города, где он издавал журнал «Hallische Jahrbücher» («Галльские летописи»). Под знаменем этого издания собирались младогегельянцы и предреволюционная интеллигенция, здесь Фейербах опубликовал свой скандально известный труд «К критике философии Гегеля». Там же промелькнул немецкий портной Вильгельм Вейтлинг, укрывшийся в Вене, а потом в Париже, который опубликовал манифест тайного общества «Союз справедливых» («Союз изгнанников»), основанного в Париже двумя годами раньше. «Человечество, каково оно есть и каким оно должно быть» — в этой работе он обличает эксплуатацию наемного труда обладателями капитала и предлагает учредить без всякого перехода, на основе сильного государства, общественную собственность: «Если обладаешь властью, необходимо раздавить голову змеи… Нельзя давать врагам передышки, вступать с ними в переговоры, верить их обещаниям».

В это самое время Карл намеревался написать трактат о всех поздних греческих философах, вместе взятых. Он написал письмо (ныне утраченное) Бруно Бауэру для передачи боннскому издателю Маркусу, чтобы убедить его издать будущий труд. Бауэр ответил, что не станет передавать такого бесцеремонного письма: «Своей прачке ты еще можешь писать в таком духе, но не издателю, которого хочешь убедить!» Он задал Марксу ряд вопросов, которые ему частенько будут задавать потом, на протяжении его жизни: «Во-первых, напиши мне о том, о чем уже давно должен был известить Маркуса: существует ли эта книга, закончена ли она, сколько в ней страниц, сколько ты за нее просишь…»

Немного времени спустя Маркс отказался от этого проекта. Следуя советам Бруно Бауэра, он взялся писать диссертацию на внешне странную, гораздо более узкую тему: об античном материализме Демокрита и Эпикура. Ее название («Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура») отсылает к заглавию одного эссе Гегеля («Различия между системами философии Фихте и Шеллинга»). На первый взгляд это всего лишь упражнение в стиле. На самом деле это уже подтверждение его одержимости в критическом и материалистическом подходе к действительности. Физика Демокрита очень близка к физике Эпикура, но, исходя из

идентичных предпосылок, оба философа оказываются диаметрально противоположными во всем, что касается истинности, надежности, применимости этой науки, связи мысли с действительностью вообще. В то время как Демокрит сводит ощутимую реальность к субъективному восприятию, Эпикур, напротив, уверен, что чувственное восприятие отвергать нельзя: он материалист. В то время как для Демокрита необходимость — детерминистская категория, для Эпикура случайность — вид действительности, не имеющей иного значения, кроме возможности. Маркс показывает, что смерть греческой школы мысли была похожа на ее жизнь, возобновляя тем самым гегелевскую тему: судьба — это характер. Все греческие философские школы использовали образное выражение «софос» (мудрец), чтобы объяснить понятие философской мудрости: она принадлежит исключительно внутреннему миру некоторых индивидов, а не внешнему миру эмпирической жизни.

Наиболее полно этот разрыв между разумом и существованием олицетворял собой Сократ. Он испытал разлад внутри самого себя и был осужден, его смерть стала изображением судьбы в широком смысле этого слова — как ее представляли греческие философы. Карл показывает, что гегелевская философия, напротив, позволяет, если выйти за ее рамки, открыть идеальную составляющую существования в эмпирической жизни, потому что она выявила то, каким образом разум возник из противоречий реального мира. Значит, ему не нужно удаляться от жизни во имя мысли. Современные философы, таким образом, защищены от разрушительной изоляции, которая была судьбой греков. Сам Карл тогда думал, что преодолел в себе гегелевский идеализм.

Упражняясь в философии, он разрабатывает основы своей концепции роли философа в обществе, который должен действовать в условиях реальности. Трудясь над греками, он, по сути, прорабатывал атеизм и материализм; заниматься Эпикуром значило удаляться от области религии и приближаться к области социальной жизни.

А Карл все больше и больше интересовался политикой. Он воодушевился, когда волнения в Париже закончились захватом префектуры и городской ратуши. Он открыл для себя новое английское движение — чартизм, обязанный своим названием «Народной хартии», опубликованной в мае того же 1838 года и требовавшей улучшить санитарные условия в рабочих предместьях, ввести всеобщие выборы с тайным голосованием и правом выставлять свою кандидатуру, не являясь собственником. Главный печатный орган чартистов, газета «Норзерн стар»

(«Северная звезда»), распродавался десятками тысяч экземпляров. Всё так же страстно увлекаясь железными дорогами, Карл с интересом узнал и о первом французском локомотиве, выпущенном мастерскими Крезо, за которым несколько месяцев спустя последовал первый пароход.

Его переписка с Женни продолжалась в том же напряженном ритме. Они решили пожениться, как только он защитит диссертацию, то есть ждать еще не меньше трех лет! Тоскующая Женни писала ему:

«Мой дорогой и единственный возлюбленный… Любовь девушки не похожа на любовь мужчины. Конечно, девушка может отдать мужчине только свою любовь и саму себя, такую, какова она есть. И навсегда… Но Карл, подумайте обо мне: вы не питаете ко мне никакого уважения, никакого доверия. Я знаю с самого начала, что не сохраню надолго вашу сегодняшнюю романтическую любовь… Ваша щедрая, трогательная, страстная любовь, прекрасные вещи, которые вы мне говорите, делают меня несчастной, потому что я боюсь, что однажды всё это кончится. Я счастлива только в те моменты, когда думаю, что смогу стать вашей женушкой… Я хотела бы наверстать упущенное в чтении и развлечься. Возможно, вы знаете какую-нибудь чуть-чуть сложную книгу, чтобы я не всё поняла, но все-таки смогла что-нибудь понять — такую книгу, какие все любят читать. Не сказки и не стихи, я их не выношу. Хорошо бы поупражнять свой ум…»

Ее страшат ограниченные перспективы, которые жизнь предоставляет женщинам: забыть себя в любви мужчины. Она склонна к мрачным мыслям. Карл недоверчив: она пережила большое потрясение, когда он заподозрил существование соперника. Читая его письма с желчными упреками, она боялась, что из страстного и чуткого он станет холодным и замкнутым, разделяя, таким образом, представление Генриха Маркса о своем сыне: пылкий и поэтичный, он может порой казаться сухим и отстраненным. Женни, стараясь вернуть Маркса к действительности, взяла на себя роль, которую ранее играли его родители. В ее письмах отражены взаимозависимость и чувство самопожертвования: в одном из них, написанном в 1839 году, она передает придуманную ей картину, как Карл лишился на дуэли правой руки и оставил ее, Женни, при себе навсегда, чтобы писать свои труды.

В 1839 году Карл продолжал работать над своей диссертацией, но тут Бруно Бауэру пришлось уехать из Берлина, чтобы преподавать в Бонне. Молодой профессор призывал своего ученика к осторожности, чтобы тот не создавал себе лишних проблем; он посоветовал защищаться в Йене — там университет

более либеральный, чем в Берлине. Бауэр пообещал следить за работой Маркса и взять его потом к себе ассистентом в Бонн. Перед Карлом открывалась карьера университетского преподавателя. В эти же дни, 4 ноября 1839 года, в Англии тысячу шахтеров, пытавшихся овладеть Ньюпортом, отогнали огнем армии.

Тогда же Бауэр сочинил анонимный памфлет «Труба Страшного суда над Гегелем, атеистом и антихристом», к которому Маркс должен был написать вторую часть — свою собственную критику Гегеля.

В 1840 году продолжалась радикализация политического движения. В Пруссии новый монарх, Фридрих Вильгельм IV, не оправдал надежд соотечественников на либерализацию, назначив канцлером Шеллинга: он установил цензуру в прессе и отменил вольности университетов, тогда как до своей коронации публично заявлял об уважении демократических принципов, которые считал совместимыми с патриотизмом и монархией. Фридрих Вильгельм IV сразу стал надежным преемником Меттерниха в подавлении демократического движения по всей Европе.

Жизнь берлинских студентов осложнилась. Профессорский клуб полевел; его члены стали называть себя «Друзьями народа» или *Freien* (освобожденными). Во Франции врач Луи Рене Виллерме обличил угнетение трудящихся в «Сводке физического и морального состояния рабочих на бумажных, шерстяных и шелковых мануфактурах». Рабочий, ставший философом, Пьер Жозеф Прудон опубликовал «Что такое собственность?», отлив в четкую форму самые радикальные возражения против зарождающегося капиталистического общества. В Лансе разразились «картофельные бунты». Появилось словечко «коммунизм» для обозначения экономической доктрины французского юриста Этьена Кабе; в Париже состоялся первый «коммунистический банкет», в то время как перенос праха Наполеона I в собор Дома инвалидов вызвал огромное бурление в народе.

Карл был теперь полон планов, причем все они были тесно связаны с Бруно Бауэром: они говорили о том, как будут вместе преподавать, вместе издавать журнал «Архивы атеизма», вместе бороться со своими противниками. В том же году Карл был принят в лучших кругах Берлина, в том числе в салоне поэтессы Беттины фон Арним, урожденной Брентано, которая была другом Бетховена и Гёте. В 1841 году он, возможно, уже повстречал молодого человека двумя годами младше его, который прибыл тогда в Берлин для прохождения военной службы. Позже он сыграет очень большую роль в жизни Карла: это Фридрих

Энгельс.

Прадед Фридриха, Иоганн Гаспар Энгельс, основал в Бармене, неподалеку от Вупперталя, небольшую льняную лавку, превратив ее затем в фабрику кружев, тесьмы и столового белья; после его смерти старший сын присовокупил к ней оптовую торговлю шелком. После него три внука, не ладившие между собой, бросили жребий, кому владеть предприятием. Один из двух проигравших имел смелость основать с двумя братьями Эрмен предприятие «Эрмен и Энгельс», создавшее бумагопрядильни сначала в Англии, в Манчестере, где можно было найти самые лучшие станки, а потом в Бармене и Энгельскирхене. Его сын Фридрих, воспитанный боготворимой им матерью в ультрарелигиозной атмосфере, страстно увлекался историей и философией, математикой, биологией, химией, ботаникой, физикой и даже военной стратегией (чем заслужил кличку «Генерал»); он мечтал учиться и не хотел идти по стопам своего отца. Но в 1837 году, в семнадцать лет, тот заставил его покинуть гимназию и пойти работать на семейное предприятие. В результате у Фридриха возникло стойкое отвращение к миру бизнеса. В 1841 году он прибыл в Берлин, чтобы отслужить год вольноопределяющимся в гвардейской артиллерии — предлог, чтобы вырваться с завода и дать волю своей страсти к стратегии, — и стал общаться с младогегельянцами и разными членами Профессорского клуба, но не с Карлом.

В том году Карл прочел, сразу после выхода в свет, «Сущность христианства» Фейербаха — главное произведение опального философа, в котором тот утверждал, что для создания воистину гуманного общества философия должна найти свое продолжение в политике, единственно способной освободить человека от отчуждения через отмену частной собственности, а следовательно, наемного труда. Нужно объединить страдающее человечество, которое мыслит, и мыслящее человечество, которое угнетено, говорит Фейербах, иными словами, объединить людей физического и умственного труда; нужно радикально преобразовать государство, ибо оно является не воплощением надклассового абсолюта, как полагал Гегель, а отражением экономических, юридических и социальных отношений определенной эпохи. Ни один общественный класс не может содействовать всеобщей эмансипации, если не испытывает нужды, с которой неизбежно сталкивается пролетариат — единственный класс, в котором человек отрицается целиком и полностью.

Как и многие молодые немцы его времени, Маркс был глубоко потрясен этой книгой. «Нужно было самому испытать освобождающее действие этого чтения, — напишет позднее

человек, который станет его лучшим другом, Фридрих Энгельс, живший тогда еще в Берлине. — Мы все сразу сделались фейербаховцами!»

После четырех лет труда Карл закончил, наконец, свою диссертацию. Это было сложное сочинение о связи между философией и миром, между мыслью, ведущей к человеку, и материей, дающей доступ к мысли. Противостояние между Демокритом и Эпикуром предстает здесь как система обратимых противоречий: Демокрит — «скептик», а Эпикур — «догматик», однако скептик привержен к эмпирическому познанию, тогда как догматик, принимающий явление за действительность, «видит повсюду лишь случайности, и его способ объяснения порой тяготеет к отрицанию всякой объективной действительности в природе». Оригинальность подхода Маркса заключается в том, что вопреки комментаторам, выставившим физику Эпикура копией теории Демокрита, он показывает, что последний был в отношении к природе чистой воды материалистом, тогда как Эпикур видел в ней составляющую идеальной жизни. Главная посылка Эпикура — неприятие рациональности природы — является, по Марксу, самым важным его вкладом в науку и самой мудрой чертой его системы: индивидуальное самосознание в ней утверждается как истинная основа. Таким образом, Маркс представляет Эпикура греческим мудрецом в полном смысле этого слова; вместе с ним греческая философия приняла героическую смерть. Демокрит же с самого начала наткнулся на противоречие: атом — изначальная основа жизни, однако ни одно природное явление в зримом мире не делает атомы живыми. Это заставляет его бросить философию и заняться эмпирическим изучением природы. В конечном счете в то время как Эпикур опровергает религию, Демокрит оставляет дверь открытой для предрассудков и рабского мистицизма. Их концепции привели их к проповедованию двух противоположных образов жизни: по Эпикуру, жизнь должна быть отстраненной и пассивной, по Демокриту, жизнь нужно проводить, колеся по миру и приобщаясь ко всем отраслям знания, чтобы насытить неутолимую жажду познания. Еще не зная, что говорит о своей будущей жизни, Маркс пишет: «Во времена великих потрясений философия должна стать практической, но сама практика философии — теоретическая».

Карл посвятил свою диссертацию отцу Женни: «Мне нет нужды молиться за ваше физическое здоровье. Вы поручили себя Духу — великому врачевателю, не чуждому волшебства». 30 марта 1841 года он получил в Берлинском университете свидетельство об окончании учебы. После различных

переговоров, 6 апреля он отправил свою докторскую диссертацию в Йенский университет, славившийся в те времена легкостью выдачи докторских дипломов. Уже на следующей неделе декан представил на факультете философии кандидата Карла Генриха Мордехая Маркса; докторская степень была ему присвоена 15 апреля. После этого, ненадолго заехав в Трир, Карл отправился к Бауэру в Бонн.

В начале лета 1841 года Карл Маркс и Бруно Бауэр отправились в Кёльн, столицу рейнских городов, находящуюся в зависимости от Пруссии и превратившуюся в крупный промышленно-торговый центр благодаря развитию Кёльнского буксирно-пароходного общества и сооружению первой линии железной дороги Кёльн — Ахен. Большинство крупных современных предприятий Германии имели там свою штаб-квартиру. Кёльнские буржуа, среди которых было несколько евреев (в том числе семейство Маркс), выступали за объединение немецких государств вокруг демократических институтов, гарантирующих права человека, свободу печати и вероисповедания.

Карл повстречал там группу молодых торговцев и либеральных промышленников, которые, будучи недовольны «Кёльнской газетой» (консервативной и ультрамонтанской), основали товарищество, чтобы поддержать другое издание — «Рейнскую газету»[15]. Среди них были Моисей Гесс[16], двадцативосьмилетний еврей, писатель и социолог, называющий себя «коммунистом», а на деле стремившийся к идеалам анархизма; Дагоберт Оппенгейм, брат банкира Соломона Оппенгейма; Георг Юнг — госчиновник, женатый на дочери еще одного кёльнского банкира, и промышленники типа Людольфа фон Кампхаузена и Давида Юстуса Ганземана, к которым мы еще вернемся.

Карл вернулся в Бонн, где в июле 1841 года они с Женни, наконец, исхитрились увидеться наедине. Женни, которой предстояло поехать в Нейс, почтительно предупредила мать о том, что остановится в Бонне, чтобы повидаться с Карлом. Госпожа фон Вестфален на это согласилась, при условии, что Эдгар выступит в роли дуэньи. Напомним, что Женни было тогда двадцать семь лет, а Карлу — двадцать три…

По возвращении в Трир Женни пишет: «Ах, сердце мое, как тяжел груз, легший после всего этого на мою душу! И все же, Карл, я не испытываю и не могу испытывать никаких угрызений совести. Я закрываю глаза и вижу твой счастливый взгляд […] Я прекрасно знаю, что я совершила и что это принесет мне отвержение, общественное порицание, и всё же я не променяю

воспоминание об этих часах ни на одно сокровище в мире».

Ему хочется, чтобы она вернулась, но она не может. Она пишет ему об этом 10 августа 1841 года в письме, говорящем об усилиях, которые она предпринимала, чтобы стать такой же образованной, как он:

«Мой маленький дикий медведь […] Мне жаль, что ты хоть немного не похвалил меня за мой греческий, и ты мог бы уделить абзац похвалам моей эрудиции. Но вы, господа гегельянцы, не признаете даже самое превосходное, если оно не согласуется в точности с вашими взглядами; буду же скромнее и удовольствуюсь собственными лаврами […]. Так ты теперь ввязался еще и в политику! Это самая рискованная вещь. На этом я должна тебя оставить, говоря тебе: *„Vale faveque“*[17], раз уж ты просил меня написать тебе пару строк […]. Если бы я не была так больна, то уже давно собрала бы вещи и уехала к тебе […]. Я думаю о тебе бессонными ночами и посылаю тебе свое благословение… Я целую каждый свой пальчик, пусть поцелуи летят к моему дорогому Карлу, но не будут немыми гонцами моей любви, а прошепчут ему все милые, нежные и потаенные слова любви… Прощай, единственный возлюбленный мой… Прощай, моя милая Железная дорога. Прощай, дорогой мой муженек. Ведь я выйду за тебя замуж, правда?»

Осенью Карл все еще в Бонне, откуда он наблюдал за восстанием, нарастающим и гремящим в Европе. В Париже, пока Гизо[18] призывал «обогащаться путем труда и бережливости», манифестанты выходили на улицы, крича: «Да здравствует республика!» — в то время как закон ограничил использование детского труда на фабриках, установив минимальный возраст работников — восемь лет.

В сентябре 1841 года все профессиональные мечты Маркса снова под угрозой: по требованию короля Фридриха Вильгельма IV Бруно Бауэра отстранили от преподавания в университете за участие в либеральной демонстрации, во время которой он произнес речь против цензуры. Но Карл не теряет надежды, что это наказание временное.

Моисей Гесс предложил Марксу сотрудничать в его будущей «Рейнской газете», главным редактором которой станет Адольф Рутенберг — «лучший друг Карла в Берлине», который составил ему протекцию в Профессорском клубе. Карл согласился, оставшись при этом в Бонне, поскольку еще надеялся, что ему с Бауэром разрешат там преподавать.

За газетой установили надзор еще прежде, чем она стала выходить. В самом деле, декрет от 24 декабря 1841 года повелевал усилить надзор за периодическими изданиями,

усиленной цензуре подвергались те из них, что критиковали «основополагающие принципы религии» и «оскорбляли нравственность». Дело дошло до того, что из газеты вымарали анонс перевода «Божественной комедии» под тем предлогом, что «из вопросов религии не устраивают комедию»!

Моисей Гесс был обворожен головокружительной образованностью, впечатляющим умом, а главное, апломбом молодого Маркса, как и все, кто имел с ним дело. В январе 1842 года, когда вышел первый номер «Рейнской газеты», насчитывавшей менее тысячи подписчиков, Гесс написал своему другу Бертольду Ауэрбаху: «Доктор Маркс — так зовут моего кумира — еще совсем молодой человек (ему едва ли больше двадцати четырех лет), но именно он нанесет последний удар средневековой религии и политике; глубочайшая философская серьезность сочетается в нем с тончайшим остроумием; вообрази себе Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля соединенными вместе в одном лице — я говорю соединенными, а не смешанными, — и это будет доктор Маркс».

В марте Гесс попросил его написать серию статей о свободе прессы в ответ на «декабрьский декрет». Карл написал шесть статей против цензуры, объясняя, что ей не следует вмешиваться в философию. Их опубликовали. Затем Карл предложил статью о смешанных браках: он утверждал, что брак между людьми разных конфессий должен быть светским. Главный редактор «Рейнской газеты» Рутенберг отверг статью, находя ее слишком терпимой к религии. Они сцепились. Карл ставил Рутенбергу в укор, что тот критикует религию, не понимая, что она есть продукт социальных условий. Кроме того, он считал, что Рутенберг роняет себя, водясь с экстремистами, провозглашающими наивное презрение к религии и Прусскому государству и присылающими в газету путаные сочинения о свободе. В конце концов, статью Маркса опубликовали по настоянию Гесса.

В апреле 1842 года, по-прежнему живя в Бонне, Карл не проявлял особой осторожности. Он выступил против цензуры, чтобы «вызвать раздражение святош, досадить филистерам, возмутить буржуа», и помог Бруно Бауэру закончить «Трубу Страшного суда над Гегелем, атеистом и антихристом», начатую двумя годами раньше и вышедшую за фиктивной подписью «одного благонамеренного христианина».

О снисходительности властей не могло быть и речи: в мае Бауэра все-таки изгнали из университета. Любая государственная служба была закрыта для того, кто потрясает устои государства или религии. Ни Бауэр, ни Маркс, никакой другой младогегельянец отныне не имели ни малейшего шанса сделать

карьеру в университете.

Это не поставило под вопрос свадьбу, назначенную на март следующего года. Карл редко приезжал в Трир; он мало виделся с матерью и сестрами. Но он сохранял с ними превосходные отношения и беспокоился о болезни младшего брата, которому становилось все хуже.

Часть младогегельянцев, в том числе вернувшийся в Берлин Бауэр, ударилась в философский пессимизм и отказалась от политики. Карл не захотел последовать за ними: до разрыва между учителем и учеником оставалось уже недолго.

В июле 1842 года Маркс подвергся нападкам «Кёльнской газеты» в лице ее главного редактора Карла Генриха Гермеса за то, что отстаивал в журнале Гесса идею о светском браке. В ответ Карл в той же самой «Кёльнской газете» уточнил, что он сторонник светского государства, свободного и рационального, построенного по образцу Французской Республики, и впервые использовал понятие «фетишизм» для обозначения навязчивой идеи, почерпнув его в труде Шарля Дебрусса, вышедшем в 1760 году. В августе он набросился на историческую школу права, возглавляемую Фридрихом Карлом фон Савиньи, своим бывшим берлинским профессором. Прочитав эту статью, берлинские чиновники обвинили его в «распространении в Рейнской провинции франкофильства и французских идей». Отныне за ним установили строгий полицейский надзор, который не снимут уже никогда.

Карл начал долгий процесс освобождения из-под влияния своих учителей. После Гегеля, Бауэра и Савиньи его нападкам подвергся Рутенберг, так что Гесс, хозяин «Рейнской газеты», решил сделать главным редактором Карла и платить ему жалованье в 500 талеров. Это были его первое место работы и его последний оклад.

Молодой человек поселился в Кёльне и стал сотрудником, а потом и одним из редакторов «Рейнской газеты». Так начались его активные занятия журналистикой, которой он отдавал дань до самой смерти. Он намеревался сделать журнал более строгим и требовательным. В частности, отвергал некоторые чересчур радикальные статьи молодых кёльнских буржуа, упрекая их в нестройности и презрении к фактам. Гесс встревожился: эти молодые люди — одновременно его друзья и подписчики; почему бы их не печатать? Карл ответил Гессу непререкаемым письмом, в котором уже ощущаются неистовство и чувство превосходства этого двадцатичетырехлетнего юноши: «Мейер и ему подобные в самом деле прислали нам кучу подрывной и пустопорожней макулатуры, написанной небрежно, где перемешаны кое-как

атеизм и коммунизм (которого эти господа никогда не изучали). Я не считаю нужным долее терпеть, чтобы газета служила выгребной ямой». И точка. Он здесь главный!

Шестнадцатого октября 1842 года, вскоре после смерти младшего брата в Трире, Карл написал свою первую политическую статью: «Коммунизм и „Аугсбургер альгемайне цайтунг“». В ней он объяснял, что «коммунизм» — движение, корни которого восходят к Платону, еврейским сектам и первым христианским монастырям, и что оно набирает силу во Франции, Великобритании и Германии.

К этому периоду относятся смерть брата и разрыв с матерью и сестрами, которых он совершенно забросил, а они упрекали его как за политические убеждения, так и за безразличие к их судьбе. На самом деле ему больше нечего было им сказать. Он практически никогда уже не заглянет в Трир, а с семьей будет видеться только изредка. Трир для него — отец, и больше ничего.

Именно в этот момент в Берлине в «Немецком ежегоднике» *(Deutsche Jahrbücher)* Арнольда Руге вышла политическая статья «Реакция в Германии» некоего Жюля Элизара — псевдоним молодого русского интеллигента Михаила Бакунина: «Воздух полон, чреват бурями! И потому мы зовем наших ослепленных братьев: покайтеся, покайтеся, царство Божие близко! Мы говорим позитивистам: откройте ваши духовные глаза, оставьте мертвым хоронить своих мертвецов и убедитесь наконец, что духа, вечно юного, вечно новорожденного, нечего искать в упавших развалинах!» Тридцать лет спустя Бакунин станет злейшим врагом Маркса.

В том же октябре 1842 года был принят закон Рейнской провинции, карающий сбор хвороста в частных лесах тюремным заключением. В обоснование этого закона один аристократ заявил в рейнском ландтаге: «Именно потому, что расхищение леса не считалось воровством, оно так часто и происходило». На это Маркс ответил в ноябре яростной статьей: «По аналогии законодатель мог бы заключить: именно потому, что пощечины не считаются убийством, их и раздают так часто. Стало быть, следует постановить, что пощечина есть убийство».

Работа над этой статьей, в которой говорилось о собственности, показала, что его познания в политической экономии еще слишком слабы. Он погрузился в чтение первых французских социалистов. Читал Сен-Симона (о нем ему столько рассказывал отец), утверждавшего равенство между мужчинами и женщинами, главенство экономики над политикой, а также говорившего о классах: «До Революции нация разделялась на три класса, а именно: дворяне, буржуа и индустриалы

[промышленные рабочие]. Дворяне правили, буржуа и промышленники им платили. Сегодня нация делится только на два класса: буржуа и индустриалы…» Читал Сисмонди, утверждавшего, что труд производит больше, чем можно купить на заработную плату; у него он обнаружил термины «сверхстоимость» и «прибавочная стоимость», а также первый анализ концентрации капитала и пауперизации пролетариата. Сисмонди предлагал предоставить наемным рабочим доступ к владению капиталом и обязать предпринимателей выплачивать заработную плату даже в случае технического простоя или болезни. Читал Джеймса Милля, отца Джона Стюарта Милля, который предлагал учреждать рабочие кооперативы и — невероятная смелость для того времени — ввести прогрессивный налог на наследство. Читал Роберта Оуэна, американского мецената, вернувшегося в Англию, который считал, что характер человека — продукт общественной среды, для которой он сам служит лишь сырьем, и проповедовал общественное устройство без частной собственности. Читал Луи Блана, предлагавшего открывать национальные мастерские и призывавшего к планированию хозяйства. Читал Шарля Фурье, советовавшего строить фаланстеры, где люди будут трудиться и вести райскую жизнь и где только трудящиеся получат доступ к собственности: «Индивидуальное право собственности может основываться только на общественной пользе от осуществления этого права, которая может меняться в зависимости от времени… Чем больше возрастает собственность, тем больше рабочий вынужден соглашаться на низкую плату за работу, у которой слишком много соискателей; с другой стороны, чем больше количество торговцев, тем сильнее их склонность к мошенничеству из-за трудностей с получением прибыли… Каждый предприниматель находится в состоянии войны с массой и злонамерен по отношению к ней, поскольку исходит из личной выгоды». Читал также Прудона, самоучку с гор Юры, сына разорившегося бочара. Прудон работал наборщиком и корректором, пока не получил стипендию академии в Безансоне — стипендию, которой едва не лишился, опубликовав трактат с заголовком-вопросом «Что такое собственность?» и с ответом в тексте: «Это кража». Он писал: «Пять тысяч лет собственности доказывают: собственность — это самоубийство общества» — и предлагал создавать кооперативы, в которых все рабочие являлись бы собственниками средств производства и избирали своих руководителей.

Карл Маркс подумал тогда, что экономика — основа всех остальных социальных наук. Ее законы всевластны, так же как и законы материализма. Он оставил коммунистическую утопию и

изобрел научный социализм. В ноябре 1842 года он писал в «Рейнской газете»: «Тот же дух, что воздвигает философские системы в мозгу философов, сооружает железные дороги руками рабочих». Отныне он считает, что в мире действует материалистическая логика, которая ставит искусство, философию и право в зависимость от социально-экономических структур и собственности.

Материализм! Полнейшее кощунство. Чаша переполнена; обер-президент провинции, господин фон Шапер, послал Карлу предупреждение. Тот ответил осторожно и учтиво: нельзя подвергать опасности газету. Тогда полиция прислала из Берлина Вильгельма Сен-Поля — особого цензора, уполномоченного проверять и просматривать каждую статью до отправки ее начальнику кёльнского окружного управления Карлу Генриху фон Герлаху.

Именно тогда, 16 ноября 1842 года, в редакцию газеты в Кёльне явился молодой человек, с которым Карл год назад мог встретиться в Берлине, — Фридрих Энгельс. Он принес статью, но не застал молодого редактора. Это была вторая несостоявшаяся встреча Маркса и Энгельса.

Под руководством Карла «Рейнская газета» добилась успеха, число ее подписчиков утроилось, все рвались туда писать.

Карл продолжал сражаться на всех фронтах. Теперь он открыто выступил против своего учителя Бруно Бауэра по вопросу о статусе иудеев. Бауэр, в самом деле, утверждал, что евреям можно предоставить права и политические свободы лишь при условии обращения их в христианство. Маркс, не забывший унижения, которому подвергся его отец до его рождения, хоть тот и мало говорил с ним на эту тему, напротив, полагал (и написал об этом две статьи в «Рейнской газете»), что евреям надо предоставить политическую эмансипацию, не принуждая их отказываться от своего религиозного самосознания, как это происходит в Соединенных Штатах и как было в Рейнской области во время французской оккупации. Такая политическая эмансипация станет большим шагом вперед для Германии, и, на его взгляд, нет причин отдавать предпочтение христианству, которое не более приемлемо, чем иудаизм. Однако Карл добавляет, что политической эмансипации недостаточно для того, чтобы гарантировать защиту прав самых слабых, ибо подлинная свобода — не просто личный статус, она вытекает из положения всего общества; не бывает свободы без освобождения от всякой религии, а не только иудаизма. Таким образом, он проводит различие между «политической эмансипацией» и тем, чему дает неясное название «человеческой эмансипации», не

уточняя пока еще смысла этого термина.

Порвав в декабре 1842 года с Бруно Бауэром, Карл в январе 1843 года поссорился с Вильгельмом Вейтлингом — портным-писателем, которого он находил чересчур глупым и самодовольным. Единственный из старых друзей по берлинскому Профессорскому клубу, с кем он еще ладил, был Арнольд Руге, профессор из Галле, издававший в Берлине «Немецкие ежегодники» — единственный журнал на немецком языке, которым Карл восхищался. Точно так же для Руге газета Карла была единственной, которую он соглашался считать достойной уважения в Германии.

Но Карл случайно совершил ошибку: в «Рейнской газете» от 4 января 1843 года он назвал (причем подписываясь своим именем) царскую Россию главной опорой европейских диктатур. Ненависть к русской диктатуре, кстати, будет одной из его постоянных черт: он всегда будет судить о внешней политике России по тому, что она дает или чего стоит царю. Узнав о статье, Николай I немедленно потребовал у своего прусского союзника, чтобы тот получше «присматривал» за прессой, 21 января Фридрих Вильгельм IV обличил «существование и деятельность еврейской клики», смеющей издавать печатный орган, и приказал закрыть его до 31 марта. Акционеры хотели вступить с властями в переговоры. Георг Юнг предложил Марксу отступные в тысячу талеров, если тот уйдет со своей должности. Карл сделал это охотно: «Рейнская газета» была слишком скромна для его амбиций.

Его уход не спас газету, равно как и многие другие издания: Фридрих Вильгельм IV добился от правительства Саксонии временного закрытия «Немецкого ежегодника» Арнольда Руге и «Всеобщей газеты», издававшейся в Лейпциге Густавом Юлиусом. В Пруссии стало невозможно быть журналистом или профессором философии, не будучи лояльным по отношению к властям.

Карл не был этому удивлен и связал закрытие газеты со своим недавним выступлением о праве собственности. Он думал, что эти запреты «заставят двигаться вперед политическое сознание в Германии», и не слишком расстроился, вновь оказавшись на вольных хлебах.

Вот тогда Арнольд Руге и предложил ему объединить два издания в одно, которое они будут издавать сообща и распространять из Женевы.

Предложение заманчиво. Карлу двадцать четыре года. Он только что порвал с матерью и сестрами, которым не по душе его политические взгляды — они считают их «вульгарными», недостойными трирского буржуа. Ничто не держит его в Рейнской

провинции, разве что Женни, на которой он скоро женится. Но она готова последовать за ним куда угодно.

Двадцать пятого января 1843 года он написал Руге, который теперь стал его доверенным лицом: «Я поссорился с семьей и, покуда жива моя мать, не буду иметь никаких прав на то, что мне причитается… Тяжело заниматься рабским трудом, даже во имя свободы, и сражаться булавками вместо дубинок. Я устал изворачиваться, выкручиваться и подбирать слова. Так что правительство развязало мне руки». И добавляет: «Мы несем миру принципы, которые мир сам же и развил внутри себя. Мы лишь показываем ему, почему он должен сражаться, четко и ясно, и ему придется обрести самосознание». В последней фразе выражено все, что осуществится в его жизни.

Уедет ли он? Множество демократов уезжают из страны, думая, что здесь уже ничего не сделаешь. Многие перебираются в Париж, Брюссель, Лондон или Нью-Йорк, Только представьте себе эту массу немецких изгнанников на дорогах всего мира! Среди них и Бакунин, который поселился в Берне в семье профессора Карла Фогта[19] к нему мы еще вернемся).

В начале марта 1843 года, готовясь к свадьбе, несмотря на усилия, предпринимаемые Фердинандом, чтобы убедить отца не допустить брака его сводной сестры с евреем-революционером, Женни и Карл говорили о том, чтобы уехать из Германии — возможно, в Женеву или Страсбург. Женни думала, что это ненадолго: самодержавие не вечно, демократия, в конце концов, одержит верх. Она разделяла идеалы Карла и порой занимала даже более радикальную позицию, чем он. Она готовилась жить на гораздо меньшие деньги, чем до сих пор. Женни написала Карлу, бывшему тогда в Кёльне, исполненное юмора письмо, в котором, как обычно, укоряла его за то, что он не писал ей с самого отъезда и что он слишком много тратит: «Хотя последнее совещание на высшем уровне двух великих держав не внесло ясности по одному вопросу, и обязательство начать переписку не было закреплено ни в одном договоре, следовательно, ответные меры принять невозможно, тем не менее, маленький кудрявый писец чувствует себя искренне обязанным открыть бал…»

Она продолжает в том же тоне: «Вспоминаешь ли ты наши блестящие разговоры, наши загадки, часы полудрёмы?» Потом впервые говорит о деньгах так, словно они уже женаты: «Когда ты уехал, цирюльник пришел за долгом. И я не смогла вытребовать у него сдачи с денег, которые ему отдала… Вообще, дорогой, ничего без меня не покупай: если уж нас обкрадут, то обоих сразу… Если захочешь купить цветы, то лучше розы, они подойдут к моему зеленому платью. Но лучше этого не делать…

До свидания, мой единственный, мой черный ласковый муженек. Что? Как? Какая у тебя хитрая рожица! Тра-ла-ла, тра-ла-ла, до свидания, пиши чаще, тра-ла-ла, тра-ла-ла!»

Тринадцатого марта 1843 года Карл Маркс говорит Арнольду Руге о своей скорой свадьбе, назначенной на следующую неделю: «Могу вас уверить без всякого романтизма, что я влюблен без памяти… Я помолвлен больше семи лет, и моя невеста практически загубила свое здоровье в жестоких сражениях за меня». В том же письме он повторяет свою точку зрения об эмансипации евреев, добавляя важное уточнение: «Меня только что посетил глава местной еврейской общины [он не говорит, что гостя зовут Рафаил Маркс], который попросил меня написать петицию в ландтаг в пользу [эмансипации] евреев, и я намерен это сделать. Хоть я и ненавижу всей душой еврейскую веру, мнение Бауэра о том, чтобы обязать евреев перейти в христианство, кажется мне чересчур абстрактным. Задача в том, чтобы пробить как можно больше брешей в христианском государстве и исподволь ввести в него как можно больше рационального». Иудаизм для Карла — возможность ввести рациональное в христианское государство. Впервые он отваживается заявить о том, что ненавидит иудаизм; вскоре он объяснит почему. К удивлению всех, и Маркса в том числе, ландтаг удовлетворил ходатайство и впервые в истории Германии возвысил иудеев до ранга обычных граждан.

Но через несколько дней после этого письма скончался отец Женни; свадьбу отложили на три месяца. Баронесса фон Вестфален отправила Женни в Бад-Крейцнах — рейнский курорт, где у них был собственный дом, — отправила, чтобы избежать влияния ее сводного брата, который на похоронах отца старался изо всех сил убедить ее отказаться от мезальянса.

Карл приехал к Женни в Бад-Крейцнах, где снова повстречал поэтессу Беттину фон Арним: когда-то он посещал ее берлинский салон, а теперь она, к большой досаде Женни, увлекала его с собой на долгие прогулки.

Три месяца спустя, 19 июня 1843 года, Карл Маркс сочетался браком с Женни фон Вестфален в протестантском храме Бад-Крейцнаха. И на сей раз важный выбор был сделан после смерти родного человека — на сей раз отца Женни. Согласно брачному контракту, они совместно распоряжались общим имуществом, при этом «каждый из супругов один несет ответственность за долги, сделанные им самим или перешедшие к нему по наследству до брака».

Биографы будут много распространяться об этом союзе, о влечении Карла к аристократке (то есть, как писал его отец, к

тем, кто может не говорить о деньгах), о его желании освободиться от труда, сбросить оковы. Об этом всё уже было сказано в последнем письме Генриха к сыну пятью годами раньше.

Гораздо позже одна из их дочерей, Лаура Маркс, напишет: «Они вместе играли, когда были детьми, были помолвлены очень юными и оставались вместе в битве за жизнь. И какой битве! Долгие годы в нужде, постоянно подвергаясь подозрениям, наветам, окруженные ледяным безразличием. Пройдя через это, через горе и радость, они ни разу не дрогнули и оставались верны друг другу до самой смерти, которая их не разлучила. Маркс всегда был влюблен в свою жену».

И также много позже Шарль Лонге, муж другой дочери, Женнихен, расскажет в газете «Жюстис» о сопротивлении этому браку со стороны Фердинанда, сводного брата Женни, добавив к нему еще и дядю Георга. Прочитав это за год до смерти, Карл (он любил смешивать все языки, когда писал) со своими обычными жесткостью и неискренностью выскажет свои возражения Женни, которая тогда была очень больна: «Вся эта история *is a simple* вымысел. *There was no*[20] предрассудков, которые приходилось бы преодолевать. Я не ошибусь, приписав это художественное украшение изобретательности г-на Шарля Лонге. Г-н Лонге весьма меня обяжет, если больше никогда не будет упоминать моего имени в своих сочинениях».

Поженившись, Карл и Женни отправились проводить медовый месяц на рейнские водопады. Они тратили без счета, переезжая из гостиницы в гостиницу, и провели лето 1843 года в доме в Бад-Крейцнахе. Ему было двадцать пять, ей двадцать девять. Карл захватил с собой сорок пять томов и читал Руссо, Монтескье, Макиавелли, Дидро, которого ставил выше всех, и снова Фейербаха, только что опубликовавшего свои «Предварительные тезисы к реформе философии». Маркс не отказался ни от одного из своих юношеских устремлений и наметил себе программу на ближайшие годы: стать величайшим из философов, свести воедино все знания и, в отличие от предшествовавших ему мыслителей, создать критику существующего порядка, изъясняясь на современном языке, понятном образованным рабочим. Все было решено в первые два месяца супружеского счастья.

Они недолго оставались одни: Арнольд Руге приехал поговорить об их совместном проекте. Куда перенести редакцию журнала? В Швейцарию, всё больше подчиняющуюся приказам Берлина? В Брюссель, где немецкая община весьма немногочисленна? Они выбрали Париж, где нашла прибежище

большая часть немецкой интеллигенции. Женни захлопала в ладоши: Париж!.. Началась подготовка к отъезду. Они будут жить вместе у Георга Гервега, знаменитого поэта, друга Арнольда, разбогатевшего благодаря своему браку, только что там обосновавшегося.

Маркс предложил название для будущего ежемесячника: «Немецко-французский ежегодник»[21], чтобы установить связь между немецкой философией и французской революционной практикой. Дрезденский издатель Фрёбель, финансируемый Руге, согласился распространять их журнал в Германии.

Однако два друга не сошлись во мнении по поводу перспектив: Руге надеялся на движение немецкой буржуазии, а Маркс, гораздо больший радикал, не верил в буржуазную революцию и делал ставку на вмешательство народа. Он обличал «систему индустрии и коммерции, собственности и эксплуатации человека», приводящую к «разрыву внутри современного общества».

В то лето в Бад-Крейцнахе Карл также работал над двумя произведениями: «Критика гегелевской философии права» и «К еврейскому вопросу». И в том и в другом он представляет пролетариат исторической силой, способной в корне изменить общественные отношения и осуществить ту «человеческую эмансипацию», о которой он уже говорил.

В процессе работы он обнаружил, что может обсуждать с Женни свои идеи, прочитанные книги, рукописи. Она стала его первой читательницей и останется единственным человеком, способным в точности разбирать его почерк; он даже будет отдавать ей переписывать свои сочинения, прежде чем сдать их в набор.

Во введении к «Критике гегелевской философии права» Маркс, вслед за Фейербахом, предлагает «перевернуть диалектику Гегеля, чтобы поставить ее с головы на ноги», то есть исходить не из теоретического принципа, а из реальных условий жизни людей. Он считает, что это люди создали Бога по своему образу и подобию и что молитва отдаляет их от социального бунта. Он впервые формулирует мысль о том, что историческая миссия пролетариата состоит в том, чтобы опрокинуть капитализм. В отличие от Гегеля он утверждает, что не Государство управляет Историей, а История формирует Государство, и что люди могут освободиться только своими силами, а не по прихоти доброхота или по воле просвещенного диктатора. Революцию может осуществить только «сословие-освободитель», противостоящее «явному сословию-поработителю». Он упрекает Фейербаха в непонимании того, что

люди, нуждающиеся в братстве, потому восприимчивы к религии, что она дает им ощущение принадлежности к общине. В отличие от бывших товарищей по Профессорскому клубу он утверждал, что религия — всего лишь порождение и искаженное отражение социальных условий, в которых живут люди. «Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, дух бездушных порядков. Религия — опиум для народа». Эти ставшие знаменитыми слова он впервые услышал от Моисея Гесса.

Человек — конечная цель человеческой деятельности. Маркс утверждает: «Самым высшим существом для человека является сам человек». Заботясь о том, чтобы напомнить о своем статусе ученого, он пишет: «Мы приносим миру принципы, которые мир сам разработал внутри себя». Он обращается к левым гегельянцам со знаменитым и угрожающим призывом: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами». Наконец, в противоположность Руге, верившему в неизбежность буржуазной революции в Германии, Маркс заключает: Германия может взяться за дело радикального освобождения человека именно потому, что путь буржуазной революции для нее закрыт по причине ее политической отсталости. «Германия не может совершить революцию, не начав революции с самого основания. Эмансипация немца есть эмансипация человека… Когда созреют все внутренние условия, день немецкого воскресения из мертвых будет возвещен криком галльского петуха».

Потому-то он и рад возможности наблюдать изнутри за притягивающей его внимание политической ситуацией во Франции — авангарде реформации в Европе. Франция, которую так обожал его отец, всю жизнь будет ориентиром и для него самого. Он впервые говорит о «пролетарской революции» и отождествляет дело европейского трудящегося сословия с волей соединить рациональный идеал и реальную жизнь. Он пишет Руге о своей радости от отъезда: «В Париже — старая школа философии, *absit omen*[22], и новая столица нового мира».

Одновременно, в другой статье «О еврейском вопросе…», он оттачивает свой ответ Бруно Бауэру о совместимости политической эмансипации и религиозной идентичности, а также о своей концепции «человеческой эмансипации». На его взгляд, человеческая эмансипация должна положить конец религиозному отчуждению, а путь к ней лежит через освобождение труда.

Полная эмансипация евреев подразумевает, таким образом, не их переход в христианство в том виде, в каком его навязали

его отцу и ему самому, а исчезновение всех религий, одной из форм выражения которых является иудаизм: *«Политическая* эмансипация иудея, христианина, *религиозного* человека вообще, есть *эмансипация государства* от иудейства, от христианства, *от религии* вообще…»

Покончить с иудейством значит покончить и с деньгами. И вот здесь мы подходим к главному, к связи между иудейством и деньгами: «Деньги — это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога». Его собственный опыт научил его представлять еврея в образе торговца. Маркс пишет: «Какова мирская основа еврейства? *Практическая* потребность, *своекорыстие.* Каков мирской культ еврея? *Торгашество.* Кто его мирской бог? *Деньги.* <…> *Химерическая* национальность еврея есть национальность купца, денежного человека вообще».

Покончив с еврейством, можно будет покончить и с деньгами, которые «низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Деньги — это всеобщая, установившаяся как нечто самостоятельное, *стоимость* всех вещей». В буржуазном обществе «единственной связью, объединяющей их, является естественная необходимость, потребность и частный интерес, сохранение своей собственности и своей эгоистической личности».

Покончив с иудейством, можно будет обрушить одновременно христианство и капитализм, основу которых составляет еврейство. Ведь поскольку основой всего является еврейское самосознание, избавившись от него, можно будет избавиться от вытекающего из него христианства и пришедшего на его плечах капитализма. «Еврейство достигает своей высшей точки с завершением гражданского общества; но гражданское общество завершается лишь в *христианском* мире». Для эмансипации верующих, а также националистов, нужно покончить со всеми религиями, но также и со всеми нациями, с основанным ими капитализмом, с правами человека: «Ни одно из так называемых прав человека не выходит за пределы эгоистического человека, человека как члена гражданского общества, т. е. как индивида, замкнувшегося в себя, в свой частный интерес и частный произвол и обособившегося от общественного целого». Таким образом, «лишь тогда, когда человек познает и организует свои „собственные силы“ как *общественные* силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической* силы, — лишь тогда свершится человеческая эмансипация».

Итак, в представлении Маркса иудейство, религия, индивидуализм и деньги неразделимы. Чтобы освободиться от

власти денег, нужно освободиться от всех религий, и в особенности от иудаизма, составляющего их основу. Освободив еврея от религиозного самосознания, мы уничтожим основу всякой религиозности и порожденного ею капитализма. Мы дадим людям освобождение и преобразуем религиозные государства в гражданские общества, где человек станет «мирским существом».

Вот так, после венчания в протестантском храме и разрыва с берлинскими противниками, Карл распрощался со своей юностью и готовился уехать в Париж, оставляя позади себя мать, четырех сестер, а также могилы отца, брата, двух сестер и всех своих предков. По меньшей мере, он так думал. Ибо много позже он напишет: «Традиция всех ушедших поколений довлеет кошмаром над мозгом ныне живущих».

Глава вторая
ЕВРОПЕЙСКИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР (1843–1849)

Третьего октября 1843 года, перед тем как покинуть Трир и Пруссию, Карл попросил Фейербаха написать для своего будущего парижского журнала статью против Шеллинга — крупного философа-идеалиста, властителя дум в Берлинском университете.

Только прибыв в Париж, он узнал, что Фейербах отказался, опасаясь скомпрометировать себя в глазах своих почитателей политическими дебатами, недостойными его статуса. Таким образом, место «ангажированного философа» в политике оказалось вакантным: его займет Карл. Сначала как философ, затем как экономист, потом как глобальный мыслитель, пока сам не станет опальным, то есть не превратится в революционного лидера. Этот постепенный переход свершится в Париже, в те два сумасшедших года, которые он там проживет.

Город, куда прибыли Женни и Карл 11 октября 1843 года, все еще был интеллектуальной столицей мира. В экономическом плане промышленность начинала развиваться во Франции по английскому образцу, с черной металлургии и текстиля; землевладельцы, держащие в своих руках сельское хозяйство и армию, схлестнулись в суровой борьбе с новой буржуазией, владеющей деньгами и фабриками. Скорее всего, французский промышленный капитализм был не таким продвинутым, как британский. Тем не менее его развитие затронуло все французское общество. На юге страны часто разражались бунты в знак протеста против условий, создаваемых для рабочих работодателями. Повсеместная коррупция от самых верхних до самых нижних эшелонов власти поддерживала глубокое недоверие к государству, что предвещало неминуемый кризис.

В политическом плане ситуация была парализована бездействием короля Луи Филиппа, интригами Гизо и амбициями Тьера. В стране сохранялась самодержавная монархия, но это было далеко не полицейское государство, как повсюду на европейском континенте. Во Франции тогда выходило 750 газет, из них 230 в Париже! Мечтатели открыто говорили в них о революции, используя без разбора в своих речах и статьях слова «демократы», «социалисты» и «коммунисты» для обозначения тех, кто выступает за всеобщее голосование, бесплатное образование

для всех, улучшение условий жизни бедноты. Владельцев предприятий порой называли «капиталистами». И если в 1840 году Прудон подвергся преследованиям за то, что написал: «Что такое собственность? Это кража», хотя потом и был оправдан, то Ламартин мог уже без всякого риска писать в 1843 году возмущенные строки: «Вместо свободы труда и промышленности Францию продали капиталистам!»

Таким образом, Париж наряду с Женевой, Брюсселем и Лондоном был прибежищем эмигрантов, прибывавших волнами со всей Центральной Европы, в особенности из Германии, чтобы избежать политической цензуры и полицейских преследований. Некоторые делали крюк через Швейцарию, как портной Вильгельм Вейтлинг, другие приезжали прямо из Пруссии, как сыновья банкиров Людвиг Бамбергер, Якоб Венедей и знаменитый тогда немецкий поэт Георг Гервег.

У парижских немцев было несколько газет, в том числе «Pariser Horen» («Парижское время»), а главное — «Vorwärts!» («Вперед!»), еженедельник, основанный Генрихом Бернштейном, единственное в Европе левое издание на немецком языке, не подвергавшееся цензуре. Они собирались в многочисленных клубах, над входом в которые было написано, чаще всего на нескольких языках: «Все люди братья». Тайные общества росли как грибы. Среди них был «Союз справедливых», основанный в 1836 году в Париже Вейтлингом и организованный по принципу пирамиды: с местными ячейками, кружками и центральной властью. Все эти движения находились в поле пристального внимания полиции Луи Филиппа.

Когда Карл в двадцать пять лет приехал в Париж, он вспомнил о своем отце, бывшем какое-то время французским гражданином, изучавшем на французском языке французское право, безумно влюбленном во Французскую революцию, которая позволила ему, еврею, заниматься любимым делом, а потом разлученном с Францией в 1815 году. В глазах его отца Франция была главной кузницей общественного прогресса, а французский рабочий класс — авангардом мировой революции. В отце соединились три культуры: еврейская, немецкая и французская, и он сумел передать своему сыну страсть к свободе и универсализму. Карл вспоминал обо всех своих разговорах с отцом, которые ему так бы хотелось продолжить здесь, в Париже. Он все еще носил с собой (и часто разглядывал) портрет, который отец подарил ему в их последнюю встречу, летом 1837 года.

Генрих Маркс умер всего пять лет назад, но за это время в жизни Карла столько всего произошло! Всё, что окружало тогда молодого человека, исчезло. Он лишился своего второго отца,

барона фон Вестфалена. Потерял брата и сестру. Отказался от всякой надежды стать профессором, на что рассчитывал его отец. Отдалился от матери и четырех оставшихся сестер.

У него было немного денег, переданных ему его матерью и матерью Женни (она так плакала, когда они уезжали), плюс тысяча талеров компенсации, выплаченной основателями кёльнского журнала — Дагобертом Оппенгеймом, Моисеем Гессом и Георгом Юнгом. Арнольд Руге, заправлявший финансами их общего журнала, пообещал ему ежемесячный оклад в 550 талеров плюс 250 талеров процентных отчислений с каждого номера. В Париже это были более чем приличные доходы. Но главное — с ним была Женни, любовь всей его жизни, женщина, о женитьбе на которой он не смел даже мечтать, но она была здесь, рядом с ним, и уже беременна. Ничего плохого с ним уже не могло случиться.

Как и все немцы, явившиеся в ту пору в Париж, он надеялся, что изгнание долго не продлится, хотя перед его глазами — пример соотечественников, живших здесь уже более двадцати лет. Как и предполагалось, Марксы и Руге сначала поселились в уютном доме у Гервегов, приехавших незадолго до них. Хотя Георг Гервег[23] был революционным поэтом, его жена, дочь богатого берлинского банкира, привыкла жить с комфортом и даже хотела держать собственный литературный салон. Она без всякого восторга встретила вторжение вновь прибывших: по ее мнению, «эта саксоночка [госпожа Руге] и очень умная и честолюбивая госпожа Маркс никогда не уживутся вместе». Она оказалась права: через несколько месяцев чета Марксов съехала и поселилась в доме 30 по улице Вано, в приличной квартире. Они наняли служанку, которой Женни платила по 4 талера в день — очень много по тем временам.

Карл начал общаться с объединениями немецких беженцев. Снова сошелся со своим берлинским знакомым Вильгельмом Вейтлингом, первым человеком ручного труда, встреченным им на жизненном пути; присутствовал на заседаниях «Союза изгнанников», основанного портным семью годами раньше. Он подружился с поэтом Генрихом Гейне, который был старше его на двадцать один год и приходился ему дальним родственником по материнской линии, о чем тогда не знали ни тот ни другой. Поэт был очарован умом этого молодого философа, свалившегося с неба, и почти ежедневно приходил на улицу Вано поговорить о политике и литературе. Они разделяли пристрастие к французским утопистам. Гейне говорил Карлу о Сен-Симоне, тот призывал его поставить свой поэтический гений на службу свободе: «Оставьте эти вечные любовные серенады и покажите

поэтам, как орудовать хлыстом». Гейне интересовался мнением молодого человека о большой политико-социальной сатире, над которой тогда работал («Германия. Зимняя сказка»), хотя обычно терпеть не мог критиков; кстати, он часто жаловался Карлу на нападки журналистов на его творчество. Одна из дочерей Карла, Элеонора, много позже будет вспоминать о том, как ее родители рассказывали: «Это Женни образумила отчаявшегося поэта благодаря своему обаянию и уму. Женни околдовала его; в ней было столько изящества, юмора, элегантности, проницательного и тонкого ума…» Поль Лафарг, женившийся на Лауре, сестре Элеоноры, подтверждает это, хотя тоже не был свидетелем парижских встреч Гейне и Маркса: «Гейне, безжалостный сатирик, опасался иронии Маркса, но глубоко восхищался тонким и проницательным умом его жены».

Карл открыл тогда для себя идеи французского рабочего мира — не наведываясь в мастерские (посещать их было нельзя), но общаясь с коммунистом Этьеном Кабе, который только что напечатал свое «Путешествие в Икарию», и с социалистом Луи Бланом, выдвигавшим близкую ему идею использовать какое-нибудь мощное государство для перехода к бесклассовому обществу, лишенному репрессивного аппарата. Он уважал их политический ум и теоретическую подкованность, но его раздражали их постоянные отсылки к религиозным вымыслам. Тогда он стал искать встречи с Прудоном: познакомившись с его творчеством в Берлине, Маркс восхищался им — это был вундеркинд, сын пивовара и кухарки, с шести лет работавший пастухом, а в десять поступивший за казенный счет в королевский коллеж Безансона, где ему пришлось прервать свою блестящую учебу за неимением денег. Но автор трактата «Что такое собственность?» жил в Лионе, и встретиться им не довелось.

Карл с восторгом осматривает Париж. Он ослеплен только что открывшейся Промышленной выставкой и освещением площади Согласия электрической дугой. Только-только появившееся электричество его завораживает: он видит в нем символ грядущего нового общества, где всего будет вдоволь и всё будет легкодоступным и разнообразным. Он посещает салон графини д'Агу, встречая там Энгра, Листа, Шопена, Жорж Санд и Сент-Бёва. Нет никаких указаний на то, что он коротко сошелся с кем-либо из них. Он проглатывает романы Бальзака, Гюго и Санд, отдавая предпочтение Бальзаку. Вышедший гораздо раньше из-под пера Мэри Шелли «Франкенштейн» произвел на Маркса сильное впечатление, став для него метафорой чудовищности капитала-«кровопийцы». Он с увлечением читает «Вечного жида» Эжена Сю, делает пометки в каждой книге, попадающей ему в

руки, и подумывает, не начать ли писать самому, но никак не может выбрать сюжет. Несколько месяцев спустя Руге, с которым он общался ежедневно, заметил по этому поводу: «Планы у Маркса большие: критиковать естественное право Гегеля с коммунистической точки зрения, потом написать историю Конвента и, наконец, критику всех социалистов. Он все еще стремится написать о последних книгах, которые прочел, но безостановочно продолжает читать и дописывает все новые пассажи». Это замечание, уже высказанное по поводу его первых произведений, станет для Маркса кредо: никогда не бросать написанное. Мы увидим, что он даже бессознательно сделает этот принцип одной из основ своего анализа труда и отчуждения.

Его личность четко оформилась, не претерпев существенных изменений. Знающий себе цену, трудолюбивый, бескомпромиссный, часто неистовый, задиристый, он по-прежнему много курит и, как свидетельствуют некоторые гости, бывавшие на улице Вано, нередко злоупотребляет вином, предпочитая хорошее.

Они с Руге лихорадочно трудились над журналом, хотя быстро поняли, что по-разному смотрят на дело: Арнольд хотел, чтобы их журнал объединял либералов Германии и Франции, тогда как Карл, напротив, намеревался превратить его в орудие революции, чтобы распространять «неумолимую критику всего существующего» и показать превосходство классового сознания над политическим. Арнольд верил в существование «универсального политического и нравственного сознания», не зависящего от материальных условий, в которые оно помещено, тогда как Карл полагал, что абсолютной морали не существует и что интересы разных социальных групп неизбежно антагонистичны. День ото дня споры между компаньонами становились все ожесточеннее.

К размолвке добавилась еще одна неприятность: все французские авторы, которых пригласили в качестве авторов, сняли свои кандидатуры. Ни Кабе, ни Леру, ни Консидеран[24], ни фурьеристы не пожелали связать свои имена с именами двух немцев, открыто называвших себя атеистами; кроме того, они опасались, что новое издание станет экстремистским. Луи Блан, Ламенне и Ламартин вначале было согласились, а потом передумали — по тем же причинам. Маркс представил Руге поэту Гейне, который не возражал против сотрудничества с их журналом, хотя ему и не понравился товарищ Карла: поэт разглядел в Руге конформиста и выразил свое отношение к нему, используя любопытный образ, типичный для романтического стиля: «Как сильно бы он ни восторгался эллинской наготой, он

никак не решится отказаться от варварских современных штанов, даже от германо-христианских кальсон нравственности!»

Карл получил от Моисея Гесса гранки статьи, которую тот намеревался опубликовать и которая произведет большое впечатление на Маркса: «О сущности денег»[25]. Гесс применяет там гегелевские понятия отчуждения и инверсии[26] к социальному и экономическому развитию. Он пишет: «Деньги — это отчужденное богатство человека, добытое им в торгашеской деятельности. Деньги — это количественное выражение стоимости человека, клеймо нашего закабаления, печать позора нашего пресмыкательства». Он предрекает, что с торговыми спекуляциями прекратятся философские и теологические спекуляции, а с политикой прекратится религия. Конец коммерческой спекуляции станет концом царства денег, на смену которым придут «непосредственные и человечные взаимообмены между индивидами».

К концу декабря 1843 года предприятие завершилось крахом: Арнольд и Карл получили материалы для журнала только от парижских немцев, а также от Энгельса, который прислал из Бармена небольшое эссе «К критике политической экономии», которое, как скажет позднее Карл, произвело на него сильное впечатление. Энгельс клеймит в нем лицемерие и безнравственность экономической системы, порожденной частными интересами и свободной торговлей. Он утверждает, что «стоимость — это отношение между затратами на производство и выгодой в том виде, в каком оно проявляет себя при конкуренции». Он обличает экономистов, которые не говорят о стоимости вещей «из опасения, что безнравственность торговли станет слишком очевидна», а потому переворачивают экономику с ног на голову. Благодаря двум этим работам — Гесса и Энгельса — Маркс начинает понимать, что между философией и экономикой можно перебросить мостик.

Из-за отсутствия французских статей проект журнала оказался загублен. Даже его название — «Немецко-французский ежегодник» — утратило весь свой смысл. Руге расстроился и медлил с выплатой жалованья Марксу.

Тем не менее в феврале 1844 года вышел первый и единственный, сдвоенный номер журнала. Письмо Карла к Руге, написанное в 1843 году, стало вступительной статьей журнала. Маркс пишет: «Существование страдающего человечества, которое мыслит, и мыслящего человечества, которое подвергается угнетению, должно неизбежно стать поперек горла пассивному, бессмысленно наслаждающемуся животному миру филистерства. Наша же задача состоит в том, чтобы разоблачать старый мир и

совершать положительную работу для образования нового мира. Чем больше времени будет предоставлено ходом событий мыслящему человечеству, чтобы осознать свое положение, а человечеству страдающему, чтобы сплотиться, — тем совершеннее будет плод, который зреет в недрах настоящего». Он считает, что эмансипация человека возможна лишь при условии радикального преобразования основ гражданского общества путем революции, орудием которой может быть только пролетариат.

Генрих Гейне поместил в журнале сатирическую оду Людвигу II Баварскому. В том же номере были напечатаны две статьи, написанные Карлом прошлым летом: «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение». Карл в их отношении испытывал сомнения, не считая их безупречными; как в детстве и отрочестве, так и всю свою жизнь, ему трудно было признать сочинение законченным и сдать его в в печать. Он добавил еще кусок к первой статье, актуализировав различие между *государственно-гражданской,* политической эмансипацией и тем, что Бауэр называл «человеческой эмансипацией» вообще, подчеркивая между тем положительную роль, сыгранную евреями, добивающимися своего гражданского освобождения, в современной истории. Но там, где Бауэр называет евреев «массой» в противоположность самому себе, якобы являющемуся воплощением Духа, Маркс заявляет о важности для эмансипации осознания своей частной принадлежности к еврейской «массе» и проводит различие между «абсолютным социализмом», идеалистическим и иллюзорным, и «массовым, мирским социализмом и коммунизмом».

Почти полностью написанный на немецком языке «Немецко-французский ежегодник» не встретил большого отклика в Париже. У журнала почти не было французских читателей, а в германоязычных странах он был принят очень плохо. В Вене Меттерних пригрозил строгими санкциями книготорговцам, если те попробуют продавать эту «отвратительную до омерзения писанину». В Берлине прусское правительство велело изъять экземпляры, переправленные из-за Рейна, и даже приказало арестовать издателей журнала, если они появятся на немецкой земле.

И вот Карл, уехавший из Пруссии по собственной воле, уже не может туда вернуться. Но друзья не отступили и стали работать над вторым номером. В жизни даже нашлось место радости, ибо 1 мая 1844 года на улице Вано Женни произвела на свет дочь, которую окрестили ее именем, а они оба потом будут называть ее «Женнихен». Ребенку было всего несколько дней от

роду, когда с ним случились сильные судороги. Карл с женой перепугались, тем более что в то время три ребенка из четырех умирали на первом году жизни. К счастью, в тот момент в доме находился Генрих Гейне. По семейной легенде, он, увидев бьющуюся в судорогах Женнихен, воскликнул: «Надо искупать малышку!» — потом сам приготовил ванну и погрузил в нее ребенка, чем спас ему жизнь.

Арнольд отошел от журнала и тогда же, в мае, поместил в газете парижских немцев «Форвертс» очень жесткую статью против Пруссии, закрывшей перед ним свои двери, — «Король Прусский и социальная реформа». Карл, со своей стороны, усиленно работал над другой статьей, хотя еще не решил, станет ли ее публиковать; он собирался выводы немецкой философии, в частности, концепт, находящийся в центре гегелевской мысли — «отчуждение», применить к экономике, то есть он заговорил о социально-экономическом отчуждении.

Все еще считая Фейербаха «единственным мыслителем, совершившим настоящий переворот в теории», он вернулся к Гегелю. Перечитал некоторые позабытые пассажи учителя своей юности и углубил два ключевых термина его философии, до сих пор остававшиеся в тени, — «отчуждение» и «инверсия». Он самостоятельно проводит идею о том, что «отчуждение» — это процесс, в ходе которого дух отделяется от самого себя, чтобы попытаться найти себя и вернуться к себе; действует против себя, чтобы осознать самого себя. С другой стороны, как и Гегель, Маркс полагает, что философия — по определению «инверсия» здравого смысла и что, таким образом, она устанавливает близкое родство между разумом и его противоположностью — безумием. Значит, истинное единство неразделимо с процессом расчленения, безумие — условие истинности существования. Именно отчуждение переживает Карл в тот момент. И так же, как Гегель в пору работы над «Феноменологией духа», Карл погрузился в «Племянника Рамо» Дидро в переводе Гёте; в этом оригинальном, эксцентричном человеке он увидел самого себя стоящим на социальной и интеллектуальной обочине французского века Просвещения, потрясшим устои морали и ценности здравого смысла. Много позже Маркс пришлет Энгельсу экземпляр «Племянника», подчеркнув в нем множество отрывков.

В письме Фейербаху от 15 мая 1844 года Арнольд снова тревожится по поводу Карла: «Он много читает. Работает невероятно напряженно. У него есть талант критика, что порой вырождается в чистую игру диалектики, и он ничего не может закончить, бросает каждое новое исследование, чтобы погрузиться в очередной океан книг. Он раздражен и груб как

никогда, особенно когда довел себя до болезни, потому что все работал и не спал три или четыре ночи». Он добавляет: «По своим способностям к науке он целиком и полностью принадлежит германскому миру, но своим революционным образом мыслей исключает себя из него».

Карл интересуется всем, в особенности (и всё больше и больше!) техническим прогрессом. Увлеченный первыми возможностями использовать электричество (для освещения нескольких улиц), он с восторгом узнал о том, что 24 мая 1844 года Самуэль Морзе испытал телеграфную линию, установив связь между Вашингтоном и Балтимором. Он увидел в этом предвестие перемен в капитализме — электричество создаст более мобильные средства сообщения и увеличит производительность труда.

Как и многие его современники, он был шокирован 6 июня того же 1844 года избиением силезских ткачей, восставших против своих работодателей. Ему, как и многим в Европе, это событие позволило понять, что рабочие могут восстать и сами, нимало не нуждаясь во вдохновителе или вожде. Бальзак говорил о «современных варварах, которых новый Спартак, наполовину Марат, наполовину Кальвин, поведет на штурм гнусной буржуазии, которой досталась власть». В тот же момент Энгельс заявил о своем восхищении ирландскими рабочими, добавив: «С несколькими сотнями парней их закалки можно было бы перевернуть Европу!» Руге, отрицавшему важность этого происшествия, Карл повторял: «Без революции социализм не может стать реальностью».

В начале лета 1844 года Карл отправил жену с дочерью в Трир, показать бабушке внучку. Там Женни увиделась с Эдгаром, своим любимым братом, только что получившим диплом юриста в Бонне и занявшим в родном городе скромное место чиновника. Карл, оставшись один в Париже, читает, пишет, делает заметки, пока еще не решаясь выбрать сюжет для книги. После событий в Силезии он хотел объединить социальную и политическую борьбу на местах с мировыми экономическими целями. Таким образом, он понемногу отдалился от «критического» материализма Фейербаха и пытался лучше постичь положение рабочего класса. Но он понимал, что для этого его философской начитанности недостаточно, гегелевские концепции тут ему не помогут, а то, что он читал по экономике, чтобы написать статью о расхитителях леса в Пруссии, чересчур поверхностно. Он углубился в систематическое изучение тех великих теоретиков классической экономики, к которым еще не обращался.

Маркс читал Уильяма Годвина, который полагал, что наши

общества больны частной собственностью: «Пороки нынешней системы собственности исчезнут в обществе, где все в равной мере будут пользоваться дарами природы». Читал Томаса Спенсера и Уильяма Огилви, согласно которым частная собственность на землю «веками посягала и препятствовала счастью человечества в гораздо большей степени, чем тирания королей, обман священников и крючкотворство законников». Он открыл для себя Франсуа Кенэ, который в своей «Экономической таблице» развил теорию деления общества на классы в зависимости от источников доходов и их роли в приращении «чистого продукта»: «Нация состоит из трех классов граждан: класса производительного, класса собственников и класса бесплодного». Читал Орэ, который видел в промышленной прибыли часть стоимости, украденной у трудящихся: «Труд — единственная основа собственности и, по сути, любая собственность — не что иное, как накопленный труд». Читал Джона Стюарта Милля, который тоже полагал, что богатства распределяются несправедливо, даже если «объяснение этой несправедливости заложено в исторической случайности, а не в самой природе капитализма».

Больше всего он читал Давида Рикардо, который доказывал, что труд наемного работника в промышленности — истинный источник богатств, а землевладельцы и финансисты обогащаются, не трудясь, в ущерб крестьянам и наемным рабочим. В особенности Маркса интересовала идея Рикардо (почерпнутая у Смита) о *трудовой стоимости,* определяющая заработную плату как *естественную цену труда,* то есть как сумму жизненных средств, разную для разных времен и народов, минимум, который «необходим, чтобы рабочие могли существовать и продолжать свой род без увеличения или уменьшения их численности». Он перечитал Сен-Симона, согласно которому, хотя история обществ есть история классовой борьбы, спасение человечества придет от света Разума и порожденного им технического прогресса. Освободительницей может стать добродетельная технократия. Сен-Симон, помещик-аристократ, разоренный революцией, осознавший необходимость уничтожить свой класс и заговоривший об этом, теперь выглядел пророком прогрессивной буржуазии.

Карл изучал также швейцарского экономиста Сисмонди, который первым подметил решающую специфическую особенность капитализма по отношению к прежним способам производства. Бурное развитие механических средств производства заставляет капиталистов искать рынки сбыта для все увеличивающегося объема продукции. Они бьются не на

жизнь, а на смерть, чтобы завоевать рынки и сократить производственные затраты, урезая заработную плату и увеличивая рабочее время, стараясь угнаться за более сильными конкурентами или упрочить свое положение над более слабыми соперниками. Таким образом, по мере увеличения производства увеличивается бедность, что приводит к острым экономическим кризисам и социальному хаосу. Чтобы предупредить появление этого хаоса и оградить трудящиеся классы от нищеты, государство должно, по мнению Сисмонди, взять на себя контроль за накоплением капитала.

Наконец, Маркс перечитал Прудона (с которым так до сих пор и не встретился лично), полагавшего, что человек осуществляет себя благодаря общественному труду, общественной справедливости и общественному плюрализму, и мечтавшего о «науке об обществе, методически разрабатываемой и легко применимой». Прудон проповедовал одновременно антикапитализм («отрицание эксплуатации человека человеком»), антиэтатизм («отрицание власти человека над человеком») и антитеизм («отрицание поклонения человека человеку»). По мнению анархиста Прудона, справедливости противостоят две силы: накопление капитала, которое постоянно увеличивает неравенство, и государство, которое, под прикрытием демократических институтов, легализует и узаконивает присвоение богатств исключительно капиталистами; государство он обвиняет в организации отъема у самых беззащитных индивидов их естественного права на собственность. Таким образом, он против капитала и против государства. Тогда Карлу казалось, что это «самый смелый теоретик французского социализма».

Он прочел также книгу Лоренца фон Штейна «Социализм и коммунизм в сегодняшней Франции», вышедшую в Пруссии в 1842 году и принесшую в Германию идеи великих французских утопистов. Он изучал первые (неудачные) попытки учреждения коммун в США — это были скромные сельскохозяйственные заведения, с коллективной работой в поле без обращения денег внутри общины. Из книг Томаса Гамильтона он также узнал о существовании в Нью-Йорке группы радикалов *(The Workies),* считавших, что парламентская демократия закончится хаосом, и требовавших периодического перераспределения богатств и земель: «Демократия неизбежно приводит к анархии и конфискации, и то, сколь длинен путь, ведущий к иному обществу, не имеет никакого значения».

После этого Карл начал работать над собственным детищем: глобальной теорией общества. Его устремления отныне не знают

границ. Он видит себя глобальным аналитиком, мировым духом. Он разделил индивидов на два общественных класса в соответствии с природой благ, которыми они обладают: труд и капитал. Отношения собственности между классами составляют базис общества, отмечает он, «над которым возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания». Иначе говоря, индивид существует лишь в классе, к которому принадлежит, выживает благодаря ему и действует именно через этот класс. Вопреки Гоббсу и Гегелю, но вслед за отцом и сыном Карно, с трудами которых по термодинамике он только что познакомился, Маркс говорит на языке прогресса, эволюции, протяженной во времени, Истории. Уже тогда он представляет классовый конфликт «локомотивом» Истории.

Он уже работал с Арнольдом над вторым номером их журнала, который все так же трудно было наполнить, когда, в июле 1844 года, прусское правительство оказало давление на Париж, потребовав от французских властей запретить скандальное издание. Гизо колебался: у него было полно других проблем, и он предпочитал выждать, пока этот новорожденный журнал, не вмешивавшийся во французскую политику, не умрет сам по себе за неимением читателей и субсидий. В самом деле, это предприятие дышало на ладан, журнал очень плохо распродавался, и Руге подумывал о его закрытии.

Тридцать первого июля 1844 года Карл все еще жил один в Париже, когда получил из Берлина первый номер нового ежемесячного издания Бруно Бауэра — «Всеобщей литературной газеты», ставшей печатным органом берлинских младогегельянцев. Прочитав о том, что Бауэр отрицает значение восстания силезских ткачей, Карл дал волю своему возмущению в письмах к кёльнским друзьям. Один из них, Георг Юнг, предложил ему изложить эти нарекания более обстоятельно и опубликовать их: «Неплохо бы Вам преобразить Ваши замечания по поводу Бруно Бауэра в критическую статью для газеты, чтобы заставить Бауэра выйти из своей подозрительной сдержанности. До сих пор он никогда не выражал откровенно и четко своего мнения по какому-либо вопросу; Бауэр настолько одержим манией всё критиковать, что недавно написал мне о том, что надо критиковать не только общество, привилегии, собственников, а еще и пролетариев (до этого еще никто не додумался); как будто критика богатеев, собственности, общества не вытекает из критики нечеловеческих и недостойных условий, в которых живет пролетариат».

Предложение Юнга не только породит статью против Бауэра,

бывшего учителя, но и ляжет в основу всего будущего творчества Карла Маркса, и Маркс всюду будет пытаться дать на него ответ, в том числе в «Капитале», написанном двадцатью тремя годами позже.

Он сразу же взялся за дело. За то лето, что он провел один в Париже, ему удалось свести воедино свои первые идеи в области философии и экономики, прояснить все положения в одной рукописи, не предназначавшейся им для публикации (она будет опубликована только в 1932 году в сталинском Советском Союзе под заглавием «Экономическо-философские рукописи 1844 года»). Это было эссе для личного пользования, с которым автор не собирался расставаться. Впоследствии некоторые пожелали увидеть в нем «настоящего Маркса» и использовали его, чтобы установить, был ли он причастен к чудовищным вещам, совершенным позже его именем. Другие станут критиковать это сочинение, «отсталое» и опровергаемое, по их мнению, последующими произведениями Маркса, упрекая тех, кто увидел в нем истинную мысль Карла, в поисках «черепа Вольтера-ребенка». На самом деле это важное сочинение станет главным этапом в формировании мысли, которая будет постоянно развиваться, никогда не вступая с собой в противоречие, и в основе которой всегда будет сохраняться заложенный здесь двойной принцип: человек должен быть в центре всякого размышления и политического действия; ни одна революция не стоит жизни человека, поскольку ее цель — освободить его.

В этой работе Маркс, отталкиваясь от философии Гегеля, размышляет об отчуждении. Он намеревается «подняться над субъективизмом и объективизмом, спиритуализмом и материализмом, идеализмом и материализмом». Ни больше ни меньше! По Марксу, отчуждение — не философский термин, как у Гегеля, а характерная черта общества: человека отчуждает труд, и ничто иное.

В то же время эта работа отчасти характеризует его самого. Он, ныне отказавшийся от всякой работы по найму, сосредоточивает свой анализ на отчуждении трудом; он, тяжело переживавший положение наемного работника, будучи главным редактором двух журналов, подвластных прихоти их учредителей, превратит собственное отношение к деньгам в основу универсальной теории; он, с величайшим трудом решавшийся отдать рукопись издателю, как раз и увидел основу отчуждения в разлучении человека с плодами своего труда; он, не имевший другой профессии, кроме писательства, думал, что в идеальном обществе каждый сможет безвозмездно заниматься всеми ремеслами, к которым почувствует в себе способности.

Прочитав труды экономистов, основной упрек им Маркс сформулировал следующим образом: все они рассматривали частную собственность априори, и никто не дал исторического объяснения ее появлению. Он же считает, что всё есть труд и порождение труда, начиная с самого человека: «Труд есть акт порождения человека им самим», в труде «человек осуществляет себя». Любой предмет (или почти любой) — это труд: ценность вещей почти полностью определяется трудом. Капитал — всего лишь «кристаллизация труда», «накопленный труд», «мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд», — пишет он, неявно намекая на вампира из «Франкенштейна» Мэри Шелли, только что им прочтенного. Да и вся История, различные формы общества и религии, как и виды собственности — всего лишь продукты труда.

Далее Маркс хвалит Фейербаха, в философии которого «берет свое начало положительная, гуманистическая и натуралистическая критика». Согласно Фейербаху, с философской точки зрения экономическая теория совершенно бесполезна для постижения развития человечества. Чтобы восполнить этот пробел, он дает анализ «отчужденного труда»: «Рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит, чем больше растут мощь и размеры его продукции». Однако, по Марксу, частная собственность не является источником отчужденного труда, напротив, она — его следствие. В его представлении отчуждение тесно связано с самим трудом. В отличие от Гегеля, определяющего отчуждение как отрешение человека от самого себя, и от Фейербаха, связывающего его с религиозной верой, Маркс обнаруживает отчуждение во взаимоотношениях человека с действительностью посредством труда, из чего вытекают различные виды организации общества и религии.

Он различает три уровня отчуждения, связывая все три с трудом. «Объективация» — это когда человек порождает в процессе труда действительность, чуждую ему самому, в виде предметов, которые затем ведут собственное существование: «Его труд существует *вне его,* независимо от него, как нечто чужое ему, и этот труд становится противостоящей ему самостоятельной силой; жизнь, сообщенная им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая». Труд — это боль, страдание, которое «изнуряет физически и разрушает духовно», «внешний труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание». Маркс уже тогда выдвигает мысль о том, что всякий труд есть страдание, потому что всякий труд порождает нечто, что неизбежно будет отлучено от своего

создателя. Возможно, в этом надо видеть и мудрое замечание, касающееся его самого, объяснение того, почему ему на протяжении всей жизни будет так сложно расстаться с малейшим сочинением и счесть его законченным. В нем одна только мысль — поставить слово «конец» под рукописью — вызывает душевную боль, он описывает это страдание в начале своего творческого пути, размышляя о природе всякого труда и о тесной связи между индивидуумом и всяким произведением.

«Отъем» — это когда в капиталистическом обществе владелец предприятия отбирает у наемного рабочего плоды его труда: «Внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому». Здесь тоже упоминание о том, что пережил он сам во взаимоотношениях с издателями, наемным работником которых не так давно являлся (в качестве главного редактора кёльнского журнала) и которые заставляли его производить некий объект, в данном случае газету, — «от него не зависящий, ему не принадлежащий».

Наконец, «порабощение» — это когда наемный рабочий не может вырваться из системы, которая вынуждает его приобретать, чтобы выжить, товары, произведенные другими наемными рабочими, и в конце концов он начинает измерять ценность вещей лишь деньгами, которых они стоят или которые за них можно выручить. Рыночная экономика порождает потребительский индивидуализм, как сказали бы мы сегодня. «Мотив, которым руководствуются обменивающиеся между собой люди, это — не *человеколюбие,* а *эгоизм»,* — пишет Маркс. Вместо всех физических и умственных чувств <…> явилось простое отчуждение этих чувств, чувство обладания. И здесь — намек на его собственное отношение к деньгам, которые он любит тратить, прекрасно осознавая, что таким образом становится зависим от них: «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, непосредственно им владеем, то есть когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д. — одним словом, когда мы его потребляем».

Даже капиталиста конкуренция и рационализация труда побуждает стремиться к абсурдному идеалу, в который возводятся лишения: его идеал — «аскетический, но ростовщический скряга и аскетический, но производящий раб <…>. Чем меньше ты ешь, пьешь, покупаешь книг, чем реже ты идешь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты мыслишь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, удишь и т. д., тем больше ты

сберегаешь, тем значительнее становится то твое достояние, которое не смогут съесть ни моль, ни ржавчина, — твой капитал». Не следует ли и в этом видеть отзвук его собственной склонности к расходам и одновременно отвращение к тем, кто проповедует бережливость и аскетизм? А ведь таковы его родители. Именно они столько раз укоряли его за то, что он слишком много говорит, слишком много любит, слишком много пьет, слишком много рассуждает, покупает слишком много книг и чересчур склонен к дракам.

Наемный работник превращается в такой же товар, как и все другие, в продукт труда, и вступает в общую систему порабощения. Статус и жизнь рабочего определяются тем же законом, который устанавливает цену вещей: спрос на людей неизбежно регулирует производство людей, как и любого другого товара. Если предложение превышает спрос, часть рабочих впадает в нищету или умирает с голоду. Таким образом, существование рабочего сведено к условиям существования любого другого товара. Содержание рабочего сродни уходу за машиной, ибо «заработная плата <…> обладает точно таким же значением, как смазка для механизма, чтобы поддерживать его в рабочем состоянии». Капиталист всемогущ, ибо он по своему решению может отсрочить освоение своего капитала, тогда как рабочий непременно должен продавать свою рабочую силу, чтобы выжить: «Капиталист может дольше жить без рабочего, чем рабочий без капиталиста».

Через это радикально новое описание отношений между человеком, трудом и рынком, вытекающее из личных откровений, а также рассуждений о собственных взаимоотношениях с деньгами, Маркс делает переход от философской концепции отчуждения к экономической концепции эксплуатации. Значительная часть переворота, который совершит позднее его экономическая теория, уже состоялась. Осталось найти критерии, которые позволят измерить эту эксплуатацию и проследить за ее развитием. Для этого придется разработать концепцию «прибавочной стоимости», которая появится на свет одиннадцатью годами позже.

Маркс не сомневался, что своей теорией отчуждения он доказал превосходство философского подхода над теориями экономистов. Одновременно он доказал, что философия — социально обусловленная наука, испытывающая влияние со стороны окружения философа: действие и Дух социальны, в зависимости от содержания и способа существования, свойственных каждому из них, — это социальное действие и социальный Дух.

Маркс продолжает размышлять над обществом, которое сумело бы покончить с отчуждением, и определяет «коммунизм» как общественную систему, позволяющую устранить отчуждение, покончить с присвоением вещей, сделать досуг и труд свободными путем добровольного объединения производителей. «*Коммунизм* как *положительное* упразднение *частной собственности* <…> *есть* подлинное *присвоение человеческой* сущности человеком и для человека». «Поэтому уничтожение частной собственности означает полную *эмансипацию* всех человеческих чувств и свойств; но оно является этой эмансипацией именно потому, что чувства и свойства эти стали *человеческими* как в субъективном, так и в объективном смысле. Вследствие этого потребность и пользование вещью утратили свою *эгоистическую* природу, а природа утратила свою голую *полезность,* так как польза стала *человеческой* пользой». Вот тогда отчужденный рабочий начинает получать удовольствие от труда, производя то, что полезно другим, и каждый становится человеком в полной мере: «Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается богатство субъективной *человеческой* чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз <…>. Вот почему *чувства* общественного человека суть *иные* чувства, чем чувства необщественного человека». Индивидуальность и коллективизм отныне могут сливаться в улучшенной человеческой природе: «Онтологическая сущность человеческой страсти». Это — конец одиночества и даже победа над смертью: «*Смерть* кажется жестокой победой рода над *определенным* индивидом», тогда как «коммунизм… есть *действительное* разрешение противоречия между человеком и природой».

Этот мессианский коммунизм — результат не только политического, а всеобщего исторического развития. Он установится лишь в конце Истории, а не вместо нее: «Коммунизм <…> — решение загадки Истории <…>. Поэтому всё движение Истории есть <…> *действительный* акт порождения этого коммунизма».

Тем летом, пока Маркс работал над заметками, которые составят основной материал всего его творчества, у него произошло несколько определяющих встреч.

В начале июля он лично познакомился с молодым русским революционером Михаилом Бакуниным — царское правительство прислало запрос о его экстрадиции, а он приехал в Париж, чтобы повидаться с Арнольдом Руге, который, как мы видели, уже опубликовал одну его статью под псевдонимом в своей немецкой

газете. Руге попросил у него статью для «Немецко-французского ежегодника» и представил его Марксу. Встреча прошла хорошо: вопреки тому, что станут потом говорить, Маркс в то время не испытывал неприязни к человеку, который через двадцать пять лет станет его злейшим врагом.

В конце июля он, наконец, встретился в Париже с Прудоном, с которым мечтал познакомиться со времени своего приезда во Францию и знакомства с «Что такое собственность?». Карл попытался (тщетно, по признанию самого Прудона) объяснить ему Гегеля; он напугал самого знаменитого французского социалиста, заявив ему, что нужно завоевать государственную власть, применив насилие там, где нет демократии, чтобы сделать ее инструментом экономических и социальных преобразований. Прудон ему ответил, что справедливое перераспределение богатств можно осуществить путем реформирования. Он не хотел «Варфоломеевской ночи пролетариев» и мученических жертв. Они оба часто виделись тем летом, и их споры порой затягивались на всю ночь. Однако их влияние друг на друга было ограниченным, если только не считать (а это маловероятно), что понятие «прибавочная стоимость» в том виде, в каком Маркс сформулирует его одиннадцать лет спустя, восходит своими корнями к расплывчатой концепции «ошибки в счете» — Прудон уличал капиталиста в том, что он не оплачивает «огромную силу, которая происходит от соединения и гармонии рабочих, от дружного и одновременного приложения их усилий».

После этой встречи Маркс написал Фейербаху, чтобы снова выразить ему свое восхищение французским рабочим классом. Трепетное отношение к рабочим унаследовано Марксом от отца — оно сопровождало его всю жизнь. С другой стороны, он заинтересовался материализмом как таковым. Вслед за Фейербахом и Гегелем он сделал униженный и возмущенный пролетариат главным действующим лицом будущей эмансипации и революции.

Карл также беспрестанно пишет Женни, которая все еще находится в Трире у матери. Около 15 августа она отвечает ему, стараясь хоть немного передать атмосферу в их родном городе, путь в который ему заказан, с тех пор как издатели «Немецко-французского ежегодника» попали под опалу прусского короля: «Мой дорогой, я получила твое письмо в тот момент, когда звонили во все колокола, палили изо всех пушек, а благочестивая толпа толкалась в церквях, чтобы вознести хвалу Богу Небесному за чудесное спасение их Бога земного. Можешь себе представить, с каким особенным чувством я прочла стихи Гейне во время этой

церемонии под трезвон хвалебных гимнов».

И тут пришла плохая новость: издатель Юлиус Фрёбель, финансировавшийся Руге, отказался участвовать в издании «Немецко-французского ежегодника». В тот же момент Руге отошел от дел, так и не выплатив Марксу обещанного жалованья, оставив все нераспроданные экземпляры своему компаньону. Тот обратился за помощью к кёльнскому другу Георгу Юнгу, который прислал ему еще 250 талеров в знак поддержки, но «Ежегоднику» пришел конец: у Карла не хватит денег на новые номера. У него нет ни финансовой поддержки, ни французских пайщиков, ни, самое главное, достаточно большой читательской аудитории.

Проживание в Париже отныне лишилось смысла. Но и Пруссия для него закрыта.

Поскольку «Ежегодник» больше не выходит, он пишет для газеты парижских немцев «Форвертс»[27]. 10 августа 1844 года он отдал туда статью о Вейтлинге, тоже нашедшем прибежище в Париже. Маркс назвал небольшую претенциозную работу этого портного, озаглавленную «Гарантии гармонии и свободы», «громадным и блестящим литературным дебютом немецких рабочих».

Двадцать восьмого августа произошло эпохальное событие: Фридрих Энгельс, мимолетная встреча с которым состоялась два года назад в Кёльне, явился на улицу Вано из Бармена, что под Вупперталем, где он работал на заводе своего отца; явился с идеей новой статьи для «Ежегодника», полагая, что журнал еще жив. Он намеревался проследить в ней развитие капитализма от меркантилизма до английской промышленной системы. Карл поражен, насколько глубоко знает мир труда этот молодой самоучка. Однако «самоучка» позже сможет похвастаться тем, что умеет читать и писать на двадцати четырех языках (главным его подвигом станет то, что он выучит персидский за три недели). С 28 августа до 6 сентября 1844 года молодые люди не расставались и, согласно легенде, которую они потом поддерживали, провели десять дней в попойках и бесконечных спорах.

Карл поведал Фридриху, как именно он рассчитывает вырваться из-под власти немецкой философии, которую столько лет изучал, вырваться, потому что она пренебрегает ролью соотношения социальных сил в анализе концепций: он намерен истолковать историю людей и государств через их отношение к экономике и собственности. Фридрих рассказал Карлу о своей сопричастности английскому чартизму и поделился своими планами написать историю рабочего класса (тема статьи, которую он явился предложить), соединив свои собственные наблюдения,

сделанные на семейном предприятии, и информацию, извлеченную из отчетов парламентских комиссий и чиновников министерства здравоохранения — о существовании этих отчетов, которые впоследствии сыграют немалую роль в разработке теории стоимости, Карл впервые узнал именно от него. «Мой успех — в свидетельствах моих противников!» — объяснил Энгельс своему восхищенному товарищу. «Наконец-то, — сказал себе Карл, — есть хоть кто-то, кто знает мир труда, бывал на заводе и может простыми словами говорить как о философии, так и о реальной жизни людей!»

Карл никогда не будет жить, как представитель рабочего класса (даже терпя большую нужду), и ни разу не переступит заводской порог; чтобы понять пролетариат, он станет использовать те же материалы, что и Фридрих, — отчеты, прессу, чужие рассказы.

Много позже Фридрих так опишет их встречу: «Когда я навестил Маркса в Париже летом 1844 года, оказалось, что мы полностью согласны друг с другом во всех теоретических областях; с тех пор и началось наше сотрудничество. Маркс не только пришел к тому же мнению, что и я; он уже выразил его в „Немецко-французском ежегоднике“: в общем и целом, не государство управляет буржуазным обществом, а буржуазное общество управляет государством и определяет его политику; значит, нужно объяснять политику и историю, исходя из экономических условий и их развития, а не наоборот».

В самом деле, молодые люди были похожи и дополняли друг друга. У обоих была потребность иметь перед собой противника, некую мишень, что позволяло, уцепившись за какую-нибудь фразу, углубиться в теорию. И тот и другой, будучи журналистами в душе, опирались только на факты. Их отличия тоже весьма примечательны: один беден, склонен к теоретизированию, порвал связи с матерью после смерти почитаемого отца; другой богат, с практическим складом ума и очень привязан к матери, ненавидя отца. Один — доктор философии; другой был вынужден прекратить учебу, даже не поступив в университет. Один женат; другой не стремится обременять себя семьей (позже он будет жить с одной работницей, Мэри Бернс, но у него будет и много мимолетных связей, в том числе с родной сестрой своей спутницы жизни). Поистине, Карл нашел в Энгельсе своего рано ушедшего из жизни брата, с которым, кстати, тот был почти ровесником.

Фридрих и Карл отныне будут неразлучны как в жизни, так и в размышлениях и деятельности. Ученик и соратник, свидетель их отношений, Поль Лафарг[28], заметит: «Маркс и Энгельс

осуществили в нашем веке идеал дружбы, воспетый античными поэтами».

Сразу же обнаружилось наличие у них общих врагов. Кстати, в те десять дней парижской встречи их беседы в основном сводились к злословию в адрес немецких философов, которых они терпеть не могли или в которых были разочарованы, — Гегеля, Бауэра и других, сегодня не столь известных. В частности, Карл только что прочел «Единственный и его собственность» некоего Макса Штирнера — псевдоним Иоганна Каспара Шмидта, молодого философа, преподававшего в Берлине и называвшего себя «гегельянцем-анархистом» — оксюморон, многое говорящий о смелости его мысли! Претензии Штирнера были безграничны; в частности, он писал: «Я Единственный», «Нет ничего выше Меня», «Ничто — вот на чем я построил свое дело». Он утверждал, что всякий институт — абстракция, реально только индивидуальное сознание, свободно определяющее свои потребности. Маркс предчувствовал, что из штирнеровской болтовни возникнет крупное политическое движение — анархизм. Нужно было любой ценой сразиться с ним, ибо, как он думал, оно не основано на какой-либо социальной действительности. Не говоря уже о том, что Карл пришел в ярость из-за того, что в книге его походя представили «учеником» Фейербаха. Он не может быть учеником кого бы то ни было! Никогда!

В тот самый момент, когда состоялась эта встреча, 29 августа 1844 года, Арнольд Руге, порвавший с Карлом, написал пророческие строки: «Я все еще полагаю возможным, что Карл Маркс напишет очень большую, не слишком абстрактную книгу, втиснув в нее всё им накопленное».

Через десять дней Энгельс должен был вернуться в Германию, на отцовский завод в Вуппертале. Оба решили поддерживать связь и вместе работать, вдали друг от друга, над общими статьями, направленными в первую очередь против современных им немецких философов.

В октябре 1844 года в Бармене Фридрих написал двадцать страниц на немецком, отправил их Карлу — и получил от него через несколько недель, к своему величайшему ошеломлению, триста страниц также на немецком, в которых развивались и уточнялись прошлогодние наброски об отчуждении. Книга сложилась быстро; они подумывали назвать ее «Критикой критической критики», но в итоге получилось название «Святое семейство». Перечитав ее тринадцать лет спустя, Маркс напишет Энгельсу: «Я был приятно удивлен, увидев, что нам не приходится краснеть за это сочинение, хотя культ Фейербаха, отправляемый в нем, теперь выглядит очень забавно».

Это язвительная и подчас смешная книга. Авторы отдают в ней должное Дидро, Гельвецию, Фурье (за эмансипацию женщин) и Прудону (которому они вменяют в заслугу «научный прогресс, совершивший переворот в политэкономии»). По их мнению, бóльшая часть английского и французского пролетариата осознает выпавшую на его долю историческую задачу. Они подчеркивают ограниченность позиции Прудона, который, по их мнению, критикует политэкономию «с точки зрения политэкономии» и, будучи рабочим, может выразить свое мнение только изнутри положения отчуждения, не имея возможности его преодолеть. Ссылаясь на материализм Фурье, Оуэна и Кабе, они приходят к выводу, что «французский материализм ведет прямиком к социализму и коммунизму». В книге почти дословно приводятся целые отрывки из черновых набросков Карла, сделанных прошлым летом: «Как имущему классу, так и классу пролетариата свойственно одно и то же человеческое самоотчуждение. Но первый чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство *своего собственного могущества* и обладает в нем *видимостью* человеческого существования».

В ноябре 1844 года Карл предложил книгу в «Литературный прилавок» — издательство, возглавляемое Фрёбелем, основателем его покойного журнала. Но Руге, бывший одним из акционеров издательства наряду с несколькими уроженцами Кёльна, воспротивился этому проекту: «Пока я заинтересован в „Литературном прилавке“, вы должны запретить себе издавать любую книгу Маркса». Тогда Карл попросил Бернштейна, директора «Форвертс», передать рукопись издателю этой газеты. Безуспешно. Затем Маркс обратился к доктору Лёвенталю, соуправляющему франкфуртским литературным издательством, и тот согласился ее опубликовать, но в письме от 27 декабря 1844 года предложил другое заглавие: «Позвольте мне дать вашей книге более краткое и броское название: „Святое семейство“ [вместо „Критика критической критики“]. Оно произведет бóльший эффект, и надо надеяться, что содержание книги, зачастую выдержанной в юмористическом ключе, его оправдает».

Название заменили, но книга не имела никакого успеха: философская полемика никому не известных немцев в Париже никого не интересовала.

На заре 1845 года капитализм торжествовал по всей Европе, бунты успешно усмирялись. В Париже Анфантен, Лафитг и Ротшильд основали компанию для строительства железной дороги Париж — Лион. В Коррезе крестьяне воспротивились

разделу и продаже общинных земель. В Пруссии были подавлены рабочие мятежи.

«Форвертс» из Парижа приветствовал покушение на Фридриха Вильгельма IV, и это стало последней каплей. 7 января 1845 года прусский король отправил к Луи Филиппу Александра фон Гумбольдта[29] с особым поручением. Тот вручил французскому монарху вместе с подарком длинное послание по поводу «цареубийственных» статей в парижской газете немецких эмигрантов. «Форвертс» закрыли 25 января, и Гизо даже пообещал подумать о высылке дирекции газеты.

Маркс не чувствовал над собой угрозы: хотя он и писал для газеты, но не имел ничего общего с руководством «Форвертс». Теперь он собирал воедино черновые наброски прошлого года, чтобы на их основе написать критическую историю политической экономии, и прежде чем взяться за дело, обошел всех немецких издателей. 1 февраля 1845 года он подписал с Карлом Леске из Дармштадта договор на издание книги «Критика политики и политической экономии», которую обязался предоставить к началу осени. По представлении рукописи он должен будет получить 1500 франков (420 талеров), что примерно соответствовало зарплате рабочего за три месяца; столько же он получит после выхода книги в печать. На самом деле Марксу выдали задаток уже по подписании договора, однако ход событий помешает ему представить рукопись вовремя; более того, он никогда ее не представит и не сумеет возместить издателю полученной суммы. Он опубликует несколько глав из этой книги, но гораздо позже. Одна из них увидит свет двадцать два года спустя в составе книги «Капитал».

Не прошло и двух суток, как Гизо приказал выслать из страны всех редакторов и сотрудников «Форвертс»: Бернштейна, Бернайса, Бюргерса, Руге, Бакунина, Гейне и… Маркса. Одновременно русские власти приказали Бакунину (который был отставным офицером) вернуться на родину. Беженцы оказались зажатыми в тиски.

Когда Карлу объявили, что он должен немедленно покинуть Францию, он словно свалился с небес на землю. Нельзя сказать, что общественность молчала: в среде французских либералов и в журналистских кругах звучали протесты. Список изгоняемых был пересмотрен и решили, что сотрудники газеты могут остаться. Все, кроме Маркса, поскольку он самый неистовый, самый непримиримый, самый лучший из всех и потому что в июле прошлого года на него уже обрушился гнев Пруссии.

Куда податься? Карл колеблется. Он не может вернуться в Пруссию, где со времен запрета журнала он находится под

действием приказа об аресте. Он мог бы поехать в другие области Германии, но там засилье полиции столь же велико. В Лондон? Он не слишком хорошо знает язык. Остаются Швейцария и Бельгия: Швейцария враждебна, но Бельгия, раздираемая между Нидерландами и Францией, положившими глаз на ее земли, — не худший вариант. Находясь под властью государя немецкого происхождения Леопольда I, она радушно принимает беженцев при условии, что они откажутся от всякой борьбы. А Карл хочет только писать, а не бороться. Он поговорил об этом с Женни, которая проявила решимость последовать за ним, куда он пожелает, вместе с их дочерью, которой теперь уже два года. Итак — в Брюссель.

Чтобы покрыть расходы на переезд и обустройство, Энгельс прислал Марксу из Бармена 50 талеров, а затем еще 750, собрав их у друзей и сочувствующих в Кёльне. Это первый известный нам вклад Фридриха в материальную жизнь Карла.

Прежде чем съехать с улицы Вано, Маркс написал Гейне: «Из всех, кого я здесь покидаю, Вас я оставляю с наибольшим сожалением. Я хотел бы увезти Вас с собой». Они больше никогда не увидятся.

Третьего февраля 1845 года Карл прибыл в Брюссель вместе с Женни и с маленькой Женнихен. Женни на втором месяце беременности, Женнихен больна. Окончательного разрешения поселиться в Бельгии он добился только после того, как 22 марта подписал обязательство не заниматься политикой, которого требовали от всех эмигрантов. Он и в мыслях не имел искать работу (ему претило положение наемного работника), намереваясь жить литературным трудом. А пока собранные друзьями деньги пошли на обустройство просторного и удобного дома.

К всеобщему удивлению, в брюссельское изгнание к Марксам приехал Эдгар — младший брат Женни, теперь тоже завзятый демократ. Это был нерешительный юноша с неустойчивыми убеждениями. После учебы в Бонне и нескольких беззаботных лет он стал кандидатом права и получил место стажера в Трирском суде высшей инстанции. Он явился в бельгийскую столицу вместе со своей невестой, некоей Линой Шёлер, и получил небольшую должность в агентстве печати, возглавляемом эмигрантом Себастьяном Зейлером. Женни приютила его у себя, так же как и молодого прусского офицера-артиллериста Иосифа Вейдемейера, с которым Карл повстречался в Кёльне во времена работы над своим первым журналом; Иосиф только что вышел в отставку, чтобы привести жизнь в соответствие со своими коммунистическими убеждениями.

Мать Женни прислала к ним в марте служанку, Хелен Демут, которой тогда было двадцать пять лет, намереваясь сама платить ей жалованье. Хелен (или Ленхен, или Ним) была на два года моложе Карла и на шесть — Женни. Она была родом из Саарской области и говорила по-французски. Она состояла на службе у Вестфаленов с 1837 года, и Женни очень хорошо ее знала. Она останется с ними на всю жизнь. Поль Лафарг, познакомившийся с ней позже, напишет: «Госпожа Маркс относилась к Хелен как к близкой подруге, а Маркс выказывал к ней совершенно особенную дружбу: он играл с ней в шахматы, и ему часто случалось проигрывать. Хелен слепо любила семейство Марксов: всё, что Марксы ни сделают, хорошо, и не может быть иначе. Любой, кто смел критиковать Маркса, имел дело с ней. Она брала под свою материнскую опеку всякого, кого допускали в ближний семейный круг. <…> Она все умела: готовить, убирать, одевать детей, кроить одежду и шить ее — все это она делала вместе с госпожой Маркс. Одновременно экономка и домоправительница, она держала дом в своих руках <…>. Только благодаря ее изобретательности и заведенному ею распорядку и экономии семья никогда не испытывала недостатка в самом необходимом».

В Брюсселе Карл встретился с беженцами, только что уехавшими из Германии, в том числе со своим кёльнским другом Моисеем Гессом и другими, вынужденными по тем или иным причинам одновременно с ним покинуть Париж, как несколько лет назад покинул столицу Франции портной Вильгельм Вейтлинг.

Пятнадцатого марта 1845 года Энгельс опубликовал в Бармене свой первый труд, о котором за полгода до того говорил с Марксом: «Положение рабочего класса в Англии»[30]. Это был великолепный репортаж, цитирующий (некоторые скажут — копирующий) отчеты Фабричной инспекционной комиссии за 1833 год, Инспекции санитарных условий проживания рабочего населения за 1842 год, Комиссии по детскому труду за 1842–1843 годы и Комиссии по исследованию состояний больших городов за 1844 год. Энгельс лично посетил промышленный Ланкашир, район Манчестера, и главные промышленные города Йоркшира — Лидс, Бредфорд, Шеффилд.

Новый широкий жест Фридриха: он отказывается от авторских прав на свою книгу в пользу Карла, с которым мечтает работать вместе. Через три месяца после переезда Марксов в Брюссель он не выдержал и, выведенный из себя атмосферой, царящей в Бармене, решил распрощаться с ремеслом, которым его принуждали заниматься (он называл его «филистерским», это было одно из его излюбленных ругательств, которое вскоре

переймет Карл), тем самым бросив вызов семье. Оставил завод, вытребовал себе небольшую ренту и уехал на жительство в Брюссель в апреле 1845 года в качестве писателя и журналиста на полную ставку. Энгельс так опишет их третью встречу: «Когда мы встретились в Брюсселе весной 1845 года, Маркс уже построил на этой основе материалистическую теорию Истории, завершив ее в основных чертах, и мы сочли своим долгом проработать подробно и в самых разных направлениях нашу новообретенную концепцию».

Маркс перебрался в дом 5 по улице Альянса, в предместье Сен-Жосстен-Нооде, по соседству с Энгельсом и на его же деньги. Женни (она была в Трире, когда Карл повстречал Фридриха сначала в Кёльне, а потом в Париже) наконец-то познакомилась с человеком, о котором столько слышала. Она подружилась с ним, хотя и относилась к нему всегда с некоторым предубеждением — с одной стороны, она слегка ревновала его к мужу, а с другой — ее немного коробило то, что он живет невенчанным с постоянно сменяющими друг друга женщинами.

Друзья сразу же заговорили о работе «Сущность религии», которую только что напечатал в Берлине их бывший кумир Фейербах и в которой он отошел от гуманизма, обращаясь к обедненной форме натурализма, где Бог — всего лишь отражение природы. Поскольку Карл не может удержаться от полемики, он откладывает написание книги, обещанной издателю, чтобы «свести счеты с прежней философской совестью» — на сей раз единственно с Фейербахом. Вместе с Фридрихом в мае 1845 года они работали над критической статьей без всяких планов публикации (опять-таки чтобы не расставаться со своим детищем).

Карл и Фридрих растоптали критику религии Фейербаха, отвергнув ее, поскольку она основана только на индивидуалистической концепции человека: «Сущность человека не есть абстракция, присущая отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений <…>. Общественная жизнь является по существу практичной. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики». Они критикуют «старый материализм» Фейербаха, «созерцательный материализм»: «Самое большее, чего достигает *созерцательный* материализм, т. е. материализм, который понимает чувственность не как практическую деятельность, — это созерцание им отдельных индивидов в гражданском обществе». «Предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта,*

или в форме *созерцания,* а не как *человеческая чувственная деятельность, практика,* не субъективно». Всё это они сводят в одиннадцать сжатых и емких тезисов, самым известным и самым важным из которых является последний: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». Это задаст направление всей их будущей работе.

Составив тезисы, друзья отложили их в сторонку: для них они были всего лишь способом внести ясность в собственные мысли. Карл был счастлив: наконец-то он нашел человека, который, как и он, не любил расставаться со своими произведениями и воспринимал, как и он, отчуждение труда во всех трех его проявлениях как нестерпимую муку.

В июле 1845 года Маркс поехал вместе с другом в Англию. Они провели там полтора месяца. Женни, которой в сентябре предстояло рожать, наверняка предпочла бы, чтобы супруг остался рядом с ней. Но эта поездка произвела на Карла ослепляющее впечатление: ему открылись свобода, царящая в Британском королевстве, и мощь английского капитализма. В Лондоне они повстречали множество немецких беженцев, в том числе довольно известного поэта Фердинанда Фрейлиграта, который теперь выступал против Фридриха Вильгельма IV и работал в одном банке в Сити; он станет одним из их ближайших товарищей. Энгельс представил Маркса лидерам рабочего движения, в том числе Джорджу Джулиану Гарни, руководителю «Союза справедливых», объявлявшему себя «революционным и интернациональным». Эта организация, изрядно выкошенная в Париже, реорганизовалась в Лондоне в 1840 году благодаря уцелевшим ее членам — часовщику Моллю, портному Эккариусу, Шапперу и Генриху Бауэру. Теперь в ней состояли несколько лондонских ремесленников и группа немецких социалистов, находившихся в изгнании в Лондоне; она имела подпольные отделения в десятке немецких городов и действовала там под прикрытием легального Просветительского общества немецких рабочих, занимавшихся народным просвещением. Гарни предложил друзьям писать для газеты чартистов «Северная звезда» *(Northern Star)*. Те согласились, но отложили это на потом. Они наведались также в Манчестер, где у семейства Энгельсов был завод. Фридрих объяснил Карлу, как пользоваться богатствами городской библиотеки, о которых тот даже не подозревал. Вернувшись в Лондон, они примкнули к дискуссиям, предварявшим создание общества «Братские демократы»[31], которое будет основано как раз после их отъезда 22 сентября 1845 года членами «Союза справедливых» и эмигрантами всех

национальностей.

Маркс и Энгельс находят, что идея интернациональной организации, объединяющей всех европейских революционеров, сама по себе интересна, однако ее практическое воплощение в «Союзе справедливых», Просветительском обществе немецких рабочих или обществе «Братские демократы» оставляет желать лучшего. По вечерам во время встреч, сопровождаемых обильными возлияниями, они мечтают объединить вокруг себя всех революционеров, рабочих и интеллигентов Франции, Германии, Англии, России и Италии. Они воображают себе Общество демократов всех народов — общество, которое позволяло бы обмениваться информацией между руководителями демократических и революционных движений всех стран и боролось бы за признание политических и социальных прав трудящихся.

Они вернулись в Брюссель перед самым рождением второй дочери Карла Лауры — 26 сентября 1845 года, как раз тогда, когда в печати вышли фейербаховская критика «Единственного» Штирнера и ответ Штирнера.

С появлением второго ребенка материальное положение Марксов ухудшилось. У Карла не было никаких источников дохода; его скудные сбережения истощились. Его мать по-прежнему не могла выплатить полагающуюся ему часть отцовского наследства. Что же до Энгельса, который помогал ему, как мог, то он, не имея доступа к финансам своей семьи, требовал отчета у своего друга каждый раз, когда тот приходил занять у него денег.

Как и многие немцы в то время, Карл собирался эмигрировать в США, где процветала экономика и расширялась колонизация отдаленных районов, особенно после аннексии Техаса, вызвавшей войну с Мексикой. 17 октября 1845 года Карл подал прошение бургомистру Трира о получении прусского паспорта для отплытия за океан, но получил отказ, поскольку приказ о его передаче следственным органам все еще был в силе. Тогда в письме от 10 ноября 1845 года он отказался от прусского гражданства. Теперь он человек без родины. Он решает не покидать Брюссель. Его жизнь будет неразрывно связана с Европой. Он снова взялся за работу над «Критикой политики и политической экономии», которую заказал ему издатель из Дармштадта Карл Леске четыре месяца тому назад, как раз накануне его депортации из Парижа.

Но в очередной раз, не желая расставаться с законченным произведением, он работает ни шатко ни валко и решает сначала разделаться с немецкой философией — своим собственным

прошлым. Еще долго он будет выискивать различные предлоги, чтобы оттянуть завершение работы, которая выйдет в свет отдельными частями, причем первая из них — двенадцать лет спустя. Работа так и останется незавершенной. Близкие с некоторым укором констатировали: «Маркс никогда не бывает доволен написанным, то и дело вносит в рукопись изменения, вечно находит, что форма выражения недотягивает до уровня замысла…»

Биографы часто забывают отметить, что в начале 1846 года Маркс опубликовал очерк о самоубийстве в журнале «Зеркало общества», которым руководил Моисей Гесс. Когда после Второй мировой войны в Восточной Германии выпустили Полное собрание сочинений Маркса, об этой статье забыли. Возможно, потому, что она списана с книги француза Жака Пеше, полицейского архивариуса, умершего в 1830 году. На самом деле, Маркс основательно переделал эту книгу, переводя ее и цитируя. Пеше рассказывает о самоубийствах, последовавших за неудачами, вызванными личностными конфликтами или безудержными страстями, причем рассказывает в манере, чем-то напоминающей манеру любимого французского писателя Карла Оноре де Бальзака. Маркс, вероятно, прочел книгу Пеше в 1844 году, когда собирался писать о Великой французской революции. Он вычеркнул из текста Пеше разглагольствования на тему религии, заменив их данными собственного социального анализа. Он также придал оригиналу гораздо более революционный настрой. Зато он не стал преуменьшать значения, которое Пеше придает семейному опыту в жизни человека. Маркс пользуется этим, чтобы вставить замечание об «абсолютной власти отца», сравнивая ее с субординацией и зависимостью, превалирующими в гражданском обществе. Разумеется, ничто не позволяет сделать вывод, будто бы Маркс сам подумывал о самоубийстве, хотя нельзя пренебрегать и тем фактом, что он не раз впадал в депрессию. В предисловии Маркс представляет очерк как «пример того, каким образом современная общественная критика во Франции отражает противоречия и гнусности, присутствующие во всех аспектах современной жизни».

С сентября 1845 года по август 1846-го Карл и Фридрих написали новую статью против Фейербаха и Штирнера. Более жесткую, чем «Святое семейство», более конкретную: это «Немецкая идеология» — одна из самых важных их работ, которая так и не найдет издателя. Чуть позже Карл довольно проницательно объяснит мотивы, побудившие их взяться за перо: «Мы решили работать сообща, чтобы выявить антагонизм между нашим видением и идеологической концепцией немецкой

философии, — по сути, свести счеты с нашим прежним философским сознанием… Фридрих Энгельс пришел иным путем (см. «Положение рабочего класса в Англии») к тому же результату, что и я, и когда он тоже поселился в Брюсселе весной 1845 года, мы решили изложить основополагающее различие между нашей концепцией и концепциями немецкой философии, то есть, по сути, порвать с собственным философским прошлым. Этот проект нашел свое выражение в форме критики послегегелевской философии».

Что касается критики немецкой идеологии, то в своей книге они обрушиваются в основном на Штирнера (ему посвящены 499 из 596 страниц оригинального издания!). Маркс и Энгельс укоряют его за то, что он ограничивается обличением институтов, не рассматривая того, что они зародились в конкретных социальных условиях. Они предлагают оценивать идеи и учреждения с точки зрения выражаемых ими материальных интересов. Корят немецких социалистов (бывших берлинских друзей, объединившихся вокруг Бауэра, так называемых «настоящих социалистов») за незнание «реальных условий производства и потребления», за представление о коммунизме как об абстрактной системе, не зависящей от потребностей определенной эпохи. «Коммунисты, — заявляют они в сокращенном варианте работы, — думают и действуют во времени, немцы — в вечности». История повинуется логике, которая являет собой ее движущую силу, поэтому коммунизм неизбежен, но воплотится лишь тогда, когда сознание рабочих в определенных исторических условиях позволит им стать революционерами. «Пролетарии находятся в прямой оппозиции к той форме, в которой индивиды, составляющие общество, до сих пор выражали себя как некоторое целое, а именно к государству, и должны низвергнуть государство, чтобы утвердить себя и стать личностями».

«Немецкая идеология» произвела переворот в европейской политической и социальной мысли по пяти причинам.

Во-первых, в этой работе впервые сформулирована концепция идеологии и названы социальные и интеллектуальные условия, необходимые для революции: экономическими факторами объясняется всё «в последней инстанции», и любую идею следует объяснять через исторический контекст, в котором она была сформулирована: «В любой идеологии люди и отношения между ними предстают перед нами в перевернутом виде, как в камере обскура». Маркс и Энгельс снова используют концепцию отчуждения — как они говорят, чтобы наше изложение было понятно философам, — делая ее основой своего анализа

идеологий: общественная «надстройка» (религия, искусство, идеи) нужна для оправдания ее «базиса» (экономики, реальной жизни). Иначе говоря, надстройка организует отчуждение, которое определяется базисом. Карл и Фридрих добавляют к этому пункту еще четыре важных вывода, которые очень важны для понимания Маркса, но которыми большинство его последователей в большей или меньшей степени пренебрегали.

Прежде всего даже если главенствующее положение занимает идеология правящего класса (хозяев экономики), людская мысль и действие не являются заложниками экономических или социальных факторов; угнетенные могут восстать, проникнувшись «классовым сознанием». Точно так же могут существовать свободные произведения искусства, не связанные с экономическим соотношением сил, хотя и не бывает истории политики, права, науки, искусства, религии и т. д., существующей независимо от истории производства.

Далее: капитализм — обязательное предварительное условие коммунизма, ибо на всех предшествующих ступенях развития общества производство до того мало развито, что при смене строя повсюду наступит обнищание масс, а вместе с нуждой возобновится борьба за самое необходимое, и человечество опять будет барахтаться в той же грязи.

Кроме того, коммунизм — не идеальное общество с раз и навсегда определенными очертаниями, а «движение» к индивидуальной свободе, которую предстоит беспрестанно завоевывать и изобретать: «Коммунизм для нас не статичное состояние, не *идеал,* с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние <…> В коммунистическом обществе, когда никто не ограничен исключительным кругом деятельности, каждый может совершенствоваться в любой отрасли; общество регулирует всё производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра — другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, — как моей душе угодно, — не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком». Поэтому, например, в коммунистическом обществе будут не живописцы, а люди, которые, среди прочего, занимаются живописью. Благодаря коммунистической революции и отмене частной собственности каждый индивид получит возможность пользоваться продукцией всего мира во всех областях (здесь прослеживаются рекомендации Генриха Маркса развивать не только умственные способности, но и физические, моральные,

художественные и политические).

Наконец, коммунизм может быть только всемирным: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное „сразу“, одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения». Таким образом, пролетариат не может существовать вне мировой истории; как и коммунизм, его задачи могут быть только «всемирно-историческими».

Итак, по Марксу и Энгельсу, мировой капитализм — необходимое предварительное условие для коммунизма, который станет возможным лишь благодаря восстанию против господствующей идеологии в завершающей фазе капитализма, ставшего мировым. Он установится как общепланетная система и будет претерпевать постоянные перемены, стремясь к большей индивидуальной свободе.

В этой работе угадывается радость открытия, ликование в связи с обнаружением способа сразиться с великаном Гегелем и избавиться раз и навсегда от всех его учеников — от Фейербаха до Штирнера. Однако этот фундаментальный труд, ознаменовавший собой беспрецедентный поворот в размышлениях человека о самом себе, не удалось опубликовать за неимением издателя.

Друзья об этом не жалели. Позже Маркс спокойно напишет: «Рукопись — в объеме двух толстых томов в восьмую долю листа — давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают публикацию невозможной. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель — уяснение дела самим себе — была достигнута».

В очередной раз его охватило нежелание расстаться со своим детищем. Фридрих, который оказался не столь тверд духом, был разочарован больше Карла тем, что их совместный труд не дал результата.

Оправиться от неудачи помогло действие. Настал момент перейти к политической борьбе, о чем они мечтали с самого возвращения из Лондона. Они вознамерились стать в центре европейской революционной сети и даже — почему бы нет, они ни в чем не сомневаются, — возглавить ее. После того что они видели в Лондоне, уже не могло быть и речи о том, чтобы ограничиться теорией, пусть даже теорией действия. Нужно действовать. И не бояться конкуренции со стороны лондонских группировок.

В конце марта 1846 года Маркс присутствовал на съезде

журналистов-коммунистов в Брюсселе. Там он выдвинул идею о том, что до наступления коммунистической революции общество должно пройти через этап, когда власть будет принадлежать буржуазии. Он намеревался произвести «очищение» коммунизма, сражаясь одновременно с «ремесленниками» и «философами». По словам Вильгельма Вейтлинга, представлявшего одно из этих двух течений и участвовавшего в собрании, Маркс был крайне возбужден и пылок. Съезд завершился в страшном шуме и гаме, Маркс вместе с другими кричал и размахивал руками.

В начале весны того же года, заканчивая работу над своей книгой, друзья основали в Брюсселе организацию по образу и подобию «Союза справедливых» (ранее «Союза изгнанников») Вейтлинга, назвав ее Коммунистическим корреспондентским комитетом. Хотя официальной целью новой ячейки (в ней всего четырнадцать членов) является «поддержание постоянных связей между „Союзом справедливых“ и всеми социалистическими организациями Европы», на самом деле она видит своей задачей заменить собой лондонский союз, чтобы оказаться в самом центре революционного движения в Европе. Карл и Фридрих предложили самым значительным брюссельским беженцам войти в число основателей их объединения. Публика подобралась самая разношерстная: немецкий портной Вильгельм Вейтлинг; кёльнский еврей-буржуа Моисей Гесс; прусский офицер-артиллерист в отставке Герман Криге; русский писатель Павел Анненков; прусский аристократ, брат Женни, Эдгар фон Вестфален. Таково было первое ядро будущего Коммунистического интернационала. К ним примкнул немецкий журналист из Нью-Йорка Карл Грюн.

Наловчившись налаживать механизмы власти, Карл установил для Коммунистического корреспондентского комитета правила, позволявшие ему исключать любого, кто отклонится от намеченной им линии. Исключения не заставили себя ждать.

Первым выбыл Вейтлинг, который теперь раздражал Маркса своим самодовольством. В самом деле, уже на первом собрании Карл потребовал от членов комитета отринуть «истинный социализм», то есть идею общего блага для всех людей. Вейтлинг и Грюн были с этим не согласны: вслед за Прудоном они полагали, что существует нечто вроде «блага человечества», что победа буржуазии и парламентской демократии сама по себе станет огромным шагом вперед и принесет пользу рабочим. Вейтлинг добавлял, что рабочие должны прочесть брошюру, недавно изданную им в Швейцарии, в которой он сравнивает себя с Иисусом Христом! Согласно Анненкову, который вел подробный протокол заседания, Маркс вспылил: «Скажите нам, Вейтлинг, вы ведь наделали столько шуму в Германии вашими коммунистическими проповедями, каковы теоретические основы вашей социал-революционной деятельности? На какой теории намереваетесь вы основывать ее в будущем? Без ясного учения народ не сможет сотворить ничего, кроме шума и бунтов, обреченных на поражение. А они только подрывают наше дело!» И когда Вейтлинг объяснил, что рабочим всего лишь нужно прочесть его собственные сочинения, Карл взорвался, стукнул кулаком по столу и проревел: «Невежество еще никому не

помогло!» Вейтлинг хлопнул дверью, Грюн ушел за ним из чувства солидарности.

Месяц спустя в письме Гессу, присутствовавшему на собрании, Вейтлинг представил собственную версию разрыва с Марксом: «Я пришел к выводу, что в настоящий момент не может быть и речи об осуществлении коммунизма в Германии; сначала захватить власть должна буржуазия».

После Вейтлинга с Грюном из комитета вышел Гесс, напуганный тем, какой оборот приняло дело, и привлеченный другими авантюрами: некогда подсказав Марксу, в его первой работе о Гегеле, фразу, обличающую религию как «опиум для народа», он вскоре зарекомендует себя поборником еврейского национализма и провозвестником сионизма.

Маркс пытался придать своему комитету международный размах. 2 мая 1846 года он написал Прудону, только что опубликовавшему «Философию нищеты», предложив ему стать его корреспондентом в Париже. В своей новой книге Прудон писал, что История — это «работа по выравниванию», проходящая через четыре века: век языка, психический век, революционный век, «когда род людской выискивает теорию своих нравственных и экономических законов и пытается осуществить ее в политике и религии», и, наконец, социальный век, когда экономический принцип опирается «на два главных предшествующих принципа религии и управления». Он различает «собственность» и «обладание» и советует: для того, чтобы оградить личную свободу от общественного принуждения, «уничтожьте собственность, сохранив обладание, и этим одним-единственным изменением в принципе вы полностью измените законы, управление, экономику, общественные учреждения».

В своем письме к самому знаменитому из французских социалистов Карл не смог удержаться, чтобы не предостеречь его в постскриптуме от общения с Грюном, который пошел по стопам Вейтлинга. А ведь Грюн был другом Прудона.

Четвертым выбыл 11 мая 1846 года офицер Криге, исключение которого состоялось одновременно с утверждением ухода Грюна — под предлогом разногласий по поводу финансирования комитета.

История этого исключения заслуживает внимания. Герман Криге, поселившись в Нью-Йорке, основал там газету «Народная трибуна». Карл помпезно назвал его «корреспондентом» умирающего Союза коммунистов; Криге пришла в голову злосчастная идея разделить территорию Америки на равные наделы и передать их в безраздельную собственность крестьянам. Святотатство! Карл созвал заседание руководства союза, чтобы

разоблачить Криге как апологета частной собственности; он составил «Циркуляр против Криге», на основании которого присутствующие приняли решение об исключении журналиста и сообщили об этом всему свету. 17 мая Прудон отказался примкнуть к комитету — если только, как объяснит он позже, Маркс не согласится путем «открытого и честного спора явить миру пример ученой и предусмотрительной терпимости». И добавил: «Ради бога, давайте не будем, уничтожив все догматы априори, в свою очередь делать догматами наши собственные взгляды!» Позиции обоих казались непримиримыми.

Так Карл нашел новую мишень для своего сарказма. После «Немецкой идеологии», вместо того чтобы вернуться к книге об экономике, обещанной издателю к июлю прошедшего года, он взялся составлять ответ на «Философию нищеты» Прудона. В тексте, иронично озаглавленном «Нищета философии», он начал с анализа грядущей бесклассовой демократии: «Значит ли это, что после крушения старого общества наступит новое главенство класса, выражающееся в новой политической власти? Нет!.. В процессе своего развития рабочий класс заменит старое гражданское общество объединением, которое исключит классы и антагонизм между ними, и не будет больше политической власти как таковой, поскольку политическая власть — это официальное выражение антагонизма в гражданском обществе… Не говорите, что общественное движение исключает движение политическое. Не бывает политического движения, которое одновременно не было бы социальным. Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями…»

Затем Маркс разрушает то, чему поклонялся еще несколько дней назад, выказывая крайнюю жестокость и бесконечную неискренность: «Во Франции за ним [Прудоном] признают право быть плохим экономистом, потому что там он слывет за хорошего немецкого философа. В Германии за ним, напротив, признается право быть плохим философом, потому что там он слывет за одного из сильнейших французских экономистом. Принадлежа одновременно к числу и немцев, и экономистов, мы намерены протестовать против этой двойной ошибки». В конце статьи Маркс заявит с еще большей злобой: «Он хочет парить над буржуа и пролетариями, как муж науки, но оказывается лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между капиталом и трудом, между политической экономией и коммунизмом».

Маркс никогда не отречется от этих слов и заявит в 1880 году, что чтение «Нищеты философии» и «Манифеста Коммунистической партии» может служить введением к чтению

«Капитала»: «„Нищета философии“ содержит в себе основы теории, развитой, после двадцати лет труда, в „Капитале“».

В то время как британский парламент отменил закон о торговле зерном, устанавливавший пошлину на импорт заграничного хлеба, возвещая тем самым зарождение свободной торговли в июне того же 1846 года, Карл предпринял попытку заменить выбывших членов комитета. Он встретился с Вильгельмом Вольфом — трогательным созданием, в будущем его самым преданным помощником. Сын сельских батраков из Силезии, Вольф вырос в нищете и страхе, будучи вечной мишенью для насмешек со стороны помещичьих отпрысков; с помощью одного священника ему удалось поступить в школу, потом в университет, там он изучал филологию и стал заправилой студенческого землячества Бреслау. Отсидев четыре года в тюрьме за пропаганду коммунизма, он выехал в Брюссель. «Редкий человек в невзрачной оболочке», — вынес свое суждение Энгельс с первой же их встречи. Вольф, которого Карл прозвал «Лупусом», переведя его фамилию с немецкого на латынь, сразу же вошел в брюссельский Коммунистический корреспондентский комитет. Позднее Маркс посвятит «Капитал» этому верному товарищу.

В двадцать восемь лет Маркс хотел быть уже не только литератором, но и человеком действия. По воспоминаниям одного из посетителей комитета, он «человек, созданный из энергии и непоколебимой убежденности… Говорил он всегда непререкаемым тоном, не терпящим никаких возражений. Его грубый, безапелляционный, категоричный тон выражал уверенность в том, что его назначение — повелевать всеми умами и устанавливать для них законы. Я видел перед собой воплощение „демократического диктатора“».

В октябре 1846 года Маркс потерял предпоследнего члена-основателя своей группы: Эдгар, брат Женни, решил уехать в Америку. Собрав некую сумму денег — часть из них была занята у сводного брата Фердинанда (который преуспевал в Берлине в самых реакционных кругах), — он отправился в Техас, бросив невесту в Брюсселе. Женни была очень огорчена отъездом брата. Карл же, скорее, испытал облегчение после отъезда человека, которого он называл теперь не иначе как «этот бездельник Эдгар».

В конце ноября краковские рабочие восстали и устроили бунты против своих хозяев, что повлекло за собой вмешательство Австрии, аннексировавшей город. В Париже Фредерик Шопен, уже будучи смертельно болен, сочинил самую красивую свою баркаролу в честь соотечественников. Маркс написал несколько

статей в поддержку польских рабочих, борющихся как с русскими и австрийскими оккупантами, так и со своими польскими хозяевами. Многие руководители социалистов заговорили тогда о необходимости настоящей международной рабочей солидарности, чтобы противостоять подобным ситуациям. Как никогда раньше, Карл был уверен в том, что эту роль должен взять на себя его Корреспондентский комитет. Он должен создать международную сеть и взять под свою власть лондонский союз.

В конце года он послал Энгельса в Париж, чтобы создать из французских активистов и немецких беженцев парижский комитет, связанный с брюссельским. Заявив о своем намерении вывести их из-под влияния «ремесленного и философского коммунизма» Грюна и Прудона, Энгельс сколотил в Париже группу, назначил себя ее главой и вернулся в Брюссель.

В январе 1847 года руководство «Союза справедливых» в Лондоне заинтересовалось этим энергичным брюссельским комитетом и направило одного из своих членов в Бельгию, чтобы предложить комитету примкнуть к нему. Маркс и Энгельс согласились, убежденные в том, что смогут взять власть в союзе, как только в него войдут. В марте брюссельский Комитет официально влился в Центральное руководство «Союза справедливых» и стал называться «Брюссельский окружной комитет». В то же время Карл начал писать для немецкой газеты, издаваемой в Брюсселе, — «Дойче-Брюсселер цайтунг». И сразу же попал под надзор полиции — ведь он жил в Бельгии с условием, что не будет заниматься политикой.

В тот год общая экономическая ситуация ухудшилась. Низкие урожаи, вызванные в том числе болезнью картофеля и плохими погодными условиями, повлекли за собой рост цен на сельхозпродукцию; более полумиллиона человек в Европе умерли от голода. Этот новый кризис совсем не походил на прошлые, по преимуществу сельскохозяйственные кризисы, — добавилось перепроизводство промышленных товаров, банкротство фабрик, рост безработицы среди рабочих. В Англии кризис поразил хлопчатобумажную промышленность и железнодорожные компании. По всему континенту прокатилась волна беспорядков: во Франции — нападения на перевозчиков зерна, в Вюртемберге — голодные бунты, в Генуе — восстания с требованием хлеба, в Вене — разграбление булочных…

В то время как Абель Ньепс де Сен-Виктор, племянник Нисефора, сделал в Париже первую фотографию на стеклянной пластинке, о себе заявили «левые». Маркс напечатал в «Форвертс», которую снова разрешили, статью по случаю третьей годовщины восстания силезских ткачей по соседству со стихами

Гейне на ту же тему:

> В глазах угрюмых слезы не блещут,
> Сидят за станками, зубами скрежещут;
> Ткем мы, Германия, саван твой,
> Тройное проклятье плетем каймой,
> Ткем мы, и ткем мы!..

Первого июня 1847 года съезд «Союза справедливых» в Лондоне ратифицировал присоединение бельгийского комитета и поглотил общество «Братских демократов». Энгельс участвовал в работе съезда в качестве делегата от парижского отделения Брюссельского окружного комитета; последний представлял Вольф. За неимением денег Маркс остался в Бельгии, однако его влияние стало значительным, поскольку его люди действовали в союзе с позиции силы и помогли Иосифу Моллю подготовить собрание. Задача заключалась в том, чтобы «заменить смесь франко-английского коммунизма и немецкой философии, составлявшую тайную доктрину союза», научным видением, которое могло бы помочь рабочему авангарду в борьбе. «Союзу справедливых» следовало отказаться от заговорщических методов. По инициативе Маркса, он изменил название и стал называться Союзом коммунистов; таким образом произошло отмежевание от социалистов — как «истинных», так и «ложных». На конгрессе был принят устав Союза коммунистов. Союз изменил и свой лозунг: вместо «Все люди братья» поэта Роберта Бернса — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», лозунг парижских рабочих восстаний. Энгельсу поручили составить «символ веры» новой организации.

Объясняя, почему Карл пользовался таким авторитетом, один из его будущих соратников, который тогда еще не был с ним знаком, приводит слова одного из его старых товарищей: «Члены Союза коммунистов называли его „папашей Марксом“, хотя ему не было еще и тридцати… Маркс, в самом деле, был крепко сложен: рост выше среднего, широкие плечи, хорошо развитая грудь; у него было пропорциональное тело, хотя туловище чуть длинновато в сравнении с ногами, что часто бывает у евреев. Если бы он занимался гимнастикой в юности, то стал бы чрезвычайно силен. Единственным физическим упражнением, которое он выполнял регулярно, была ходьба; он мог часами ходить или взбираться на холмы, болтая и куря, не чувствуя ни малейшей усталости… У себя в кабинете он работал на ходу, лишь изредка присаживаясь, чтобы записать то, что выработал его мозг, пока он расхаживал по комнате. Даже во время разговора он

любил ходить, останавливаясь время от времени, когда спор оживлялся или беседа принимала важный оборот».

Для пополнения рядов своих сторонников и чтобы занять главенствующую позицию внутри нового Союза коммунистов, Маркс основал в Брюсселе в августе 1847 года Немецкое рабочее общество по образцу того, которое он видел в Лондоне и о котором думал уже два года. Это была массовая организация, предлагавшая неполитизированным немецким трудящимся, поселившимся в Бельгии, разные виды организации досуга, от общего и гражданского образования до игр, пения и театрального искусства. Председателем стал Моисей Гесс, еще сохранявший связь с Марксом, казначеем — Вильгельм Вольф. По средам общество устраивало дебаты по проблемам рабочих, а по воскресеньям — политические дискуссии (женщины могли на них присутствовать). Немецкое рабочее общество завязало отношения с фламандскими и валлонскими рабочими обществами и отрядило своих самых активных и политически ангажированных членов в Брюссельский окружной комитет Союза коммунистов.

В начале сентября 1847 года, когда в Брюсселе вышла «Нищета философии» — его критика Прудона, написанная сразу по-французски, — разрыв Маркса с французскими патриархами социализма стал окончательным. Книгу заметили, но она ничего не принесла своему автору. Карл занимал деньги направо и налево, чтобы как-то жить, и писал (жалуясь Павлу Анненкову, который тогда исполнял обязанности его секретаря), что «дохода жены недостаточно»: это свидетельствует о том, что она получала какую-то помощь из Трира.

В Париже республиканские настроения пробудились после семнадцатилетней спячки. 9 июля 1847 года «банкетная кампания»[32] активизировала в столице Франции всю республиканскую оппозицию с единым требованием: реформа избирательной системы. Банкет был формой досуга, позволяющей обойти полицейский запрет заниматься пропагандой.

В тот самый момент, когда в Лондоне Союз коммунистов выпустил первый номер своей газеты под девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — в сентябре 1847 года, — Карл был в Брюсселе на банкете, празднуя всемирное братство трудящихся. Гостей было сто двадцать: бельгийцы, немцы, швейцарцы, французы, поляки, один итальянец и один русский. По такому случаю было решено создать Демократическую ассоциацию за союз всех стран. Из немцев в нее вошли Карл Маркс, Моисей Гесс, Георг Веерт, оба Вольфа, Штефан Борн и фон Борнштадт. Первым важным мероприятием этого общества стало собрание в память о польском восстании 29 ноября. Маркс ввел Брюссельскую

демократическую ассоциацию в Союз коммунистов и намеревался сделать из нее бельгийскую политическую партию «пролетарских революционеров».

И тут он получил лучшую новость, на какую только мог надеяться: у него родился сын, которого Женни решила назвать Эдгаром в честь брата, уехавшего в Америку. Карл уже давно мечтал о сыне, с которым смог бы поддерживать те же отношения, что и он когда-то со своим отцом.

В октябре в очень большой статье, опубликованной в «Дойче-Брюсселер цайтунг» под заглавием «Морализирующая критика». Маркс изложил идею, которую уже развивал, не вынося на суд публики: социалистическая революция произойдет гораздо позже революции буржуазной. Если пролетариат свергнет монархии, его победа станет только первым этапом в процессе самой буржуазной революции и послужит ее делу. Пролетариат сможет одержать настоящую победу над буржуазией только тогда, когда ход Истории создаст материальные факторы, которые породят необходимость покончить с буржуазными способами производства и, следовательно, с политическим господством буржуазии. Выступая против террора, Маркс красочно пишет: «Господство террора во Франции могло… послужить лишь тому, чтобы ударами его страшного молота были стерты сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции. Буржуазия с ее трусливой осмотрительностью не справилась бы с такой работой в течение десятилетий. Кровавые действия народа, следовательно <…> расчистили ей путь». Политические дебаты, необходимые для возникновения политического сознания пролетариата, зародятся в рамках парламентской демократии: «В Англии рабочие образуют политическую партию под названием *чартистов,* в Северной Америке — политическую партию под названием *национальных реформаторов;* их боевой клич — вовсе не „монархия или республика“, а „главенство рабочего класса“ или „главенство класса буржуазии“. Именно в современном буржуазном обществе с соответствующими политическими формами — представительное, конституционное или республиканское государство — „вопрос о собственности“ стал важнейшим „социальным вопросом“».

Отсюда уже ясно, что то применение, которое нашли мысли Маркса, далеко от его истинных намерений: Маркс против террора, который, в его глазах, пойдет на пользу только буржуазии; он решительно против всякой революции в странах, где капитализм и демократия еще недостаточно развиты; он полагает, что революционное сознание рабочего класса может зародиться только в рамках парламентской демократии. Читая

эти строки, можно понять, почему он никогда не поверит в успех коммунистической революции в России.

В октябре 1847 года Карл через своего зятя из Маастрихта Шмальгаузена ведет переговоры с матерью о возмещении ему части отцовского наследства. Все тщетно.

Пятнадцатого ноября он согласился стать вице-президентом Демократической ассоциации, председателем которой был бельгиец Люсьен Жоттран, а целью отныне открыто провозглашалось создать «постепенно в Бельгии сильную, единую и организованную демократическую партию». Маркс окончательно нарушил взятое им по приезде в Брюссель обязательство не вмешиваться в политику. Бельгийские власти пока еще не поставили ему это на вид, но надзор за ним усилился.

Двадцать девятого ноября в Париже, на банкете по поводу первой годовщины подавления восстания в Кракове и в память о польском восстании 1830 года, Бакунин, все еще находившийся во французской столице, призвал поляков и русских «объединиться против иностранного ига». Его выслали из Франции по требованию русского посла Киселева, и он укрылся в Швейцарии.

В тот же день в Лондоне открылся II съезд Союза коммунистов. В память о польском восстании 1830 года устроили митинг. На нем выступили и Маркс, и Энгельс: последний — от имени Парижского окружного комитета, первый — от имени Брюссельской демократической ассоциации (но не Брюссельского окружного комитета). Карл заявил: «По сравнению с другими странами Англия является страной, где противостояние пролетариата и буржуазии достигло своего апогея. В силу этого победа английских пролетариев над английской буржуазией имеет решающее значение для победы всех угнетенных над их угнетателями. Вот почему Польшу надо освобождать не в Польше, а в Англии». После долгих споров было решено, по предложению Энгельса, заменить «символ веры», о котором шла речь на прошлом съезде, «коммунистическим манифестом», который поручили написать Карлу на основе черновика, набросанного Фридрихом — тому не удалось пойти дальше двенадцати пунктов.

В декабре Энгельс снова в Лондоне, на собрании центрального комитета союза. Постановили, что целью организации является «свержение буржуазии, установление господства пролетариата, уничтожение старого буржуазного общества, основанного на классовом антагонизме, и установление нового общества, бесклассового и без частной

собственности».

В январе 1848 года Энгельс приехал в Париж и увидел, что у товарищей по союзу — сплошная деморализация, междоусобное соперничество и мелочные придирки. Французские рабочие круги по-прежнему находятся под влиянием Прудона и Вейтлинга. 31 января Энгельс вернулся в Брюссель, изрядно упав духом.

Тем временем Маркс в Брюсселе еще не начал писать манифест, который у него довольно нетерпеливо требовал союз. Дело в том, что он был занят подготовкой двух важных речей, которые произнесет в начале января 1848 года и которые ознаменуют собой поворот в его мировоззрении.

Одна из них была посвящена свободной торговле. В то время как по поводу отмены законов о торговле зерном, защищавших английское сельское хозяйство, еще шли споры, Карл намеревался объяснить рабочим, почему свободная торговля и универсализация рынков желательны: ускорив развитие капитализма, глобализация откроет дорогу социализму. 9 января 1848 года в Брюсселе, выступая перед Демократической ассоциацией, он произнес важнейшую речь о свободной торговле, по содержанию опять-таки очень далекую от того, что многие даже сегодня вкладывают в его уста: «Приходится признать, что наиболее благоприятная ситуация для трудящегося — это рост капитала… В наше время протекционистская система чаще всего консервативна, а система свободной торговли — разрушительна. Она упраздняет национальные различия и доводит до предела антагонизм между буржуазией и пролетариатом. Одним словом, система коммерческой свободы приближает социальную революцию. Только в этом революционном смысле я выступаю, господа, за свободную торговлю». Таким образом, «мировой дух» не представлял себе социализм без универсализации рынка.

Вторая речь — об эксплуатации: она была произнесена перед Немецким рабочим обществом и позже получила известность под названием «Наемный труд и капитал». В этой работе Карл впервые в общих чертах намечает свою теорию прибавочной стоимости. В этом своего рода вводном курсе экономики для рабочих обрисованы его идеи о том, каким образом капиталисты присваивают себе ценность, создаваемую рабочими, оплачивая лишь издержки на их воспроизводство, а не то, что они производят. «Следовательно, заработная плата не является долей рабочего в произведенном им товаре. Заработная плата есть часть уже имеющихся налицо товаров, на которую капиталист покупает себе определенное количество производительного труда. Итак, труд есть товар, который его владелец, наемный рабочий, продает капиталу. Зачем он его продает? Чтобы жить».

Тем временем почти по всей Европе самодержавные монархии начали давать трещину. 12 января 1848 года мятеж в Палермо и Неаполе вынудил Фердинанда II предоставить своим подданным конституцию. С этого события начались революции 1848 года.

Двадцать шестого января Центральный комитет Союза коммунистов потерял терпение: он сообщил из Лондона в брюссельский окружной комитет о своем решении от 24 января, предписывающем Марксу представить рукопись «Манифеста» для печати до 1 февраля или вернуть документы, предоставленные в его распоряжение для его написания. Карл решился и за последнюю неделю января написал «Манифест Коммунистической партии».

Для него это работа на заказ, а не личное произведение. Поэтому он написал «Манифест» на одном дыхании, даже не перечитывая, и расстался с ним легко, а не мучился так, как если бы написанное было его детищем.

Невероятный январь 1848 года, когда он за месяц написал три важнейшие свои работы! Три работы, которые он согласился обнародовать: первые две потому, что это речи, а последнюю — потому, что не поставил под ней своей подписи.

Маркс взял двенадцать пунктов, перечисленные Энгельсом в прошлом году, ужал их до десяти и создал первое полное изложение исторического материализма, а также первую работу, в которой пролетариат предстает классом, обреченным, «пауперизованным», как тогда говорили, классом, радикальным образом избавленным от иллюзий, — «Манифест Коммунистической партии». Это сочинение молодого неизвестного немецкого философа, которому не было еще и тридцати, написанное в Брюсселе, вплоть до наших дней будет издаваемым самыми большими тиражами нерелигиозным произведением.

По мнению многих биографов Маркса, «Манифест» ознаменовал собой разрыв с тем, что он написал ранее, поскольку в нем он отказывается от индивидуализма, свойственного «Экономическо-философским рукописям 1844 года» и «Немецкой идеологии». Некоторые даже говорят в этой связи о «теоретическом антигуманизме». Ничего подобного: продолжая линию написанного ранее, «Манифест» продвигается к более полной концепции материализма, в которой классовая борьба — главная движущая сила Истории, а пролетариат — грядущий господствующий класс, создатель нового общества. Это начало научного социализма, переход к политическому действию для завоевания власти.

«Манифест» открывается призывом, который сотни миллионов людей во всем мире читали на протяжении целого века, а многие даже заучивали наизусть: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские. Где та оппозиционная партия, которую ее противники, стоящие у власти, не ославили бы коммунистической? Где та оппозиционная партия, которая в свою очередь не бросала бы клеймящего обвинения в коммунизме как более передовым представителям оппозиции, так и своим реакционным противникам? Два вывода вытекают из этого факта. Коммунизм признается уже силой всеми европейскими силами. Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии. С этой целью в Лондоне собрались коммунисты самых различных национальностей и составили следующий „Манифест“, который публикуется на английском, французском, немецком, итальянском, фламандском и датском языках».

Далее следует:

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов <…>. Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат…»

Борьба между угнетателями и угнетенными, эксплуататорами и эксплуатируемыми. Изначально, говорит Маркс, первобытное общество позволяло каждому оставаться свободным, занимаясь трудом, необходимым для выживания. Разделение труда вызвало обогащение человечества и возникновение общественных классов. Сегодня капитализм упрощает антагонизмы между ними: вместо многочисленных кастовых и классовых слоев, свойственных для

прежних обществ, капитализм порождает положение проще некуда: «Два больших враждебных лагеря — буржуазия и пролетариат». Теперь уже всё, в том числе природу государства, можно объяснить через классовую борьбу: «Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого».

При капитализме буржуазия на первых порах сыграла революционную роль, всколыхнув производственный потенциал человечества, поломав национальные границы, создав обширные метрополии и уничтожив феодализм. В глазах Маркса это положительная роль. Поэтому он пишет самые яркие страницы, когда-либо опубликованные во славу буржуазии, которые и сегодня еще стоит читать и перечитывать:

«Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений <…>. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть <…>. Низкие цены на товары — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам <…>. Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни…»

Маркс воспевает пророческую хвалу грядущей глобализации:

«Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим <…>. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству.<…> Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации».

Возвращение назад невозможно, ибо «нельзя повернуть

вспять колесо истории!».

Но в то же время в «Манифесте» яростно разоблачается эксплуатация рабочего класса:

«Рабочий живет только для того, чтобы увеличивать капитал, и живет лишь постольку, поскольку этого требуют интересы господствующего класса <…>. Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патриархального мастера в крупную фабрику промышленного капиталиста. Массы рабочих, скученные на фабрике, организуются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии, они ставятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они — рабы не только класса буржуазии, буржуазного государства, ежедневно и ежечасно порабощает их машина, надсмотрщик и прежде всего сам отдельный буржуа-фабрикант. Эта деспотия тем мелочнее, ненавистнее, она тем больше ожесточает, чем откровеннее ее целью провозглашается нажива<…>. Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата».

Ответ на эксплуатацию лежит не в «истинном социализме» прудонистов, который плод всего лишь «праздных размышлений об осуществлении человеческой природы» и который, говоря об «отчуждении человеческой природы», критикуя власть денег, изрекает «философскую чепуху». Нет, надо призвать международный пролетариат отстаивать лишь свои собственные интересы и свергнуть самодержавные и «буржуазные», то есть парламентские режимы. Но не для того, чтобы прийти к власти: если до сих пор каждый угнетенный класс, дорывавшийся до власти, навязывал «свои» собственные формы собственности и эксплуатации всему обществу, то у рабочего класса собственности нет, поэтому его историческая задача заключается как раз в том, чтобы одновременно покончить с классами, частной собственностью и эксплуатацией. «Так как пролетариат должен

прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия».

При коммунизме блага, необходимые для удовлетворения элементарных жизненных потребностей, будут производиться безвозмездно и раздаваться бесплатно. Став коллективной собственностью, капитал перестанет порождать классовый антагонизм, и возникнет бесклассовое общество, в котором все люди будут в самом деле равны.

Далее Маркс переходит к вопросу об исполнении власти в коммунистическом обществе и о роли государства в переходный период между капитализмом и коммунизмом:

«Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса».

В тот же момент, в Париже, 28 января 1848 года, депутат-либерал Алексис де Токвиль возвестил с трибуны Национального собрания о неизбежности революции, которой он опасался. По его словам, она произойдет от изношенности режима, от консерватизма власть предержащих, от гнева сторонников всеобщего голосования, от нищеты народа и от возвращения идеи о революции в рабочие круги.

Эта революция, в самом деле, разразилась несколько дней спустя, когда текст «Манифеста» брошюровали в Лондоне: он был напечатан на немецком в типографии Бургарда готическим шрифтом, закупленным в Германии. Брошюра вышла без имени автора, под знаменем Союза коммунистов. Одновременно в Америке 2 февраля 1848 года был подписан договор в Гуадалупе-Идальго, согласно которому Мексика передавала США Техас (где находился Эдгар, брат Женни), Калифорнию и некоторые другие территории.

Десятого февраля 1848 года в Брюсселе Маркс наконец получил от матери часть отцовского наследства — немалую сумму в 6 тысяч франков золотом (1700 талеров).

Заинтригованная размерами этой суммы бельгийская полиция запросила у трирских властей разрешения допросить почтенную даму; та подтвердила, что речь идет о деньгах, которые ее сын уже давно выпрашивал для содержания семьи.

В Париже 12 февраля Гизо и парламентское большинство отклонили скромную поправку, призывающую правительство начать «мудрые и умеренные» реформы. 14 февраля Гизо запретил проведение республиканских банкетов, потом поставил войска под ружье и приказал парижской Национальной гвардии подавлять беспорядки, что та делать отказалась. Студенты и рабочие («низовая бесконечность», о которой говорил Гюго, и «тупая масса», выражаясь словами Тьера) восстали вместе. К вечеру 23 февраля Национальная гвардия перешла в лагерь повстанцев, которые захватили ратушу и дворец Тюильри. Шестнадцать человек пали от армейских пуль. Луи Филиппу пришлось отречься от престола. Было сформировано временное республиканское правительство; в него вошли Фердинанд Флокон, главный редактор либеральной газеты «Реформа», и два социал-демократа — Луи Блан и «рабочий» Альбер, которого молва представляла руководителем тайного общества. Новое правительство провозгласило Вторую республику, установило право на труд и отменило смертную казнь для «политических».

Двадцать шестого февраля произошло событие, которого Маркс ждал два года: в Лондоне по предложению Энгельса руководители Союза коммунистов, делая ставку на то, что восстание захватит Бельгию, решили перенести центральное руководство союза из Лондона в Брюссель, что должно было вручить Марксу ключи от организации. Кстати, его немедленно избрали председателем нового управляющего комитета союза, состоящего в основном из его друзей — Фридриха Энгельса, Вильгельма Вольфа, Генриха Бауэра, Иосифа Моля и Карла Валлау; секретарем был Карл Шаппер. Встревоженное тем, что движение, состоящее из прусских эмигрантов, придвинуло свою штаб-квартиру к границам Пруссии, берлинское правительство потребовало у бельгийских властей выслать из страны этих подстрекателей.

В Париже 2 марта правительство ограничило продолжительность рабочего дня десятью часами, провозгласило всеобщее избирательное право, полную свободу печати и собраний. Чтобы осуществить недавно провозглашенное право на труд и обеспечить работой всех, кто желает трудиться, создали национальные мастерские.

Третьего марта король бельгийцев Леопольд III, встревоженный таким брожением и уступая нажиму со стороны

Пруссии, решил изгнать из королевства немецких беженцев, нарушивших свое обещание соблюдать нейтралитет. Маркса арестовали и выслали из Бельгии. Энгельс, который также был выслан, рассказывает об этом в своем уже ставшем шаблонным стиле: «Бельгийские власти ополчились на самых революционных деятелей Ассоциации и, как и следовало ожидать, бельгийские мелкобуржуазные демократы не сумели встать во главе бельгийских масс. При таких условиях деятельность Демократической ассоциации постепенно затухала и полностью прекратилась уже в 1849 году».

В тот же день журналист Фердинанд Флокон, член временного правительства Второй республики, снял запрет 1845 года на пребывание Маркса во Франции и пригласил коллегу снова приехать в Париж. Центральный комитет союза предоставил Марксу все полномочия, чтобы воссоздать союз в Париже. В Брюсселе он пробыл всего месяц…

Карл прибыл во французскую столицу 5 марта вместе с Женни, Хелен и тремя детьми. Путешествие было утомительным: в нескольких местах оказались сорваны рельсы. Марксов сопровождали Энгельс, Фрейлиграт и кое-кто еще. Бакунин тоже вернулся в Париж из Женевы, где находился в изгнании. Повсюду были признаки революции: наваленные баррикады, разграбленные лавки, разгромленные Пале-Рояль и Тюильри. Идеи бурлят и носятся в воздухе: в столице ежедневно выходит двести газет! Ламенне в «Ле пёпль конститюан» предложил создать общества взаимного страхования: «Чтобы новый освобожденный труд реально обеспечивал, нужно сделать его надежным, а это возможно благодаря объединению». Луи Блан предложил «уничтожить уродливое чудовище конкуренции» и дать повсеместное распространение «особым мастерским, доходы от которых пойдут на содержание стариков, больных, инвалидов и на смягчение кризисов». Прудон призывал открыть Народный банк без капитала и прибылей, пускающий в обращение бумаги, обеспеченные продуктом труда каждого члена общества, и предоставляющий деньги без процентов мелким собственникам и рабочим. Он также предложил создать Земельный банк — «орудие революции по отношению к долгам и ростовщичеству, чтобы позволить крестьянину избавиться от эксплуатации». Национализация стала одной из наиболее популярных тем. Кабе предложил ввести централизацию сырья и средств производства, распределять профессии по конкурсу, а заработную плату — по потребностям. Наследники Бабёфа — Лапоннере, Лаютьер, Пийо, Дезами — проповедовали «общность собственности, труда и образования».

В Париже царил беспорядок. Бакунин развернул бурную деятельность. По воспоминаниям, он «не покидал позиций монтаньяров; ночевал там, ел с ними и неустанно проповедовал им коммунизм и равную зарплату, уравниловку во имя равенства, освобождение всех рабов, отмену всех государств типа Австрии, перманентную революцию и беспощадную борьбу вплоть до истребления последнего врага».

Как только Маркс приехал в Париж в начале февраля 1848 года, к нему наведался американский журналист Чарльз Дана, корреспондент «Нью-Йорк дейли трибюн»[33] — тогда самой большой ежедневной газеты в мире, у которого была лучшая редакционная команда и который мог похвастаться высоким политическим и литературным уровнем. Дана хотел знать о намерениях Карла. Они понравились друг другу и решили встречаться почаще. Это было началом длительного сотрудничества.

Карла интересовало, что происходит в Германии; он попытался организовать немецких рабочих, находившихся в Париже, и ввел их в союз, руководящий орган которого разместил у себя дома.

В Европе всё очень быстро менялось. Повсюду рабочие устраивали забастовки, требуя повышения зарплаты, крестьяне требовали прибавления земель и снижения налогов. 13 марта восстание разразилось в Вене. В Пруссии 17-го демонстрации шли одна за другой, в частности в Берлине. Целью демонстрантов было помешать проведению выборов, назначенных на следующий месяц, с очень высоким цензом участия. Отступив перед бунтом, Фридрих Вильгельм IV вывел из Берлина войска и согласился на создание ополчения. Многие немецкие государи последовали его примеру; в частности, либеральные министры пообещали свободу печати и собраний и высказались в пользу немецкого национального парламента. Во Франкфурте из революционных движений возник «парламент», которому либеральное большинство с трудом помешало преобразоваться в «постоянный революционный исполнительный комитет».

В Париже немецкие эмигранты приплясывали от нетерпения; многие стремились вернуться на родину, чтобы сражаться или заняться политикой. Поэт Георг Гервег, приютивший Марксов в Париже в конце 1843 года, образовал «Демократический легион» — своего рода интернациональную бригаду из почти 15 тысяч человек, которая 18 марта выступила в Германию. Карл относился к этому крайне негативно: он не верил, что общественное движение в Германии породит нечто большее, чем парламентская республика, ибо общественность еще не готова к

коммунистической революции. Эту догадку подтверждали и эмиссары, которых он посылал узнать, насколько велик отклик на коммунистические тезисы у немецких рабочих: повсюду к коммунизму относились безразлично или с неприязнью. Так что нужно было сделать упор в большей степени на политическую пропаганду, и повременить с военными действиями. «Революция, — думал Карл, — слишком серьезное дело, чтобы ослаблять ее героико-романтическими поступками, играющими на руку врагу». Он делал все возможное, чтобы убедить Гервега не отправлять свой легион и помешать Энгельсу, обожавшему войну, к нему примкнуть.

Планы Гервега получили поддержку большинства во французском правительстве, которое согласилось профинансировать проект в равных долях с подпиской. Поскольку большинство немецких ремесленников, укрывшихся в Париже, в полной мере испытали на себе суровые последствия кризиса и были беспощадно вышвырнуты на улицу, профинансировать отъезд эмигрантов на завоевание своей родины было гораздо менее дорогостоящим решением, чем помочь им найти работу. На одном огромном митинге изгнанников Маркс взял слово. «Эта экспедиция, — сказал он, — позволит прусской армии раздавить революцию, а французским либеральным буржуа — задешево избавиться от большей части истинных революционеров. Это полная нелепость». Фридрих отказался от затеи, как и все коммунисты, однако легион выступил в поход. Его члены называли Маркса «трусом» и «предателем», пока не были остановлены и разбиты 10 апреля, как только пересекли границу великого герцогства Баденского. Гервегу удалось спастись.

Маркс в то время тоже уехал — в Кёльн вместе с Энгельсом и Фрейлигратом, но не сражаться, а вести агитацию в преддверии выборов, о которых в конце апреля было объявлено по всей Германии. Все трое поселились 11 апреля в Кёльне, которым тогда управлял Комитет общественного спасения, выдавший им вид на жительство. Карл встретился с очень популярным вождем местных «левых» Андреасом Готшальком. Они начали обсуждать, что следует предпринять для выборов. Маркс был за союз с буржуазией, хотя и думал, что он приведет лишь к установлению парламентской демократии. Готшальк же был против: его целью была отнюдь не демократия. В Германию прибыли первые экземпляры «Манифеста»; отрывки из него появились в газетах. Шла борьба за избирателей: Бакунин явился во Франкфурт, потом отправился в Кёльн, Берлин и Лейпциг; Маркс тоже объезжал города Рейнской провинции, чтобы мобилизовать своих сторонников.

В Дюссельдорфе он повстречал двадцатитрехлетнего юношу из знатной вроцлавской семьи — Фердинанда Лассаля, который предложил себя в помощь. У них было много общего: Лассаль — еврей, из буржуазной семьи; он воображал себя социалистом, философом и работал над… Гераклитом! Маркс объяснил ему, что немцы, в отличие от французов, революционны только на словах, в сфере чистой мысли. Поэтому они не смогли ниспровергнуть прусский аристократический режим, чтобы заменить его буржуазными демократическими институтами власти. «Да простит меня Готшальк, но чисто пролетарская революция в Пруссии не имеет ни малейшего исторического значения и ни малейшего шанса на успех», — объяснял Маркс. Потребность в историческом становлении не позволяет запросто проскакивать через исторические этапы. Так что лучше поддержать буржуазные требования, чтобы в конечном счете утвердиться в авангарде движения. Лассаль с ним согласился.

За несколько дней Маркс написал вместе с Энгельсом свою первую конкретную политическую программу «Требования Коммунистической партии в Германии», чтобы наметить общую платформу с буржуазией. В статье первой провозглашалось: «Вся Германия объявляется единой и неделимой республикой». Это требование буржуазия подхватила, как и положение о жалованье депутатам. Но, как и предвидел Маркс, она и слышать не хотела о других предложениях: прогрессивном подоходном налоге, бесплатном образовании, национализации транспортных средств и создании центрального банка. И тут, вопреки тому, что будут говорить потом, Маркс не выступал за полную национализацию средств производства, особенно в стране, где капитализм еще не получил полного развития.

В конце апреля, как он и предвидел, победу на выборах одержали либеральные центристы. 18 мая 1848 года парламент торжественно объявил о начале своей деятельности в церкви Святого Павла во Франкфурте. Перед ним стояла двойная задача: составить конституцию и утвердить состав правительства.

В то же время Маркс учредил в Кёльне, городе, где он начинал как журналист, ежедневную «Новую Рейнскую газету». «В этой газете, — писал он, — могло быть только одно знамя — знамя демократии, но такой демократии, которая подчеркивала бы по любому случаю особый пролетарский характер, который не могла пока еще провозглашать». Верный своей идее о союзе между либеральными демократами и социалистами против диктатуры, он стал искать источники финансирования среди либералов — и не прогадал: богатый промышленник Людольф Кампхаузен и председатель городской торговой палаты Давид

Юстус Ганземан стали соучредителями газеты.

Тридцать первого мая вышел первый номер «Новой Рейнской газеты». Карл занимался всем — от редактирования до заказа бумаги. Он выбирал заголовки и делал верстку после полудня. Энгельс потом будет описывать редакцию как «чистой воды диктатуру Маркса». Поначалу газета повела наступление на монархию, но очень скоро ей пришлось пойти на компромисс, поскольку ее соучредители вошли в правительство.

В самом деле, в начале июня было сформировано первое имперское правительство под надзором австрийского эрцгерцога Иоганна; Кампхаузен и Ганземан стали в нем соответственно премьер-министром и министром финансов! Министерство иностранных дел доверили пруссаку. Кампхаузен предложил Марксу войти в его кабинет. Карл отклонил предложение и сосредоточился на своей газете, а она очень скоро принялась критиковать правительство, которое, как он внушал, «открывает широкие возможности для контратаки аристократии и крупной буржуазии». Действительно, немецкая буржуазия предпочла союз с крупными землевладельцами и Прусским государством политическому либерализму. Правительство также было парализовано нежеланием Австрии отказаться от своей недавно усилившейся власти над негерманоязычными территориями.

В это время, с 2 по 9 июня 1848 года, в Лондоне прошел III съезд Союза коммунистов. За неимением денег Маркс, по-прежнему являвшийся его вождем, остался в Кёльне и занимался своей газетой. Вильгельм Вольф («Лупус») представлял Брюссельский окружной комитет, Энгельс — Парижский. Для поддержания единства организации в это смутное время в устав союза внесли два изменения. Первое касалось «засылки» членов в новообразованные революционные организации: «Мы считаем политической ошибкой запрещать членам союза входить в политические или национальные объединения, ибо таким образом мы лишаем себя возможности воздействовать на эти объединения». Второе касалось 21-й статьи, демократически утверждавшей, что «все решения съезда, имеющие силу закона, представляются на утверждение окружным комитетам», — ее вычеркнули под тем предлогом, что «в период революции такое ограничение лишит съезд возможности действовать энергично. Вспомним, что в 1794 году аристократия потребовала того же, чтобы парализовать любую деятельность…».

В то же время в Париже назревали события по типу германских: избранное в апреле Учредительное собрание, по большей части состоявшее из провинциальных чиновников, провозгласило Вторую республику. Временное правительство

было заменено Исполнительной комиссией. 21 июня она закрыла национальные мастерские под тем предлогом, что они не Предоставляют возможности трудиться или ведут только земляные работы, ничего не дающие для обучения рабочих, а на самом деле надеясь таким образом приглушить очаги рабочего движения. Ответ последовал крайне резкий: из 120 тысяч рабочих, уволенных из национальных мастерских, 20 тысяч 23 июня вышли на улицы. На востоке Парижа воздвигли 400 баррикад. Повстанцы кричали: «Работы или хлеба! Хлеба или свинца!»

Правительство спохватилось, велело арестовать вожаков и наделило всеми полномочиями генерала Кавеньяка, который подавил мятеж с 23 по 26 июня 1848 года. Погибло 5 тысяч человек; 11 тысяч рабочих были арестованы, четыре тысячи высланы в Алжир. 3 июля национальные мастерские были окончательно закрыты. Прудон уехал из страны. «Я больше не верю в республику, которая начинает с резни своих пролетариев», — напишет позже Жорж Санд.

Маркс в Кёльне ходатайствовал о восстановлении прусского гражданства, утраченного в 1845 году, когда он испрашивал разрешение уехать в Америку. Прусское правительство отказало ему в ходатайстве 3 августа. Карл подал на апелляцию 22-го. Все напрасно.

В Париже Луи Блан составил проект конституции, четко провозглашавшей право на труд: «Республика обязана защищать каждого гражданина, его личность, его семью, его жилище, его собственность и предоставлять вспомоществование или работу тем, кто не может себя обеспечить, распространять бесплатное образование, чтобы каждый мог приобрести знания, необходимые всем людям, и получать доходы от своей умственной деятельности». Алексис де Токвиль обличил «социальную войну как подобие войны гражданской» и 12 сентября 1848 года выступил против внесения права на труд в новую конституцию. Его «Речь о праве на труд» — первое важное выступление против социализма: «Главная характеристическая черта всех систем, называющихся социализмом, это энергичное, постоянное, неумеренное взывание к материальным страстям человека <…>. Материальное процветание очень опасно, в частности, потому, что способно привести к охлаждению любви к демократии; стремление к материальному благополучию становится самоцелью и мешает посвятить себя гражданскому долгу». На взгляд Токвиля, поиски всеобщего равенства влекут за собой отрицание свободы, а социализм — не что иное, как «новая форма рабства». По его мнению, равенство должно сочетаться со

свободой: «У демократии и социализма одно только общее слово — „равенство“, но почувствуйте разницу: демократия хочет равенства в свободе, социализм — равенства и в нужде и рабстве». Он также отвергает идею о государстве-защитнике, ибо достаточно «увеличить, узаконить, упрочить общественную благотворительность».

В тот же день, находясь в Кёльне, Маркс понял, что союз с либеральными демократами невозможен. Следует изменить стратегию. Действительно, неудача кооперативов Оуэна, фаланстеров Фурье и национальных мастерских Луи Блана, почти полное исчезновение производственных кооперативов, возникших в начале века, и поражение национальных революций открывают почти неограниченное поле деятельности для его нового проекта — тотальной войны с капиталом.

Тогда он впервые набросал концепцию «временной диктатуры», впоследствии — «диктатуры пролетариата». 16 сентября он писал в «Новой Рейнской газете»: «Любое временное положение в государстве после революции требует диктатуры, и даже решительной диктатуры. С самого начала мы укоряли Кампхаузена за то, что он не прибегнул к диктаторским методам, не уничтожил сразу же и не подавил остатки старых конституций. В то время как г-н Кампхаузен убаюкивал себя мечтами о конституции, побежденная партия усилила свои позиции в администрации и в армии».

После таких нападок либеральные соучредители «Новой Рейнской газеты» самоустранились. Правительство и парламент были безвластны перед лицом монархии. Чтобы отстоять надежды на демократию, 19 сентября по всей стране начались бунты, в особенности во Франкфурте. Помешанный на военной стратегии Энгельс описывает их с упоением:

«Самое кровавое восстание разразилось во Франкфурте; честь Германии, проданная Национальным собранием прусскому правительству, спроваженному со стыдом и позором, будут отстаивать ценой своей жизни трудящиеся Франкфурта, Оффенбаха и Ганау, а также окрестные крестьяне. Исход борьбы еще не предрешен. Солдаты как будто не слишком продвинулись со вчерашнего вечера. Народу, по большей части безоружному, приходится бороться не только с властью организованного государства военных и чиновников, вновь перешедшей к буржуазии, но и с самой вооруженной буржуазией. Неорганизованному и плохо вооруженному пролетариату противостоят все остальные общественные классы, хорошо организованные и хорошо вооруженные. Народ терпел неудачи и будет их терпеть, пока его противники не будут ослаблены либо

тем, что их войска отправятся на войну, либо тем, что среди них начнется разлад, или пока какое-нибудь великое событие не побудит народ дать отчаянный бой и не деморализует его противников».

На следующий день Энгельс стал готовиться к уходу в подполье.

Маркс ужесточал свою позицию по мере того, как буржуазия отступала перед реакцией. 25 сентября 1848 года в Кёльне было объявлено военное положение, а «Новая Рейнская газета» приостановлена. 27-го франкфуртский парламент, находящийся во все более строгой изоляции перед лицом монаршей власти, еще нашел в себе силы опубликовать «основные права немецкого народа, выражающие волю отменить привилегии и установить равенство в правах каждого гражданина по примеру французской и американской революций».

Двенадцатого октября «Новая Рейнская газета» снова начала выходить в свет, в то время как революция застопорилась, а революционеры перегрызлись. Газета Маркса обвинила Бакунина в том, что он агент царизма, ссылаясь на свидетельство Жорж Санд. Но французская писательница отрицала сомнения в верности русского революционера, и Марксу пришлось публично извиниться. В письме Георга Юнга Арнольду Руге от 18 октября передается впечатление, которое производил Маркс: «Совершенно отчаявшийся революционер».

Вскоре началось беспорядочное бегство. 22 ноября молодой Фердинанд Лассаль, очертя голову ринувшийся в революцию, был арестован вместе с другими в Дюссельдорфе за призывы к вооруженному сопротивлению государству. Энгельса, тоже ввязавшегося в вооруженную борьбу, разыскивала полиция, и он бежал во Францию, а оттуда в Швейцарию, и скрывался там, пока против его товарищей шел один судебный процесс за другим.

В Париже ситуация развивалась параллельно: избранные реакционные власти нашли, как и в Берлине, инструменты для возвращения к диктатуре. 10 декабря 1848 года Луи Наполеон Бонапарт был избран первым президентом Французской республики, победив генерала Кавеньяка, дискредитированного июньской бойней. Лидер монархистов Адольф Тьер убедил своих коллег поддержать будущего Наполеона III («кретина, которого легко будет повести за собой»), тем более что конституция Второй республики запрещала действующему президенту баллотироваться на второй срок, а новые выборы — через два года. Луи Наполеон Бонапарт принес присягу в парламенте и поклялся «перед Богом и французским народом, представленным Национальным собранием, хранить верность демократической

республике, единой и неделимой, и исполнять все обязанности, налагаемые на него конституцией».

Пятнадцатого декабря Маркс бушевал против европейской буржуазии, которая «палец о палец не ударила, просто позволив народу сражаться за нее». Он предвидел худшее и знал, что оно случится (рано, слишком рано), но впору извлечь из случившегося урок: пролетариат должен самоорганизоваться ради самого же себя!

Под шум всех этих событий состоялось открытие, всё значение которого Маркс понял сразу: немец Густав Кирхоф доказал, что явления, сопутствующие электрическому току, той же природы, что и электростатические явления. Таким выводом он открыл путь к созданию электрических цепей. Карл увидел в этом провозвестие еще более значительной революции, чем приход в технику пара, и уж конечно более определяющей, чем политическая революция, в которой он увяз.

В январе 1849 года Энгельс все еще скрывался в Швейцарии, тогда как Маркс, несмотря ни на что, продолжал редактировать и издавать свою газету. Он выступал в ней против короля, против правительства, против армии, против судей, против налоговиков, против дипломатов. Подвергшись преследованиям за оскорбление должностных лиц и призыв не платить налоги, он сам провел свою защиту 7 и 8 февраля. На суде он заявил, что правительство нарушило законы, на которые должен опираться суд. Присяжные оправдали его, а председатель суда поздравил с умелой защитой.

Десятого февраля он опубликовал первую из серии статей, обличающих несправедливость в отношении его нового друга Фердинанда Лассаля, все еще находившегося в тюрьме: «Уже одиннадцать недель как Лассаль томится в тюрьме Дюссельдорфа, и только теперь завершилось следствие по простым фактам, которых никто никогда не отрицал». 3 марта Маркс и Энгельс отправились к главному городскому прокурору Николовиусу, чтобы выразить протест против переноса судебного процесса на более отдаленный срок.

Двадцать восьмого марта 1849 года все 568 членов франкфуртского Национального собрания большинством голосов возвели прусского короля Фридриха Вильгельма IV в достоинство императора в соответствии с конституцией, которую приняли двадцать восемь из тридцати немецких государств. Когда австрийский император выразил протест против пересмотра его традиционного главенства над немецкими землями, прусский король выразил собственное недовольство — он не желал «короны, подобранной на улице», отказался и от титула, и от конституции. Тогда парламент, который покинули либералы,

перебрался в Штутгарт, откуда его вскоре прогнала армия Вюртемберга.

Народ поднялся снова, на этот раз чтобы восстановить конституцию. Восстание утопили в крови. В конце апреля 1849 года в Дрездене, во время мятежа, молодой музыкант Рихард Вагнер встретился с Бакуниным, который жил там тайно с середины апреля. Когда 6 мая прусская армия явилась туда навести порядок, Вагнер проводил по улицам города отряды ополченцев и сообщал временному правительству о продвижении прусских войск. Как только армия проникла в город, Бакунин был схвачен, а Вагнер бежал. Говорили, что первый послужил для второго прообразом Зигфрида.

Энгельс примкнул к войскам, восставшим в Бадене и Пфальце под руководством Виллиха. Тревожась из-за того, что его друзья уезжают с пустыми руками, Маркс потратил почти всю свою долю отцовского наследства (5 из 6 тысяч франков золотом), чтобы приобрести для них оружие. Бои были суровыми, погиб Моль — один из основателей Союза коммунистов в Лондоне, верный соратник Маркса. Энгельс пропал без следа; никто не знал, жив он или мертв. Гнет самодержавия придавил все Прусское королевство.

Во Франции в результате выборов 13 мая из 705 мест в парламенте 490 отошли к «партии порядка», 180 — монтаньярам и 80 — умеренным республиканцам. Бонапартизм завладел Французской республикой.

В Кёльне 16 мая Карл получил приказ покинуть территорию Пруссии «за то, что постыдным образом нарушил права гостеприимства», как говорилось в постановлении о высылке из страны. 18-го он выпустил последний номер «Новой Рейнской газеты», набранный красным шрифтом. На первой странице — прощальные стихи Фердинанда Фрейлиграта, бежавшего в Лондон:

Так прощай же, прощай, грохочущий бой!
Так прощайте, ряды боевые,
И поле в копоти пороховой,
И мечи, и копья стальные!

Так прощайте! Но только не навсегда!
Не убьют они дух наш, о братья!
И час пробьет, и, воскреснув, тогда
Вернусь к вам живая опять я!

И когда последний трон упадет,

И когда беспощадное слово
На суде — «виновны» — скажет народ,
Тогда я вернусь к вам снова.

На Дунае, на Рейне словом, мечом
Народу восставшему всюду
Соратницей верной в строю боевом,
Бунтовщица гонимая, буду!

В целом, газета обошлась Карлу в семь тысяч талеров: он заложил одновременно остаток своего наследства и все семейное имущество, включая все книги, остававшиеся у него в Германии. Женни, укрывшаяся в Трире у своей матери, госпожи фон Вестфален, представила своих детей матери и сестрам Карла, а те пришли в ужас, узнав, что их сын и брат стал вожаком революционеров.

Сам же Карл сначала отправился во Франкфурт, потом в Мангейм, Людвигсхафен, Карлсруэ, Шпейре и Кайзерслау-терн — и всюду вел пропаганду. Он не чувствовал себя изгнанником, заявив одному журналисту из «Пресс»: «Оказавшись перед фактом запрета на пребывание в Пруссии, я сначала отправился в великое герцогство Гессен, где мне нимало не запрещали пребывать, равно как и в остальной Германии». Однако в Гамбурге его снова арестовали, а потом отпустили, и он получил там паспорт, действительный исключительно для въезда в Париж. На сей раз ему действительно пришлось покинуть Германию, причем в указанном ему направлении.

Маркс прибыл во французскую столицу 3 июня 1849 года. Он не утратил веры в будущее. 7 июня он выразил надежду поработать во французской революционной прессе, не зная еще, что эту прессу душит цензура.

В Париже тогда бушевала эпидемия холеры. Русский писатель-демократ Александр Герцен писал: «Холера свирепствовала в Париже; тяжелый воздух, бессолнечный жар производили тоску; вид испуганного несчастного населения и ряды похоронных дрог, которые, приближаясь к кладбищам, пускались в обгонки — все это соответствовало событиям». Политический климат тоже стал душным. Президент Луи Наполеон Бонапарт отправил в Италию экспедиционный корпус, чтобы помочь папе сражаться с республиканцами, и 11 июня вождь Горы Ледрю-Роллен потребовал у Национального собрания предъявить ему обвинение в нарушении конституции, согласно которой «Французская республика никогда не использует свои

силы против свободы любого другого народа». Речь Ледрю-Роллена, как напишет Маркс, была «голой, без прикрас, основанной на фактах, насыщенной, мощной»; но парламент отложил обсуждение его предложения.

Тринадцатого июня демонстрация протеста, устроенная монтаньярами, потерпела неудачу. 19-го свобода объединений была приостановлена на год; свобода печати — отменена. Все газеты, на которые рассчитывал Маркс, были закрыты. Ледрю-Роллен бежал в Англию, Луи Блан тоже. Прочих арестовали. В тот же день Германия выдала Бакунина Австрии, а затем он был экстрадирован в Россию, где провел восемь лет в тюрьме и был сослан в Сибирь.

Девятнадцатого июля государь-президент дал Марксу вид на жительство в департаменте Морбиан — «Понтийских болотах Бретани». Карлу не хотелось туда ехать. В тот ужасный август 1849 года Кабе, которого тоже изгнали, покинул Францию и уехал в Техас, в колонию икарийцев, а год спустя умер в Сент-Луисе.

Каждый чувствовал, что мечте о единой европейской демократии не суждено сбыться. Однако Виктор Гюго, депутат Национального собрания от Парижа, 21 августа великолепно изложил эту мечту в своей речи на открытии Международного съезда мира в Париже: «Настанет день, когда вы, Франция, вы, Россия, вы, Италия, вы, Англия, вы, Германия, — вы все, народы Европы, не утратив своих отличительных черт и своей славной индивидуальности, тесно сольетесь в высшее единство и образуете европейское братство!»

Маркс не знал, куда ему ехать: в Швейцарию? В Америку? Вспомнив о своей поездке 1845 года, он решил — в Лондон. 27 августа он покинул Францию и отплыл в Англию — в страну, на языке которой он говорил плохо и где никто его не ждал. Ему исполнился тридцать один год. У него не было больше ни гроша, ни одного союзника, никакой поддержки, никакой профессии. Он ничего не знал о жене и троих детях; его лучший друг, возможно, погиб в последних судорогах неудавшейся революции. Груз небытия обрушился на него.

Глава третья
АНГЛИЙСКИЙ ЭКОНОМИСТ (1849–1856)

Великобритания, куда Карл Маркс прибыл 26 августа 1849 года, с пренебрежением наблюдала за потрясениями на континенте. В условиях кризиса, свирепствовавшего в Европе, она оставалась самой богатой, самой передовой, самой перспективной страной. Промышленная революция, начавшаяся здесь в конце XVIII века, поставив уголь на службу машинам, продолжала проводить глубинные изменения в экономике. С развитием железных дорог промышленность, в первую очередь текстильная, пошла на подъем. Железные дороги стали главным потребителем угля, железа и, следовательно, стали. Производство стали вскоре резко возрастет благодаря изобретению бессемеровского конвертера, а затем — печи с прямоточной топкой. Протянувшись на 6 тысяч миль, железнодорожные пути опутали своей сетью всю страну; торговцы и товары отныне могли перемещаться из города в город. Появились предприниматели нового типа, в большинстве своем выходцы из среднего класса. Производство угля и железа было в руках лорда Эльхо, путепроводы и железные дороги строил Томас Брассей, пиво производили братья Басе, а некий Сэмюел Морли стал королем трикотажа. В Манчестере, Ливерпуле и Глазго открылись биржи в дополнение к бирже лондонского Сити, способствуя возникновению по всей стране новой категории акционеров, рантье или коммерсантов; их сбережения оказались слишком велики, чтобы вкладывать их целиком внутри страны, и поэтому вывозились за границу, в частности в Северную Америку и континентальную Европу, для того, чтобы финансировать строительство железных дорог с использованием британских материалов и оборудования. Томас Брассей, например, построил за четверть века 7 тысяч километров путей и путепроводов на четырех континентах, в том числе половину французских железнодорожных линий. На него работали десять тысяч человек, а его личное состояние превышало 3 миллиона фунтов. Это был первый крупный капиталист.

Великобритания тогда мало вмешивалась в мировую политику, предоставляя остальным правительствам на континенте наводить там порядок. Она почти никогда не ввязывалась в войны, приберегая своих солдат для завоевания

колоний и защиты торговых путей. В частности, в Индии, благодаря своей военной мощи и продажности местных князьков, Британская империя аннексировала Пенджаб.

Хотя аристократия сохраняла здесь прежний авторитет в обществе, буржуазия установила новую идеологию, характерную для Викторианской эпохи, начавшейся десятью годами раньше: подавление сексуальности, чувство долга, апология семьи, прославление экономии и труда.

Когда в Лондон приехал Маркс, там проживало 2,4 миллиона жителей. Это был одновременно самый роскошный город в мире и ад для бедноты, условия проживания которой оставались чудовищными. В рабочих кварталах отсутствовала всякая гигиена — на 125 человек была одна уборная; каждый второй ребенок умирал, не дожив до пяти лет.

В противоположность государствам на континенте, которые одно за другим вновь попадали под власть диктатуры, Англия оставалась относительно демократичной страной. Из представителей буржуазии образовались две большие партии — либералы и консерваторы, наследники вигов и тори. Богатые люди (только они имели право голоса) избирали парламентариев, полномочия которых росли, несмотря на робкие попытки упрочить свою власть со стороны Виктории и ее супруга принца Альберта, немца по рождению. Право голоса постепенно приобретали некоторые рабочие. Женщины и бедняки по-прежнему были его лишены. В рабочем мире движение чартистов (на которое Маркс возлагал столько надежд во время своего первого пребывания в Лондоне в 1845 году) выдыхалось, не выдерживая конкуренции с профсоюзным движением, которое выступало за свободу торговли, за диалог с хозяевами и за реформы.

Первые профсоюзы добились от некоторых промышленников удовлетворения двух из своих главных требований: «английской недели» (то есть прекращения работы в субботу с 14 часов) и учреждение (хотя бы в теории) контроля над условиями труда на заводе со стороны инспекторов, назначаемых государством. Условия жизни рабочих от этого не улучшились: средняя рабочая неделя по-прежнему составляла 64 часа, а заработка едва хватало, чтобы прокормить рабочего и его семью.

Британская пресса была гораздо более свободной, чем на континенте. В Великобритании газеты продавали открыто, в розницу. Их распространяли уличные газетчики (подобное было только в Соединенных Штатах). В Лондоне самый крупный печатный орган — газета «Таймс» — был более или менее независим от партий; в провинции существовали даже газеты,

поддерживающие социалистические идеи, например, «Манчестер адвертайзер». Повсюду во множестве выходили более радикальные издания, которые подвергались преследованиям только в случае клеветы на короля или английских министров. О неуспехе социалистов говорил тот факт, что газета чартистов «Северная звезда» («Норзерн стар»), расходившаяся в 1839 году тиражом в сорок две тысячи экземпляров, к 1849 году сократила тираж до шести тысяч.

Когда закончилась либеральная аномалия на континенте, начавшаяся годом раньше, множество активистов-демократов — французов, немцев, поляков, австрийцев, итальянцев, — преследуемых полицией и монархами, волнами хлынули в Англию. Изгнанников принимали свободно, лишь бы они не угрожали британской короне. Но условия жизни, которые им предоставляли, были просто невероятными: они платили за жилье дороже, чем англичане, и их могли выслать из страны без предупреждения. Тем, у кого было недостаточно денег, приходилось соглашаться на работу за нищенскую плату и жить в трущобах, в меблирашках, расположенных подальше от центра Лондона.

Самые знаменитые лидеры либералов зачастую являлись с континента с пустыми карманами. Среди них были итальянец Джузеппе Мадзини, француз Луи Блан, немец Готфрид Кинкель (совершивший эффектный побег из прусской тюрьмы Шпандау), венгр Лайош Кошут, страстно ненавидимый австрийцами. Вместе с ними потоком прибывали тысячи других, никому не известных, примыкавших к тем, кто уже поселился здесь еще с 1830-х и, как мы видели, основал «Союз справедливых» — одну из мириад других организаций. Во всех тавернах собирались революционные комитеты, составлялись правительства в изгнании; в каждом доходном доме задумывались и осуществлялись самые изощренные государственные перевороты. Спорили о демократии, социализме, коммунизме — это слово после выхода «Манифеста Коммунистической партии» использовалось уже не только для обозначения мелких утопических обществ, но и подразумевало захват государственной власти рабочим классом.

Когда Карл прибыл в Лондон 26 августа 1849 года, он уже скатился на самое дно финансовой пропасти. У него не было почти ни гроша; остатки его имущества, даже книги, были заложены для финансирования его кёльнской газеты. Его жена и трое детей (Женни, Лаура, Эдгар), которым он сумел отправить весточку в Трир, скоро собирались приехать к нему вместе с Хелен Демут, а у него не было средств, чтобы снять приличное жилье. Энгельс, столь щедро ему помогавший, завяз где-то в

последних сражениях в Швабии (если только не погиб).

И все же Карл ни на минуту не задумался о том, чтобы перестать писать, перестать действовать; не приходила ему в голову и мысль о том, чтобы подыскать себе работу. Кроме того, хотя он правильно говорил по-английски, но писать на этом языке практически не умел, а потому трудиться смог бы разве что рабочим. Но доктор философии даже представить себе такого не мог. И даже если бы представил, то не нашел бы работы.

Так что он продолжит издавать в Лондоне, на немецком языке, свою «Новую Рейнскую газету», предназначенную для немецких читателей. Он также возобновит политическую деятельность в Союзе коммунистов, если удастся восстановить из него хоть что-нибудь, после того как Карл перенес его в Париж и забыл там год назад.

Он все еще верит в неизбежность революции, предвидит экономический кризис и грядущее вмешательство России в немецкие дела. Но надеяться на революцию преждевременно — рабочие массы еще не прониклись революционным сознанием, в чем он только что убедился на собственном горьком опыте. В частности, он больше не возлагает никаких надежд на английский рабочий класс: низкая раскупаемость газеты чартистов и немноголюдность собраний, которые они организовывали, убедили его в том, что, напуганные возможностью остаться без работы, британские рабочие на самом деле поддерживают капитализм и буржуазию. Он даже предчувствовал, что в Лондоне антагонизм между протекционистами и сторонниками свободного рынка, между крестьянами и торговцами вскоре вновь приведет к власти правых, которые пока находились в оппозиции к либеральному правительству. Он помечал: «Все это породит крупный конфликт, и тори вернутся к власти, сменив вигов». Он верил только во Францию и не переставал надеяться, что вскоре вновь поселится на улице Вано. Он знал, что в Париже только что избранный президент Французской республики Луи Наполеон Бонапарт должен скоро освободить свое место, поскольку срок его полномочий составляет только два года и не может быть продлен. Когда эта посредственность лишится власти, изгнанники смогут вернуться. Карл по-прежнему убежден, что именно из французской столицы выступит маршем европейская революция, которая сначала восстановит демократию, а затем установит коммунизм. Позже Энгельс напишет: «Маркс не только с особой любовью изучал историю прошлого Франции, но и следил во всех подробностях за историей ее настоящего, собирал материалы, чтобы использовать их позже, а потому события никогда не

заставали его врасплох <…>. Франция — это страна, где классовую борьбу каждый раз, как нигде больше, доводили до окончательного решения и где, следовательно, меняющиеся политические формы, внутри которых она происходит и в которых выражаются ее результаты, принимают самые четкие очертания».

Карлу тридцать один год, и он не чувствует себя созданным ни для этого британского изгнания, ни для этой пролетарской нищеты. Как социализм рано или поздно найдет воплощение, так и он сам рано или поздно избавится от неудач. Беспрестанно, в горе и в радости, он связывает свое собственное положение с положением своего близкого круга.

Семнадцатого сентября, благодаря неустанной заботе Хелен Демут, к нему приехала Женни — измотанная и больная, с тремя детьми и беременная четвертым, как она ему объявила. В Трире она смогла раздобыть немного денег у его матери (это была еще одна небольшая часть отцовского наследства) и забрать великолепный набор столовых приборов из серебра, унаследованный от своих шотландских предков, который было нельзя продать, но при случае можно заложить. Это позволило им поселиться в Челси, где они обосновались вшестером в одной комнате, в доме 4 на Андерсон-стрит, возле Кингс-роуд. Квартал был небедный, но жилище тесное. Поскольку квартирная плата оказалась просто огромной, Карл уже знал, что вскоре не сможет платить за него. Но не беспокоился сверх меры: всё это не может длиться долго, а значит, и не продлится.

Сразу по приезде, чтобы создать себе пусть временную, но полноценную рабочую базу, он перенес из Брюсселя в одно-единственное помещение (Грейт-Виндмилл, 20) редакцию своей газеты и штаб-квартиру Союза коммунистов и Просветительского общества немецких рабочих, которые двумя годами раньше перебрались из Лондона в Брюссель. Редакция газеты состояла из него одного; что касается обеих организаций, то они были не более чем призраками. Поэтому Карл попытался сблизиться с теми, кому он был нужен, — с поэтом-банкиром Фрейлигратом и с рабочим Вольфом по прозвищу «Лупус», некогда последовавшими за ним в Брюссель и в Кёльн и вернувшимися вместе с ним в Лондон, терпя те же унижения. Вместе они познакомились с несколькими французскими беженцами, в большинстве своем бланкистами, и членами Комитета помощи немецким эмигрантам, который Маркс сблизил со своим; он читал там бесплатные лекции по философии, немецкому языку и политэкономии, что помогло ему завязать кое-какие личные связи.

Как он и опасался, материальное положение семьи очень скоро стало тяжелым, и Женни приходилось творить чудеса, чтобы успокоить кредиторов. Но в октябре, когда у Карла уже не было возможности платить ни за жилье, ни за пропитание для детей, ни за врача для жены, которой предстояло рожать, появился Фридрих Энгельс.

Молодой человек (ему было тогда двадцать девять лет) сумел выехать из Германии, оставив на полях сражений многих своих товарищей, в том числе одного из самых первых членов руководящего комитета Союза коммунистов, встреченного в Лондоне в их первый приезд в 1845 году, — прусского часовщика Иосифа Моля. С Фридрихом приехали несколько товарищей по борьбе, в том числе Вильгельм Ротекер, Конрад Шрамм и Август фон Виллих — офицер, которого он представил Карлу как своего командира во время баденского похода, солдафон, выдающий себя за великого военного и политического стратега.

Фридрих поселился в Лондоне, чтобы издавать вместе с Карлом «Новую Рейнскую газету», к большой досаде своей семьи, которая хотела, чтобы он отправился в Манчестер, на отцовскую текстильную фабрику, раз уж ему отныне запрещено проживать в Пруссии. Тем не менее, хотя он и отверг манчестерскую золотую клетку, родители регулярно выплачивали ему небольшие суммы денег, что позволило хоть немного сократить долги Карла. Друзья встречались каждый день — либо в редакции газеты, либо дома у Карла, либо у Фридриха, который устроился с комфортом и часто приглашал Марксов на ужин. Много позже писатель Поль Лафарг (он станет зятем Карла) напишет, что с того времени «дочери Маркса стали называть его вторым отцом. Он был *alter ego* Маркса».

Пятого ноября 1849 года Женни родила второго мальчика, Генри (англицизм от Генриха — имени отца Карла) Эдварда Гая. Ему начали подыскивать прозвище. У каждого члена семьи была кличка: у Женнихен — «Ци-Ци», китайский император, из-за ее интереса к Востоку; у Лауры — «Готтентот» или «Какаду». Карла «дочери называли не „отец“, а „Мавр“ — из-за смуглого лица и черных бороды и волос». По словам Вильгельма Либкнехта, Женни также порой называла Карла «мое большое дитя». Новорожденный быстро получил прозвище на основе своего третьего имени — Гвидо, или Фокс (лиса). Это была игра слов; мальчика называли так в честь Гая Фокса — бунтовщика, казненного в 1605 году за то, что он хотел взорвать английский парламент во время его посещения королем Яковом I. Теперь Марксы жили всемером в одной комнате.

Карл сумел получить от Фридриха деньги на выпуск своей

«Новой Рейнской газеты», но она теперь выходила только раз в месяц; во Франкфурте она распространялась через «Нойе дойче цайтунг» — журнал его друга Иосифа Вейдемейера, который сумел остаться в Пруссии, постоянно терпя притеснения со стороны полиции, — в условиях всё большей нестабильности.

Экономический кризис свирепствовал по-прежнему. Маркс опасался, что революция разразится слишком рано. Об этом он в декабре сообщил Вейдемейеру, бывшему офицеру, укрывавшемуся у него в Брюсселе и ставшему издателем в Кёльне: «Начинается промышленный, торговый и сельскохозяйственный кризис. Если революцию на континенте отложить до этого кризиса, Англия может стать союзницей революционного континента. Если революция разразится раньше, то (за исключением случая, если ее вызовет русское вторжение) это будет катастрофа, поскольку торговля переживает подъем, а рабочие массы во Франции, Германии и т. д. революционны только на словах». Однако в глубине души он был убежден, что ему вскоре придется вернуться к политической деятельности: «Я думаю, что прежде чем выйдет третий месячный номер [моей газеты], разразится мировой взрыв, и у меня уже не будет времени работать над политической экономией…» Ему невыносимы это молчание, эта нищета, это бездействие. Ему тридцать один год, и он не желает замуровывать себя в изгнании.

Однако в этот момент История решила за него: экономический кризис, начавшийся два года назад, вдруг пресекся. Цены, достигнув в 1849 году самого низкого уровня, снова начали подниматься благодаря обнаружению месторождений золота в Калифорнии и Австралии и развитию железных дорог. Вместе с ценами окрепло производство и выросла занятость. Социальные конфликты приутихли. Диктатуры стабилизировались вместе с рынком. Революция откладывалась.

Карл осознал, что с демократией еще придется повременить как во Франции, так и где-либо еще. Он понял, что у него будет сколько угодно времени, чтобы поработать над политической экономией в Лондоне, если он захочет за это взяться и если материальное положение позволит. Но где и как вести свои исследования, когда он, не имея ни гроша, должен содержать шесть человек, живущих в одной комнате?

В одном панегирическом тексте, заложившем основы «марксизма-ленинизма» («Карл Маркс и его учение»), Ленин напишет гораздо позже, в 1914 году, об этом периоде в жизни Маркса: «Когда эпоха революций 1848–1849 годов завершилась, Маркс восстал против всяких попыток играть в революцию»,

требуя, чтобы в новый период, под прикрытием внешнего «мира», готовить новые революции. Но он отдавал приказы и инструкции только самому себе.

Мужественно продолжая исполнять роль главного редактора газеты, не зная, будет ли ее хоть кто-нибудь читать, Маркс просит Вейдемейера «описать вкратце для нашего издания, в общих чертах, положение в Южной Германии». Он тоже решает написать и опубликовать в ней несколько статей — и прежде всего историю Второй республики от падения Луи Филиппа до восхождения Луи Наполеона Бонапарта на пост президента. Он намеревается впервые применить свою теорию классовой борьбы к недавнему и конкретному историческому событию.

Любопытно, что он пишет не на основе собственных впечатлений — а он пережил в Германии необычайный год, — а на основании того, что лишь мельком видел в Париже. Потому что по-прежнему верит, что судьба Европы решится во Франции, а не в Пруссии. И потому что думает, что еще возможно восстановить свободы Второй республики, и не ждет никаких перемен по ту сторону Рейна.

С января по октябрь 1850 года, выживая в крайней нищете лишь благодаря щедрости Энгельса, Маркс сумел подготовить к печати и выпустить четыре номера «Новой Рейнской газеты». В них были помещены четыре его статьи, посвященные революции 1848 года во Франции: «Поражение в июне 1848 года», «13 июня 1849 года», «Последствия 13 июня» и «Наполеон и Фуль». Как и прежде, Женни обсуждала с ним и комментировала его мысли, переписывала его неразборчивые рукописи и, надеясь хоть на какое-то вознаграждение, посылала их во Франкфурт к издателю. Эти статьи выйдут одной книгой только после смерти Маркса под заглавием «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.».

Знаменательное событие: теорию классовой борьбы, изложенную в «Манифесте», впервые применили к историческим событиям. Впервые, таким образом, была проанализирована попытка захвата власти. Это позволило Марксу дать экономические и социальные объяснения революции 1848 года и избранию Луи Наполеона Бонапарта, особенно массовому голосованию за него в сельской местности. Карл пришел к выводу, что самодержавная власть усилится повсюду в Европе и, разумеется, Луи Наполеон постарается остаться у власти по истечении срока своих полномочий через полтора года. Чтобы этого избежать, нужен союз между еще столь немногочисленным рабочим классом и столь многочисленным крестьянством, то есть между городом и деревней, а уже не между буржуазией и рабочими (как хотелось Марксу в 1848 году в Кёльне),

преследующими столь противоположные цели. Однако это сближение кажется ему маловероятным, поскольку крестьяне-бонапартисты не сознают, что тоже являются жертвами капиталистической эксплуатации, что «эксплуатация крестьян отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по форме. Эксплуататор тот же самый — капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян посредством ипотек и ростовщичества; класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством государственных налогов».

Отныне Маркса всю жизнь будет преследовать крестьянский вопрос, столь важный из-за количества сельского населения и столь сложный для включения его в модель капитализма из-за крестьянского мировоззрения и самой природы сельского труда. Однако, по Марксу, при отсутствии союза классов Луи Наполеон Бонапарт наверняка продлит свое пребывание в Енисейском дворце, где он только что поселился и откуда управлял все более и более самодержавно.

Во второй и третьей статьях Карл дал новое название этому союзу между всеми жертвами капитала, союзу, к которому он призывал всей душой. Он впервые использовал этот термин — «диктатура пролетариата». До сих пор он, как мы видели, упомянул лишь раз, в одном письме за прошлый год, о «временной диктатуре», необходимой для перехода к демократии. Эта диктатура особого рода, поскольку, в его представлении, она прекрасно сочетается с сохранением институтов парламентской демократии, большинство мест в которых будет принадлежать ассоциации производителей, а именно ее Маркс хочет видеть у власти. Употребляемое им слово «диктатура», которое, как мы увидим, будет так превратно истолковано, означает попросту политическую власть, осуществляемую подавляющим большинством населения, и это подавляющее большинство должно будет решительно править, сообразуясь со своими интересами, не идя на компромисс. Позднее он уточнит это при драматических обстоятельствах.

Ни один из четырех номеров «Новой Рейнской газеты» не вызвал никакого отклика. Издание продавалось очень плохо. В Германии его распространением занимались редкие книготорговцы (разумеется, находившиеся под надзором полиции), а подписка стоила очень дорого. В Лондоне его покупало мало людей, так как Карл, по своему обыкновению критикуя других эмигрантов, отбил у многих из них охоту читать свою газету. Эти ссоры — не лучший способ найти средства для содержания семьи и распространять свои идеи.

Он вернулся к теме этих статей в нескольких речах,

произнесенных перед последними уцелевшими членами Союза коммунистов, а потом, в марте 1850 года, в работе, помпезно озаглавленной «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов». Там он впервые высказывает идею об «эволюции революции», «непрерывной (перманентной) революции», которая станет мировой под руководством «партии», представляющей рабочий класс и отличной от буржуазных партий. Впервые он подчеркивает необходимость образовать самостоятельную партию рабочего класса для победы на выборах: «В то время, как демократические мелкие буржуа хотят наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока, по крайней мере, решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев. Вместо того чтобы еще раз стать опорой буржуазной демократии, рабочие, прежде всего союз, должны работать над созданием отдельной организации, тайной и публичной — рабочей партии. И делать из каждой коммуны центр и ядро рабочих объединений, где положение и интересы пролетариата будут обсуждаться независимо от буржуазных влияний».

Теперь Маркс беспрестанно будет говорить об этой «партии» как о реальности, хотя ее пока еще не существует. Всемирная, вездесущая партия, объединяющая всех борцов за свободу, — мировая партия мирового духа. Впоследствии Маркс скажет, зачем ему требовалось говорить всем и каждому об этой концепции — чтобы выкристаллизовать общие чаяния и придать форму совместным действиям, сделать так, чтобы это стало реальностью двадцать пять леї спустя. Как будто он хотел создать действительность из слов — силой духа. Другие станут смотреть на него как на фантазера, придумавшего себе власть, учеников, подчиненные ему организации. На самом деле в большинстве своем его помыслы превратятся в реальность, весьма далекую от той, которую он представлял себе и описывал.

Так он осуществлял свою стратегию (или свою мечту?) — создавать повсюду партии рабочих, но партии открытые, не подпольные, и вступать там, где это возможно, в демократическую игру. Он мыслил в глобальных масштабах, и ему было совершенно неважно, что сам он вынужден оставаться в Лондоне. «Я гражданин мира и работаю там, где нахожусь», —

скажет он.

Оставалось разработать основную часть учения, позволяющую убедить рабочих, где бы они ни были, в правильности этой стратегии и помешать им примкнуть к среднему классу, как это сделали англичане. Этим Маркс и будет заниматься всю оставшуюся жизнь.

Невероятное совпадение: именно в это время, в марте 1850 года, когда он, один из самых опальных революционеров в Европе, жил в Лондоне нищим изгнанником, сводный брат Женни Фердинанд фон Вестфален стал в Берлине министром внутренних дел в крайне реакционном правительстве, назначенном после очередного покушения на Фридриха Вильгельма IV — «романтика на троне», который сделал его своим другом. Карл предвидел это назначение, когда в прошлом неоднократно поддразнивал свою жену, говоря ей, что «ее брат достаточно глуп, чтобы стать прусским министром».

На самом деле Фердинанд всегда люто ненавидел своего шурина, которого едва знал, и сделал все возможное, чтобы удалить его от Женни, пока та не вышла за него замуж. Кстати, одним из первых решений нового министра стало направление лучших агентов для слежки за немецкими эмигрантами, в особенности в Лондоне. Фердинанд даже написал своему британскому коллеге сэру Джорджу Грею, министру внутренних дел Ее Величества, чтобы тот опасался его шурина, «человека опасного и представляющего угрозу для жизни королевы». Британский министр ответил ему письмом, исполненным иронии: «Согласно нашим законам, простой разговор о цареубийстве, пока он не касается королевы Англии и не содержит конкретных планов, не является достаточным основанием для ареста заговорщиков».

Понаблюдав за закручиванием гаек в Пруссии, да и во Франции, Маркс понял, что он, очевидно, останется в Лондоне надолго. Несмотря на это, а также на то, что и у себя дома, и в Союзе коммунистов он общался в основном на немецком языке, усовершенствовать английский стоило, чтобы писать на нем и, может быть, однажды выступить на нем в английских газетах: ремесло журналиста представлялось ему единственно возможным, как только его уровень владения английским позволит ему им заниматься. «Он выискивал и выписывал все выражения, свойственные Шекспиру; так же он проработал часть публицистики Уильяма Коббетта, которого высоко уважал», — вспоминает Лафарг (Коббетт был ангажированным журналистом, разъезжавшим верхом по английским деревням и вскрывавшим их нищету в памфлетах, зачастую опубликованным за

собственный счет). Шотландец Роберт Берне стал одним из его любимых поэтов. Он прочел также «Тома Джонса» Генри Филдинга и «Пуритан» Вальтера Скотта. Поскольку Женни, благодаря своей матери-шотландке, оставшейся в Трире, свободно говорила на двух языках, было решено отныне говорить дома с детьми по-английски — их заставляли учить наизусть Шекспира с четырех-пяти лет.

Карл еще ходил на редкие собрания эмигрантов, развлекавших себя спорами и тешивших иллюзиями, хотя и придавал этому все меньше значения. В апреле 1850 года он участвовал в основании призрачного «Всемирного общества революционных коммунистов», которое приказало долго жить уже в сентябре, не оставив никаких следов своего существования.

Он хотел бы серьезно заняться своим журналом и приступить, наконец, к большой книге по экономике, которую обдумывал уже восемь лет и за которую получил аванс по договору три года назад. Для этого ему надо было разложить по полочкам динамику капиталовложений, труда, инноваций, в особенности влияние странного открытия, которое, он был в этом уверен, вскоре произведет переворот во всем мире, — он называл его «электрической искрой». Чтобы работать над этим, ему требовались минимальные условия. Но и таких не было в крошечной однокомнатной квартирке, где теснились семь человек. Он даже не мог оплачивать повседневные расходы столь большой семьи; невозможность обеспечить детям приличную жизнь была для него пыткой. Он постоянно занимал деньги, чтобы заплатить за еду, одежду, игрушки, колыбель, лекарства, бумагу, книги, табак. Долги росли, на них накручивались невероятные проценты. Кредиторы все чаще звонили в дверь их прибежища в Челси, и Марксу приходилось выдумывать объяснения, предлоги, давать обещания, задатки, снова занимать у Энгельса, пытаться выпросить денег у своего издателя, у своей матери (он неоднократно писал ей по этому поводу) или у друзей. Чаще всего — тщетно.

Как и следовало ожидать, 15 мая 1850 года, всего через десять месяцев по приезде в Лондон, Марксов, не способных уплатить за жилье, выселили из тесной комнатушки, которую они занимали в Челси. На кровати, белье, одежду, игрушки и даже колыбельку маленького Гвидо (которому было всего полгода, к тому же он был нездоров) власти наложили секвестр, а потому пришлось продать их «в спешке, чтобы расплатиться с аптекарем, булочником, мясником и молочником. Эти господа, напуганные молотками судебных приставов, внезапно набросились на нас со своими счетами», — писала Женни Иосифу Вейдемейеру 20 мая,

прося его с большим хладнокровием и достоинством прислать ей как можно скорее выручку от продажи журнала, если таковая имеется.

Энгельс уплатил самые неотложные долги, и семейство перебралось в одну из трущоб в самом злачном квартале города — Сохо, на Дин-стрит, которую один исследователь биографии Женни назовет «улицей Смерти». Сам Карл позже напишет, что именно на этой улице «его жизнь разбилась». Мы вскоре поймем почему.

Через несколько дней после переезда Женни снова пишет Вейдемейеру, требуя немедленно прислать поступления от журнала. Она умоляет его переслать всю сумму, не прибегая к посредникам, даже если она невелика. «Условия здесь не такие, как в Германии; мы живет вшестером (она не считает Хелен, которая, однако, находится с ними. — *Ж. Л.)* в маленькой комнате с клетушкой, за которую платим больше, чем за большой дом в Германии, и платить нужно каждую неделю. Так что вы можете себе представить, в какое положение мы попадем, если хоть один талер запоздает на день. Для нас здесь это вопрос хлеба насущного». Она также просит его рассказать о журнале и статьях ее мужа в его собственной газете, «даже раскритиковав их», так как это позволит сообщить о них и, возможно, продать несколько номеров.

Карл очерствел; он знал, что отныне он и его семья поставлены в положение пролетариев, хотя таковыми и не являются. И словно затем, чтобы предохранить себя от рока нищеты, он старался изгнать всякую сентиментальность из своей жизни и работы. Никогда не жаловаться, но и никого не жалеть. Объективно изучать всех и вся. Оставаться по возможности безразличным к собственной нужде, как и к чужой бедности. Один из близких ему людей отмечает: «„Работать для человечества“ — таковым было одно из его излюбленных выражений. Он пришел к идее коммунизма не по сентиментальным соображениям, хотя и принимал близко к сердцу страдания рабочего класса, а через изучение истории и политической экономии. Он утверждал, что любой беспристрастный ум, не подверженный влиянию частных интересов и не ослепленный классовыми предрассудками, неизбежно придет к тем же выводам, что и он».

Карл все реже выходил из дому, разве что в крошечную редакцию газеты или на собрание Просветительского общества немецких рабочих. Именно там в середине 1850 года, на летнем празднике, отмечавшемся остатками этого общества, он познакомился с только что прибывшим двадцатипятилетним

немецким эмигрантом Вильгельмом Либкнехтом[34], вышедшим из швейцарской тюрьмы. Как и любому вновь прибывшему, Карл походя устроил ему проверку, оглядел с головы до ног с суровым видом, опасаясь, что это один из шпионов, которыми город просто кишел. «Я выдержал взгляд этого человека с львиной головой и черными, как уголь, глазами», — вспоминал потом Либкнехт. Молодой человек его заинтересовал, но Карл (ненамного старше его) спрашивал себя, можно ли ему доверять. Как это часто бывало, он пожелал узнать мнение Фридриха. На следующий день после этой первой встречи Маркс вызвал нового приезжего в их контору. Либкнехт увидел там Энгельса, с которым встречался в Женеве в прошлом году, когда тот укрылся там ненадолго, прежде чем взяться за оружие. Либкнехту пришлось защищаться перед ними обоими от обвинений в соглядатайстве, потом в «мелкобуржуазном демократизме» и, наконец, в «южнонемецком сентиментализме». По окончании экзамена разговор перешел на технический прогресс. Маркс загорелся, и, читая воспоминания Либкнехта, можно угадать, как он умел увлекать своими словами всех, кто имел с ним дело: «Он насмехался над торжествующей реакцией в Европе, воображавшей, будто сладила с революцией, и не сознающей, что наука готовит новую. Царствованию его величества пара пришел конец, и его заменит гораздо более мощный правитель-революционер — Электрическая искра! Когда Маркс говорил о прогрессе в науке и механике, его мировоззрение (в частности, то, что позже назовут материалистической концепцией истории) проступало так четко, что немногие остававшиеся у меня сомнения растаяли, словно снег под весенним солнцем».

В то же время в Берлине Клаузиус сформулировал второе начало термодинамики, на котором основана вся теория машин, использующих энергию, а также идея о том, что любая организованная действительность обречена на разрушение. Маркс, который еще об этом не слышал, уже работал над тем, что станет параллельной теорией неизбежного заката капитализма. Идея о необратимом разрушении обществ возникла одновременно с идеей о необратимом разрушении материи.

Вильгельм Либкнехт так удачно сдал «экзамен», что его — редкая привилегия! — пригласили познакомиться с женой, двумя дочерьми и двумя сыновьями Карла в их трущобе в Сохо. «С тех пор я, так сказать, вошел в круг их семьи», — напишет Вильгельм, который при случае даже оставался сидеть с детьми — те его обожали. «Госпожа Маркс имела на меня, возможно, столь же сильное влияние, что и сам Маркс. Моя мать умерла, когда мне было три года… и вот теперь я встретил красивую, крайне

рассудительную и очень умную женщину, которая стала для меня одновременно матерью и сестрой».

В середине августа 1850 года Женни с четырьмя детьми уехала к матери в Трир, чтобы те немного развеялись, но также затем, чтобы забрать еще денег, которые она там оставила и не смогла вернуть, как ни старалась. Ее сводный брат — министр внутренних дел — раздобыл для нее визу и покровительствовал ей. Впрочем, Фердинанд всегда покровительственно приглядывал за сводной сестрой. Нельзя исключить, что она остановилась по дороге у одной из своих сестер, которая жила под Маастрихтом вместе с мужем — голландским банкиром Лионом Филипсом. Атеистка, как Карл, социалистка, как Карл, готовая на всё, чтобы помочь ему продолжать борьбу, Женни была полна решимости вернуться в Лондон.

Карл остался там один с Хелен Демут. Женни вернулась только в сентябре, раздобыв немного денег. Она рассказала, что видела в Трире мать и сестер Карла и что в Пруссии каждый предчувствует скорую войну с Австрией. Действительно, Фридрих Вильгельм IV и новый австрийский император, молодой Франц Иосиф I, хотели объединить Германию, взять ее каждый под свое крыло и смирились с восстановлением призрачной конфедерации германских государств под символическим председательством Австрии. Стало ясно, что настоящее объединение немецких княжеств произойдет только тогда, когда с соперничеством между Берлином и Веной будет покончено в результате войны.

Одновременно с написанием статей о революции 1848 года во Франции и сражениями за издание и распространение своего журнала Карл уделял некоторое время, беснуясь и терзаясь в нетерпении, еженедельным собраниям Центрального комитета Союза коммунистов — в трущобе, при свете дешевых свечей. Там, среди прочих, бывали Шрамм, Вольф, Фрейлиграт и Энгельс. С последним всегда приходил Август фон Виллих, его бывший (во времена баденского похода) командир. Карла особенно бесила необходимость терпеть этого ложного бунтаря и бахвала, подбивавшего немецких эмигрантов тайком возвращаться в Пруссию и составлявшего мнимые заговоры, что позволило прусской полиции, внедрившей своих шпионов в Союз коммунистов, арестовать в Кёльне друзей Карла, которых Виллих представил своими «связными». Маркс ополчился на него в своей «Новой Рейнской газете», а 1 сентября 1850 года, на одном из таких закопченных собраний, обозвал офицера «безграмотным дураком и четырежды рогоносцем». Виллих подскочил и вызвал его на дуэль, Энгельс разнял их. Карл отказался драться. Вместо него вызвался Конрад Шрамм, и Виллих тяжело ранил его в

голову.

В номере «Новой Рейнской газеты» за октябрь 1850 года (в котором была его четвертая статья о революции 1848 года) Карл повторил, словно отвечая Виллиху, что глупо торопиться штурмовать Европу, так как революция может в ней произойти только тогда, когда снова разразится экономический кризис. А он разразится: «[Революция] возможна только в периоды, когда современные производственные силы вступают в конфликт с буржуазными формами производства… Новая революция станет возможна только после нового кризиса. Первое настолько же неминуемо, как и второе».

В тот же момент, в конце лета 1850 года, поэт Кинкель, сражавшийся под командованием Виллиха, схваченный и приговоренный военно-полевым судом к пожизненному заключению, бежал из тюрьмы, сумел выбраться из Пруссии и приехал в Англию (где стал пылким сторонником Виллиха и выступал против Маркса). Прусские власти усилили репрессии против либеральных и прогрессивных кругов. В письме от 11 ноября 1850 года Фридрих Вильгельм IV лично потребовал у канцлера устроить открытый, показательный и громкий судебный процесс для наказания заговорщиков. Полицию и суд обязали раскрыть заговор, а если такового не обнаружится, выдумать его.

Во время обыска на квартире у некоего Нотьюнга были обнаружены экземпляр коммунистического манифеста (обладание которым не являлось преступлением, поскольку его можно было приобрести в книжном магазине на законных основаниях) и список людей, каждого из которых тотчас арестовали и обвинили в заговоре. Несмотря на следствие, произведенное с большим размахом, не удалось обнаружить никаких компрометирующих документов, тем более что целью Союза коммунистов было учреждение законного и открытого политического движения.

Два года спустя Карл попытается выступить на судебном процессе против своих друзей, арестованных в Кёльне.

В ноябре 1850 года единственной хорошей новостью был выход в Нью-Йорке первого перевода на английский «Манифеста Коммунистической партии»; под него отвели несколько страниц в скромной газете нью-йоркских социалистов — «Ред рипабликэн». Под текстом стояли имена двух авторов — Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Это был первый перевод произведений Маркса на иностранный язык. Ни одного другого в ближайшие двадцать лет не появится. Публикацию соавторам не оплатили.

Как и несколькими годами раньше, Маркс снова подумал было эмигрировать в Америку и перенести туда свою газету.

Один из друзей Энгельса, Ротекер (они вместе участвовали в баденском восстании и вместе приехали в Лондон), отправился в Нью-Йорк готовить почву.

Как и боялись Карл и Женни, нищета сделала свое дело: несмотря на все их усилия, 19 ноября 1850 года их младший сын Генри — Гвидо — умер от пневмонии в их грязной и холодной трущобе в Сохо, не прожив и года. Это был первый ребенок, которого они потеряли. Будут и другие, на той же самой улице. Снова беременная, Женни говорит о «несчастье, которое ее поджидало и перед которым всё погрузилось в небытие». Карл перенес всю свою любовь на Эдгара, которому было чуть больше двух лет. Он воображал себе, что вскоре между ними возникнет та мощная связь, какая была у него с отцом. Он также понимал, что старается воссоздать с Энгельсом отношения, которые могли бы у него быть с Германом, покойным братом, который был как раз ровесником Фридриха.

Через несколько дней после смерти Гвидо, еще не оправившись от горя, Карл получил ответ от Ротекера: материальное положение эмигрантов в Нью-Йорке еще хуже, чем в Лондоне. Издавать там газету на немецком языке нет никакой возможности, разве что привезти с собой кучу денег. Так что приходится остаться в Лондоне и ждать, пока что-нибудь не произойдет во Франции или в Германии.

Потрясенный нищетой своего друга, а главное, смертью Гвидо, Энгельс пошел на огромную жертву: уехал из Лондона, чтобы работать на семейном предприятии в Манчестере. Фридрих, наверное, полагал, что жизнь в Лондоне слишком трудна, а революция слишком далека. Но он, верно, уже понял, что никогда не сравнится с Карлом по уму, и принял мудрое решение служить ему: так он заработает побольше денег и поделится с Карлом своим жалованьем и материальными компенсациями. Это решение окажет определяющее влияние на жизнь и того и другого. Хотя позже эпигоны Энгельса попытаются ставить их наравне, Фридрих понимал, что не обладает гигантскими интеллектуальными способностями своего друга. Покинув Лондон, чтобы исполнять должность начальника предприятия, которая была ему ненавистна, Энгельс отказался от положения заурядного члена пишущей братии во имя того, чтобы снабжать деньгами уникального ее представителя. Став «Троянским конем в цитадели капитализма», он к тому же будет снабжать Карла важными данными для его научной работы и очень часто приезжать к нему в Лондон поговорить. Оба станут отныне переписываться почти каждый день, и так двадцать лет. В истории идей нет другого примера подобного

самопожертвования. Фридрих не пересмотрит своего решения, хотя оно ему дорого обошлось.

Начиная с декабря Фридрих присылал Карлу из Манчестера, где ему жилось гораздо лучше, чем в Лондоне, в среднем по 15 фунтов в месяц, то есть гораздо больше средней зарплаты рабочего, что позволяло продержаться семейству Маркс и их служанке Хелен Демут. Условия жизни значительно изменились: в ней появилась определенная стабильность; уже не нужно было бояться выселения, пропитание было обеспечено. Вообще-то поэт Фрейлиграт, уехавший из Кёльна одновременно с Карлом и находившийся примерно в таком же семейном положении, зарабатывал в качестве банковского служащего меньше 200 фунтов в год и утверждал, что «никогда не нуждался в самом необходимом». Но Карлу не хотелось, чтобы его дети довольствовались только «самым необходимым». Поэтому в январе 1851 года, благодаря регулярным денежным поступлениям от Фридриха (в виде банкнот, разрезанных надвое и разложенных по разным конвертам) и средствам, привезенным Женни из Трира, Марксы переехали в немного более пригодную для жилья двухкомнатную квартиру в доме 64 на той же Дин-стрит. Тем не менее Карл называл их положение «horrifying enough» («достаточно ужасным»).

Тем более снова беременна была не только Женни, но еще и Хелен Демут. И никто не мог от нее добиться имени отца ребенка! Карл же продолжал работать и писать, не думая ни о чем другом. Один из знакомых, навестивших его в январе 1851 года, писал Энгельсу: «Когда приходишь к нему в дом, тебя встречают не приветствиями, а экономическими терминами!»

Чтобы как следует заняться своей книгой по экономике, на которую он заключил договор примерно шесть лет тому назад, Маркс, по совету Энгельса, стал ходить в библиотеку Британского музея. Там он наслаждался покоем и теплом, которых был лишен в своем крошечном жилище, где между двумя беременными женщинами возникали трения. Туда приходили и другие изгнанники, тоже в поисках источников для написания «книги, которая перевернет судьбу всего мира».

Карл изучал там все, что касается денег, заработной платы, капитала, инвестиций, условий жизни рабочих. «Он отправляется туда рано утром, остается там до семи вечера, возвращается домой, ужинает, работает в кабинете, беспрестанно куря», — вспоминал Либкнехт. Женни ни разу не укорит его за то, что он не поступил куда-нибудь на работу. Он все больше и больше увлекался экономикой и все меньше и меньше интересовался политикой. Поэтому когда к нему в штаб-квартиру Союза

коммунистов, где собиралось все меньше народу, приехал лидер чартистов Джонс, чтобы поговорить о своих планах преобразования общества «Братские демократы» в Международное социал-демократическое объединение, Маркс не уделил ему должного внимания. Его гораздо больше заинтересовала статья в «Таймс» с описанием путешествия «Блейзера» — парового судна, проложившего первый телеграфный кабель под Ла-Маншем, между Дувром и Кале. Вот это настоящая революция! — думал он. Ах, если бы он мог общаться с Энгельсом по телеграфу, сколько времени бы они сэкономили!

Двадцать восьмого марта 1851 года в новой маленькой квартирке родилась Франциска — пятый ребенок Марксов. Согласно переписи 30 марта, там проживали тогда четверо взрослых (Карл, Женни, Хелен и ее сестра Марианна, приехавшая, чтобы им помогать, и тоже получавшая жалованье от матери Женни) и четверо детей (три дочери и уцелевший сын Марксов); они платили 22 фунта в год как субарендаторы. Хелен так и не раскрыла имени отца своего будущего ребенка.

На следующий день, то есть через три дня после рождения дочери, Карл написал Фридриху, что прочел все, что мог прочесть по экономике, и что ему уже надоело ею заниматься. «Недель через пять я покончу со всей этой чертовой экономикой. И тогда стану писать свою книгу дома. В музее я начну изучать другую науку. Экономика мне наскучила. По сути, эта наука не продвинулась вперед со времен Адама Смита и Давида Рикардо, несмотря на все, что было сделано в отдельных исследованиях, зачастую слишком утонченных». В этом письме он упоминает о «тайне», в которой, как он говорит, Энгельс сыграл свою роль. Он больше не возвращается к этому в следующем письме, но сообщает Фридриху, что поговорит об этом с ним лично, когда друг приедет к нему в апреле. Скоро мы увидим, о какой тайне идет речь.

Энгельс отвечает ему с иронией, но и с большой нежностью и проницательностью: «Пока тебе останется прочитать хоть одну книгу, считающуюся важной, ты не начнешь писать сам». Ведь он хорошо его знает! В самом деле, Карл продолжает читать и все так же откладывает написание книги.

Первого мая 1851 года Карл вместе с Женни и двумя старшими девочками увидел окруженных толпой зевак королеву Викторию и принца Альберта, явившихся на открытие Первой всемирной выставки промышленной продукции под величественными сводами Хрустального дворца, специально выстроенного в Гайд-парке. Карл увидел там огромные

гидравлические прессы, печатный пресс, способный выпустить за час пять тысяч экземпляров журнала «Иллюстрированный Лондон», локомотив, развивающий скорость более 100 километров в час, и фотографический аппарат Дагера. Тем летом выставку посетили шесть миллионов человек. В Лондон даже приехала группа из Нью-Йорка: это путешествие было организовано первой турфирмой, созданной в тот год в Лестере Томасом Куком.

Воспользовавшись тем, что на выставку стекались толпы народа, сводный брат Женни послал в Лондон своего лучшего агента Вильгельма Штибера, будущего главу тайной полиции Бисмарка, сурового полицейского, который, как мы увидим, будет преследовать Маркса своей ненавистью целую четверть века. Целью Штибера было проникнуть на заседания Союза коммунистов; он явился на Грейт-Винд-милл, 20, выдав себя за сочувствующего. Он так ловко прошел все проверки, что его даже пригласили в гости к Марксам, в жалкую двухкомнатную квартиру в Сохо, куда допускались только самые верные люди.

Однако Карл знал, что за ним следят, поскольку в открытом письме, адресованном именно в это время директору журнала «Спейтейтор», обличал слежку со стороны «прусских шпионов в Лондоне». Но он попался на удочку Штибера и принял его у себя дома как активиста. Шпион посылал в Берлин тайные донесения с подробным описанием жизни Марксов в то время. Описание это было очень придирчивым, возможно, чтобы угодить заказчику: «В частной жизни [Маркс] очень неряшлив, циничен, отвратительный хозяин. Он ведет богемную жизнь. Редко моется и меняет белье. Быстро пьянеет. Зачастую целый день слоняется без дела; но если у него есть работа, то он сидит за ней днем и ночью. Ложится спать и встает, когда вздумается. Иногда не спит всю ночь и все утро, к полудню ложится на канапе, не раздеваясь, и спит до вечера, не обращая внимания на домашнюю суету. В его квартире нет ни одного целого предмета мебели. Все поломано, покрыто пылью, в большом беспорядке. Посреди гостиной стоит большой стол, покрытый подобием скатерти. На нем рукописи, книги, газеты, клочки ткани от шитья его жены, треснувшие чайные чашки, грязные ложки, ножи, вилки, свечи, чернильницы, стаканы, трубки, табачный пепел; все это вперемешку на одном столе». Он добавляет: «Когда входишь к Марксам, дым от угля и табака ест глаза, точно в пещере, и ничего не видишь, пока не привыкнешь к темноте и не начнешь различать предметы сквозь дым… Гостя приглашают присесть на детский стульчик, но он не вычищен, так что можно измарать брюки. Всё это нимало не смущает ни Маркса, ни его жену». Шпион заключает, что этот

человек по-прежнему опасен и что его окружают товарищи, готовые на всё, чтобы ему услужить; среди них он называет Фридриха Энгельса, живущего в Манчестере и часто приезжающего к Карлу, и Лупуса Вольфа.

Совсем иначе гостеприимство Марксов опишет позднее человек, который станет их зятем: «Его радушным гостеприимством воспользовалось множество рабочих всех стран, и я уверен, что ни один из них ни разу не заподозрил, что женщина, которая принимала их так просто, искренне и сердечно, происходила по материнской линии из семьи герцогов Аргайлов, а ее брат был министром прусского короля…»

К тому времени положение последних прусских демократов ухудшилось: многих арестовали, и они зачастую годами прозябали в тюрьме, дожидаясь суда. Иосиф Вейдемейер — друг по Брюсселю, издатель из Франкфурта, которому грозила та же судьба, закрыл свой журнал, уехал из Германии и поселился в Нью-Йорке, задумав выпускать там новое периодическое издание под названием «Революция». Оставшиеся экземпляры «Новой Рейнской газеты» продавать стало некому. Журнал, созданный во Франкфурте в разгар сражений, три года тому назад, умер. Карл лишился проводника своих идей.

Двадцать третьего июня 1851 года Хелен Демут произвела на свет мальчика. Какая неожиданность! Фридрих Энгельс признал ребенка, которого назвали Фредериком Льюисом и отдали кормилице за его счет. Много лет спустя Луиза Фрейбергер-Каутская (последняя гувернантка Энгельса, которая, как мы увидим, сыграет значительную роль в споре за распоряжение рукописями Маркса после его смерти) будет утверждать, что Энгельс якобы признался ей на смертном одре, будто отцом ребенка был не он, а Карл Маркс. Хелен всю жизнь будет хранить молчание. Маркс ничего не сделал для этого ребенка, Энгельс не желал его видеть, а дети Карла в конце концов, после смерти отца, будут считать его своим сводным братом, хотя он сам, став рабочим и активистом социалистического движения, так ничего и не узнает о своем происхождении. В кратких автобиографических заметках Женни ограничится одной фразой: «В начале лета 1851 года случилось еще одно событие, которого я с удовольствием не касалась бы, но оно в значительной мере способствовало увеличению наших внутренних и внешних трудностей». На самом деле, Женни так ничего и не скажет. Если ребенок был зачат в конце сентября 1850 года, то, скорее всего, отцом его был Маркс, ведь Женни тогда находилась в Трире. Энгельс мог бы оказаться его отцом, только если ребенок родился до срока, а зачат был в конце октября, поскольку ровно за девять месяцев до его

рождения Фридрих был в Лондоне. Как только ребенка отлучили от груди, Хелен вернулась к исполнению своих обязанностей.

Слухи о незаконнорожденном ребенке в мгновение ока облетели узкий мирок изгнанников. «Неописуемая низость!» — писал Маркс всего месяц спустя Вейдемейеру, поселившемуся в Нью-Йорке, который был уже в курсе. Одновременно Карл обличал все наговоры, которые разносят «враги среди левых демократов. О них даже нельзя упоминать!». Ибо это лишь один из бесчисленных слухов, ходивших тогда о нем: его обвиняли в презрении к пролетариату, в поклонении аристократии, в создании всяческих невероятных заговоров, в присвоении средств и ведении зажиточного существования. Многие из этих обвинений были в антисемитском духе, а в некоторых даже упоминалось прозвище «Мавр», которым его наделили его друзья и дети, используемое как обозначение еврея. Его обвинили в сотрудничестве с «Новой прусской газетой» — консервативным берлинским изданием, в редакционный совет которого входил министр внутренних дел Фердинанд фон Вестфален. Иные даже называли Маркса прусским агентом, внедрившимся в революционные круги! Немецкие газеты, выходившие в Лондоне, подхватывали эти россказни и постоянно сыпали намеками о превосходных отношениях с шурином. Объект нападок реагировал очень бурно и в тот год вызвал на дуэль, не имея ни малейших навыков в обращении с оружием, трех своих преследователей, в том числе издателя осуждавшей его газеты. Все трое раскаялись, и дуэли не состоялись.

События конца 1851 года подтверждали предсказанное Карлом в статьях о 1848 годе: революция в Европе проиграла надолго.

В Пруссии упразднили либеральную конституцию; оппозиционеров отправили в ссылку; покончили со свободой печати и собраний; отменили основные права, декларированные в 1848 году. Не осталось надежды на амнистию, которая позволила бы Марксу вернуться на родину.

Последняя надежда вернуться на континент испарилась, когда в ночь с 1 на 2 декабря 1851 года Луи Наполеон Бонапарт распустил Национальное собрание — «очаг заговоров», — потому что оно отказалось пересмотреть конституцию с целью позволить ему повторно выставить свою кандидатуру в президенты республики. 3 декабря французская столица покрылась баррикадами; один депутат был убит в Сент-Антуанском предместье с криком: «Сейчас вы увидите, как умирают за двадцать пять франков!» — эта сумма была ежедневным содержанием парламентариев. Войска стреляли по толпе

демонстрантов: на Больших бульварах было убито около двухсот человек. Мятежи вспыхнули также в департаментах Ньевр, Эро, Вар и Нижние Альпы, но не приняли массового характера, поскольку крестьяне еще хранили верность воспоминаниям о наполеоновской эпохе.

Карл увлеченно следил за этими событиями, видя в них подтверждение тому, что он написал: без прочного союза между рабочими и крестьянами любая революция обречена на провал. И эта провалится так же, как предыдущая.

Большинство депутатов-республиканцев, в том числе Виктор Гюго, были арестованы и сосланы. Из двадцати семи тысяч арестованных четыре тысячи подверглись депортации. Гюго покинул Францию. 20 декабря 1851 года сельское население в массе своей одобрило государственный переворот и наделило Луи Наполеона полномочиями составить новую конституцию, позволявшую ему находиться у власти десять лет.

Карл увидел в этом последнее подтверждение того, что уже предвидел в серии статей о революции 1848 года: поскольку во Франции, как и в Пруссии, рабочие не смогли объединиться с крестьянством, самодержавная власть покончила с последними либеральными поползновениями. Самолюбие было удовлетворено, но тем не менее он понимал, что теперь заперт на неопределенное время в чужой стране, народ которой говорит на плохо понятном ему языке и где его семья в буквальном смысле слова умирает с голоду.

Иосиф Вейдемейер, обосновавшийся в Нью-Йорке, предложил ему в январе 1852 года для его будущего политического еженедельника «Революция» описать государственный переворот 1851 года, наподобие того, как была описана революция 1848 года в газете, распространявшейся издателем. Вознаграждение он обещал очень скромное. Карл согласился. Каждую неделю до начала марта 1852 года он посылал в Нью-Йорк по статье; Вейдемейер объединил все семь в одну и опубликовал их в мае под общим заглавием «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Отправкой рукописей (за счет издателя), как всегда, занималась Женни, переписав каракули мужа своей рукой и обсудив с ним каждую мелочь. Это была новая крупная научная работа, хотя она и называлась газетной статьей.

Как и в предыдущей серии статей, Карл намеревался объяснить государственный переворот классовой борьбой. Начал он с фразы, ставшей знаменитой: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса». Затем Маркс показывает, что

если мировой кризис 1847 года ослабил буржуазию, то вернувшееся процветание в 1849 году ее усилило; а причины поражения в очередной раз свидетельствуют, если в том есть необходимость, что государство — не хранитель и гарант «всеобщих интересов», как думали Гегель и немецкие «истинные социалисты» (его первые товарищи), а орудие господствующих классов; что крестьяне, чье отступничество привело к поражению республики, однажды осознают себя обманутыми тем самым человеком, которого они привели к власти; они поймут, что у них те же интересы, что и у рабочих, что они — жертвы сельской «знати», союзной с капиталистами: «Интересы крестьян будут уже не в гармонии с интересами буржуазии, с капиталом, как это было при Наполеоне, а в непримиримом противоречии с ними. Крестьяне поэтому найдут своего естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном ниспровергнуть буржуазный порядок».

«Союзник и вождь» — он отдает главенствующую роль рабочему классу, меньшинству, находящемуся на передовой промышленного развития, но подвергающемуся самой жестокой эксплуатации. Маркс предчувствует (но не говорит об этом открыто), что именно пролетарское меньшинство станет руководящей силой революции. Он далек от мысли, что рабочий класс, а тем более представляющая его партия, должен монополизировать власть. Позднее так решит Энгельс, а за ним Ленин.

Он предвидит, что в один прекрасный день Империя будет свергнута, но боится, что у пролетариата отнимут победу, потому что он не сумел объединиться с крестьянами. Ведь когда Империя падет, сначала установится парламентская республика, которая поставит государство на службу буржуазии; а затем рабочая революция победит лишь в том случае, если городские рабочие объединятся с сельскими мелкими собственниками, крестьянами и торговцами, «чтобы сконцентрировать против [государства] всю свою мощь… Прошлые перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее». Задача пролетарского руководителя, таким образом, состоит в том, чтобы пробудить в рабочих сознание их миссии, создать массовые партии с целью образования широкого альянса, правящего большинства, включающего в себя другие эксплуатируемые группы населения.

Маркс проводит ясный и вещий анализ ситуации и приходит к мысли о том явлении, которое в самом деле произойдет во Франции двадцать лет спустя: падение Второй империи, установление буржуазной республики, восстание парижских рабочих и поражение революции из-за вовремя не установленного

союза с крестьянами и провинциальной элитой. Это будет Парижская коммуна.

Он пророчески пишет: «Но если императорская мантия падет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона низвергнется с высоты Вандомской колонны». На самом деле, пройдет двадцать лет, прежде чем это предсказание в точности свершится, а затем, как он и предсказал, возникнут первые массовые партии, которые в 1852 году себе и представить было нельзя.

В этой работе есть красивая антигегелевская фраза, отвергающая «конец истории»: «Социальная революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого».

Карл осознает ценность того, что пишет. В последней из представленных статей, от 5 марта 1852 года, он разъясняет, что нового он привнес в теорию общества: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства; 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов…»

«Восемнадцатое брюмера» вышло 20 мая 1852 года на немецком языке в Нью-Йорке, в первом номере «Революции», который Вейдемейеру удалось издать благодаря какому-то меценату, оставшемуся неизвестным. Ни одна газета в мире не упомянула тогда об этой статье.

Семнадцать лет спустя (то есть за год до Парижской коммуны) Маркс расскажет п предисловии ко второму изданию этой работы об истории неудач своих статей; попутно он раскритикует Гюго и Прудона, писавших на ту же тему с гораздо большим общественным резонансом, чем он: «Несколько сот экземпляров этого сочинения проникли тогда в Германию, не поступив, однако, на настоящий книжный рынок. Один корчивший из себя крайнего радикала немецкий книготорговец, которому я предложил взять на себя сбыт моего сочинения, с неподдельным моральным ужасом отверг такую „несвоевременную затею“… Из сочинений, которые появились почти одновременно с моим и посвящены тому же вопросу,

заслуживают внимания только два: „Наполеон Малый“ Виктора Гюго и „Государственный переворот“ Прудона. Виктор Гюго ограничивается едкими и остроумными выпадами против „ответственного издателя“ государственного переворота. Самое событие в его видении — гром среди ясного неба. Он видит в нем лишь акт насилия со стороны отдельной личности. Он изображает эту личность великой, тогда как она мала… Прудон, со своей стороны, стремится представить государственный переворот результатом предшествующего исторического развития. Но историческая реконструкция государственного переворота превращается у него под рукой в апологию героя этого переворота. Он впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых *объективных* историков. Я, напротив, показываю, каким образом *классовая борьба* во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность слабой и смешной личности сыграть роль героя».

Сразу после смерти Маркса Энгельс напишет по поводу этой работы с напыщенностью, которая на сей раз была совершенно оправданной: «Это был гениальный труд. Непосредственно после события, которое точно гром среди ясного неба поразило весь политический мир [фраза Маркса по поводу Гюго], события, которое одни проклинали с громкими криками нравственного негодования, а другие принимали как спасение от революции и как кару за ее заблуждения, события, которое, однако, у всех вызвало только изумление и никем не было понято, — непосредственно после этого события Маркс выступил с кратким, эпиграмматическим произведением… Но для этого требовалось такое глубокое знание французской истории, какое было у Маркса». Лафарг добавит: «Он писал только <…> с твердой решимостью дать научную основу социалистическому движению, которое до тех пор блуждало в тумане утопии».

Карл знал, что его изгнание отныне затянется. Он подолгу говорил об этом с Женни: им нужно готовиться к тому, чтобы жить в нищете в Лондоне, в этой стране, где для них все чужое, с четырьмя детьми, которые не заслужили такой дурной жизни, жить, постоянно опасаясь, что еще одного из них постигнет судьба Гвидо. Готова ли она к этому? Может, она предпочтет вернуться к матери в Трир вместе с детьми? Они бы спокойно жили, опираясь на надежную семейную поддержку в лице брата-министра. Она отказалась, возмущенная. Как такое решение могло прийти ему в голову? Пусть побольше пишет, побольше печатается и продолжает борьбу. Теперь это и ее борьба. Она этого хочет. Он не должен опускать руки. Она здесь, рядом с ним. Она нужна ему? Большего ей и не требуется.

Несколько дней спустя было так холодно, а они были так бедны, что Маркс написал Энгельсу, что уже не может выходить из дома, поскольку его пальто заложено, и не может купить мяса для детей — мясник больше не отпускает в кредит. Он даже не может послать старших девочек в школу, нанять кого-нибудь для присмотра за младшими детьми, купить книг, даже колыбельку, пеленки и лекарства для Франциски, которая больна, так же как и Эдгар — ему теперь уже почти пять лет, и Карл начал учить его стихам на греческом, немецком и английском. Он беспрестанно изощряется в выдумках, чтобы отсрочить уплату долгов, прикрываясь детьми, неустанно пытаясь добиться помощи от матери или друзей. Только Энгельс ему не отказывает, помогая постоянно, но скудно, учитывая размеры его состояния.

В такие ужасные моменты он не мог ни писать, ни читать, ни думать. Союз коммунистов его больше не интересовал. Важно было только выжить и прокормить детей.

В тот 1852 год, как и предвидел Карл, Луи Наполеону Бонапарту, ставшему Наполеоном III, повезло: экономика развивалась; хозяева заводов обеспечивали работой рабочих; торговцы обогащались; крестьяне успокоились. Пресса была в кулаке у власти; сенсимонисты поддержали режим и основали ипотечный банк «Французский земельный кредит»; Бусико открыл универмаг «Бон-Марше». Республиканцы были на столь дурном счету, что Наполеон III запретил носить нестриженую бороду — знак принадлежности к революционерам.

Нищета была так велика, а холод так силен, что 14 апреля 1852 года Франциска умерла в возрасте тринадцати месяцев: уже второй ребенок Марксов умер на этой улице через полгода после Гвидо. У Карла даже не было денег на гроб, и он, потратив много времени и сил, упросил расщедриться соседа-француза, имени которого история не сохранила. В своих кратких воспоминаниях Женни все так же достойно и сдержанно замечает: «У Франциски не было колыбели, когда она появилась на свет, и даже в последнем жилище ей долго отказывали».

В письме соболезнования от 20 апреля Энгельс сокрушается о крайней бедности семейства Марксов, об ужасающих антисанитарных условиях, приведших к смерти ребенка, сожалеет, что ничего не может для них сделать.

Карл не выдержал и заболел — впервые серьезно. Приступы фурункулеза, боль в печени, острая зубная боль, воспаление глаз, а затем и легких случались все чаще. Потом он взял себя в руки, укрепил панцирь, в который сумел облечься, и с головой ушел в заботу об уцелевших детях, в особенности о сыне, воссоздавая с ним те отношения, которые были когда-то у него с отцом: «Он

занимался двумя дочерьми и сыном, которому было пять лет и которого он обожал. Он прозвал его „полковник Муха“ из-за его маленького роста и ловкого владения тактикой, сбивающей с толку кредиторов». Женни не утратила уверенности в себе, и, когда Карлу нездоровилось, дом вела она. Депрессия, рвота и тоска возвращались к ней только тогда, когда Карл поправлялся.

Пребывая в самой отчаянной нищете, Маркс получил сногсшибательное предложение: стать лондонским корреспондентом ведущей американской газеты «Нью-Йорк дейли трибюн»[35], которая была и самой продаваемой газетой в мире — 200 тысяч экземпляров. Чарльз Дана, с которым он пересекся в Париже три года назад, когда тот был корреспондентом той же газеты во Франции, только что стал ее главным редактором в Нью-Йорке; он решил обратить внимание на немецких читателей, которые, как он думал, вскоре массово хлынут в США из-за политических репрессий и экономической разрухи в Пруссии. Поэтому, вспомнив, какое сильное впечатление произвел на него Маркс в Париже, он предложил ему стать его лондонским корреспондентом: Карл сможет писать о чем хочет и когда захочет, получая плату, по меньшей мере, за одну статью в неделю; к тому же эти статьи еще и будут печататься. Дана объяснил, что гонорар, который станет ему выплачивать «Нью-Йорк дейли трибюн», не соответствует тому уважению, которое газета имеет к своему «most highly valued contributor» (высоко ценимому сотруднику), однако он будет получать по фунту за каждую из первых статей, потом два, а потом, возможно, даже три фунта.

Разумеется, Маркс согласился: наконец-то постоянный доход (в дополнение к поступлениям от Энгельса) от настоящей журналистской работы на английском языке. Никогда бы он не подумал, что такое возможно, хотя Женни постоянно просила его попытаться. Кроме того, «Нью-Йорк дейли трибюн» — самый либеральный печатный орган в Америке, так что сотрудничать с ним — не бесчестье. Газету основал десять лет тому назад бывший наборщик, ставший журналистом, — Хорэс Грили[36], последователь Фурье, Готорна и Эмерсона, поддержавший непродолжительный эксперимент с фаланстером «Брук-Фарм» под Бостоном. В этой газете работала лучшая команда журналистов в Соединенных Штатах, высокого политического и литературного уровня, с превосходными корреспондентами в Европе. Однако Карл колебался: он еще не слишком хорошо владел английским, чтобы писать на этом языке. Энгельс (снова он) вызвался бесплатно редактировать и подправлять его статьи. Манчестерский друг так воодушевился, что даже умолял Карла

позволить ему писать под именем Маркса статьи о военной стратегии (его конек) без всякой платы. Карл согласился и принялся за работу. Хотя он и ворчал по поводу поверхностности этой работы ради пропитания, но втайне надеялся не только заработать денег, но и заинтересовать своими идеями часть американских немцев.

В самом деле, за год (с лета 1851-го по весну 1852 года), как и предвидел Чарльз Дана, полмиллиона немцев пересекли Атлантику, спасаясь от нищеты и политических репрессий.

Пережитые горести (в особенности смерть одного за другим двух детей) еще больше ожесточили Карла. Это был уже не тот веселый, амбициозный молодой оптимист, каким он был в Берлине, Париже или даже Брюсселе. Это и не боевой руководитель первой левой газеты в Германии. Он стал неуживчивым, нетерпеливым, повсюду ему мерещились шпионы (и зачастую не зря!), и у него было чувство (тоже вполне обоснованное), что он тратит время на дураков. Он провел несколько месяцев с Энгельсом, извергая потоки ругани на немецких эмигрантов в Лондоне, в особенности на одного — Кинкеля, совершившего знаменитый побег из Шпандау. В результате родились «Великие люди изгнания» — эта рукопись, отосланная к немецкому издателю, попала в руки прусской полиции и не была опубликована. Еще один месяц работы впустую!

В августе 1852 года в «Нью-Йорк дейли трибюн» вышла первая статья Маркса, за которую он получил свой первый фунт стерлингов. Дома был праздник. Получая сдельную оплату, он стал безостановочно писать обо всем подряд: о политической жизни в Англии, о чартизме и забастовках, об Испании, России, восточном вопросе, об Индии, Китае, Алжире. Зачастую это будут очень важные работы, гораздо более понятные, чем его книги. И поскольку к своим статьям он не подходил с той же щепетильностью, как к своим трудам по философии или экономике, он расставался с ними без труда, не переделывая их до бесконечности.

В ноябре 1852 года Карлу надоело тратить время на политику. Он решил сделать то, о чем уже давно думал: распустить то, что осталось от Союза коммунистов, и посвятить себя исключительно научной работе. Союза уже практически не существовало, так что его роспуск остался незамеченным.

Он вернулся к проекту книги об экономике, обещанной восемь лет назад издателю из Дармштадта. Теперь он держал в голове план монументального произведения, одновременно критики политэкономии и научного анализа капиталистического

способа производства. Он также собирался свести воедино и наконец-то опубликовать все свои размышления со времен приезда в Париж в 1843 году об отчуждении, эксплуатации, природе капитализма, его кризисах и о том, как можно объяснить исторические процессы отношениями собственности. Для этого он воспользовался записями, накопленными за все эти годы, о «буржуазной собственности», которую он теперь определил как возможность порабощать чужой труд путем его присвоения.

Больше всего он хотел объяснить, почему капитализму придет конец, как только он примет мировые масштабы, и почему революция не сможет победить, если ограничится одной страной. То, что он прочел у экономистов (он думал, что прочел все), в конечном счете не дало ему практически ничего, поскольку он не нашел у них объяснения глубинной сущности производства богатств и связи между экономикой и политикой.

Он размышлял о том, каким будет «коммунистическое» общество, когда капитализм исчезнет. Он определял его через «отмену буржуазной собственности» для образования общества «свободных и равных друг другу людей», новых, свободных, с «богатыми потребностями». Труд станет не только способом существования, но первой жизненной потребностью, сделавшись творческим благодаря сокращению его продолжительности и свободному выбору профессии. Маркс возвращается к мысли, уже выраженной в «Немецкой идеологии» в 1844 году: коммунист будет волен делать сегодня одно, а завтра другое, утром охотиться, днем ловить рыбу, вечером пасти скот, не становясь при этом охотником, рыбаком или пастухом.

Условия перехода от капитализма к коммунизму не кажутся ему сами по себе темой для неотложного исследования; на его взгляд, они будут зависеть от экономических и политических условий, то есть от места и времени. Они не являются предметом общей теории. Маркс говорит только, что для создания идеального общества надо совершить «прыжок» из «царства необходимости» в «царство свободы», которое он теперь не мыслит без «революционной диктатуры пролетариата». Не раскрывая содержание этого понятия, он, как в статьях о революции 1848 года, говорит, что нужно будет там, где это возможно, использовать демократические институты, чтобы утвердить власть большинства через объединение партий. По этому пункту, как и по многим другим, он никогда не изменит своего мнения, несмотря на политические и личные трагедии, которые ему придется пережить: он прежде всего журналист, и свобода мысли кажется ему высшим священным правом; парламентскую демократию надо защищать во что бы то ни

стало, даже если социальное большинство не является политическим.

Кстати говоря, в тот же самый момент он публично выступил в защиту двух главных аспектов либеральной демократии — свободы печати и независимости судей. В частности, 12 ноября 1852 года он выразил протест, когда нескольких его друзей, немецких коммунистов, товарищей по 1848 году, арестованных в конце следующего года (кое-кого — по невольному доносу Виллиха) прежде, чем они смогли бежать, судили в Кёльне как заговорщиков против Прусского государства на основании того, что они были его друзьями в 1849 году, а потом с ним переписывались. Один из подсудимых, Фердинанд Фрейлиграт, чудом избежал ареста, бежав в Лондон; его судили заочно; остальным не так повезло, и они сильно рисковали. 20 ноября Карл разослал в несколько британских и американских газет большую статью на немецком и английском языках, которая была напечатана 29 ноября в «Морнинг адвертайзер», а потом в окончательном варианте — 10 декабря в «Нью-йоркер криминал цайтунг», чтобы выразить протест против нарушения права на защиту во время этого процесса: «Полтора года были потрачены впустую в попытке раздобыть доказательства для этого процесса. Все это время наши друзья находились в заточении, без книг и медицинской помощи и без возможности их получить. Им не позволяли видеться с адвокатами, в нарушение закона. <…> В коллегию присяжных вошли шесть знатных реакционеров, четыре крупных финансиста и два государственных чиновника. Им представляли улики, в частности, одну, добытую в Лондоне, — протокол заседаний одного тайного общества, возглавляемого доктором Марксом, с которым обвиняемые состояли в переписке <…>; этот протокол оказался фальшивкой. Почерк Маркса подделали. И тем не менее их посчитали виновными в государственной измене, дав обратную силу новому уголовному законодательству!»

Приговор был суров: друзья Маркса проведут долгие годы в тюрьме. Карл пришел в бешенство и решил издать брошюру об этом эпизоде под заглавием «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», чтобы распространить ее в Германии. Чтобы эта брошюра не была расценена как призыв к немедленной революции, Энгельс написал предисловие, предупреждая друзей об опасности чересчур поспешных действий, вынужденных коммунистических опытов и скачков вперед, которые никогда не происходят в свое время, в чем они уже могли убедиться на собственном горьком опыте. «В таких делах теряешь голову — будем надеяться, что не в буквальном смысле… и получаешь

славу не только хищников, но, кроме того, и дураков, что гораздо хуже».

В очередной раз весь тираж брошюры, отпечатанный в Базеле, изъяла полиция сразу по поступлении его в Германию в декабре 1852 года. Никто ее так и не прочтет.

Десятого января 1853 года в Лондоне открыли первую линию метро. Карл снова болен и все так же нищ. У него нет денег даже на отправку писем. Чтобы раздобыть хоть что-то для семьи, он вынужден, по его выражению, «строчить» для прессы. Дельные, зачастую пророческие статьи в «Нью-Йорк дейли трибюн», приносят ему отныне около 150 фунтов в год. Статьи, которые Женни обсуждает с ним шаг за шагом, прежде чем переписать и отправить.

Карл также ведет ожесточенную полемику в левой прессе, по большей части анонимно и бесплатно. Например, он ответил Руге — другу и соратнику по Парижу, которому разрешили вернуться в Берлин, — попрекнув его тем, что тот не поддерживает память о Бакунине, с которым неизвестно что сталось с тех пор, как он был арестован три года назад в Пруссии, передан Австрии, а затем России. Карл пишет в самые разные печатные органы: в «Народную газету» чартистов, в газеты на немецком языке («Фольк», «Нойе Одер цайтунг», «Альгемайне Аугсбург цайтунг», «Реформа»); сотрудничает с «Новой американской энциклопедией» под руководством Чарльза Дана и даже с южноафриканской газетой «Зюйдафрикаан», выпускаемой голландским журналистом Яном Карлом Юта, который недавно женился на его сестре Луизе (они навестили Марксов в Лондоне, направляясь в Кейптаун). Один из гостей, ужинавших вместе с Луизой и Карлом, вспоминает: «Ей было невыносимо, что ее брат — глава социалистов, и она старалась подчеркнуть в моем присутствии, что они принадлежали к семье всеми уважаемого и высоко ценимого в Трире адвоката».

Сотрудничая со столькими разными газетами, Маркс осознал, что мог бы зарабатывать деньги, создав агентство печати, если бы подумал об этом раньше; но, констатировал он, теперь уже все места заняты. Расстроившись, он написал Энгельсу: «Если бы мы это сделали вовремя, ты бы не застрял в Манчестере, мучаясь в своей конторе, а я бы здесь не страдал от своих долгов!» Мы увидим, что он заблуждался: другой немецкий еврей, Юлиус Рейтер, вскоре затеет такое предприятие в Лондоне, и с большим успехом.

Тем временем (20 января 1853 года) Наполеон III женился на Евгении де Монтихо — испанке и ревностной католичке, которая тотчас стала побуждать его послать войска для защиты Святой

земли, находившейся тогда под османским протекторатом. Царь Николай I, который тоже намеревался этим заняться, предложил Англии заключить союз для раздела Османской империи — «больного Европы», по выражению русского дипломата Александра Горчакова. Британское правительство, возглавляемое тогда консерватором Абердином, а затем Пальмерстоном, колебалось. Карл, со своей стороны, был против англо-русского альянса: он всегда противился всему, что могло усилить царскую власть, которую он считал главной опорой диктаторских режимов в Германии. Он не верил в англо-французский союз против России, поскольку ни «лживый Наполеон», ни новый английский министр иностранных дел Пальмерстон[37] не имеют, как он думал, твердого намерения поразить русского колосса в самое сердце. Тщательно изучив документы британского дипломатического ведомства, протоколы заседаний английского парламента с XVIII века и дипломатические депеши, хранящиеся в Британском музее, он совершенно уверился в том, что со времен Петра Великого англичане и русские постоянно под большим секретом сговаривались друг с другом.

В апреле 1853 года Маркс отправил в «Нью-Йорк дейли трибюн» статью на эту тему, снова написанную в соавторстве с Энгельсом: «Если Россия овладеет Турцией, ее сила возрастет наполовину и она одержит верх над всей союзной Европой. Такое событие стало бы неописуемым несчастьем для дела революции». Это будет одна из последних статей, которые друзья напишут вместе. С июня 1853 года Карл, уже довольно хорошо овладевший английским, будет писать статьи непосредственно на этом языке, а Фридрих — только считывать их. По словам Лафарга, для Карла «иностранный язык — оружие в боях за жизнь». В тот период он прочел на английском описание ужасной жизни трудящихся в «Тяжелых временах» Чарлза Диккенса. В особенности его поразила атмосфера Коктауна — архетипа фабричного города, напомнившего ему собственное нищенское существование.

Напряженность в отношениях между Россией и Турцией росла, а Маркс тем временем посвятил себя изучению богатейших сокровищ библиотеки Британского музея, собирая информацию для статей в «Нью-Йорк дейли трибюн». Он нашел любопытный материал о колонизации Индии. На основании его он пытался лучше постичь мышление крестьян, сбивавшее его с толку, а также изучить древние общества, чтобы понять динамику зарождения капитализма. 25 июня он написал первую статью о колонизации под названием «Британское владычество в Индии» — важную работу о докапиталистическом обществе: «В Азии с незапамятных времен, как правило, существовали лишь три

отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и, наконец, ведомство общественных работ… Как в Египте и Индии, так и в Месопотамии, Персии и других странах наводнения используют для удобрения полей: высоким уровнем воды пользуются для того, чтобы наполнять питательные ирригационные каналы. Эта элементарная необходимость экономного и совместного использования воды, которая на Западе заставила частных предпринимателей соединяться в добровольные ассоциации, как во Фландрии и в Италии, на Востоке, — где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, — повелительно требовала вмешательства централизующей власти правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ».

По сути, это описание того, что Маркс назовет впоследствии «азиатским способом производства» — когда само государство отнимает у трудящихся их рабочую силу. Далее в своей статье он разбирает по косточкам британскую колонизацию — уникальная критика для его времени: «Англия разрушила основы общественного строя в Индии, не сделав до сих пор ни малейшей попытки хоть что-нибудь построить». И далее: «Ручной ткацкий станок и ручная прялка, породившие бесчисленную армию прядильщиков и ткачей, были главными стержнями в структуре индийского общества. С незапамятных времен Европа получала великолепные ткани — продукт индийского труда — и посылала взамен свои драгоценные металлы, снабжая, таким образом, материалом местного золотых дел мастера… Британский завоеватель уничтожил индийский ручной ткацкий станок и разрушил ручную прялку. Англия сначала вытеснила индийские хлопчатобумажные изделия с европейских рынков, затем приступила к ввозу в Индостан пряжи и кончила тем, что стала наводнять родину хлопчатобумажных изделий хлопчатобумажными товарами. За период с 1818 по 1836 г. экспорт пряжи из Великобритании в Индию возрос в отношении 1 к 5200».

Затем Маркс устремляет пророческий взгляд в будущее и через месяц в статье, датированной 22 июля 1853 года, объясняет, что в Индии капитализм рано или поздно станет гораздо лучшей общественной системой, чем при нынешнем архаичном обществе. Эта важная работа, написанная в полной нищете и вышедшая из-под пера гражданина мира, в очередной раз показывает, что, по

его мнению, коммунизм может наступить только *после* капитализма, а не вместо него, ибо капитализм освобождает людей от предрассудков и рабства:

«Однако как ни печально с точки зрения чисто человеческих чувств зрелище разрушения и распада на составные элементы этого бесчисленного множества трудолюбивых, патриархальных, мирных социальных организаций, как ни прискорбно видеть их брошенными в пучину бедствий, а каждого из их членов утратившим одновременно как свои древние формы цивилизации, так и свои исконные источники существования, — мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него удобное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы. Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сосредоточив все свои интересы на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как рушились целые империи, как совершались невероятные жестокости, как истребляли население больших городов, — спокойно наблюдали все это, уделяя этому не больше внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной жертвой любого захватчика, соблаговолившего обратить на них свое внимание <…>. Мы не должны забывать, что эти маленькие общины носили на себе клеймо кастовых различий и рабства, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того чтобы возвысить его до положения властелина этих обстоятельств, что они превратили саморазвивающееся общественное состояние в неизменный, предопределенный природой рок и тем создали грубый культ природы, унизительность которого особенно проявляется в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Ханумани и перед коровой Сабалой».

Маркс пророчески пишет: «Вопрос заключается в том, может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальных условиях Азии. Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием истории, вызывая эту революцию». И еще: «Недалек тот день, когда, благодаря сочетанию железных дорог и паровых судов, расстояние между Англией и Индией во временном выражении будет сведено к неделе пути и когда эта некогда сказочная страна будет практически присоединена к западному миру». Мировой дух в очередной раз размышлял о глобализации,

уже подталкивая к ней Азию, позиционируя капитализм как освободителя народов.

В ноябре 1853 года Россия вторглась в пределы Османской империи, захватив Молдавию и Валахию и рассчитывая на союз с Великобританией и нейтралитет остальных европейских государств. Опасаясь, что Лондон окажет поддержку царскому правительству, Карл в «Нью-Йорк дейли трибюн» вернулся к существованию обнаруженных им «тайных связей» между крупной буржуазией Англии и России и изобличил министра иностранных дел Пальмерстона, «продавшегося» Петербургу. Он раскритиковал и одного из своих позабытых друзей, Фердинанда Лассаля — молодого профессора философии, с которым Маркс встретился в Дюссельдорфе в 1849 году и который помог ему выйти из тюрьмы, а теперь опубликовал длинную статью, расхваливавшую заслуги того же самого Пальмерстона. Карл напишет против английского министра восемь статей в «Нью-Йорк дейли трибюн», и только четыре из них напечатают. Он опубликует все восемь в «Народной газете» с 22 по 24 декабря 1853 года, а затем объединит их в брошюре под названием «Жизнь лорда Пальмерстона». Брошюра будет очень хорошо расходиться, но не принесет ему никаких материальных выгод, поскольку он неудачно составил договор. Исторически обоснованность его подозрений так и не будет подтверждена, в том числе и использованными им архивными документами.

Пока Англия колебалась в выборе лагеря, у Карла состоялось неожиданное знакомство с Дэвидом Уркхартом, шотландским аристократом, членом парламента от партии тори, ставшим сторонником турок и противником русских после того, как он сражался на стороне греков. Уркхарт написал книгу «Турция и ее ресурсы», апологию Османской империи, в которой резко нападал одновременно на Пальмерстона и на царя, настойчиво требуя, чтобы Великобритания вступила в войну на стороне Турции. Маркс сообщил Энгельсу о книге «шотландского кельта, который понял, что Пальмерстон продался русским». Он даже написал Фридриху 2 ноября 1853 года: «Тебе это может показаться странным, но, идя точно по следу благородного виконта (Пальмерстона третьего) уже двадцать лет, я пришел к тем же выводам, что и этот мономан Уркхарт: Пальмерстон уже несколько десятков лет как продался русским».

Радуясь тому, что в кои-то веки может рассчитывать на поддержку парламентария, Маркс стал показываться на людях вместе с ним. До того самого момента, когда в январе 1854 года Уркхарт, думая сделать приятное Карлу, заявил, что его статьи в «Нью-Йорк дейли трибюн» «почти так же хороши, как если бы их

писали турки!». И добавил, что он, Уркхарт, скоро станет премьер-министром и сумеет прогнать русских из турецких земель, поскольку обладает «особой сверхподвижностью ума». Маркс понял, что связался с сумасшедшим, пришел в ужас от того, что запятнал свое имя общением с ним, и написал 6 февраля 1854 года Фердинанду Лассалю, которого только что упрекал в поддержке Пальмерстона: «Я не хочу, чтобы меня считали приверженцем этого сумасшедшего! У меня нет с ним ничего общего, кроме отношения к Пальмерстону». Чтобы убедить Лассаля в обоснованности своей точки зрения, он приводит в этом письме новые «доказательства» измены Пальмерстона, обнаруженные в Британском музее. Все они свидетельствуют о его невероятной дотошности, которой мог бы позавидовать иной полицейский: «Пальмерстон — русский агент. Княгиня Ливен уплатила его долги в 1827-м, князь Ливен ввел его в министерство иностранных дел в 1830-м, а Каннинг на смертном одре призвал его опасаться. Я пришел к этому выводу, добросовестно и очень тщательно изучив всю его карьеру, причем по „Синим книгам“, дебатам в парламенте и заявлениям его собственных дипломатических агентов… Его главный трюк состоит не столько в том, чтобы служить России, сколько в том, чтобы утвердиться в своей роли „чисто английского министра“, при этом служа России. Единственное различие между ним и [премьер-министром] Абердином состоит в том, что Абердин служит России, потому что ее не понимает, а Пальмерстон служит ей, хотя и понимает ее. Вот почему первый — открытый сторонник, а второй — тайный агент России; первый служит ей даром, второй — за вознаграждение».

Двадцать седьмого марта, в то время как в Париже «Купальщицы» Курбе вызвали скандал в Салоне, барон Осман был назначен префектом столицы, Виктор Гюго опубликовал в изгнании сборник «Кары», а Надар открыл свое первое фотоателье, император французов заручился поддержкой Англии и Пьемонта и отправился защищать Османскую империю и Святую землю от России. Французский флот, командование которым вскоре примет Мак-Магон, отплыл к Дарданеллам вместе с английской армадой адмирала Реглана. Вопреки предсказаниям Маркса, Лондон вступил в вооруженную борьбу против России. В статье, вышедшей в «Нью-Йорк дейли трибюн» 15 апреля 1854 года, он привлекает внимание к ужасным условиям жизни восьми тысяч евреев Иерусалима, в то время оккупированного турками.

В июне врач не удосужился прийти к нему в дом, чтобы осмотреть снова беременную Женни, потому что Марксы

задолжали ему 26 фунтов — годовую плату за жилье. Фридрих в очередной раз пришел на помощь. В июле Женни снова уехала на лето в Трир с тремя уцелевшими детьми — Женнихен, Лаурой и Эдгаром. Мальчик был серьезно болен туберкулезом. Перед отъездом она потратила 8 фунтов (треть годовой платы за квартиру на Дин-стрит), чтобы «накупить обновок, поскольку, разумеется, не могла явиться в Трир в лохмотьях», — писал Маркс Энгельсу 23 июля в оправдание своих расходов. В Берлине министр внутренних дел в очередной раз выдал Женни паспорт, без которого жена вождя коммунистов, изгнанного из Пруссии и находящегося под надзором полиции всех стран, не смогла бы путешествовать.

Двадцать шестого сентября, когда в Париже Луи Вюиттон, молодой служащий упаковщика императорского двора, недавно прибывший в столицу с гор Юры, основал собственный торговый дом, 185 тысяч французских и английских солдат осадили Севастополь, защищаемый русскими войсками под командованием полковника Тотлебена.

В конце 1854 года Маркс написал Энгельсу, что ему придется прибегнуть к «чрезвычайным средствам», чтобы покрыть расходы, связанные с родами Женни и лечением Эдгара, которому все хуже и хуже. Он не уточняет, какие средства имеет в виду.

Шестнадцатого января 1855 года родилась Элеонора — четвертая дочь и шестой ребенок Марксов, но если считать только выживших — четвертый. Элеонора, которая проявит такой же интерес к Китаю, как и ее сестра Женни, станет «Цо-Цо», наследником китайского императора; она также получит прозвище «гном Альберих» по имени персонажа «Кольца Нибелунгов», а потом Тусси. Радость в семье продлилась недолго, ибо вскоре разразилась самая большая драма в жизни Карла Маркса.

В апреле 1855 года, меньше чем через три месяца после рождения Элеоноры, его обожаемый сын Эдгар, которого он прозвал Полковник Муха, умер от туберкулеза в возрасте восьми лет. Карл, никогда не выказывавший своих чувств, так что даже многим казался бесчувственным, был совершенно сломлен. Он столько вложил в этого ребенка, воссоздавая с ним те отношения, которые были у него с отцом; он дарил столько любви этому хрупкому и забавному мальчику. Он заставлял сына выучивать наизусть длинные отрывки из «Гамлета», чтобы заставить забыть о своей болезни! Маркс писал тогда Энгельсу: «Я уже прошел через всевозможные напасти, но только теперь я понял, что такое настоящее горе. Я чувствую себя совершенно разбитым». Он писал также Фердинанду Лассалю в Берлин, отвечая на соболезнования:

«Бэкон сказал, что по-настоящему стоящие люди настолько прочно связаны с природой и миром, что легко оправляются от всякой утраты. Я не принадлежу к по-настоящему стоящим людям. Смерть моего дитяти так тяжело поразила мои ум и сердце, что я страдаю от его потери так же, как в первый день. Моя бедная жена совершенно подавлена». Десять лет спустя Женни напишет, что они, возможно, смогли бы спасти своего сына, если бы уехали из Лондона к морю. Они никогда не избавятся от чувства вины.

Карлу тогда было всего тридцать семь лет, но он сразу сильно постарел. Борода его поседела. Он по-прежнему страдал от острой боли в печени, от зубных болей и респираторных заболеваний. К этому добавились приступы геморроя, фурункулез, ревматизм, сильная мигрень и конъюнктивит. Он нищ и потерял последнего сына. Написанного им никто не читает. Его политическая организация распалась. Все валится у него из рук. У него больше нет сил ни писать, ни действовать.

Кроме того, он с горечью видит, что социалистическое движение сдает позиции там, где должно было бы быть сильнее всего — в Великобритании. В июне 1855 года, через два месяца после смерти Эдгара, руководители профсоюзов заключили соглашения с либеральными партиями, и Маркс утратил надежду на британский пролетариат, который, как он понял, больше стремился стать похожим на буржуазию, чем свергнуть ее власть. Больше того, он обнаружил, что франко-британская осада Севастополя, тяжелая и смертоносная, укрепила союз европейских монархий: Всемирная выставка на Елисейских Полях, приняв пять миллионов посетителей (в том числе королеву Викторию), стала торжеством Империи, а генерал Мак-Магон и адмирал Реглан захватили 8 сентября 1855 года Малахов курган, возвышавшийся над бастионами Севастополя. Россия была разбита, Османская империя спасена. Осада продлилась год, погибли сотни тысяч людей. Европе полюбились морские просторы: колониальные захваты во всю мощь развернулись в Африке.

Нищета Марксов была столь вопиющей, что Карлу, чтобы выжить, приходилось писать во все газеты, принимавшие его статьи, в том числе в «Шеффилд фри пресс» под руководством Укрхарта, с которым его объединяла все та же навязчивая идея об англо-русском союзе. Словно чтобы оправдать *a posteriori*[38] свои предыдущие опасения, Карл сообщил в этой газете, что обнаружил в Британском музее (где он проводил все больше времени) документы XVIII века, доказывающие тайное сотрудничество между Лондоном и Петербургом в целях

«всемирной экспансии». «Такова русская политика и сегодня», — пишет Маркс, который не может заявить, что это по-прежнему политика британской короны, поскольку британские солдаты только что сотнями гибли, сражаясь с царскими войсками!

В то время как несколько политических эмигрантов из Франции, Германии, Польши и Бельгии, а также кое-какие английские активисты основали в Лондоне Международное товарищество рабочих, чтобы принять эстафету у Союза коммунистов, развалившегося три года назад, Маркс прятался у Энгельса в Манчестере, чтобы избежать долговой тюрьмы, и был спасен лишь упавшим с неба наследством шотландского дядюшки Женни.

Прежде чем вернуться в Лондон, Карл, по воспоминаниям его младшей дочери, написал из Манчестера пылкое письмо своей супруге. Следующие друг за другом кончины близких словно еще больше укрепили связь между живущими: Маркс все больше времени проводил с оставшимися ему тремя дочерьми, часами играл с ними, делая для них, по воспоминаниям очевидца, целые флоты бумажных корабликов, которые он потом предавал огню в корыте, к великой радости детей. Это был добрый, нежный и терпимый отец. «Дети должны заниматься воспитанием своих родителей», — любил повторять он. Никогда его дочери, которые безумно его любили, не ощутили на себе груза отцовской власти. Другой свидетель рассказывает о традиционных воскресных пикниках: вся семья отправлялась в путь около одиннадцати, чтобы через полтора часа, к обеду, прийти в Хэмпстед. Когда удавалось раздобыть немного денег, ели телячье жаркое, пили чай с сахаром, а иногда даже лакомились фруктами. После обеда разговаривали, читали газету, бегали, а когда были деньги — катались на ослике.

В такие моменты боль стихала, неприятности отходили на второй план, хотя в материальном плане жизнь оставалась бедственной. Чтобы не думать об этом, Карл снова обосновался в Британском музее, делал выписки и работал над задуманной им большой книгой по экономике.

Именно находясь во власти отчаяния, он совершил в том 1855 году свое главное открытие. Открытие, которое свяжет его теорию отчуждения через труд, разработанную в 1848 году, с анализом истории как классовой борьбы, сделанным в 1850-м. Открытие, благодаря которому его имя останется в истории мысли. Открытие, которое позволит десяткам миллионов наемных рабочих осознанно вести борьбу и которое сводится к простой формуле: *рабочие создают больше ценностей, нем получают.*

Убитый горем после смерти Эдгара, Карл выстроил свою теорию *прибавочной стоимости.* Вот что, оказывается, является причиной борьбы и смены властей. Он выделил абсолютную и относительную прибавочную стоимость; постоянный и переменный капитал. Эти концепции под другими названиями до сих пор входят в основу современной экономической мысли, даже среди самых либеральных ее представителей.

Карл чувствовал, что держит в руках главное звено, связующее до сих пор неподвижную экономическую теорию с ходом истории. Но ему ясно и то, что это лишь догадка: еще столько всего нужно уточнить!

Новое горе: 17 февраля 1856 года он узнал о смерти Генриха Гейне, вновь обратившегося к вере. Они не виделись с тех самых пор, как Карла выслали из Парижа одиннадцать лет тому назад. Они переписывались. Гейне даже был одним из тех редких людей, с кем Карл ни разу не поссорился. Он как будто заменил ему рано утраченного дядюшку-раввина, как Энгельс занял место его преждевременно умершего брата.

Политическая ситуация тоже не вызывала оптимизма. После Парижского договора 30 марта 1856 года, подтвердившего поражение России, новый царь Александр II предпринял масштабные реформы: он отпустил на волю 50 миллионов крепостных, придал гуманный характер правосудию, открыл доступ в университеты для разночинцев. Но это не уняло бунтарей. Их протесты и чаяния выражали поэты и писатели — Лев Толстой, Федор Достоевский, Иван Тургенев. Тургенев придумал название для зародившегося революционного движения, одновременно популистского, националистического и самоубийственного — «нигилизм».

Англия замкнулась в «роскошной изоляции», чтобы продолжать свой необычайный экономический подъем и укреплять обширные колониальные завоевания. Текстильная промышленность развивалась благодаря хлопку с юга США, собранному многочисленными рабами, а также благодаря новым рынкам, образовавшимся в колониях из-за уничтожения местного текстильного производства, но самое главное — благодаря техническим новинкам.

В то же время в Париже Гюстав Флобер, написав «Госпожу Бовари», подвергся преследованиям со стороны поборников морали.

Карл снова впал в депрессию и думал: «Зачем?» Революция невозможна; он сам живет в лачуге изгнанника, далеко от дома, и за три года похоронил троих своих детей. Он чувствовал себя в ответе за все это. У него больше нет надежды, нет причин писать

или заниматься политикой. Он снова побуждает Женни оставить его и вернуться с детьми в Германию. Она отказывается. Ему остается только ждать смерти оставшихся детей, кончины Женни и своей собственной.

Он еще не знает, что вскоре все изменится.

Глава четвертая
ВЛАСТЕЛИН ИНТЕРНАЦИОНАЛА (1856–1864)

В несколько месяцев, с 1856 по 1857 год, когда Маркс был отрезан от всего, оказался без денег и без сил, подавленный горем и нищетой, его судьба круто изменилась: появились деньги, условия жизни улучшились, революция забрезжила впереди, он снова очутился в центре международной деятельности, его концепция оформилась, теория развивалась. В тридцать восемь лет он вновь обретет смысл жизни.

Весной 1856 года, узнав, что ее мать при смерти, Женни бросилась в Трир; ее сводный брат, все еще занимающий пост министра внутренних дел, снова выхлопотал для нее вид на жительство. С явной гордостью Маркс пишет Энгельсу 10 апреля 1856 года: «Моя жена получила паспорт из Берлина по особому высочайшему распоряжению Его Величества. В мае она уедет в Трир со всем семейством и пробудет там три-четыре месяца».

Карл не говорит (но наверняка об этом думает), что наследство вытащило бы их из нищеты. Ему уже лучше. Кажется, в очередной раз чья-то смерть (или ее предвестие) помогло ему избавиться от некоей зависимости.

Четырнадцатого апреля, всего через четыре дня после письма Энгельсу с сообщением об отъезде Женни, он впервые за последние четыре года появляется в официальной жизни левых сил и эмиграции — произносит речь на ежегодном банкете «Народной газеты» чартистов. Это выступление проникнуто высокой поэзией и душевным подъемом, которого он уже давно не являл публике. Казалось, он вновь увидел возможность действовать для самого себя и для всего рабочего класса, словно предвидел конец одновременно собственного заточения и бездействия пролетариата. Он заговорил тем же тоном, так же пламенно, как в годы своей юности. Горечь ушла. Возможно, в тот вечер он вспоминал о Гвидо, Франциске, Эдгаре — они не увидят грядущих потрясений, которые, по его мнению, не имеют ничего общего с политикой: «Эта революция — не открытие 1848 года. Паровой двигатель, электричество и различные изобретения носят революционный характер, причем гораздо более опасный, чем буржуа Барбес, Распайль и Бланки!» Далее он отдает дань уважения английскому рабочему классу, гостем которого является в этот вечер: «Английские рабочие — первородное дитя

современной промышленности. И наверняка они не последними стремятся к социальной революции, тоже дочери той же самой промышленности; такая революция принесет освобождение всему их классу, всему миру; она станет такой же интернациональной, какими являются сегодня власть капитала и рабство наемных рабочих». Затем он произносит своего рода политическое пророчество большой художественной силы: «В Средние века в Германии существовало тайное судилище, так называемый „Vehmgericht“. Если на каком-нибудь доме был начертан красный крест, то люди уже знали, что владелец его осужден „Vehm“. Теперь таинственный красный крест начертан на всех домах Европы. Сама история теперь судья, а исполнитель ее приговора — пролетариат».

Его великолепная речь, произнесенная на едином дыхании, с сильным рейнским акцентом, вызвала овации.

Руководитель почившего в бозе Союза коммунистов вернулся. Отныне до самой смерти Маркса, да и много позже, в мировом левом движении уже ничто не будет делаться без него.

В тот момент, когда Женни с тремя дочерьми приехала в Трир к одру своей матери, никому не известный юноша Otto фон Бисмарк изложил в Берлине свои идеи, от которых никогда не отступится: в Германии нет места двум большим державам; рано или поздно Пруссии придется столкнуться с Австрией; она должна к этому готовиться: вооружаться и заключить союзы, прежде всего с Францией. «Во внешней политике, — писал он 21 мая 1856 года, — я свободен от всяких предрассудков… Франция интересует меня лишь постольку, поскольку оказывает влияние на положение моей родины».

Этот человек будет на первых ролях в истории Европы; в том числе он окажет решающее влияние на судьбу Маркса и окажется одной из причин явления, которое после Маркса и вопреки Марксу станет известно как «марксизм». Возводя Прусское государство, он сделает его оплотом тех, кто намеревался противопоставить националистический социализм интернационалистическому социализму Маркса. Именно через него пройдет развилка путей, ведущих к двум самым ужасным извращениям следующего века.

Женни прибыла в Трир как раз вовремя: в конце мая 1856 года госпожа фон Вестфален скончалась. Опасаясь, что брак с революционером лишит ее прав на наследство, Женни написала сводному брату в Берлин, и тот любезно ответил ей из министерства, с вершины которого царил над страной: «Нет никаких сомнений в том, что вы с Эдгаром являетесь наследниками; в случае возникновения временных финансовых

затруднений поскорее напиши мне, я пришлю тебе все необходимое». Это письмо показывает, что связи между ними не были порваны, и подтверждает тот факт, что Женни, если бы попросила, смогла бы получить от своих родственников помощь, которой ей так не хватало в худшие моменты пяти последних лет.

В июне Женни уехала из Трира, забрав наследство в 120 фунтов стерлингов и часть наследства своего отца, хранившуюся у одного трирского банкира на счете, заблокированном после ее отъезда тринадцать лет тому назад. Никто не знал, где найти Эдгара, не вернувшегося из Америки, чтобы вручить ему его долю наследства. Женни думала, что ее брата нет в живых.

Узнав о наследстве из письма Женни, Карл попросил ее забрать десятки книг, которые были оставлены под залог в Кёльне в июле 1849 года, когда ему не хватало денег на издание газеты.

Отныне семье есть на что жить: объединив доходы от журналистской работы, наследство и выплаты от Энгельса, Карл, по его расчетам, сможет получать в год от 150 фунтов (доход нижних слоев среднего класса) до 500 (доходы высших слоев среднего класса — *upper middle class);* на деле эта сумма чаще будет приближаться к верхней границе, чем к нижней. Кстати, сам Карл писал в то время, что на 300 фунтов в год в Лондоне можно жить вполне прилично. Тем не менее, чтобы достичь этой суммы, ему придется снова и снова обращаться с просьбами к Фридриху (помимо регулярных выплат с его стороны), каждый раз описывая свои потребности с большим количеством подробностей.

Карл больше не может видеть Дин-стрит. Там повсюду смерть. А главное, ему невыносима мысль о том, что его уцелевшие дети будут жить под этой крышей. Он решил переехать как можно скорее. Не дожидаясь возвращения Женни с наследством, он 22 сентября 1856 года занял у Энгельса денег на обустройство в квартире в пятиэтажном меблированном доме за годовую плату в 36 фунтов (вполовину больше, чем предыдущая) по адресу Графтон Террас, 9, Мейтленд-Парк, Гаверсток-Хилл, возле Хэмпстед-роуд — в том районе Лондона, который начал заселять средний класс и куда Марксы ходили гулять по воскресеньям. Дом с подержанной мебелью в стиле «рококо» казался после обитания в старых трущобах великолепным дворцом.

И поскольку он сам выкарабкался из нищеты, то и революция еще может выйти из спячки. Не только он теперь может рассуждать о чем-то ином, нежели выживание его семьи, но и «левые» всего мира должны пробудиться вместе с ним. Карл снова устанавливает связь между своим личным положением и

положением всего света; он пишет в таком духе Энгельсу 26 сентября: «Тот простой факт, что я, наконец-то, снова могу зажить своим домом и вернуть свои книги, доказывает, что до привлечения наших особ осталось рукой подать», и далее: «Не думаю, что большой финансовый кризис произойдет после 1857 года». Их мысли чрезвычайно близки: в письме от 27 сентября, разминувшемся с письмом Карла, Фридрих тоже делает ставку на возвращение «левых» на европейскую политическую арену: «Когда я узнал, что ты обзавелся обстановкой, то заявил, что дело наше правое, и даже побился об заклад». Иначе говоря, революция не могла начаться без Маркса; достаточно было ему вернуться на сцену, чтобы она началась. Он — мировой дух, не иначе…

В конце сентября 1856 года Женни с тремя дочерьми вернулась из Трира. Они проезжали через Париж, где любовались Большими бульварами с недавно установленным газовым освещением. Женни одобрила переезд, хотя и посетовала на то, что Карл не дождался ее, чтобы выбрать новое жилище. Привезенных ею денег хватит на то, чтобы оплатить квартиру вперед на пять лет, хотя в первую очередь следует оплатить долги. Жизнь семьи преобразится.

Двадцать девятого сентября Марксы покинули Дин-стрит, «улицу смерти», на которой за шесть лет у них родилось двое детей и умерло трое. Хелен Демут последовала за ними; они все еще не могли без нее обходиться; обстоятельства, связанные с рождением ее сына, ушли в прошлое.

Через два месяца Фридрих снова написал Карлу о своей вере в революцию, хотя никакое событие в Англии или в остальной Европе не давало тому повода, ничто не предвещало финансового или экономического кризиса, разве что кое-какие затруднения на железных дорогах: «Революции будет не так-то легко начать с такого же чистого листа [как в 1848 году]… По счастью… только проявив храбрость и самую твердую решимость, можно будет что-нибудь сделать, поскольку уже не стоит опасаться такого же быстрого отката, как в 1848 году».

Карл же боялся, что революция разразится прежде, чем он закончит свою большую книгу. С тем большей серьезностью он снова принялся за работу.

Он не писал никаких заметок, не проводил сам никакого исследования рабочей нищеты. Он сам едва-едва из нее выбрался и знал ее лучше любого из тех, кто описывал ее прежде него. Ему не было никакой необходимости знакомиться на месте с условиями жизни рабочих на манчестерских заводах. Он основывался на личных воспоминаниях и наблюдениях других людей. Время от времени он наведывался к одному букинисту на

Лонг-Акр. Роясь в книгах и бумагах, он составил целую библиотечку из донесений следственных комитетов и инспекторов фабрик Англии и Шотландии. «Многие члены палаты общин и палаты лордов, которым их раздавали, использовали [эти донесения] лишь как мишени для стрельбы, чтобы измерить по количеству страниц, пробитых пулей, убойную силу оружия. Другие продавали их на вес… Карл прочел их с начала до конца, о чем свидетельствуют многочисленные карандашные пометки. Он причислял свои находки к наиважнейшим документам, самым необходимым для изучения способа капиталистического производства, и был такого высокого мнения о тех, кто их написал, что сомневался, найдутся ли в другой стране Европы столь сведущие, беспристрастные и правдивые люди, как английские фабричные инспекторы».

Он проводил все больше времени в библиотеке Британского музея, с тем большим удовольствием, что там только что открыли новый зал, освещенный большими окнами в потолке и с более внушительным куполом, чем в соборе Святого Павла (он считался самым большим в мире). Его сооружение обошлось в 150 тысяч фунтов стерлингов. Однако архитекторы позабыли о стеллажах, и пришлось устанавливать их в спешке перед самым открытием зала для публики!

Обретение этого великолепного пространства, совпавшее с его собственным переездом, стало для Карла словно еще одним знаком. Как будто улучшение условий жизни должно было обязательно сопровождаться улучшением условий труда. Как будто все должно меняться к лучшему одновременно.

Карл теперь ходил туда почти каждый день и практически всегда садился на одно и то же место. Там он встречал Луи Блана, работавшего над своей монументальной «Историей Французской революции». Главным образом Маркс изучал там доклады об условиях жизни рабочих, но не только в Великобритании. Ему попались официальные донесения из Бельгии, из которых он делал очень подробные выписки, целиком вошедшие в «Капитал» двенадцать лет спустя: в этих страницах отразилось странное сочетание романтического порыва, научной точности и политического азарта:

«Поскольку среди английских капиталистов вошло в моду изображать Бельгию раем для рабочих, потому что „свобода труда“, или, что то же самое, „свобода капитала“, не нарушается там ни деспотизмом тред-юнионов, ни фабричными законами, то следует сказать несколько слов о „счастье“ бельгийского рабочего. Наверняка, никто не был более посвящен в тайны этого счастья, чем покойный г-н Дюкпесьо, главный инспектор

бельгийских тюрем и благотворительных учреждений и член Центральной статистической комиссии. Обратимся к его работе: „Budgets économiques des classes ouvrières en Belgique“ (Bruxelles, 1855). Здесь описывается, между прочим, средняя бельгийская рабочая семья, ежегодные расходы и доходы которой вычислены на основании очень точных данных и условия питания которой сравниваются потом с условиями питания солдата, флотского матроса и арестанта… Из этого видно, что лишь немногие рабочие семьи могут питаться хотя бы так, как арестанты, не говоря уже о матросах или солдатах».

В статьях, что Маркс писал тогда для газет, с которыми еще сотрудничал, он поднимает самые разные темы, в том числе и совершенно чуждые ему. Так, в том году он заговорил об Афганистане — «чисто поэтическом термине, обозначающем разные племена и государства, как если бы речь шла о реальной стране. Афганского государства не существует». Кто сегодня лучше и короче сказал бы об этой стране?

В том же году Фейербах, его бывший учитель, первый кумир и первый противник, напечатал свой последний большой труд — «Теогонию», в которой намеревался примирить гуманизм «Сущности христианства» с натурализмом «Сущности религии»: человек обожествляет то, чем в действительности не является, но хочет быть, это есть его бог. Книга не имела никакого успеха. Бедный Фейербах! Его время ушло, а час так и не пробил.

Карл продолжает делать выписки как можно быстрее, поскольку время поджимает: кризис — он это знает, пишет об этом — неминуем…

В самом деле, весной 1857 года этот кризис, которого он ждет, на который надеется, который возвещает, кризис, который, по его мнению, должен был запустить революционный маховик, наконец случился: спекуляция на акциях железнодорожных компаний и недостаточная добыча золота в мировом масштабе повлекли за собой падение всех ценных бумаг на биржах Нью-Йорка, а затем Лондона, Парижа и Вены. Отсюда серьезные проблемы с ликвидностью на многочисленных предприятиях в Соединенных Штатах и в Европе. В Париже Генеральное общество движимого кредита («Креди мобилье»), детище сенсимонистов, примкнувших к Империи, оказалось под большой угрозой. В Англии многие предприятия текстильной промышленности, в том числе и фабрика семейства Энгельсов, переживали не лучшие времена. В довершение всего в Индии восстание сипаев — индийских солдат, служивших в британской армии, — грозило лишить империю главных рынков сбыта.

Карл ликовал: все происходило в точности так, как он

предсказывал.

И тут еще одна хорошая новость, как будто так должно быть всегда: горе к горю, радость к радости — Женни снова беременна.

Одиннадцатого июля 1857 года в первом восторженном письме Энгельсу Маркс отмечает: «Революция приближается, как показывают дела с „Креди мобилье“ и с финансами Бонапарта вообще… Капитализму будет далеко не так просто выправить ситуацию, как десять лет назад, ибо социалистический лагерь лишился многих иллюзий, что позволит ему действовать энергичнее и четче». По-прежнему неотвязна мысль о том, чтобы, не повторяя ошибок 1848 года, заключать союз только с крестьянами, а не с буржуа, пусть даже демократами.

Думая, что настал последний час капитализма, Фридрих Энгельс поддался своим воинственным наклонностям и включился в Манчестере в военные приготовления, чтобы отомстить за погибших в 1849 году. Карл пытался умерить его пыл: надо вести пропаганду, а не хвататься за оружие!

На самом деле ситуация снова в корне изменилась, и какое-то время поступали только дурные новости. В результате кризиса главный редактор «Нью-Йорк дейли трибюн» Чарльз Дана решил платить Карлу только за опубликованные статьи, не гарантируя ему еженедельных публикаций. Такое решение существенно урезало его доходы: он терял не менее 60 фунтов в год. А в июле 1857 года у Женни случился выкидыш. Беды тоже всегда приходят парами: огорчения личного порядка и общественные разочарования.

Однако Маркс не отчаялся; он верил в неизбежность краха капиталистической системы. 23 августа он вновь взялся за свою книгу по экономике. Теперь они с Историей состязаются в беге: кто быстрее. В октябре он пишет Энгельсу: «Я работаю, как ненормальный, чтобы закончить свою книгу о политической экономии, иначе система рухнет, прежде чем я закончу книгу!»

Теперь он собирался озаглавить ее «К критике политической экономии». О договоре с немецким издателем из Дармштадта, подписанном тринадцать лет назад, он уже забыл. Да жив ли еще этот издатель? Карл не знал этого. В нужный момент он найдет другого. Он дает определение собственному методу, пишет введение, вычеркивает его: «Общее введение, которое было набросал, я опускаю, так как, основательно поразмыслив, решил, что всякая подгонка под выводы, к которым еще только следует подвести, может помешать, а читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему».

Иначе говоря, никакого краткого изложения своих выводов,

предваряющих книгу! Читателю придется потрудиться. Странное требование придумал для себя человек, постоянно пишущий обобщающие статьи. На самом деле он по-прежнему подходит к созданию книг совершенно иначе, чем к написанию статей: последние, «кормящие» его, могут и упрощать взгляд на предмет, но первые возлагают на него ответственность, а потому должны содержать всевозможные нюансы, хотя и становясь от этого неудобочитаемыми.

С октября 1857 года по март 1858-го, работая чаще всего по ночам в своем новом доме, где, наконец-то, можно было жить, он исписал семь тетрадей, следуя плану, состоящему из двух больших частей: Деньги и Капитал. Каждый день Женни переписывала неразборчивые листки. Думая, что за последние два года разрешил главную задачу — о прибавочной стоимости, то есть о связи между капиталом и трудом, между экономикой и историей, между политической и социальной жизнью, между философским отчуждением (занимавшим его десять лет кряду) и экономической эксплуатацией (тоже занимавшей его уже десять лет), Карл теперь пытался упорядочить и прояснить все это в совокупности. Появлялась теория капитализма (теперь он ясно это видел). Мирового капитализма.

Он исходил из анализа денег — особого товара, одновременно меры стоимости и средства обмена, и переписывал набело свои заметки о собственности на землю, о внешней торговле, о мировом рынке. Все это уже вылилось в рукопись на 800 страницах.

А потом — нет, решительно кризис не углубляется так быстро, как это было предусмотрено. Он даже очень скоро прекратился, не потрепав как следует капитализма, который пошел в гору с новой силой. Революция произойдет еще не скоро. Книга Карла может подождать. Время есть.

Впрочем, как каждый раз, когда какая-нибудь его рукопись была уже почти готова, он цеплялся за любой предлог, лишь бы не ставить слово «конец». Сильный приступ фурункулеза вынудил его снова прервать работу на три месяца. Каждый раз, когда ему надо было расстаться с написанным, возникало какое-то препятствие, словно он заболевал под воздействием страха опубликовать свою работу. Современный психиатр сказал бы, что осознание отчуждения вызывало у него соматические расстройства. Он всё сказал об этом в «Немецкой идеологии», в том важном отрывке, который мы цитировали выше, о трагедии, вызываемой отчуждением результата труда у его создателя, не понимая тогда, что говорит прежде всего о самом себе.

Однако эта рукопись (которая будет издана много позже

смерти Маркса под заглавием «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie» («К критике политической экономии») была частично готова к публикации уже в 1857 году. Она содержала в себе первое систематическое изложение его теории рынка и стоимости, учение о деньгах, классификацию первобытных обществ по трем типам (азиатскому, античному и германскому) в том виде, в каком он набросал ее в статьях для «Нью-Йорк дейли трибюн» об Индии, объяснение исчезновения феодализма через анализ колониальных обществ с указанием роли, которую сыграли современная промышленность, современные торговля и сельское хозяйство и некоторые изобретения, например, порох и книгопечатание. В ней также содержится первый анализ неизбежного краха капитализма: подобно тому, как феодальная аристократия в конце концов пала под ударами капитализма, он в свою очередь станет препятствием на пути экономического развития и сможет удерживаться лишь ценой кризисов, войн и обеднения подавляющего большинства населения планеты. Это пробудит у рабочих политическое сознание, которое подтолкнет их к революции, а та после переходного периода приведет к построению коммунистического общества, в котором личность будет заниматься универсальным производством.

Ко всему этому Маркс еще вернется (существенно уточнив и дополнив некоторые положения) в двух книгах, которые все-таки решится опубликовать.

В начале 1858 года шурин Карла вышел из прусского правительства, а он сам вновь ослабел физически и морально. Революция снова ушла за горизонт. Социалистическая диаспора, от которой он отдалился, была рассадником слухов и клеветы; он потерял большую часть сдельного заработка в «Нью-Йорк дейли трибюн». Энгельс, занятый в Манчестере работой и жизнью хозяина, приезжал теперь к нему лишь изредка, а того, что он выплачивал, не хватало для приличной жизни; Маркс боялся, что не сможет платить за жилье, что совершил неосторожность, когда сюда переехал, и что ему придется вернуться в Сохо.

Его умение злословить обо всех и каждом, его комплекс превосходства обернулись практически параноидальным бредом. Он обозвал «говнюком» своего друга Фердинанда Фрейлиграта, поэта, сопровождавшего его с их первой встречи в Лондоне в 1845 году; называл Вильгельма Либкнехта, столь полюбившегося его детям, «известным болваном» и «бестолочью». Окончательно порвал с Уркхартом. Как всегда, его ярость подпитывалась черным юмором; он написал Энгельсу, что «этот ненормальный» (Уркхарт) настолько влюблен в Турцию, что отправил своего тринадцатимесячного ребенка в турецкую баню, и тот умер от

кровоизлияния.

Нравственный кризис был обусловлен кризисом творческим: изыскания застопорились. Теория трудовой стоимости не вязалась с экономическими данными. Ибо для него главной экономической переменной был труд, а не цены, как полагали современные ему экономисты. Но поскольку на рынках происходит обмен не количества труда, а товаров с ценами в денежном выражении, ему надо связать количество труда, необходимого для изготовления предметов, с их денежной стоимостью, их ценой — единственной измеряемой величиной. Он пишет, черкает, догадывается, что потребуются сложные расчеты, а он не знает, как их произвести. Тогда он принимается изучать алгебру, которая ему совершенно чужда. Кстати, впоследствии Энгельс признается, что сам доработал этот текст (в литературном плане), сверяясь с математической тетрадью, оставленной Марксом и, верно, начатой около 1858 года.

Двадцать второго января Фердинанд Лассаль (молодой человек, с которым Карл мельком встретился в Дюссельдорфе во время предвыборной кампании десять лет назад, в 1849 году, которого поддерживал, когда тот был в тюрьме, и с которым вел полемику по поводу Пальмерстона) захотел узнать его мнение о своей книге о Гераклите. Проведя несколько месяцев в тюрьме, молодой адвокат теперь вращался в самых изысканных кругах благодаря своей новой спутнице, графине Гатцфельд — замужней женщине много старше его, которой он помог добиться развода и которая жила одинокой и богатой, что вызывало пересуды добропорядочного берлинского общества.

Карл, считавший Лассаля одним из своих немецких «корреспондентов», членом абстрактной «партии», объединявшей в его воображении революционеров всего мира, где бы они ни находились, прочел его книгу, нашел ее отвратительной, но не высказал этого автору, а, напротив, похвалил его в письме от 2 февраля, прося при этом помочь найти в Пруссии издателя для собственной книги под названием «К критике политической экономии». Трудная задача — найти в самодержавной Пруссии достаточно смелого издателя книги по экономической теории, автор которой написал ранее «Коммунистический манифест» и ему запрещено пребывание в этой стране, хотя о нем там уже позабыли с 1850 года! Для привлечения издателя нужна была аннотация книги, и Карл впервые в этом первом письме Лассалю привел план будущего произведения, умолчав, что по основным пунктам этого плана ничего пока нет: «Вся работа состоит из шести книг: 1. *О капитале* (с несколькими вступительными главами). 2. *О земельной собственности,* 3. *О наемном труде.* 4. *О*

государстве. 5. *О внешней торговле.* 6. *О мировом рынке*… В целом критика и история политической экономии и социализма должны были бы составить предмет другой работы. Наконец, краткий исторический очерк развития экономических категорий и отношений станет предметом третьей».

Пометка «с несколькими вступительными главами» маскирует тот факт, что на самом деле Карл решил опубликовать лишь небольшой фрагмент заявленной книги — одну-единственную главу о стоимости. За остальные главы он еще даже не принимался. Это также означает, что деньги, то есть цены, превыше всего. И тут он во всеоружии. Но что касается отношений между ценами и трудом и всего прочего, упомянутого в его плане, то это будет другая книга — «Капитал». А продолжения, связанного с его навязчивой идеей изложить историю наук, нет еще даже в набросках.

Короче, ни одна из задуманных книг еще не написана. Но поскольку он должен назвать приблизительную дату завершения рукописи, которую хочет издать, Карл вынужден рассказать о своих затруднениях. В том же письме Лассалю от 2 февраля проскальзывает намек на застопорившиеся исследования, хотя он не говорит об этом четко и открыто. Он рассказывает также о книге, работа над которой будто бы завершается: «Работа подвигается очень медленно; как только хочешь покончить с вопросами, которые были на протяжении многих лет главным предметом твоих исследований, они снова возвращаются в новом виде, вызывая у тебя сомнения… У меня нет ни малейшего представления о том, сколько печатных листов все это займет. Если бы у меня было время, досуг и средства все это доработать, прежде чем представить на суд публики, я бы сильно ее ужал…» Извечное нежелание расстаться с текстом, противоречивое стремление сжато выразить свою мысль и высыпать целый ворох подробностей. Извечный страх, что у него отберут произведение, что оно будет существовать вне его, о чем он уже писал в 1844 году.

Лассаль ответил, что благодарит его за лестный отзыв, будет рад помочь в поисках издателя и, кстати, подумал о собственном берлинском издателе Франце Дункере, только что напечатавшем его «Гераклита». Что скажет Маркс?

Одиннадцатого марта тот восторженно сообщил Лассалю, что первая книга может быть готова к концу мая, и поручил ему обсудить от его имени договор с Дункером.

Двадцать шестого марта, то есть менее чем через два месяца после того, как Карл обратился к нему с просьбой, Лассаль сообщил, что заключил для него великолепный договор: Дункер

заплатит по 3 фридрихсдора (то есть 17 талеров) за печатный лист, что очень даже неплохо, поскольку профессорам университета платят только 2.

Маркс без ума от радости; 2 апреля 1858 года он написал Энгельсу, чтобы сообщить ему новость и рассказать не об этой книге, которую, как он говорит, вскоре напечатает, а… о следующей! Этот труд («Капитал») будет, в свою очередь, подразделяться на четыре главы: «а. Капитал вообще, б. Конкуренция. в. Кредит, г. Акционерный капитал. Первая глава будет подразделяться на: 1. Стоимость. 2. Деньги: а) деньги как мера, б) деньги как средство обмена, или простое обращение, в) деньги как валюта. 3. Капитал».

Таков, по сути, план всего, что он напишет за те два десятка лет, которые ему остается прожить. И все это в основном останется в виде рукописей.

Несколько дней спустя дадут о себе знать бессонные ночи, финансовые неурядицы, страх писать, а главное, издавать — он заболеет серьезным воспалением печени.

Девятого апреля ему так плохо, что Женни сама написала в Берлин Лассалю (с которым не была знакома), сообщая, что ее муж не может взяться за перо, потому что «страдает от болей в печени, как всегда по весне», и он очень взбудоражен, потому что должен тратить время на хлеб насущный (то есть писать статьи для «Нью-Йорк дейли трибюн»), но он надеется вовремя закончить обещанную рукопись. Она благодарит за помощь при заключении договора с Дункером и поздравляет его с тем, что он такой «ловкий агент». На самом деле Женни сильно встревожена: Карл больше не может писать, и надежда на доходы от статей и этой книги рушится. Она это знает лучше кого бы то ни было: она переписывает каждую созданную им страницу.

Тем временем восстание в Индии было подавлено путем ужасающих репрессий, словно чтобы в очередной раз подтвердить повсеместное торжество капитализма.

Через некоторое время Маркс достаточно оправился, чтобы с 6 по 20 мая уехать выздоравливать к Энгельсу в Манчестер. Скоро он уже настолько пошел на поправку, что много ел и пил и даже, похоже, впервые ездил верхом. Естественно, он не писал, но воспользовался поездкой, чтобы попросить денег у друга, который согласился ему их одолжить, но выдал вексель, поскольку не мог получить наличных ранее, чем через полгода. 31 мая, вернувшись в Лондон, Карл пишет Фридриху, что чувствует себя «в форме» и скоро примется за работу. И добавляет: «Отпусти мне грехи за похвалы, которые пришлось расточать Гераклиту Темному», то есть Лассалю.

В тот же день Маркс написал Лассалю, чтобы тот известил издателя, что он из-за приступа гепатита не успел еще закончить первый раздел обещанной книги.

Потом печень снова разболелась после наступления жары, и материальное положение сделалось шатким. Несколько статей в «Нью-Йорк дейли трибюн», различная подработка и энциклопедия Даны наряду с поступлениями от Энгельса — вот все, на что жила семья Марксов. В то лето Карл потратил много времени в поисках банков, которые согласились бы принять вексель Энгельса. Он по-прежнему не писал. Только в сентябре он вновь принялся за рукопись, обещанную Дункеру, думая закончить ее «в две недели». Об этом свидетельствует письмо Энгельсу от 21 сентября 1858 года: «Моя рукопись уедет только теперь (через две недели), но сразу две тетради. Хотя мне ничего не надо делать, только придать хорошую форму уже написанному, но случается сидеть часами, прежде чем удастся выстроить несколько фраз».

На самом деле две недели прошли — и ничего. Лассаль, взявший на себя ответственность перед издателем, встревожился и справился о новостях. Его опасения подтвердились.

Около двух месяцев спустя, 12 ноября, Карл написал ему выспреннее письмо с извинениями, из которого мы приведем длинную цитату:

«Материал лежал передо мной, все упиралось только в форму. Однако во всем, что я написал, сквозь стиль ощущается болезнь печени. И у меня есть две причины не позволить, чтобы это произведение было испорчено факторами, относящимися к медицине: 1) оно является результатом пятнадцати лет исследований, то есть пятнадцати лучших лет моей жизни; 2) оно — первый серьезный научный взгляд на общественные отношения. Так что я считаю своим долгом по отношению к партии, чтобы этот труд не был обезображен мрачной и натянутой манерой письма, свойственной больной печени. Я не стремлюсь к элегантности изложения, а хочу лишь писать в своей обычной манере, что в последние месяцы страданий было для меня невозможно… по меньшей мере, на эту тему… Я думаю, что, если кто-нибудь даже не столь ловкий, как ты, объяснит положение вещей г-ну Дункеру, он лишь одобрит мое поведение, которое, в том что касается до него как издателя, сводится просто-напросто к тому, что я стараюсь предоставить ему за его деньги как можно лучший товар… Вероятно, что первый раздел (капитал вообще) займет сразу две тетради; переписывая ее набело, я действительно нахожу, что там, где речь идет о самой абстрактной части политической экономии, чрезмерная краткость может сделать материал неудобоваримым для читателя. Но с

другой стороны, второй раздел должен выйти одновременно с первым. Внутренняя связь того требует, и весь эффект от этого зависит».

Извинения, выдуманными Марксом в оправдание своего опоздания, просто очаровательны: он не хочет, чтобы «этот труд был обезображен мрачной и натянутой манерой письма, свидетельствующей о больной печени», и не желает навлечь на себя упреки со стороны «партии», которой не существует!.. Можно подумать, что он, столь проницательно наблюдавший за другими, живет в ином мире: «партия» и «прибавочная стоимость», абстрактные концепции становятся реальностью только в его видении мира, так же как и его книга существует только в его рассказах о ней другим…

Новый признак уже наступающей глобализации: именно в этот момент еще один немецкий еврей, обратившийся в христианство и эмигрировавший в 1848 году в Лондон, Пауль Юлиус Рейтер, сделал то, что заставило Маркса в очередной раз пожалеть о неосуществленном, — создал свое информационное агентство через пятнадцать лет после основания такого агентства в Париже другим евреем, Шарлем Гавасом. Странным образом Маркс и Рейтер, два немецких еврея-журналиста, живущих в Лондоне, так ни разу и не встретились.

В очередной раз экономический кризис рассосался. В очередной раз это был не «окончательный кризис», но первый в новом качестве, когда городская промышленность пострадала столь же сильно, как и сельское хозяйство.

Еще через несколько недель в очередном письме к Энгельсу Маркс показывает, что уже не верит в скорый закат капитализма, но чувствует наступление длительного периода глобализации, которая, конечно, несет в себе революцию, но слишком уж слабую, чтобы выстоять перед всем остальным миром, если она ограничится рамками одной страны. Отметим в этом письме такие великолепные фразы: «Буржуазия переживает новый Ренессанс. Теперь мировой рынок существует на самом деле. С выходом Калифорнии и Японии на мировой рынок глобализация свершилась. Значит, революция неизбежна; она сразу примет социалистический характер. Единственная проблема, и мне интересно твое мнение, что ты об этом думаешь — как сможет революция выстоять в таком маленьком уголке мира, как Европа?»

Последний вопрос содержит в себе мысль, которую трактователи творчества Маркса будут тщательно скрывать, как и многие другие мысли. Еще бы! В ней содержится скептицизм по отношению к революции в одной отдельно взятой стране. Между

тем Маркс будет повторять это постоянно, при каждом удобном случае.

Карл снова принялся работать, быстро и напряженно. Книга в самом деле была завершена. Все деньги, которые ему удавалось заработать, как и все воскресенья, по-прежнему отдавались его детям. Всю страстную любовь, которую он питал к Эдгару, он перенес на Элеонору, которой было уже три года. Он заставлял ее заучивать те же отрывки из Шекспира, что и Эдгара. Но не оставлял без внимания и двух старших девочек, не отказывая им ни в чем: отныне они ходили в частную школу (отсюда расходы на гардероб), брали уроки музыки и драматического искусства. В начале января 1859 года Маркс даже купил подержанное пианино, которое с большим трудом пропихнули в дверь.

Пятнадцатого января Карл объявил Фридриху, что его труд о деньгах, наконец, закончен и выйдет гораздо раньше книги о труде и капитале. Он чувствует, что его теория трудовой стоимости еще не созрела. Поэтому он решился отдать работу о деньгах, в которой не было ничего необычного. Положение со следующей книгой совершенно неясное: «Рукопись займет примерно 12 печатных листов (три тетради), и (держись крепче), хотя в целом она называется „Капитал“, в этих тетрадях нет еще ничего о капитале, а только две главы: 1. Товар. 2. Деньги, или простое обращение. Так что ты видишь, что часть, подробно проработанная в мае, когда я к тебе приезжал, еще не выходит. Но это хорошо с двух точек зрения. Если дело пойдет, третья глава — „О капитале“ — может выйти следом».

«Если дело пойдет» — это значит, если Маркс будет писать и если первую книгу хорошо примут. Он продолжает, невероятно цинично высказываясь о газетных критиках: «По природе вещей эти пачкуны не смогут свести критику той части, которая выйдет вперед, к простой тенденциозной ругани; поскольку к тому же всё выглядит чрезвычайно серьезным и научным, этим мерзавцам придется в дальнейшем более серьезно отнестись к моей концепции капитала…»

Как и предполагалось, взяв за основу прежние черновые наброски («Основные черты критики политической экономии»), Маркс ведет речь о деньгах, мельком упоминает о товаре и походя, словно назначая свидание, сообщает о своем главном открытии, из которого вскоре родится его теория прибавочной стоимости, кризиса и действия капитализма: рабочий продает не свое рабочее *время,* а свою рабочую *силу.* Двигатель истории — это развитие производительных сил, а следовательно, наука. Попутно Маркс уточняет различие, которое проводит между четырьмя способами производства, вкратце очерченными в

черновиках и в двух статьях от 1853 года для «Нью-Йорк дейли трибюн»: азиатским — оно характеризуется подчинением всех трудящихся государству (как в Китае); античным — при нем раб подчиняется патрицию (как в Римской империи); феодальным, когда крестьянин находится в крепостной зависимости от сеньора (как в европейском Средневековье); и, наконец, буржуазным, когда наемный рабочий состоит в подчинении у владельца капитала. Карл пишет об этом тем сложным стилем, изобилующим уточнениями и оговорками, который характерен для его книг, но начисто отсутствует в его статьях: «Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества».

Маркс снова утверждает, как и пятнадцать лет назад в «Немецкой идеологии», что исторический детерминизм не касается художественного творчества, которое существует независимо от экономического и политического развития. Определенные эпохи художественного творчества не имеют никакого отношения к общему развитию общества и, следовательно, к составляющему его основу материальному базису. И здесь мы видим, что, в противоположность теоретикам марксизма, он никогда не считал, что состояние искусства выражает соотношение сил во времена того или иного художника.

По ходу размышлений об искусстве он заговорил о музыке. Для него это был случай выпустить наружу свои главные опасения по поводу теории стоимости: возможно, стоимость вещей не сводится к времени труда, затраченного на их производство. Ибо здесь он упирается в главное противоречие: согласно его исследованию (которое он еще не публикует здесь во всех подробностях), рабочий «продуктивен» (то есть производит меновую стоимость), только если работает по найму и изготовляет материальный объект или оказывает услуги, продаваемые капиталистами с прибылью для себя. Музыкант, таким образом, «продуктивен» только когда работает на предпринимателя-капиталиста, а композитор — когда трудится на издателя нот. Маркс пишет: нельзя представлять труд пианиста косвенно продуктивным, потому что он, с одной стороны, стимулирует материальное производство, например,

роялей, с другой — придает больше энергии и бодрости рабочему, слушающему фортепианный концерт. Ибо только созидательный труд капитала продуктивен, а значит, любой другой труд, как бы он ни был полезен или вреден, не продуктивен для капитализации. Он честно отмечает: музыкант непродуктивен. Зато изготовитель табака продуктивен, хотя потребление табака непродуктивно. Вот ведь загвоздка!.. Маркс добавляет: певица, которая поет для себя, точно птичка, — непродуктивный рабочий. Когда она продает свое пение, то является наемным рабочим или торговцем. Певица, подписавшая контракт, чтобы давать концерты и зарабатывать деньги, — продуктивный рабочий, поскольку она непосредственно производит капитал. Композитор тоже непродуктивен, если только не является наемным рабочим издателя.

Иначе говоря, согласно теории Маркса, в то время как исполнители (изготовители музыкальных инструментов, издатели партитур и организаторы концертов) создают ценности, композитор (независимый труженик, получающий вознаграждение, например, в виде авторского гонорара за его опубликованное/исполненное произведение) не является «производителем» ценностей, которых, однако, без него бы не существовало. Это явный абсурд! Всё это противоречит здравому смыслу и допустимо лишь в том случае, если объявить, что экономика музыки неподвластна экономическим законам. Таким образом, музыканты не входят ни в категорию продуктивных рабочих, ни в категорию непродуктивных рабочих, хотя они являются производителями товаров. Просто их продукция не подходит под понятие капиталистического способа производства. Маркс, понимая, что пишет здесь нелепость, успокаивает себя тем, что музыка, искусство и информация вообще суть побочное производство, не оказывающее влияния на общую динамику капитализма.

Наконец, он много говорит в этой книге о технологиях и подгоняемой ими универсализации и заканчивает новой одой капитализму: «Если производство, основанное на капитале, с одной стороны, создает универсальную систему труда, т. е. прибавочный труд, труд, создающий стоимость, то, с другой стороны, оно создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств, систему всеобщей полезности; даже наука, так же как и все физические и духовные свойства человека, выступает лишь в качестве носителя этой системы… Отсюда великое цивилизующее влияние капитала; создание им такой общественной ступени, по сравнению с которой все прежние выступают всего лишь как локальное развитие человечества и как

суеверное поклонение природе».

Маркс предваряет свой труд великолепным предисловием:

«Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить…»

Книга «К критике политической экономии» завершена. Теперь Марксу уже не найти ни малейшего предлога, чтобы держать ее при себе.

Вот разве что, потратив все заработанное на дочерей и книги, Карл так беден, что ему даже не на что отправить рукопись в Берлин, а тем более застраховать ее на случай утраты! Страховка, разумеется, покроет только утрату авторских прав. Шесть дней спустя он снова пишет Энгельсу, чтобы в очередной раз попросить у него денег, и снова небольшую сумму, и снова подробно оправдываясь: «Несчастная рукопись закончена, но не может быть отослана, потому что у меня нет ни фартинга, чтобы оплатить ее доставку и застраховать. А последнее тем более важно, что у меня нет ни одной ее копии. Поэтому я вынужден просить тебя прислать мне немного денег не позднее понедельника». Тут он с ледяным юмором добавляет фразу, которая станет знаменитой: «Не думаю, чтобы кто-нибудь когда-нибудь писал о деньгах, испытывая в них такую нехватку! Большинство авторов, которые о них рассуждали, жили в ладу с предметом своих исследований».

Как обычно, Энгельс ссудил его необходимой суммой, и рукопись была отправлена 25 января. Издатель не известил о получении бандероли. Карл всполошился — столько посылок пропадает, передвигаясь что по морю, что по рельсам, что по дороге, — потом отправил предисловие, датированное январем 1859 года. На сей раз Женни всё переписала, чтобы текст был читаемым. «К критике политической экономии» всё не выходила в свет, поскольку издатель был занят продвижением нового труда Лассаля — исторической драмы «Франц фон Зикинген», в которой молодой денди-социалист прославлял немецкое единство. Карл был взбешен.

Чтобы набраться терпения, Карл снова стал писать для «Народной газеты» и даже взялся руководить эмигрантской газетой «Фольк»[39] — крайне нерегулярно выходившим органом Просветительского общества немецких рабочих, — дело, которое он забросил восемь лет назад. Одновременно он написал Лассалю, тревожась одновременно по поводу запаздывающей публикации его книги и по поводу позиции самого Лассаля в отношении намечающегося сближения между Францией и царской Россией — по отношению к государственному строю последней он испытывал особую неприязнь.

В самом деле, вся Европа теперь только и говорила, что о двух движениях за объединение — в Германии и Италии: Россия была готова оказать помощь и тому и другому, Австрия — воспрепятствовать им. Лассаль одновременно выступал за германское единство под прусским флагом и за итальянское единство против австрийских захватчиков; он даже думал, что союз между Пруссией и Россией против Австрии решит обе проблемы. Карл же опасался, что союз между Пруссией и Россией лишь усилит царя, а потому станет катастрофой для мирового рабочего класса. А это соображение должно, по его мнению, стоять выше любых национальных интересов. Лассаль, таким образом, отстаивал интересы Пруссии, тогда как Маркс — интересы мировой революции. И тот и другой размышляли о позиции Парижа в случае войны в Италии: Лассаль хотел бы, чтобы Франция поддержала Пьемонт, чтобы приблизить независимость Италии; Маркс опасался такой возможности, ибо поражение Австрии только усилит Россию. Ни тот ни другой не знали, что 20 июля во время тайных переговоров в Пломбьере глава пьемонтского правительства Кавур только что убедил Наполеона III (уступив Савойю и Ниццу) послать в помощь королю Сардинии войска в случае нападения со стороны Австрии.

Четвертого февраля 1859 года Маркс снова написал Лассалю, заодно справляясь о публикации своей книги: «Россия стоит за выскочкой из Тюильри и подталкивает его [к войне в Италии]. <…> Если Австрия увязнет в итальянской войне, Россия почти наверняка сломит сопротивление, которое Австрия продолжает ей оказывать».

Двадцать пятого февраля с подсказкой Энгельса Маркс даже сформулировал Лассалю свою точку зрения, вдаваясь в тонкие тактические подробности и увязывая их с их главным спором: «Австрия сильно заинтересована в том, чтобы удерживать линию Минчио [река, вытекающая из Гардского озера], а Германия как единая держава нисколько в этом не заинтересована».

В апреле рукопись Маркса, уже четыре месяца лежащая у

издателя, все еще не была опубликована, а Карл так и не получил предусмотренного договором аванса по предоставлению рукописи. Свою ярость он выразил в письме Энгельсу: «Этот мерзавец Дункер рад ухватиться за новый предлог [публикация пьесы Лассаля „Франц фон Зикинген“], чтобы отсрочить выплату моего гонорара. Жиденок может быть уверен, что я ему этого не забуду!» С этого момента в письмах Энгельсу он называет Лассаля только «Ициком», «Эфраимом Гешейдтом», «настоящим жидом», «негром» и даже «германо-еврейским негром». Для него это лишь злобный юмор. Позднее он нежно будет называть своего будущего зятя Поля Лафарга «нашим маленьким негром».

Это и проявление ненависти к себе, которая порой его охватывала, — оборотная сторона его комплекса превосходства; ибо в то время он сам подвергался, в шутку или нет, бесчисленным антисемитским нападкам: все, начиная с дочерей, постоянно называли его «Мавром», подразумевая его еврейство. Тем временем итальянские патриоты из Общества борьбы за независимость под предлогом мнимой австрийской агрессии захватили Тоскану, Романью, входившую в папские владения, Модену и Парму. В силу тайного договора, заключенного в Пломбьере, Франция 10 мая 1859 года вступила в войну на стороне Пьемонта. Обкатывалась система союзов, которая потом вызовет Первую мировую войну.

Энгельс выступил против этой войны в очень специальных статьях по военной стратегии («По и Рейн», «Савойя, Ницца и Рейн», «Вопрос об итальянском единстве»), опубликованных без указания имени. Лассаль же издал (все у того же Дункера) памфлет, в котором советовал Бисмарку воспользоваться тем, что Австрия увязла в Италии, чтобы завладеть Шлезвиг-Гольштейном и объединить Германию. Поскольку издатель занимался распространением этого памфлета, он снова отложил выход книги Маркса, которая была неактуальна.

В письме Энгельсу от 18 мая 1859 года Маркс бушевал по поводу этого памфлета Лассаля, которого все еще представлял корреспондентом «партии»: «Памфлет Лассаля — огромная ошибка… Раз уж Лассаль берет на себя смелость говорить от имени партии, то либо он должен приготовиться к тому, что мы открыто отречемся от него, поскольку ситуация слишком серьезна, чтобы работать в белых перчатках, либо, вместо того чтобы следовать наполовину пылкому, наполовину логическому вдохновению, он должен для начала справиться о том, что думают другие помимо него. Теперь нам надо следить за партийной дисциплиной, иначе все полетит кувырком». На самом деле его разгневало то, как обращался с ним Лассаль: пообещав

заняться публикацией его книги, забыл о нем и занялся своей собственной.

В конце мая 1859 года книга «К критике политической экономии» наконец вышла в Берлине тиражом в тысячу экземпляров.

В этот момент некто Карл Фогт[40], немецкий зоолог, примкнувший в 1848 году к лагерю демократов и с тех пор проживавший в Швейцарии, где он принимал у себя Бакунина десять лет назад, выступил против Маркса. Карл поверил слухам, согласно которым Фогг агитировал за нейтралитет, будучи платным агентом Наполеона III. Он поделился своими подозрениями с Элардом Бискампом, главным редактором «Фольк», а тот их опубликовал. Фогт ответил в швейцарской газете. Вильгельм Либкнехт, получив анонимный памфлет, подтверждавший эти обвинения, отправил его в более серьезную немецкую газету, консервативную и проавстрийскую — «Аугсбург альгемайне цайтунг», что придало им гораздо больший резонанс. Вскоре Фогт станет важнейшим объектом антибонапартистской критики Маркса.

Немного спустя, 4 июня, франко-пьемонтские союзники одержали победу при Мадженте, где Наполеон III чуть не попал в плен. На поле сражения остались девять тысяч погибших. Три дня спустя французская армия победила при Милане; Мак-Магон стал маршалом и герцогом Маджента. Австрия уступила Пьемонту Ломбардию, а Парма, Модена, Тоскана и Романья добились воссоединения с ним. Франция аннексировала Ниццу и Савойю.

Пока шла война, Жан Франсуа Милле написал «Анжелюс», а в Пенсильвании обнаружили первые нефтяные месторождения.

Объявленная самим Марксом фундаментальным вкладом в науку, его «Критика политической экономии» разочаровала самых верных его учеников. В Лондоне Вильгельм Либкнехт писал одному другу, что «никогда еще не был так разочарован книгой». В немецкой прессе не вышло никаких рецензий, и Лассаль не предпринял ничего, чтобы книга получила резонанс. Даже в Лондоне появились только два отзыва — оба в газете немецких эмигрантов «Фольк» и оба за подписью… Энгельса!

Карл Фогт, определивший, что слухи о нем исходят из окружения Маркса, написал тогда книгу, в которой обвинял Карла в изготовлении фальшивых денег, тирании в отношении его учеников, клевете в адрес политических противников и вымогательстве денег у бывших коммунистов под угрозой разоблачить их прошлое. Он представил его главой никому не известной тайной организации, которую называл *Schwefelband* («шайка», «сброд») или *Bürstenheimer* (по уничижительному

названию одного клуба швейцарских рабочих). О книге Фогта заговорили; отрывки из нее дала берлинская «Националь цайтунг» и даже лондонская «Дейли телеграф», заявив, что Маркс якобы возглавляет тайное общество «Отряд огня и серы». Сначала Маркс просто пожал плечами.

В том году Прудон заметил: «Маркс — ленточный глист социализма». «Коммунизм должен прежде всего избавиться от этого ложного брата», — написал Маркс Вейдемейеру.

В том же 1859 году вышла книга Чарлза Дарвина «О происхождении видов путем естественного отбора». Тотчас прочитав ее, Энгельс был в восторге от того, что обнаружил там смысл эволюции. Он с воодушевлением рассказал об этом Марксу: Дарвин — их человек, поскольку верит, как и они, в своего рода нерелигиозную историю человечества и поскольку в его теорию эволюции как борьбы за существование удивительно хорошо вписывается конкурентная борьба, навязанная рынком. «Нужно встретиться с ним», — предложил Фридрих, они жили совсем недалеко друг от друга. Впоследствии, как мы увидим, Маркс попытается познакомиться с Дарвином, который ни разу не ответит на «позывные» автора «Капитала».

Тем летом Женни и Карл решили отправить дочек «подышать свежим воздухом» на несколько недель на берег моря, поскольку это начинало входить в моду. Женни думала, что маленький Эдгар выжил бы, если бы они смогли отвезти его к морю; а после смерти трех детей трем оставшимся старались ни в чем не отказывать. Однако расходы были так непродуманны и оказались столь велики, что к осени 1859 года их жилище снова оказалось под угрозой отключения воды и газа и Карл не знал, как уплатить по просроченным счетам, уповая только на чудо. Снова надо занимать, что только увеличит издержки, поскольку придется выплачивать огромные проценты.

К концу 1859 года Карл был так болен, беден и расстроен неудачей своей книги, что вынужден был прервать исследования и сосредоточился на статьях, приносивших его семье средства к существованию. В том году он напечатал тридцать семь статей только в «Нью-Йорк дейли трибюн», получая порядка 3 фунтов за статью, то есть в целом 100 фунтов, что составляло треть его годового дохода — остальное поступало от Энгельса.

Начиная с 1860 года финансовая помощь со стороны друга несколько увеличилась: убедившись в организационных талантах своего сына, Энгельс-отец удостоил его статуса своего компаньона. Фридрих (по-прежнему относившийся к отцу недоверчиво и враждебно и почитавший свою мать — в противоположность Карлу) стал все чаще присылать другу от 2 до

5 фунтов, все так же в виде разрезанных надвое банкнот в двух разных конвертах. В том году он однажды прислал ему сразу 100 фунтов, чтобы выручить его из очень затруднительного положения: набор столового серебра с гербами, унаследованный Женни от шотландских предков, был в очередной раз заложен, и Карл угодил в тюрьму, поскольку владелец ломбарда, увидев, как скромно тот одет, заподозрил его в краже этого серебра!

В 1860 году открылся комплекс заводов в Крёзо — самый крупный промышленный центр в мире, где работали десять тысяч рабочих. В том же году Бодлер издал «Искусственные рай». В Италии Гарибальди — республиканец, тайно поддерживаемый Кавуром, — захватил во главе тысячи добровольцев Королевство обеих Сицилии; пьемонтская армия, якобы для того, чтобы помешать ему занять Рим и провозгласить там республику, заняла Марке и Умбрию, отняв их у папы, и таким образом завершила воссоединение Италии под властью сардинского государя.

Карлу нравилось читать романы. В 1860 году ему попался «Неизвестный шедевр» Бальзака — история о художнике, который, беспрестанно подправляя и переделывая свою картину, никак не может ни закончить ее, ни сделать понятным для других свое собственное внутреннее видение. Чтобы разрешить эту дилемму, художник решает отправиться в путешествие в поиске моделей, чтобы сравнить свое произведение с природой в разных ее проявлениях. Эта книга сильно зацепила Маркса. Этот образ напомнил ему Демокрита, о котором он писал в своей диссертации и который тоже окунулся в эмпиризм и изучение всех дисциплин, путешествуя, чтобы разрешить противоречие между своим озарением и бледным отсветом своего видения в облике реального мира. Хотя Карл не путешествует по всему миру, но выучил несколько языков и читает сотни книг. Хотя он не лишил себя зрения, как Демокрит, но навлек на себя множество недугов и жил, явно саморазрушаясь.

В январе 1860 года Лассаль убедил его, что подрывные обвинения Фогта могут встретить отклик у людей, не знающих Маркса, и посоветовал на них ответить. Маркс написал Энгельсу, что полон решимости предъявить иск «Националь цайтунг», распространявшей клевету Фогта. У него теперь такое впечатление, что против него составлен заговор; Фогт «искажает все мое прошлое». В феврале он начал борьбу: посылал письма, собирал свидетельства в свою поддержку и написал книгу в 200 страниц — «Господин Фогт». Ее экземпляры были изъяты полицией, а Марксу пришлось оплачивать типографские расходы. 3 марта 1860 года он отправил Веберу — адвокату, который

защищал его в тяжбе против Фогта, — письмо на двенадцати страницах, в котором объяснил, на какие финансовые жертвы пошел, чтобы издавать в Кёльне «Рейнскую газету»: «Поскольку я сам сын юриста (покойного адвоката Генриха Маркса из Трира, долгое время бывшего председателем коллегии адвокатов этого суда и отличавшегося безупречным характером и талантом к юриспруденции), я знаю, как важно для добросовестного юриста иметь полную ясность относительно характера своего клиента». Замечательное воспоминание об отце — не позабытом, по-прежнему почитаемом, — которое выдает в Марксе приверженца самых что ни на есть традиционных ценностей — уважения прав на защиту и роли адвокатов. Энгельс оказал ему поддержку, заявив, что «Господин Фогт» — лучшее его полемическое произведение, хотя ему бы и хотелось, чтобы ссора не принимала такого размаха.

На самом деле, Энгельс считал, что Карл зря тратит время на недостойные его склоки.

Ровно через десять лет в архивах французской полиции, изъятых Парижской коммуной, было найдено подтверждение правоты Маркса — Фогт действительно был агентом Наполеона III.

В это же время европейское рабочее движение всколыхнулось вновь. 18 мая 1860 года в результате стачечного движения строительных рабочих в Лондоне был создан профсоюз. Маркс отказался к нему присоединиться, но написал своему старому другу Фрейлигграту, социалисту-банкиру-поэту, снова говоря ему (как Лассалю) о «партии» как идеальной абстрактной сущности. Это важное письмо, в котором он объясняет, что его научная работа — наилучший вклад, который он может внести в дело революции: «Хочу тебе заметить, что с 1852 года, когда союз был распущен по моему предложению, я больше никогда не принадлежал и не принадлежу ни к какому тайному или открытому обществу, а, следовательно, уже восемь лет как партия в этом недолговечном смысле слова перестала для меня существовать <…>. Я глубоко убежден, что моя научная работа гораздо полезнее рабочему классу, чем членство в организациях, которые уже изжили себя на континенте <…>.Ты поэт, а я критик, и, по правде говоря, опыта 1850–1852 годов мне достаточно. Союз

<…> был лишь эпизодом в истории партии, которая стихийно зарождается повсюду на почве современного общества <…>, партии в великом историческом современном смысле».

И действительно, как великолепно выразился Маркс, партия «стихийно зарождалась повсюду на почве современного

общества»: во Франции рабочие-прудонисты, возглавленные неким Толеном, выпустили «Манифест шестидесяти», требуя признать права профсоюзов; то же было в Германии, Австрии, Англии, Испании и Италии.

Летом 1860 года Фридрих Энгельс написал Женни отчаянное письмо по поводу ее мужа: «Он пишет самые замечательные вещи в мире, но старается сделать так, чтобы они вышли не вовремя, и всё идет прахом».

Все в том же 1860 году одна из четырех сестер Карла, София, в возрасте сорока четырех лет вышла замуж за голландского адвоката по фамилии Шмальгаузен и поселилась в Маастрихте. Там уже жила одна из ее теток, супруга Лиона Филипса, так что София пополнила голландский клан своей матери Генриетты, по-прежнему жившей в Трире со своей младшей дочерью, которая была замужем за местным инженером. Четвертая дочь, как мы помним, уехала в Южную Африку.

В ноябре 1860 года семья Марксов подверглась новому испытанию: Женни заболела тяжелой формой оспы, от которой чуть не умерла и навсегда осталась обезображенной. Для нее это была настоящая драма. Карл отправил всех трех дочерей к Либкнехту, который по-прежнему исполнял обязанности его секретаря, и забросил всю работу, чтобы ухаживать за женой. Как только она выздоровела, он изолировал сам себя на десять дней, чтобы его дочери вдруг не заразились.

Потом снова начались занятия с детьми и воскресные пикники.

В декабре, в то время как Женни медленно шла на поправку и пребывала в глубокой депрессии из-за отметин на лице, Карл с новым воодушевлением принялся за работу. После годичного перерыва он решил снова приняться за свою большую книгу.

В этот момент пришла великая новость: 12 января 1861 года прусский король Вильгельм I, бывший три года регентом, объявил по случаю своего восшествия на престол амнистию, позволяющую изгнанникам 1849 года вернуться на родину при определенных условиях. Лассаль написал Марксу, побуждая его ходатайствовать об амнистии и приехать к нему в Германию, чтобы вместе развивать рабочее движение; он ручается, что добьется для друга помилования у нового монарха, поскольку, как он намекает, бывает допущен к его особе. «Вместе мы создадим газету, партию, великие вещи!» — пишет он. Карл не доверяет Лассалю, но соблазн велик; для него, не для Женни. Она не собирается отступаться от своих идей, и ее удивляет, что такие мысли поселились в голове ее мужа. К тому же изуродованное лицо лишило ее всякого желания появляться в свете. Тем не менее

Карл подал ходатайство об амнистии.

И тут Лассаль выпустил «Систему приобретенных прав», проповедующую усиление роли государства, которое, как он говорит, одно лишь способно противостоять буржуазии. Маркс пришел в бешенство, убедившись, что Лассаль на самом деле предлагает союз с прусской монархией против капиталистического обновления, которое Маркс призывает всей душой. Решительно, Лассаль ничего не понял!

Второго февраля 1861 года одиннадцать из тридцати четырех штатов США отделились и образовали Конфедерацию южных штатов. Президентом стал Джефферсон Дэвис, в то время как Белый дом занял Авраам Линкольн: началась война Севера и Юга. Карл опасался, что Англия вступит в войну на стороне южан для защиты своего доступа к хлопку — стратегическому сырью. В нескольких статьях он поддержал массовые пацифистские демонстрации британских профсоюзов.

В это же время прусское правительство отказало ему в амнистии: воспоминания о 1849 годе были еще слишком яркими, а полиция утверждала, что располагает множеством документов, подтверждающих, что он враждебен монархии. Наверное, речь шла об уже упоминавшемся донесении Штибера… Кроме того, Маркс прожил больше десяти лет за границей, а потому юридически стал «иностранцем». Тем не менее он получил временную визу (некоторые станут утверждать, что это был поддельный паспорт) и в марте 1861 года выехал в Германию. По пути он сделал остановку в Нидерландах, чтобы повидаться в Маастрихте с сестрой, недавно вышедшей замуж, а в Цальт-Боммеле — с теткой по матери, бывшей замужем за банкиром Лионом Филипсом, который управлял состоянием его матери; возможно, он надеялся раздобыть там немного денег.

Карл и Лион были знакомы только по переписке и через Женни, гостившую у Филипсов двумя годами раньше. Банкир был покорен умом Карла и предоставил ему (оформив как долговое обязательство на имя матери) 160 фунтов под обеспечение его частью отцовского наследства, так и не выданной матерью, которая не продала семейный дом. Эти деньги позволили Карлу расплатиться с большей частью долгов, имевшихся у него на тот момент.

Маркса заинтересовал сын банкира, молодой человек, склонный к депрессии, и он был просто очарован дочерью, Антуанеттой Филипс (по прозвищу Нанетга) — молодой и хорошенькой кузиной, которой было двадцать четыре года. Ему самому уже исполнилось сорок три. Он провел четыре недели в Цальт-Боммеле, в основном в обществе Нанетты, за которой

ухаживал — наверняка платонически. После его отъезда в Германию между «моим дорогим пашой» (прозвище, которым наделила Карла Нанетга) и «моей жестокой чаровницей» (так, со своей стороны, называл ее он) завязалась переписка. Женни, сражавшейся в Лондоне с обычными финансовыми проблемами, пришлось справляться у Энгельса, нет ли у того вестей о ее муже. Она писала: «Письма, присылаемые моим дорогим господином и повелителем, на сей раз выдержаны в особенно лапидарном стиле…»

В то время как король Пьемонта Виктор Эммануил стал королем Италии, в апреле 1861 года, Карл прибыл в Берлин — город своей юности, покинутый около двадцати лет назад. Там его встретил Фердинанд Лассаль: он отлично выглядел, открыто именовал себя социалистом и вел бурную светскую жизнь, проживая у графини Софии фон Гатцфельд — богатой любовницы, которую он увел десятью годами раньше у ее супруга; она представила его аристократам и «профессиональным остроумцам». В письме Женни Карл говорит об этой графине как о женщине «очень умной, глубоко интересующейся революционным движением». Женни терзается ревностью (особенно усилившейся после обезобразившей ее болезни) и отказывается приехать к нему в Берлин, куда она могла бы добраться без всяких проблем, хотя ее брат уже три года как не был министром. «Моя жена в особенности против поездки в Берлин, поскольку она не хочет, чтобы наши дочери были введены в круг Гатцфельд», — напишет он вскоре Энгельсу. Он встречается с членами небольшой «прогрессивной партии», одним из руководителей которой теперь является Лассаль. Повидался он и с делегатом от одной рабочей группы из Дюссельдорфа (представившимся как Леви), который обвинял Лассаля в том, что тот использует организацию трудящихся для защиты собственных интересов и интересов его любовницы. Затем Карлу пришлось покинуть Берлин. Одни говорили, что его чуть не арестовала полиция, другие утверждали, что истекал срок его визы, а ему надо было навестить еще кое-кого.

На обратном пути он действительно остановился на несколько дней в Трире у матери, с которой не виделся четырнадцать лет; он упал в ее объятия, без труда добился аннулирования долгового обязательства на ее имя, оформленного банкиром Филипсом, сходил на могилу отца и снова провел несколько дней в Нидерландах, чтобы прекрасная кузина Нанетта полечила его очередной карбункул.

Вернувшись в Лондон, он написал Лиону Филипсу, чтобы поблагодарить его за прием и поговорить о депрессии своего

юного кузена — «болезни, которую легко объяснить тем, что, в отличие от большинства людей, он критически относится к самому себе и еще не нашел твердой политической позиции, которая бы его удовлетворила». Полная противоположность тому, чем он сам хотел бы быть и чем был на самом деле!

В 1861 году Маркс много занимался дочерьми, словно добиваясь прощения за свое отсутствие. Младшая, Элеонора, впоследствии рассказывала, что, когда ей было всего шесть лет, отец тратил много времени на ее литературное образование и занимался с ней точно так же, как некогда с ее сестрами и покойным братом. Словно желая видеть в ней новое воплощение Эдгара, умершего через три месяца после ее рождения, Карл говорил всем и каждому, что Элеонора похожа на мальчика и что его жена ошиблась, производя ее на свет! Впрочем, однажды Элеонора заставит его поплатиться за то, что он любил ее не ради нее самой. Рассказ дочери многое говорит о личности Карла:

«Отец читал мне Гомера, „Нибелунгов“, „Гудрун“, „Дон Кихота“, „Тысячу и одну ночь“. И поскольку Шекспир являлся Библией в нашем доме, он всегда был у нас в руках или на устах. С шести лет я знала наизусть множество сцен из Шекспира. На мое шестилетие Мавр подарил мне первую книгу — „Питер Простак“, приключенческий роман английского писателя Фредерика Марриета. Отец прочел мне лекцию о Марриете и Купере, потом прочитал мне все сказки и обсудил их со мной. Когда я поделилась с ним, что хочу стать „Post-Captain“ (не пояснив смысла этого неологизма), и спросила, могу ли я нарядиться мальчиком и поступить в армию, он заверил меня, что это вполне возможно, только надо держать наши планы в тайне, пока они окончательно не созреют».

С весны 1861-го до 1863 года Маркс исписал убористым почерком полторы тысячи страниц, пытаясь реализовать первоначальный план составить свой труд целиком, а уж потом его опубликовать. 750 страниц были посвящены историй и критике прежних экономических теорий, 500 страниц — капиталу в общем (на этом Карл остановился в 1859 году), остальные — темам, которые впоследствии составят третий том. Таким образом, работа над вторым томом казалась Марксу не такой важной.

Двадцать первого июля 1861 года началась Гражданская война в Америке. Конфедераты, к которым примкнули лучшие офицеры, должны были совладать с численным превосходством Союза, опиравшегося на население в двадцать два миллиона жителей, тогда как на отделившемся от Союза Юге проживало только девять миллионов (в том числе 3,7 миллиона рабов).

Пальмерстоновская Англия не знала, как ей быть: ей не хотелось терять ни рынков Севера, ни сырья Юга. Вопрос о рабстве был ей безразличен. Она не понимала доподлинно, нужно ли ей вступать в войну и на чьей стороне. Однако она оказалась втянутой в конфликт, когда 8 ноября военный корабль северян «Сан-Хасинто» перехватил британский почтовый пакетбот «Трент», шедший из Гаваны в Англию, и обнаружил на борту двух дипломатов-южан и их секретаря, отправлявшихся в служебную командировку. Правительство федералов арестовало их и посадило в тюрьму в Бостоне. Лондон выразил протест, потребовал их освобождения, затем направил в Канаду четырнадцать тысяч солдат. Этот доминион испугался, что превратится в поле битвы между Лондоном и Вашингтоном, а предварительно будет захвачен войсками федералов. Тред-юнионы бурно запротестовали против втягивания страны в войну, в Лондоне прошли многочисленные демонстрации, поддерживаемые и подогреваемые статьями Маркса.

Седьмого декабря 1861 года в своей еженедельной статье в «Нью-Йорк дейли трибюн» (газете северян) Карл выступил в поддержку союза Англии с конфедератами и провел чрезвычайно тонкий анализ позиции Великобритании. Нужно привести из него обширную цитату, чтобы показать его глубокое знание современных ему политических реалий:

«Главная забота сторонников рабства и их североамериканских пособников состоит в том, чтобы вовлечь Соединенные Штаты, Север, в войну с Англией, ибо если эта война разразится, Англия первым делом признает Конфедерацию южных штатов, а вторым — покончит с блокадой Юга… При любых других обстоятельствах деловые круги Великобритании отнеслись бы к такой войне с ужасом. Но уже на протяжении нескольких месяцев крупная и влиятельная фракция в деловом мире подталкивает правительство к тому, чтобы силой прорвать блокаду (Юга Севером), дабы снабжать главную отрасль английской промышленности необходимым сырьем (хлопком). Боязнь сокращения английского экспорта в США (в случае войны с Севером) утратила свою остроту, поскольку эта торговля и так уже подверглась ограничениям. Так, „Экономист“ утверждает, что северные штаты — „плохие, невыгодные клиенты“. Гигантский кредит, который английская торговля обычно предоставляла Соединенным Штатам, в особенности принимая переводные векселя на Китай и Индию, уже сведен к пятой части того, каким он был в 1857 году. Более того, для обанкротившейся бонапартистской Франции, парализованной внутри и терзаемой внешними трудностями, англо-американская война будет как

манна небесная. Разве она не полна готовности, в уплату за английскую поддержку на континенте, мобилизовать все свои силы, чтобы помочь „коварному Альбиону“ за океаном? Пальмерстон ищет законный предлог, чтобы вступить в войну против США, но в правительстве ему твердо противостоит Гладстон. Если бы Вашингтон предоставил желанный предлог, нынешний английский кабинет был бы распущен и заменен правительством тори. Пальмерстон и Дизраэли уже наладили первые связи ввиду подобного переворота. Этим объясняются яростные призывы к войне „Морнинг геральд“ и „Стандарта“ — этих голодных волков, которые воют в ожидании нескольких крошек, упавших из милостивой государственной казны».

Текст одновременно точный, простой и ясный, сильно отличающийся, как и все его статьи, от его зачастую слишком мудреных научных работ.

Двадцать шестого декабря 1861 года Вашингтон выпустил двух арестованных дипломатов-южан; напряженность в отношениях с Лондоном ослабла. Карл увидел в этом успех рабочих выступлений, в которых он участвовал. В самом деле, впервые действия профсоюзов оказали ощутимое влияние на внешнюю политику крупной европейской державы.

Вскоре после того — вот так сюрприз! — в Лондон явился диссидент, который исчез двенадцать лет тому назад, но память о котором еще была жива во всех сердцах — русский анархист Бакунин, глава мятежа в Дюссельдорфе, воплощенный Вагнером Зигфрид, протеже Фогта, арестованный в Германии в 1849 году, высланный в Австрию, переданный России и посаженный там в тюрьму, потом сосланный в Сибирь. Он прибыл в Великобританию, совершив невероятное путешествие: после восьми лет тюрьмы и пяти лет ссылки в Сибирь он сумел бежать, добрался до Иокогамы, потом до Сан-Франциско и, наконец, до берегов Темзы! Он явился к Карлу, чтобы выразить ему свое восхищение и объявить, что после стольких передряг поставил себе первоочередной задачей перевести «Манифест Коммунистической партии» на русский язык!

В следующем, 1862 году в Брюсселе объявился другой старый друг Маркса — Моисей Гесс, который мог бы образовать трио с Карлом и Фридрихом. Он издал книгу «Рим и Иерусалим», ищущую пути воссоединения евреев в Палестине. Это «свидетельство о рождении» сионизма вышло в свет в тот самый момент, когда итальянцы и немцы как раз старались завершить воссоздание их собственного национального единства. Палестина была тогда лишь названием части Сирии, входившей в состав Османской империи, и нужно было обладать богатым

воображением, чтобы подумать, что еврейский народ когда-нибудь снова сможет там жить.

В том году Виктор Гюго, живший на Гернси с тех пор, как уехал из Ватерлоо, опубликовал в Париже «Отверженных», а Флобер — «Саламбо». Говорили, что корректоры Лакруа — издателя «Отверженных» — плакали, читая фанки пятитомной книги.

Двенадцатого апреля 1862 года в Берлине Лассаль, считавший, что ему всё позволено, весьма смело призвал членов своей «прогрессивной партии» протестовать против несвободы, которой были отмечены выборы в ландтаг. Король велел его арестовать за «подрыв мира в обществе».

Затянувшаяся Гражданская война в США имела катастрофические последствия для Карла: она не только взвинтила цены на хлопок, ввергнув британскую текстильную промышленность в тяжелый кризис, но и положила конец его сотрудничеству с «Нью-Йорк дейли трибюн» из-за финансовых затруднений газеты, лишив его единственного трудового источника доходов и в очередной раз обрекая на безденежье. Он жил теперь только на пособие от Фридриха, тогда как расходы его возрастали по мере взросления дочерей: частные уроки, художественное творчество (они обожали театр). В следующем месяце он сокрушался оттого, что его дочери выглядят недостаточно презентабельно, чтобы посещать уроки и ходить на Международную промышленную выставку, куда он раздобыл себе постоянный журналистский пропуск. Он в отчаянии и даже близок к панике: неужели снова придется переезжать? Его вновь подстерегает депрессия.

Восемнадцатого июня он написал Энгельсу, чтобы, перечислив свои нужды, в очередной раз выклянчить несколько фунтов. Патетическое письмо: «От мысли, что я перекладываю свою нищету на твои плечи, мне становится плохо. Но что делать? Каждый день жена говорит мне, что желала бы лежать в могиле вместе с нашими детьми, и я не могу укорять ее за это из-за неописуемой унизительности подобной ситуации. Как ты знаешь, все 50 фунтов ушли на покрытие долгов; остается уплатить еще больше половины, в том числе 2 фунта за газ. <…> Не стану говорить о том, что такое жить в Лондоне без единого пенни целых семь недель, что с нами часто случается. <…> Больше всего я печалюсь о своих несчастных детях, ведь теперь праздники». Карл объясняет Фридриху, что если не раздобудет денег, то должен будет объявить себя неплатежеспособным, позволить квартирному хозяину продать его мебель, отпустить Хелен Демут искать другую работу, переехать с Женни и

Элеонорой в пансион за 3 шиллинга в неделю, а Лауру и Женни, которым было соответственно восемнадцать и девятнадцать лет, пристроить в гувернантки. Потом в том же письме он переходит к совершенно другой теме и возвращается к борьбе идей; поскольку он только что прочел Дарвина «О происхождении видов» через год после выхода этой книги в свет. Он нашел, что Дарвин работает тем же методом, что и он, и осмысляет мир как историю борьбы. Он поражен сходством законов конкуренции, которые изучает сам, с законами естественного отбора, выявленными Дарвином. Карл пишет: «Я поражен тем, что Дарвин обнаружил у животных и растений особенности английского общества с его разделением труда, конкуренцией, открытостью рынков, инновацией и „борьбой за жизнь“».

Энгельс утешает его и покрывает расходы. В очередной раз Карлу удалось не переступить черты меблированных комнат — символа пролетаризации.

В это же время Лассаль, помилованный королем, решил наведаться в Лондон в «дипломатическое турне», напросившись в гости к Марксам. Отказать было невозможно. Карл писал Фридриху: «Чтобы сохранить некий фасад, моей жене пришлось заложить в ломбард все, что еще было можно». Лассаль застрял в доме Марксов почти на месяц. Нужно было выводить его в свет, кормить, развлекать; он обошелся им в целое состояние. Расходы снова оплатил Энгельс, потребовав при этом подробного отчета. Женни была вне себя. Она хотела, чтобы он уехал, и в конце июля выставила его за дверь.

Пятого августа 1862 года в Британском музее (куда Карл практически не возвращался с тех пор, как сдал рукопись своей последней книги тремя годами раньше) Луи Блан дописал двенадцатый том своей монументальной «Истории Французской революции»; одновременно в Лондоне открылась новая Всемирная выставка. Карл ходил на нее в качестве аккредитованного журналиста.

На выставку на средства принца Наполеона — кузена императора — прибыла делегация французских рабочих, которая находилась там главным образом для того, чтобы демонстрировать бонапартистскую «щедрость». Делегация была встречена комитетом по приемам, состоящим из либеральных парламентариев, правда, без единого представителя рабочих организаций. Потом, вне официальных заседаний, некоторые из французских рабочих все-таки смогли встретиться с английскими профсоюзными деятелями. Это собрание, о котором Маркс ничего не знал, даст начало первому социалистическому Интернационалу, который будет образован два года спустя.

Маркс встанет во главе его.

Тем временем Гражданская война в Америке все не прекращалась. 22 сентября Линкольн пригрозил освободить рабов, если южные штаты не возвратятся в Союз. В прокламации было указано, что закон вступит в силу 1 января следующего года. Конфедерация проигнорировала предупреждение, и тогда была выпущена вторая прокламация, которая касалась лишь отдельных регионов страны. Объявлялось, что в тех южных штатах, население которых не покорится правительству и будет по-прежнему находиться в состоянии мятежа против Соединенных Штатов, рабы будут освобождены. Этот шаг устранил риск признания Конфедерации крупными державами, однако не положил конец войне. В Англии три пятых текстильных предприятий обанкротились, три четверти рабочих этого сектора остались не у дел. Фирма Энгельса переживала тяжелые времена, и Фридриху с трудом удавалось оказывать помощь Карлу.

Как раз в тот же день в Берлине король, вступивший в конфликт с парламентом по вопросу о военных кредитах, назначил Бисмарка, который тогда был послом в Париже, государственным министром без портфеля и исполняющим обязанности министра-председателя — он снискал уважение короля своей твердостью. 30-го числа Бисмарк повел лобовую атаку на парламент: «Германии нужен не либерализм Пруссии, а ее сила <…>. Не речами и постановлениями большинства [в парламенте] решаются великие современные вопросы — это была ошибка 1848 и 1849 годов, — а железом и кровью!» Это вызвало грандиозный скандал. Государь сомневался: стоит ли оставлять Бисмарка на посту? И 8 октября он принял решение назначить его действительным министром-председателем с портфелем министра иностранных дел. Еще впереди столкновения с Австрией, побежденной в войне с Италией. Затем, думал Маркс, наступит час объединения германских земель вокруг Пруссии.

Осенью 1862 года Карл слушал в Лондоне вместе с Либкнехтом курс из шести лекций Томаса Гексли, пропагандировавшего теорию естественного отбора и заслужившего прозвище «бульдог Дарвина». Он в восторге. Снова подумывает о знакомстве с Дарвином, который живет всего в 20 милях от его дома. Несколько дней спустя Либкнехт, получив амнистию, вернулся в Германию, чтобы объединиться с Лассалем и представлять Маркса, который теперь уже не доверяет Лассалю и называет его не иначе как Лорри. Либкнехт прожил в Лондоне десять лет. Для Женни и дочек это горькая утрата — расстаться с человеком, который был так близок с ними в черные годы. Они увидятся только пятнадцать лет спустя; он станет (тогда это даже

вообразить себе было невозможно) главой первой социалистической партии, представленной в европейском парламенте.

Зимой 1862/63 года (а она выдалась особенно суровой) материальное положение Марксов, не имевших иных средств к существованию, кроме скудных поступлений от Энгельса, оставалось критическим. Карл снова заговорил о переезде в меблированные комнаты, где в свое время жил со своей семьей Красный Вольф (не Лупус Вольф, а весьма своеобразная личность, телохранитель Гарибальди). Женни даже обратилась тайком от Карла за помощью к старому другу Лупусу — как раз к этому другому Вольфу, который перебивался в Манчестере уроками. Лупус прислал ей 2 фунта. Впоследствии станет известно, что старик обладал достаточными средствами, чтобы расщедриться и на большее.

Карл даже вознамерился поискать работу. Он ходатайствовал о предоставлении ему места в железнодорожной конторе, но его неразборчивый (возможно, в тот день нарочно?) почерк всё погубил. Он испытал облегчение. Это будет его единственная попытка такого рода.

Находясь на грани отчаяния, Карл получил письмо от незнакомца — некоего доктора Людвига Кугельмана, еврея, известного гинеколога из Ганновера, назвавшего себя «пылким приверженцем коммунистических идей со студенческих лет и одним из тех редких читателей книги „К критике политической экономии“, которых она глубоко заинтересовала». Его дочь Франциска Кугельман, которой тогда было девять лет, впоследствии вспоминала: «Мой отец был еще юным студентом, восторженным поклонником Карла Маркса, когда он написал ему свое первое письмо. Он узнал его лондонский адрес у Иоганна Микеля — немецкого политика, члена Союза коммунистов, который, как и он, принадлежал к студенческому обществу „Норманния“. К великой радости отца, Маркс ему ответил, и понемногу завязалась переписка».

В своем первом ответе, датированном 28 декабря 1862 года, Маркс, пребывающий в нищете и страхе перед завтрашним днем, пишет пылкому почитателю по поводу случившегося два года назад провала своей книги, которую Кугельман прочел с большим интересом: «В первой тетради стиль изложения, конечно, был малодоступным. Это было обусловлено <…> абстрактностью темы <…>. Попытки произвести переворот в науке никогда не бывают признаны всеми <…>. И все же я ожидал, что немецкие ученые хотя бы из приличия уделят хоть сколько-то внимания моему труду». Тем не менее он выражает уверенность в том, что

наименее понятные из его произведений однажды пробьют себе дорогу к широкой публике.

Энгельс помогал ему, как мог, но отныне, помимо трудностей, переживаемых его предприятием в связи с Гражданской войной в Америке, у него были и другие заботы: 6 января 1863 года в Манчестере скончалась Мэри Бернс (одна из двух его подруг), оставив его со своей сестрой Лизи. Он открыто жил с обеими, к великому возмущению добропорядочного общества. Маркс прислал ему письмо, начинавшееся с банальных соболезнований и переходящее на… душившие его долги и отчаянное финансовое положение! В ответе Энгельс дал понять, что удручен и ожидал большей поддержки от столь близкого друга, но все же дал кое-какие финансовые советы и быстро прислал денег. Десять дней спустя Карл отправил Фридриху длинное письмо с извинениями, в котором говорил, как он огорчен смертью Мэри; он рассказал, что намерен предпринять, чтобы поправить свое финансовое положение — все те же планы, что и несколько месяцев назад: отдать двух старших дочерей в гувернантки, расстаться с Хелен Демут, поселиться с Женни и Элеонорой в меблированных комнатах. Энгельс принял извинения Маркса, попытался найти для него достаточно наличности, чтобы раздать долги, но не смог и прислал ему счет, выставленный одному из клиентов, чтобы Карл получил по нему деньги: это был единственный способ поживиться деньгами с предприятия, переживавшего не лучшие времена.

Хотя крайней нужды теперь уже не было, обе старшие дочери всерьез задумались о жизненном поприще. Женнихен мечтала стать актрисой и дыталась втайне от родителей познакомиться с известными артистами — все тщетно. Лаура же хотела заниматься политикой и стать помощницей (бесплатной) своего отца, который после почти двухлетнего перерыва решил вновь поработать в Британском музее.

Однако именно в этот момент (22 января 1863 года), когда Карл, казалось бы, наконец решился засесть за свою много раз обещанную книгу о капитале, произошло одно второстепенное событие, которое вызовет целую серию последствий (из-за чего написание великого произведения снова будет отложено), а его навсегда вернет в политику. Молодые поляки, взбунтовавшиеся против того, что их силой забирали в царскую армию, стали жертвами суровых репрессий с публичными казнями и ссылкой в Сибирь[41]. Европа взволновалась. Французские и английские рабочие потребовали вмешательства со стороны своих правительств и размышляли о том, как лучше скоординировать свою политическую и профсоюзную борьбу, чтобы оказать

поддержку угнетаемым трудящимся других стран.

Одновременно секретарь лондонского совета тред-юнионов сапожник Джордж Оджер подумал об организации международного сотрудничества между рабочими профсоюзами, но совсем по другой причине: английские рабочие, испытывавшие конкуренцию со стороны рабочих с континента (плохо оплачиваемых и слабо организованных), опасались лишиться своих преимуществ. Вместо того чтобы требовать от правительства восстановления протекционизма и ограничения притока иностранной рабочей силы, Оджер предложил иностранным рабочим организоваться и добиться увеличения заработной платы в их собственной стране. Он выступил с «Обращением английских рабочих к французским рабочим», предлагая организовать между трудящимися двух стран тесное сотрудничество.

В Пруссии пробил час политических выступлений рабочих. Так, несколько дней спустя, в феврале 1863 года, в Лейпциге, Лассаль (ему было тридцать девять лет), выступая перед рабочим комитетом, изложил программу прудонистского типа, призывая создать Всеобщий германский рабочий союз — новую политическую партию, преследующую двойную цель: добиться прямого всеобщего тайного голосования и создать рабочие кооперативы, опираясь на поддержку государства. Естественно, он представлял себя президентом этой новой партии — первой в Европе, которая прямо заявила о своих намерениях, хотя и не обозначила себя социалистической.

В марте Маркс побывал в Сент-Джеймс-холле на демонстрации солидарности с Линкольном за отмену рабства и против Пальмерстона, по-прежнему желавшего втянуть Великобританию в войну на стороне южан.

Двадцать третьего мая 1863 года Лассаль создал в Лейпциге из шестисот членов со всех областей Германии партию, о создании которой заявил еще три месяца назад — Всеобщий германский рабочий союз. Сам он был избран его председателем и вышел из подполья. Он стал организовывать масштабные турне, выступал с речами перед рабочими, следя за тем, чтобы о его деяниях сообщалось в прессе. Это было слишком: Бисмарк обвинил его в государственной измене за побуждение рабочих к «подрыву прусской конституции». Лассаль перепугался, попытался пойти на компромисс с канцлером и на тайной встрече предложил ему союз, подтвердив его письменно в неслыханном письме от 8 июня 1863 года: там он объясняет новому господину Пруссии, что одобрил бы его диктатуру, если только она примет форму «социальной диктатуры» — в то время как его партия

только что была создана именно для учреждения республики и всеобщего избирательного права! «Рабочий класс, — пишет он, — чувствует в себе инстинктивную склонность к диктатуре, если убедиться в том, что она осуществляется в его интересах. Он склонен, как я уже недавно вам сказал, несмотря на все свои республиканские чувства, или, возможно, именно по этой причине, видеть в монархии естественную опору социальной диктатуры в противовес эгоизму буржуазного общества».

Верный своим идеям, Лассаль, таким образом, предлагает Бисмарку скрепить союз между пролетариатом, крестьянством, аристократией и армией против буржуазии. Естественно, заинтересовавшись этим, канцлер начал тайную переписку с Лассалем, они даже встретились несколько раз в течение нескольких последующих недель. Бисмарку это доставило удовольствие.

Идея о «социальной диктатуре» прекрасно подходила обоим и была почти неотделима от прусского общества. С тех пор как Гегель преподнес апологию Прусского государства как абсолютную истину, идея периодически возникала на протяжении всей немецкой истории, и не будет преувеличением считать ее вехой на пути, ведущему от Гегеля к национал-социализму через «социальную диктатуру», придуманную Лассалем.

В этот же момент во Франции наметилось сближение части рабочего класса с бонапартистской властью и господствующей идеологией. Экономика налаживалась, многие стремились получить от этого дивиденды: раз уж нельзя упразднить частную собственность, нужно постараться ею воспользоваться! Выбившись из сил, Прудон трезво принял это к сведению: «Народ, что бы он ни говорил, хочет быть собственником; если мне будет позволено привести здесь свои собственные слова, я скажу, что после десяти лет непреклонной критики понял, что по этому пункту мнение масс тверже и устойчивее, чем по любому другому вопросу… Чем шире распространяются демократические принципы, тем вернее рабочий класс городов и сел истолковывает эти принципы в смысле, наиболее благоприятном для развития собственности».

Летом 1863 года Карл разболелся. Очередной фурункул вызвал заражение и чуть не убил его, приковав к постели более чем на месяц. Карбункулы, мигрени, болезни легких и печени сменяли друг друга в ускоренном ритме. Он снова прекратил работать.

Двадцать второго июля 1863 года, в то время как Анри Дюнан в Женеве основал будущее общество Красного Креста, а в Париже внимание было приковано к скандалу вокруг «Завтрака на траве»

кисти Эдуара Мане, в Лондоне инициатива Оджера приняла конкретные формы: французские и английские рабочие активисты собрались в британской столице, чтобы попытаться скоординировать социальную борьбу в обеих странах. Они утвердили принцип создания международного рабочего союза и избрали комитет для его подготовки.

Будучи болен, Маркс не вышел на связь с организаторами этого собрания и даже не слышал о комитете. Зато продолжал получать литературу от Лассаля. 24 ноября 1863 года Женни писала Энгельсу: «[Карл] не может спать. Он посылает Вам циркуляр „Общества трудящихся“ и письмо „Председателя“». В самом деле, хотя Маркс уже год как прекратил всяческие отношения с Лассалем, тот продолжал присылать ему брошюры своей партии, которую Женни насмешливо прозвала «Обществом трудящихся», а его — «председателем». Маркс их едва просматривал и пересылал Энгельсу. С тех пор как Лассаль погостил у них, Женни не могла сдержать своей ненависти к нему, а еще больше — к рыжей госпоже Гатцфельд, его «покровительнице», гораздо старше его, о чем она коварно упоминает в том же письме: «Эта ерунда

[„Общество трудящихся“] преобразит его [Лассаля], который „пятнадцать лет страдал за рабочий класс“, как он говорит сам о себе (верно, попивая шампанское со своей рыжей 1805 года рождения!), заставив его свернуть с пути, приемлемого для полиции, на путь, неприемлемый для полиции». У Женни решительно такой же острый язычок, как и у Карла, и стиль ему под стать. Взаимное проникновение двух умов, полностью сливавшихся друг с другом на протяжении более тридцати лет, тогда как ни тому ни другому еще нет сорока пяти.

Но вот положение Маркса и его семьи существенно улучшилось. Во-первых, один старый друг по лондонскому союзу, Эрнест Дронк, представил его заимодавцу и выдал ему 250 фунтов, которые занял… у Энгельса, на что тот выразил согласие в письме Карлу в апреле 1863 года: Дронк возьмет на себя только банковские расходы…

Затем поступило первое из двух наследств, которые в тот год изменят жизнь Марксов и вытащат их — на сей раз надолго — из нищеты, в которую они впали четырнадцать лет назад.

Тридцатого ноября 1863 года в Трире, в окружении двух дочерей, приехавших из Нидерландов, и третьей, бывшей замужем в Трире, умерла Генриетта Маркс, его мать, в возрасте семидесяти трех лет. Ее кончина произошла в день и в самый час очередной годовщины свадьбы, чему Карл немало подивился. Он не выказал даже намека на скорбь. Наследство от обоих

родителей было разблокировано одновременно, и Карлу причиталось чуть более 1100 талеров, то есть примерно 1000 фунтов стерлингов, иначе говоря, его доходы за три года. Он решил немедленно отправиться за ними, наверняка нелегально: эти деньги были так ему нужны!

Пятнадцатого декабря он явился в Трир и повидался с сестрами и старыми друзьями. Он написал Женни, что ежедневно совершает паломничество к дому Вестфаленов, который для него «важнее всего Древнего Рима, поскольку напоминает о счастливом детстве, и еще потому, что там жила та, кто дороже всего». Далее следуют долгие подробности о содержании завещания его матери, что она оставила тем и этим. Карла узнавали на улице: «Жители Трира ежедневно расспрашивают меня о „самой красивой женщине Трира“ и о „королеве бала“. Как чудесно для мужчины узнать о том, что его жена живет в воображении целого города, словно принцесса из снов!» Однако он предпочел не задерживаться на родине и вернулся в Лондон в феврале 1864 года окольным путем — через Нидерланды.

В марте он в очередной раз решил потратить только что полученные деньги, не слишком заботясь о будущем и неоплаченных долгах: благодаря материнскому наследству семья переехала с Графтон-Террас в симпатичный домик по соседству — Модена Виллас, 1, на Мейтланд-Парк, в богатом квартале, где жили врачи и адвокаты. Карл прежде всего подумал об уроках для дочерей, о их занятиях фортепиано и театром. Отныне у каждой будет своя комната. У него самого появился кабинет — просторная комната в пять окон, которую первые же приглашенные в гости друзья прозвали «Олимпом», поскольку повсюду были расставлены бюсты греческих богов, а над ними возвышался Зевс, который был чрезвычайно похож на Карла. Лафарг, описывавший комнату несколько позже, добавляет:

«Этот рабочий кабинет на Мейтланд-Парк стал историческим; нужно представлять его себе, чтобы проникнуть в самую глубь интеллектуальной жизни Маркса. Он находился на втором этаже, и широкое окно, сквозь которое лились потоки света, выходило в парк. По обе стороны от камина и напротив окна были полки с книгами, а поверх — стопки газет и рукописей, доходившие до потолка. Напротив камина, рядом с окном, стояли два стола, заваленные бумагами, книгами и газетами. Посреди комнаты, в наиболее освещенном месте, стоял маленький рабочий стол — очень простой, в три фута длиной и в два шириной, с полностью деревянным креслом. Между креслом и книжными полками, против окна, размещался кожаный диван. Маркс ложился на него время от времени, чтобы отдохнуть. На камине — снова книги

вперемешку с сигарами, спичками, табачными пачками, весами для писем, фотографиями его дочерей, жены, Вильгельма Вольфа и Фридриха Энгельса».

Почему в этой комнате находилась фотография Вильгельма Вольфа — старого друга Лупуса? Потому что верный товарищ по стольким приключениям, начиная с Парижа, умер от менингита в Манчестере в том самом мае 1864 года, завещав Карлу 840 фунтов наличными (целое состояние) и вещи общей стоимостью 50 фунтов. Милый Лупус, один из редких людей, с которыми Карл ни разу не поссорился, был, значит, не столь беден, как казался. На его похоронах в Манчестере Карл (который ненавидел погребения и никогда на них не ходил) произнесет траурную речь перед несколькими редкими друзьями, в большинстве своем жившими, как и он, изгнанниками в Лондоне уже около пятнадцати лет.

Вместе обоих наследств в тех условиях хватало Марксам более чем на пять лет жизни. Это была обеспеченность.

В том году Вторая империя ввела кое-какие вольности: разрешила создавать рабочие ассоциации и узаконила право на забастовку; тотчас в Лиможе тысяча рабочих прекратила работу. Ватикан наложил запрет на «Отверженных» Виктора Гюго, «Госпожу Бовари» Флобера, произведения Бальзака и Стендаля. В Пруссии Лассаль был оправдан и опубликовал брошюру с изложением своей концепции социализма.

1864 год решительно стал годом наследств: несколько месяцев спустя теперь уже Энгельс получил наследство от отца (которого всю жизнь терпеть не мог) и стал владельцем семейного предприятия. Отныне он был почетным гражданином города Манчестер, председателем Альберт-клуба и института Шиллера, участником знаменитой псовой охоты *Cheshire Hunt.* Он смог существенно увеличить финансовую помощь Марксу и отныне гарантированно выдавать ему как минимум 200 фунтов в год, не ограничивая при этом себя ни в чем.

Для Карла, которому исполнилось сорок шесть лет, финансовые заботы отошли в прошлое. Всего год назад у него не было средств для пропитания семьи. Теперь он мог дать своим детям передышку. «По воскресеньям, если была хорошая погода, все семейство отправлялось на большую прогулку через поля. По дороге останавливались на постоялом дворе, чтобы выпить имбирного пива и перекусить хлебом с сыром», — вспоминает Лафарг, который вскоре познакомится с Марксом. Впервые в жизни Карл ушел в отпуск. Он принимал друзей Женнихен и Лауры. В письме от 25 июня 1864 года своему дяде Лиону Филипсу он дает понять, что провернул какие-то операции на

бирже, что было весьма маловероятно, тем более что никаких свидетельств его приобщения к миру финансов не сохранилось.

Фридрих все чаще приезжал к нему в гости. Лафарг пишет: «Для Марксов был настоящий праздник, когда Энгельс извещал их из Манчестера о своем приезде. О нем начинали говорить задолго до его посещения, а в день прибытия Маркс проявлял такое нетерпение, что не мог работать. Друзья целую ночь курили и пили, рассказывая друг другу обо всех событиях, произошедших со времени их последней встречи. Маркс дорожил мнением Энгельса более, чем любым другим: он видел в нем человека, способного быть его сотрудником. Энгельс был для него целой аудиторией. Чтобы убедить его, увлечь своими мыслями, он не жалел ни времени, ни сил. Так, я видел, как он заново просматривал книги целиком, чтобы отыскать факты, которые были, ему нужны, чтобы изменить точку зрения Энгельса по какомуто маловажному вопросу, который я уже забыл, связанному с политическим и религиозным крестовым походом против альбигойцев… Он пребывал в восторге от невероятного разнообразия научных познаний Энгельса и постоянно боялся, что с тем произойдет несчастный случай. „Я всегда дрожу, — говорил он мне, — как бы с ним не случилось несчастья во время какой-нибудь псовой охоты, в которых он увлеченно участвует, скача во весь опор по полям и перемахивая через всякие препятствия“».

В этот же момент (то есть в начале лета 1864 года) внезапно, в сорок лет, оборвался головокружительный жизненный путь Фердинанда Лассаля. Вернувшись из триумфальной поездки по рабочим районам Рейнской области, прославившийся руководитель немецких социалистов, открыто выражавший свои идеи, уже не боявшийся тюрьмы благодаря своему тайному соглашению с Бисмарком, отправился отдохнуть в Швейцарию. Там он встретил (наверняка неслучайно) дочь одного баварского дипломата, Елену фон Деннигес, руки которой он просил несколько лет назад, но не получил согласия ее отца (сама она тогда написала: «Вчера я встретила человека, за которым пойду на край света, если он захочет, чтобы я была его»). Теперь она была помолвлена с валашским аристократом Янко фон Раковицем, который не отпускал ее от себя ни на шаг. Мужчины поссорились. 28 августа в Женеве Лассаль вызвал Янко на дуэль на пистолетах в Буа-Карре, под Верье. Секундант должен был досчитать до трех, но жених выстрелил на счет «раз»; раненный в живот, Лассаль умер через три дня в ужасных мучениях. Узнав об этом, Энгельс заявил: «Это был, без всяких сомнений, один из величайших политиков в Германии». Бисмарк написал: «Это был

один из самых очаровательных и забавных людей, которых мне довелось знать, и я не жалею о тех трех-четырех наших встречах. Честолюбивый в хорошем смысле слова, это был человек, с которым можно поговорить с большой пользой для себя». Маркс признавал: «В конце концов, он был из наших, враг наших врагов. Трудно представить, что столь шумный, назойливый, напористый человек теперь мертвее мертвого и язык его связан. Дьявол с ним хорошо знаком, но наш кружок стал еще уже, и никакой свежей крови не предвидится». И поскольку он не мог упустить случая зло пошутить, Карл добавляет: «Эта смерть — одна из многочисленных нелепостей, которые Лассаль допускал всю свою жизнь». — На сей раз Карл намеревался как следует взяться за свою большую книгу о капитале, заброшенную почти четыре года назад, ею он полагал «нанести буржуазии в области теории такой удар, от которого она никогда не оправится». Он вновь полон энергии. Счет пошел на месяцы, даже на недели. Он напишет по этому поводу: «Я должен был использовать каждый момент, когда бывал работоспособен, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью <…>. Я смеюсь над так называемыми „практичными людьми“ и их премудростью… Но я считал бы себя поистине непрактичным, если бы подох, не закончив полностью своей книги <…>».

Странное выражение: он считает «непрактичным» не закончить своей книги. Непоследовательным — да, но еще и «непрактичным»!

Однако в этот момент несколько событий в очередной раз отвлекут его от работы, которую решительно невозможно было довести до завершения. И он примет «непрактичное» решение — отложить.

Прежде всего заместитель Лассаля Бернгард Беккер, временно возглавивший вместо покойного «Общество трудящихся», предложил место председателя Марксу. Тот отказался. Он не может поселиться в Германии, так зачем все это? В партии тогда бушевала братоубийственная война за наследство, победителем из которой в конечном счете вышел И. Б. фон Швейцер. Это был харизматический лидер, решительный и компетентный. Швейцер не разделял увлечения своего наставника Бисмарком и хотя считал, что для установления социализма необходимо сильное государство, отнюдь не призывал к союзу пролетариата с прусской аристократией. Маркс перенес антипатию, которую внушал ему Лассаль, на его преемника. Он порвал все связи с партией Швейцера, а Либкнехт, только что прибывший в Германию и сам испытывавший сильную неприязнь к Швейцеру, постоянно подогревал антипатию Маркса.

Затем он увиделся с Бакуниным, но и это не пробудило его интереса к политической деятельности. В своих записках Бакунин рисует Маркса деспотом, который не мог иметь друзей (разве что Энгельса) и поддерживал отношения только с робкими подчиненными. Он считает, что личностные особенности и поступки Маркса обусловлены его еврейством: «Как только он приказывает открыть преследование, он уже не останавливается ни перед какой подлостью, ни перед какой низостью. Будучи сам евреем, он окружил себя в Лондоне и во Франции, но особенно в Германии целой массой еврейчиков, более или менее разбитных интриганов, проныр* спекулянтов <…>, агентов коммерции или банков, литераторов, политиков, корреспондентов газет самых разных оттенков, одним словом — литературных маклеров, которые, как и биржевые маклеры, находятся одной ногой в банке, другой — в социалистическом движении и задом сидят на ежедневной германской прессе… Эти <…> литераторы особенно одарены в искусстве подлых, злобных и коварных инсинуаций».

Карл снова прервал свою работу над книгой, но на сей раз предлог к тому был самым что ни на есть серьезным и «практичным»: молодой французский эмигрант, уже несколько лет живущий в Лондоне, профессор по имени Ле Любе, летом 1864 года пригласил его принять участие в качестве представителя немецких рабочих в собрании трудящихся разных стран, состоявшемся вслед за прошлогодним, на котором была создана новая организация (Маркс о ней даже не слыхал). «Почему я?» — удивился он. Ле Любе объяснил ему, что союз не намерен принимать в свои ряды интеллигенцию, чем и отличается от любого прогрессивного клуба, но Маркс, подчеркнул он, завоевал своими книгами и статьями большой авторитет. Нужно будет составлять устав, обращение. Кто сделает это лучше, чем автор «Манифеста»?

Карл колебался. «Манифест» оставался для него главным произведением, хотя он и написал его всего за четыре дня шестнадцать лет тому назад. Он рад, что об этом еще помнят, тем более что «Манифест» не был переведен на французский. Но ему надо закончить книгу и сообщить, наконец, о том, что он открыл в 1855 году, почти десятью годами раньше, в год смерти Эдгара: о прибавочной стоимости и природе капитализма, который он своей теорией пошатнет гораздо вернее, чем это могут сделать их собрания.

Потом, когда Ле Любе назвал ему имена тех, кто будет присутствовать на учредительном собрании (величайшие революционеры и профсоюзные деятели из Англии, Германии, Италии, Швейцарии, Бельгии и Франции), он согласился, но

только в качестве наблюдателя, предоставив старому союзнику по бывшему Союзу коммунистов Иоганну Георгу Эккариусу, уже сотрудничавшему с ним в Брюсселе, представлять немецких рабочих. Маркс объяснил Энгельсу, которого удивило его возвращение в политику: «Я знал, что и со стороны Лондона, и со стороны Парижа присутствуют реальные „силы“, вот почему я решился отступить от своего обычного правила».

Народное собрание состоялось 28 сентября 1864 года в Сент-Мартинс-холле Ковент-Гардена, чересчур просторном для рассыпавшихся по нему участников. Председательствовал англичанин Эдвард Спенсер Бисли — либерал из университетской профессуры, назначенный Оджером главой тред-юнионов. Карл сидел в президиуме, но хранил молчание. Речи следовали за речами — сначала о Польше, потом о «еще большей угнетаемой нации — пролетариате». Присутствующие подтвердили прошлогодние планы об основании Международного товарищества рабочих *(International Working Men's Association),* быстро получившего название «Интернационал».

Во главе его стал избранный «Центральный совет», быстро превратившийся в «Генеральный совет» с «генеральным секретарем» и «секретарями-корреспондентами», представлявшими присутствовавшие на заседании рабочие организации Англии, Германии, Франции, Италии, Испании, Америки, Швейцарии и Бельгии. Первым генеральным секретарем стал Эккариус, что говорит о непосредственном влиянии Маркса на назначения. Первый Генеральный совет был разношерстным по своему составу: 82 члена, в том числе 40 английских тред-юнионистов-реформистов, 12 немецких социалистов, 12 французских прудонистов и бланкистов, 9 итальянских мадзинистов, 5 польских патриотов, 2 швейцарца, венгр и датчанин. Среди французов было девять эмигрантов, поселившихся в Лондоне (Денуаль, Ле Любе, Журден, Моризо, Леру, Бордаж, Бокке, Таландье, Дюпон), плюс трое других, прибывших на собрание из Парижа — гравер Толен, сборщик Перрашон и басонщик Лимузен.

Карла кооптировали в Генеральный совет. Являясь одним из редких его членов, не принадлежащих к пролетариату, он был назначен «секретарем-корреспондентом» в Германии. Его также включили в подкомитет по разработке (к 1 ноября) манифеста и уставов организации. В подкомитет входили девять человек: Оджер, Маркс, Уитлок, Уэстон, Ле Любе (секретарь-корреспондент для Франции), Голторп, Пиджон, Кремер, Вольф (прозванный «Красным волком» — удивительный поляк,

адъютант Гарибальди, мадзинист, ставший анархистом, который, как мы видели, не имел ничего общего с Лупусом).

В первые дни Карл, еще не догадываясь о важности собраний, не ходил на них — они отвлекали бы его от работы. Но когда контроль за их проведением чуть не захватили анархисты, Эккариус убедил его в них участвовать. Всего через месяц после создания Интернационала, где он присутствовал лишь как рассеянный наблюдатель, Карл станет душой товарищества и заберет в нем власть в свои руки.

Двадцатого октября 1864 года он нехотя отправился на собрание подкомитета, который должен был составить манифест и устав: одни хотели говорить в нем о революции, другие — о праве, морали, справедливости. Полный хаос. Документов, которые надо было сдать уже через десять дней, не существовало даже в набросках! «Старая песня!» — возмутился Карл. Он самочинно стал председателем собрания и с того вечера стал продвигаться к завоеванию полномочий, которые так и не сможет в дальнейшем с себя сложить.

Для начала он затянул обсуждение до часу ночи; потом, когда все мечтали уже только о том, чтобы пойти спать, отложил дебаты на неделю, пообещав наспех, под шапочный разбор, самостоятельно составить к тому времени проект обращения к рабочему классу и проект устава. Все приветствовали смелость верного борца, закрывшего заседание. Ответственность за документы, которые предстояло обсудить через десять дней на пленарном заседании, таким образом, возлагалась на него.

И Карл написал. В четыре дня «Учредительный манифест» и «Временный устав» были готовы. Он составил их с такой же легкостью, с какой изложил на бумаге в несколько дней «Манифест Коммунистической партии». И снова, как и шестнадцать лет назад, получился шедевр. Не ловкий ход циничного манипулятора (как напишут некоторые возмущенные и столь же многочисленные восхищенные биографы), а образец интеллектуальной и политической сноровки.

Кстати, Маркс сам придет к обобщению по поводу способностей, которые он проявил в тот день: «Я был вынужден вставить <…> отрывки о долге, о праве, об истине, о нравственности и о справедливости. Нужно время, прежде чем пробудившееся движение сделает возможной прежнюю откровенность языка…»

Ибо его проект обращения — прежде всего образец балансирования между различными точками зрения современных ему левых сил. Карл говорит в нем о необходимости свергнуть общественный порядок, стараясь не задеть самолюбия

реформистов. Он объясняет, что эмансипация рабочего класса должна быть делом самих трудящихся, однако создаваемый Интернационал должен стать центром сотрудничества между рабочими союзами, центром распространения идей и развития классового сознания; что экономическая борьба должна найти свое продолжение в борьбе политической, при этом пролетариат должен стать отдельной партией и способствовать проведению мирной внешней политики.

Выступая против французов и немцев, которые хотели ограничиться программой, делающей акцент на системе кооперативов, Маркс восхваляет ее («Кооперативные фабрики самих рабочих являются, в пределах старой формы, первой брешью в этой форме <…>, показывают, как на известной ступени развития с естественной необходимостью возникает и развивается новый способ производства»), при этом высмеивая в убийственной фразе: «Как бы кооперативный труд ни был превосходен в принципе и полезен на практике, он никогда не будет в состоянии ни задержать происходящего в геометрической прогрессии роста монополий, ни освободить массы, ни даже заметно облегчить бремя их нищеты, пока он не выходит за узкий круг случайных усилий отдельных рабочих <…>. Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса». Иначе говоря, кооперативное движение — не защита от капитализма, овладеть экономикой можно только через политику.

Далее в «Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих» объясняется, что условия захвата власти варьируются в зависимости от национальных традиций, так что нужно придерживаться прагматизма, как уже поняли английские тред-юнионы, и не устраивать бесполезных государственных переворотов. Здесь не идет и речи о «диктатуре пролетариата» или о готовых рецептах.

Кто станет возражать против такого?

Проект «Временного устава товарищества» составлен так же ловко и, верно, так же искренне. Маркс пишет: «Принимая во внимание: что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом; <…> что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство; <…> что освобождение труда не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество, и что ее разрешение зависит от практического и теоретического сотрудничества наиболее передовых стран; что нынешний новый подъем

движения рабочего класса в наиболее развитых промышленных странах Европы, вызывая новые надежды, служит вместе с тем серьезным предупреждением против повторения прежних ошибок и требует немедленного объединения все еще разрозненных движений; принимая во внимание указанные соображения, нижеподписавшиеся члены комитета, уполномоченные на это постановлением публичного собрания, состоявшегося 28 сентября 1864 г. в Сент-Мартинс-холле в Лондоне, предприняли необходимые шаги для основания Международного товарищества рабочих».

Карл представил два эти документа на собрании подкомитета 27 октября. Ошарашенные девять членов комитета заспорили, переругались, потом согласились передать его предложения почти без всяких изменений Генеральному совету, который обсудил их, как и было предусмотрено, три дня спустя, 1 ноября. Спор вышел ожесточенным: англичанам манифест показался чересчур революционным; итальянцы сочли, что устав недостаточно революционен, и предложили сделать Интернационал тайным обществом; анархисты отвергали главенство политики и хотели подчеркнуть значение, придаваемое кооперативному движению; масоны (нашлись и такие) предлагали сделать упор на идее о Разуме. Маркс упорно отстаивал написанное; в конце концов, его проекты были приняты с кое-какими незначительными поправками. В Генеральный совет удалось протолкнуть трех верных людей.

Совершив невероятный политический ход, он, уже двенадцать лет не ведший никакой общественной деятельности, в несколько дней забрал в свои руки власть в организации, созданной другими людьми, в очередной раз доказав тем самым, что оказывал необыкновенное влияние на всех, кто имел с ним дело.

Карлу сорок шесть лет. Перед ним наконец открылась широкая дорога: он держал в своих руках орудие мировой политики, вел приличное существование, не испытывал материальных затруднений, не жаловался на здоровье, жил в симпатичном уютном доме. Но больше не писал…

Отныне в течение долгих лет он каждую неделю будет присутствовать на заседаниях Генерального совета Интернационала, контролировать работу генерального секретаря, руководить небольшой группкой, которая сложится вокруг него в постоянный комитет — настоящий исполнительный орган, готовящий все важные собрания. Он будет держаться на них незаметно, его имя никогда не встретится в протоколах выступлений. Отныне он лишь направляет деятельность товарищества, составляя доклад Генерального совета и тщательно

прорабатывая повестку дня ежегодного съезда, на котором появится только раз — при трагических обстоятельствах, как мы увидим.

Его поведение сводится к латинскому девизу, который он приводит в письме Энгельсу от 4 ноября 1864 года, сразу после первого, основополагающего собрания: *Suaviter in modo, fortiter in re* — надо быть «мягким по форме, сильным по существу».

Маркс превратит Интернационал в главный орган мировой политики, выработав на основе положений на местах «единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в разных странах». Он так быстро стал в нем хозяином, что именно он меньше месяца спустя, 22 ноября 1864 года, поздравил от имени Генерального совета Авраама Линкольна с переизбранием на пост президента Соединенных Штатов: «С самого начала титанической схватки в Америке рабочие Европы инстинктивно почувствовали, что судьбы их класса связаны со звездным флагом… Американская война против рабства положит начало эре господства рабочего класса». Линкольн ответил письмом, которое американский посол вручил ему в собственные руки, заявив, что это не простая формула вежливости, как все прочие, врученные им.

И вот после четырех лет перерыва, как будто политическая энергия подпитывала его интеллектуальную энергию, Маркс снова взялся за свою большую книгу, которую в конечном варианте решил назвать «Капиталом».

На сей раз его бурная деятельность уже не станет предлогом, чтобы не писать. 29 ноября 1864 года он сообщает Людвигу Кугельману в Ганновер: «Думаю, моя книга о капитале (шестьдесят печатных листов) будет готова к концу будущего года». Разумеется, он не сдержит этого обещания, поскольку по-прежнему выискивает и ссылается на всевозможные уважительные причины, чтобы отсрочить сдачу рукописи. Й словно ему хотелось бы, чтобы возникло еще какое-нибудь препятствие, он добавляет: «Боюсь, как бы в середине весны или в начале лета не разразилась война между Италией, Австрией и Францией. Это будет катастрофа для движения во Франции и в Англии, которое значительно усиливается».

В очередной раз — боязнь закончить слишком поздно, писать зря, усиленная отчаянными поисками предлога, чтобы не издавать…

В тот же день в письме в Нью-Йорк своему другу издателю Иосифу Вейдемейеру, которого удивило его возвращение в политику, Карл объясняет его влиятельностью и серьезностью основателей нового союза: «Английские его члены действительно

набраны в основном среди руководителей местных тред-юнионов, настоящих королей лондонских рабочих, тех самых, которые <… > на грандиозном митинге в Сент-Джеймс-холле помешали Пальмерстону объявить войну Соединенным Штатам, что он уже собирался сделать».

Интернационал быстро развивался. В Германии, где рабочие вступили в открытую борьбу с Бисмарком, его представлял Либкнехт, враждовавший с лассальянцами. Во Франции рабочие вступили в борьбу с Наполеоном III от имени Интернационала. Французскую секцию сначала возглавлял Ле Любе, а потом — после ссоры, в которую оказались замешаны масоны, — Луи Эжен Варлен. Повсюду хозяева предприятий приписывали успех забастовок «огромным» фондам, которые, если верить их пропаганде, предоставлялись в распоряжение забастовщиков Интернационалом — новым, якобы тайным обществом.

На самом деле оно было настолько же открытым, насколько нищим. У Интернационала не было средств, даже чтобы оплатить печатание протоколов собственных собраний. Собирать регулярные взносы с каждого члена товарищества было так сложно, что Карл сетовал: легче устроить бунт, чем собрать с рабочих членские взносы. Действительно, в случае забастовки Интернационал мог предоставить только смехотворные суммы, собранные специально по этому случаю.

В это же время Бисмарк потребовал от главы полиции Штирбера (того самого, который пятнадцать лет назад шпионил за Карлом в его лондонском доме) приняться за осуществление макиавеллиевского плана с целью дискредитировать Маркса…

Работа над книгой и занятия политикой не мешали Карлу проводить все воскресенья без исключения в обществе Женни и их трех дочерей, рассказывать им сказки дома или во время прогулок.

Лафарг сообщает, что слышал от дочерей Маркса, как, «чтобы дорога казалась им короче, он рассказывал им бесконечные сказки, выдумывая их прямо по дороге и отдаляя или приближая развязку в зависимости от того, сколько еще оставалось пройти. И девочки, слушая его, забывали об усталости». Далее он продолжает: «Маркс пообещал дочкам написать для них драму о Гракхах. К несчастью, слова он не сдержал; интересно было бы посмотреть, как человек, которого называли „рыцарем классовой борьбы“, подошел бы к этому трагическому и величественному эпизоду классовой борьбы в античном мире…»

Благодаря Элеоноре, которой тогда было девять лет, у нас есть несколько драгоценных подробностей о сказках, которые Карл сочинял в тот год для своих дочек. Длинные повествования,

рождавшиеся на ходу, по-моему, больше говорят о его личности и вдохновенности его творчества, чем тысячи страниц ученых комментариев: «Эти истории измеряются милями, а не главами <… >. На мой взгляд, лучшим из всего, рассказанного Мавром, был „Ганс Рёкле“. Эта сказка перетекала из месяца в месяц. К несчастью, никто не записывал эти истории, полные поэзии, ума, юмора. Ганс Рёкле был кем-то вроде волшебника из сказки Гофмана, у него был магазин игрушек, и он всегда был очень суров. Его лавка ломилась от самых великолепных вещей: деревянных кукол, великанов, карликов, королей, королев, рабочих, мастеров, животных — их там было столько, сколько в Ноевом ковчеге столов, стульев, повозок. Даже будучи волшебником, Ганс никак не мог расплатиться с долгами дьяволу или мяснику, и ему приходилось продавать свои игрушки дьяволу. Отсюда приключения, которые всегда заканчивались в его лавке. Некоторые были ужасными, другие — очень смешными».

Изготовитель волшебных игрушек — чудесных и редких, которых ничего не смыслящие в этом покупатели не ценят, так что ему приходится, чтобы выжить и уплатить мяснику, продавать свои игрушки дьяволу, — это конечно же он, Карл Маркс, создатель прекраснейших идей, вынужденный, чтобы выжить, отдавать их кому угодно — для него это высшая форма отчуждения.

Возможно, он предчувствовал, что однажды эти идеи будут присвоены и извращены дьяволом.

Глава пятая
СОЗДАТЕЛЬ «КАПИТАЛА» (1865–1871)

В январе 1865 года умер Прудон, окончательно уверившийся в том, что заблуждался; тем временем глобализация (вернее, «универсализация» — такое название дал ей Маркс в 1848 году, предчувствуя ее наступление) ускорилась. Железные дороги, телеграф, пароходное сообщение сократили расстояния, способствовали развитию рынков, облегчили колонизацию Африки и Индии.

Карл в Лондоне вел двойную жизнь. Днем он официально являлся «секретарем-корреспондентом Интернационала для Германии», а де-факто — главой политической организации, которая вскоре объединит десятки тысяч рабочих, служащих и представителей интеллигенции по всей Европе. По ночам он возвращался к работе над большой книгой, начатой двадцать лет тому назад, из которой опубликовал только большую главу под заглавием «К критике политической экономии» и которая, как он думал, поможет свергнуть капитализм — это был «Капитал».

Британская полиция присматривала за этим изгоем с мировыми связями, но не особенно интересовалась им. Ей было известно, что с момента своего прибытия сюда пятнадцать лет назад Британская империя не была его главной заботой, а британская монархия — главным врагом. Возглавляемая им международная организация, к которой примкнуло множество британских тред-юнионов, не считалась враждебной монархии; что же касается его весьма немногочисленных книг, то их никто не покупал. И даже если он резко критиковал в американской прессе Пальмер-стона и политику Лондона, он никогда ни в коей мере не призывал к насилию или свержению институтов власти в этой стране.

В своем новом жилище, которое было гораздо более уютным, он чаще и лучше принимал гостей. Не было такого республиканца или социалиста, прибывшего с континента или из Америки, который не зашел бы к нему — либо чтобы получить инструкции, либо чтобы послушать оракула. Он говорил с ними по-английски, по-французски, по-немецки, по-испански и даже по-русски. Русский он учил теперь для развлечения, в особенности когда мучился от своих фурункулов. С французами он рассуждал о Бальзаке, с русскими — о Тургеневе, с испанцами — о Сервантесе

и Кальдероне. Испанский делегат январского собрания Интернационала 1865 года Ансельмо Лоренцо рассказывает, например, что на первой встрече дома у Маркса, поздно вечером, Карл предложил ему чаю и сначала заговорил с ним на испанском о материально-технических проблемах Интернационала в Испании, а затем провел блестящую параллель между Сервантесом, Кальдероном, Лопе де Вега и Тирсо де Молина.

Случалось, что в таких разговорах принимали участие Женни и все их три дочери; именно таким образом некоторые молодые люди сблизились с тремя дочерьми доктора Маркса.

Среди гостей, посетивших их в феврале 1865 года, был молодой человек, прибывший из Парижа, который вскоре сыграет очень важную роль в жизни семейства Маркс — Поль Лафарг. Мы уже неоднократно цитировали его воспоминания о жизни Маркса, написанные впоследствии на основе увиденного и услышанного. Ему тогда было двадцать четыре года; он представлял французскую секцию Интернационала, недавно созданную в доме 44 по улице Гравилье, у месье Фрибура. Родившись в Сантьяго-де-Куба, происходя одновременно от черных рабов и испанских поселенцев, гражданин Испании, переехавший в детстве в Бордо, где жила его семья, он поступил в Париже на медицинский факультет, но был исключен за свои республиканские убеждения и за активное участие в Международном студенческом конгрессе в Льеже; впоследствии он смог продолжить учебу в Париже. Он приехал в Лондон, чтобы отчитаться перед Марксом в успехах французской рабочей партии и вручить ему письмо от Анри-Луи Толена — секретаря французской секции Интернационала. Много лет спустя Лафарг будет вспоминать об этой встрече: «Во всю жизнь я не забуду того впечатления, которое произвела на меня наша первая встреча. Маркс был болен и работал над первым томом „Капитала“. <…> Он боялся, что не успеет довести свое дело до конца, и всегда принимал молодежь с симпатией, поскольку, как он говорил, „должен подготовить тех, кто продолжит пропаганду коммунизма“. Но вовсе не неутомимый, несравненный социалистический агитатор, а ученый явился предо мной тогда в рабочем кабинете на Мейтленд-Парк-роуд, куда товарищи стекались со всех концов цивилизованного мира, чтобы расспросить мэтра социалистической мысли».

Поскольку Карл принял его у себя дома, Лафарг познакомился с Женни и дочерьми и тотчас был пленен средней — Лаурой. Он пишет: «Младшая, Элеонора, была прелестным ребенком с мальчишеским характером. Маркс говорил, что его жена ошиблась полом, произведя на свет девочку. Две другие

составляли самую очаровательную и гармоничную противоположность, какая только могла радовать глаз. Старшая, Женни, была смуглой, как отец, что указывало на хорошее здоровье, у нее были темные глаза и волосы, как вороново крыло. Средняя [Лаура] была светленькой и розовой, ее пышные вьющиеся волосы отливали золотом; как будто закатное солнце в них укрылось: она походила на мать…» Он влюбился.

С тех пор как Вильгельм Либкнехт уехал в Германию два года тому назад, у Карла не было секретаря. Поэтому он сразу сделал этого умного и преданного молодого человека, решившего продолжить изучение медицины в Англии, своим товарищем по работе и прогулкам; начиная с этого дня, именно через Лафарга мы узнаем многое (всегда в положительном контексте) о манере Маркса работать: «Хотя он ложился уже поздней ночью, в восемь-девять утра он всегда уже был на ногах; пил свой черный кофе, просматривал газеты и переходил в кабинет, где работал до двух-трех часов ночи. Он прерывался, лишь чтобы поесть и прогуляться вечером, если позволяла погода, в сторону Гемпстед Нит; днем он спал час-другой на своем диванчике. Именно во время таких прогулок по лугам он занимался моим экономическим образованием. Он, возможно, не замечая того, разворачивал передо мной все содержание первого тома „Капитала“, по мере того как писал его. Каждый раз, вернувшись домой, я сразу же бросался записывать как можно точнее все, что только что услышал. Поначалу мне приходилось прилагать большие усилия, чтобы уследить за нитью рассуждений Маркса, таких глубоких и сложных… Его мозг был подобен военному кораблю, еще стоящему в порту, но уже под парами, в полной готовности отплыть в любом направлении по океану мысли <…>. Для него работа превратилась в страсть, которая поглощала его до такой степени, что он забывал о еде. Зачастую приходилось несколько раз его звать, пока он не спустится в столовую, и едва проглотив последнюю ложку, он снова поднимался в кабинет».

Карл думал, что уже вот-вот закончит рукопись, и даже начал подыскивать нового издателя. О том, чтобы вновь обратиться в Берлин к Дункеру, издателю Лассаля, так плохо обошедшемуся с его предыдущей книгой, не могло быть и речи. 30 января 1865 года Вильгельм Штрон, бывший член Союза коммунистов, эмигрировавший в Манчестер, рассказал ему о гамбургском издателе-демократе Мейснере. Тот только что издал книгу Арнольда Руге, который теперь вернулся в Пруссию. Всякий раз, когда требовалось принять практическое решение, Карл спрашивал совета у Фридриха. Тот ответил ему 5 февраля из Манчестера, перечислив подробно, какие пункты должны

присутствовать в договоре, чтобы не ущемлялись ничьи интересы, и заключил: «Естественно, тебе нужно поехать к нему самому, взяв с собой рукопись». Тогда Маркс предложил Энгельсу протоптать дорожку и прибегнуть к услугам этого издателя, чтобы опубликовать памфлет, написанный им годом раньше, который он хотел распространить в Германии, — «Прусский военный вопрос и немецкая рабочая партия».

Но на самом деле Карл совсем не готов. И Энгельс в Манчестере, немного ревнующий к тому, что его друг без него вернулся в политику, и скептически настроенный по отношению к этой мини-организации, претенциозно именующей себя Интернационалом, корит его за то, что тот тратит слишком много времени на сумбурные заседания, вместо того чтобы заканчивать книгу. 13 марта 1865 года Карл ответил, что это очень важное дело, и он держит его под своим контролем: «На самом деле я стою во главе этого дела».

Энгельс тревожится и по поводу расходов Маркса: наследства, конечно, позволили уплатить накопившиеся долги и обустроить дом (на это ушло 500 фунтов), но его теперешний образ жизни сильно выбивается за рамки 200 фунтов, ежегодно предоставляемых ему Фридрихом. Состояние его финансов просто бедственно, и летом 1865 года Карл пишет, что прожил последние два месяца благодаря тому, что опять заложил главное свое имущество — столовое серебро Женни.

Та разделяет тревогу Фридриха: дом — «настоящий дворец, чересчур большой и слишком дорогой». Тогда Карл пишет своему другу: «Действительно, я живу в доме, который мне не по средствам», но «это лучший способ не только возместить детям все, что им пришлось вынести, но и позволить им наладить связи и знакомства, которые обеспечат их будущее». Его транжирство, таким образом, вовсе не говорит о пристрастии к роскоши. Он тратит не из мещанства, а из-за угрызений совести: нужно чем-то компенсировать нищету, в которой он допустил прозябать своей семье и умереть трем своим детям.

В поисках дополнительных средств Маркс 19 марта 1865 года вернулся в голландский Цальт-Боммель, к тетке и дяде Филипсу. Оттуда он привез новую ссуду, а заодно убеждение, что кузина Нанетта «не совсем его позабыла». 1 апреля он даже играл с ней в «исповедь» — игру в вопросы, которая была тогда в моде; по его ответам угадывается любовная игра: «Любимое качество? Простота. У мужчины? Сила. У женщины? Слабость. Главная черта вашего характера? Упрямство. Ваше любимое занятие? Смотреть на Нанетту. Недостаток, который вам более всего ненавистен? Раболепство. Недостаток, который вы можете

извинить? Доверчивость. Ваше представление о счастье? Сражаться. Ваше представление о нищете? Покориться. Ваши любимые поэты? Эсхил и Шекспир. Ваш любимый прозаик? Дидро. Ваше любимое изречение? „Ничто человеческое мне не чуждо“. Ваш девиз? „Сомневайся во всем“. Ваш любимый цвет? Красный. Ваши любимые имена? Женни и Лаура». В то же время Карл дает такие определения счастья: «Шато-Марго 1848 года[42]» и несчастья: «Необходимость пойти к дантисту».

Вернувшись в Лондон в конце апреля, Карл написал молодой женщине недвусмысленное письмо, закончив его так: «А теперь прощай, моя маленькая чаровница, и не забывай совсем твоего странствующего рыцаря».

В том же 1865 году Льюис Кэрролл поведал о приключениях Алисы в Стране чудес; Клод Бернар изложил «Введение в изучение экспериментальной медицины»; Жюль Верн издал «С Земли на Луну». В Мюлузе текстильные фабриканты Дольфус и Кёхлин выстроили городок — несколько сотен домов для своих рабочих. В Биаррице Наполеон III встретился с Бисмарком и заверил его, что в случае конфликта (теперь уже весьма вероятного) между Пруссией и Австрией Франция будет сохранять нейтралитет. В Южной Германии была основана Народная партия Германии, намеревавшаяся противостоять гегемонии Пруссии путем установления децентрализованной федеративной республики.

Либкнехт в том году поселился в Лейпциге и словно нехотя примкнул к Всеобщему германскому рабочему союзу, которым руководили преемники Лассаля; там он познакомился с Августом Бебелем — молодым рабочим, с которым временно объединится, но вскоре создаст свою собственную партию, ближе стоящую к идеям Маркса. В самом деле, в том же году Маркс объяснил в письме трем берлинским рабочим, что ошибка Лассаля в утверждении возможности цезаризма, построенного на демократических принципах.

Влияние Интернационала теперь ощущалось в Испании, Австрийской империи и Нидерландах; во Франции Варлен, руководивший прошлогодними стачками, добился того, чтобы Интернационал в некоторых случаях взял на себя полномочия вмешиваться и препятствовать привозу зарубежной рабочей силы на предприятия, парализованные забастовками, и чтобы на массовых демонстрациях за независимость Италии или Ирландии прозвучали пацифистские лозунги. Интернационал основывал газеты в тех странах, в которых возникали его отделения. От собрания к собранию Маркс вычерчивал контуры новой организации, бразды правления которой взял в свои руки, и сам

занимался экономическим и политическим образованием ее членов. Так, когда весной Гражданская война в Америке закончилась капитуляцией южного командующего Роберта Ли, Карл составил от имени Генерального совета обращение к Аврааму Линкольну, напомнив, что веком раньше идея о «великой демократической республике» впервые возникла в Америке, дав толчок к революции в Европе.

2 и 8 мая на Генеральном совете Интернационала Маркс произнес две речи (опубликованные после его смерти под названием «Зарплата, цена и прибыль»), в которых он впервые изложил свою концепцию связи между трудом, эксплуатацией и прибылью: труд по своей природе проигрывает в силе капиталу. Это более «скоропортящийся» товар, чем все прочие. Его нельзя накапливать. По Марксу, эксплуатация характеризуется использованием времени: в отличие от капиталиста, который может себе позволить складировать продукцию своих фабрик, рабочий, не продавший свою дневную рабочую силу, окончательно утрачивает ее стоимость. Из этого Маркс заключает, вопреки утверждениям английских тред-юнионистов, что политическая борьба важнее профсоюзной: если рабочий класс пойдет на попятный в своей ежедневной борьбе с капиталом (то есть если откажется от профсоюзных акций), он, конечно, лишит себя возможности предпринять то или иное масштабное действие, но рабочие не должны преувеличивать конечного результата этой повседневной борьбы, которая является борьбой со следствием, а не с причиной. Они должны начертать на своем знамени революционный девиз: «За отмену наемного труда!» — что и является конечной целью. Иначе говоря, тред-юнионов недостаточно — необходима политическая деятельность, чтобы радикально изменить общество, выведя его за рамки рыночных отношений. Английские тред-юнионы, между прочим, стоявшие у истоков Интернационала, уже не узнавали своей организации — Карл и его сподвижники ее у них в буквальном смысле слова умыкнули. Вскоре тред-юнионы из нее выйдут.

Маркс стал здесь полновластным хозяином, как каждый раз, когда в его руках оказывалась хоть крупица власти. Он подавил всех своим авторитетом, как в ту ночь, когда забрал бразды правления Интернационалом. Он устанавливал повестку дня заседаний, составлял документы, определял линию партии, не терпя никаких возражений, никогда не лишая себя удовольствия сразить спорщика меткой остротой. Поскольку он хотел «иметь точное и положительное представление об условиях, в которых работает и живет пролетариат», то неустанно вел со своими

коллегами по товариществу беседы о положении мирового рабочего класса, превратив Интернационал в пункт сбора информации для своей научной работы.

В ответ на его действия по захвату власти внутри этой еще весьма небольшой организации один за другим начали возникать заговоры. Уже летом 1865 года итальянец Мадзини с помощью соотечественников, входящих в Генеральный совет, попытался собрать большинство делегатов на Первый ежегодный конгресс Интернационала, который, согласно уставу, должен был пройти в сентябре. Почуяв опасность, Карл (в нарушение им же самим составленного устава) добился, чтобы вместо конгресса провели «подготовительное совещание» в Лондоне. На него были допущены только члены Генерального совета, а среди них сподвижников Карла было большинство.

В том же году, но чуть позже, против него выступил Бакунин, ставший самым непримиримым его противником. В самом деле, между ними не было ничего общего. Маркс был коммунистом: он хотел, чтобы посредством международной солидарности трудящихся коммунистические партии захватили власть в государствах через выборы, там где это возможно. Бакунин был анархистом: он стремился уничтожить государство и всякую власть; он отвергал само существование Интернационала; кроме того, он хотел навязать социалистам атеизм, что вывело бы из Интернационала большинство его британских членов, многие из которых поддерживали Карла. Наконец, Карл был евреем, а Бакунин — антисемитом.

В том же году произошла приятная неожиданность: Женни получила телеграмму о возвращении в Европу ее брата, которого она не видела шестнадцать лет! Эдгар фон Вестфален вернулся из Америки «таким переменившимся, больным, несчастным, что его невозможно узнать», — писала она своей подруге Эрнестине, жене Вильгельма Либкнехта, которая жила теперь в Дрездене. Эдгар рассказал сестре, что три года воевал в Техасе, настрадался, потом выполнял кое-какую мелкую работу для крупных помещиков и, наконец, все потерял во время Гражданской войны. Главное — он утратил свои мечты. Теперь он хотел одного — вернуться в Пруссию и получить там место чиновника с помощью сводного брата Фердинанда. У Марксов он прожил полгода и был желанным, но «разорительным гостем». Карл писал Фридриху: «Какая странная ирония судьбы в том, что Эдгар (который всегда эксплуатировал только самого себя и „работал“ только в самом узком смысле этого слова) испытал ужасы войны, работая на эксплуататоров-рабовладельцев! И какая ирония в том, что мы оба на какое-то время оказались разорены

войной в Америке!» В самом деле, Эдгар был разорен из-за боев в южных штатах, а Карл — из-за прекращения сотрудничества с «Нью-Йорк дейли трибюн». «Эдгар ведет растительное существование, — добавляет Карл. — Он даже больше не интересуется женщинами. Его сексуальный инстинкт перешел в желудок». Для Женни, испытавшей радость встречи, его отъезд стал большим облегчением. Он уехал в ноябре в Берлин, где Фердинанд подыскал ему место скромной канцелярской крысы.

В 1866 году, по настоянию Фридриха, Карл стал уделять меньше времени ежедневному присмотру за Интернационалом и попытался закончить «большую книгу». Но каждый раз, когда он решался приняться за нее всерьез, работа прекращалась из-за болей в печени или гриппа. На самом деле он становился патологическим перфекционистом. Лафарг, который отныне бывал у него каждый день, отмечает: «Никогда он не обопрется на факт, в котором не будет совершенно уверен. Никогда не позволит себе рассуждать на какую-либо тему, не изучив ее досконально. Он не опубликовал ничего, что не переделал бы несколько раз, в поиске наилучшим образом подходящей формы. Самая мысль представить на суд публики недостаточно проработанное исследование была ему невыносима. Показать свои рукописи, не наведя на них окончательный глянец, было бы для него пыткой. Это чувство было настолько сильным, что он предпочел бы (он сам сказал мне это однажды) сжечь свои рукописи, чем оставить их незавершенными».

К неугодным ему мыслителям Маркс по-прежнему беспощаден. Прочитав, например, в том году «Курс позитивной философии» Огюста Конта, через тридцать лет после его опубликования, он заявил, что книга плохая, что он прочел ее лишь потому, что англичане и французы наделали столько шуму по поводу ее автора, он же ничего не вынес для себя из этого чтения. Зато если автор ему нравился, Карл охотно цитировал его и с маниакальной внимательностью следил за точностью своих цитат. Лафарг добавляет: «Он считал своим долгом назвать писателя, первым высказавшего ту или иную идею или нашедшего для нее наиболее точное выражение, даже если это был незначительный и мало кому известный писатель. Его литературная совесть была так же строга, как научная».

Все это служило ему поводом перечитывать, перепроверять, исправлять, делать сноски внизу страницы и снова перечитывать.

Но вот наступил момент, когда больше ничего сделать было уже невозможно. Невозможно не признать, что книга закончена. Уже нет предлога, позволявшего ему не расставаться с рукописью «Капитала». Карл перечитал ее в самый последний раз.

Книга начинается с разбора концепции «товара», перешедшей из конца его предыдущей работы. По Марксу, экономика объясняется не через обмен, а через производство; не через зримое, а через незримое. Нужно покинуть сферу обращения, где совершается купля-продажа, и заглянуть в цехи, где производятся товары.

Точнее, для того чтобы был *товар,* нужны одновременно рынок и разделение труда. Иначе говоря, плоды труда становятся «товаром» только тогда, когда признаются таковыми при обмене. Это *закон стоимости,* или *общий закон соответствий.*

У всякого товара есть одновременно *потребительная стоимость, меновая стоимость* и *цена.*

Потребительная стоимость вещи определяется ее полезностью для владельца; она не зависит от ее редкости или от составляющих ее материалов.

Меновая стоимость обеспечивает равноценность товаров между собой; она измеряется в рабочем времени, затраченном на производство.

Действительность объясняется не ценами, а отношениями между меновыми стоимостями. *Цена* же устанавливается рынком; она колеблется вокруг *меновой стоимости* и побуждает предприятия производить больше или меньше, в зависимости от спроса *потребительной стоимости.*

Карл Маркс позаимствовал у Адама Смита и Давида Рикардо идею о том, что меновая стоимость товара измеряется *рабочим временем,* необходимым для ее производства (то есть одновременно «прошедшим временем», затраченным на изготовление машин, используемых рабочими, и «настоящим временем» — временем рабочих, непосредственно занятых изготовлением вещи). Это *трудовая стоимость.*

Последняя в конечном счете рассматривается как действительная стоимость вещей и заменяет собой их потребительную стоимость, когда люди забывают, что вещи были изготовлены другими людьми и что они обладают собственной полезностью. Маркс называет это теперь «товарным фетишизмом» — термин, близкий одной своей стороной к тому, что он называл «отчуждением» двадцатью годами раньше. Его мысль, таким образом, образует единое, постоянно развивающееся целое, без скачков и перепадов.

Далее он сообщает о своем главном открытии, сделанном двенадцать лет назад и ни разу не оглашавшемся: рабочий продает не результаты своего труда (изготовляемые им вещи), а возможность для хозяина располагать его рабочей силой в определенное время (некоторую продолжительность труда).

Трудящийся, таким образом, заключает с капиталистом кабальный договор, своего рода юридическую фикцию: рабочая сила против зарплаты. Маркс поразительно пишет об этом: «Оплатив дневную или недельную стоимость рабочей силы рабочего, капиталист тем самым приобрел право использовать эту рабочую силу или заставлять ее работать в течение всего дня или всей недели». Значит, настоящая меновая единица — это время.

Маркс излагает здесь то, что, по его мнению, является ключом к капитализму, — каким образом создаются богатства, что связывает экономику и политику: рабочий — такой же товар, как любой другой, однако с тем отличием, что и меновая его стоимость, и потребительная измеряются количеством труда. *Потребительная стоимость* рабочего равняется тому, что он способен создать своим трудом; его *меновая стоимость* равняется затратам на воспроизводство его рабочей силы, то есть количеству рабочих часов, необходимых на производство того, в чем он нуждается для жизни. Его потребительная стоимость — это его рабочая сила. Его меновая стоимость — то, что он получает, чтобы ее восстановить. Разумеется, индивидуальное потребление рабочего свершается к его собственному удовлетворению, а не к удовлетворению капиталиста, но и не ради удовольствия: рабочий питается прежде всего, чтобы выжить. Или же получает от этого элементарное наслаждение: вьючные животные тоже любят поесть.

Далее следует главное, о чем никто до Маркса еще не говорил: рабочий может произвести больше, чем то, во сколько обходятся издержки на его содержание. Значит, его потребительная стоимость превышает меновую. Разница (измеренная в часах рабочего времени) между тем, во сколько обходится капиталисту труд рабочего и что он ему приносит, составляет *прибавочную стоимость,* которую сначала присваивает себе капиталист, а потом по определенным экономическим законам распределяется среди всего класса капиталистов в целом и образует тот источник, из которого возникают земельная рента, прибыль, накопление капитала. Распределение этих богатств зависит от соотношения сил между промышленным, торговым, сельскохозяйственным и финансовым секторами. Но прибавочная стоимость возникает из производства богатств наемными рабочими, и только. По прибавочной стоимости можно судить о размахе эксплуатации. Маркс называет ее также «прибавочным трудом» *(Mehrwert)* и описывает, используя повторяющуюся математическую метафору, как «дифференциал-приращение денежного капитала». Капиталист присваивает себе прибавочную стоимость в форме промышленной прибыли, торговой наценки,

процентов или земельной ренты.

Маркс резюмирует это в шокирующей формуле: капиталист покупает товары по их действительной стоимости, потом продает по текущей цене, но в конечном счете извлекает из них больше, чем в них вложил. Все это напоминает роман, даже детектив. Значит, человек — это машина, причем единственная, у которой КПД выше при штучном производстве. Если никто не заметил этого до Маркса, то потому, что все части капитала без различия ошибочно считались источником превышения стоимости (прибыли).

Маркс знает, что до него ни один теоретик не смог объяснить, каким образом капитализм в целом получает прибыль; значит, его теория сама по себе является «критикой политической экономии» — таким и будет подзаголовок «Капитала».

Маркс различает два способа увеличения прибавочной стоимости. Один состоит в увеличении продолжительности труда, но он ограничен физическими возможностями рабочего. Другой заключается в сокращении количества труда, необходимого для оплаты стоимости рабочей силы, то есть в увеличении производительности труда; здесь ограничений практически нет, а осуществление происходит через замену рабочих машинами. Первый способ ограничен усталостью рабочего, второй — техническим прогрессом. Для первого требуется больше труда, для второго — больше капитала.

Последний способ, когда подмена человека машиной позволяет увеличивать прибавочную стоимость без иных ограничений, кроме пределов человеческого разума, разумеется, самый продуктивный: «Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством для того, чтобы применять рабочих без мускульной силы или с недостаточным физическим развитием, но с более гибкими членами <…>. Таким образом, машины не только увеличивают материал для эксплуатации, но повышают и самую степень эксплуатации». По Марксу, эта форма прибавочной стоимости тоже является источником теоретических проблем, поскольку труд человека, конструирующего машины, нельзя выразить только в рабочем времени: час труда инженера, бесспорно, порождает большую стоимость, чем час труда рабочего, но как измерить в часах работы потребительную стоимость конструктора машин? Маркс задает этот вопрос, не вдаваясь в подробности.

Он называет экономическое присвоение прибавочной стоимости «эксплуатацией» трудящегося, тщательно отделяя ее от отчуждения, философского понятия. Эксплуатация — это экономическое следствие отчуждения. Она не является ни

естественной, ни окончательной, но политической и имеет историческое объяснение: существование рабочих, обладающих только своей рабочей силой, возможно потому, что они были лишены всех средств производства. История их экспроприации вписана в анналы человечества несмываемыми кровавыми и огненными буквами.

Монархическое государство сыграло важную роль в этой экспроприации; оно стало сообщником, даже главным виновником зарождения капитализма: на стадии исторического становления капиталистического производства нарождающаяся буржуазия не может обойтись без постоянного вмешательства государства; она использует его, чтобы устанавливать заработную плату, увеличивать рабочий день. Маркс долго и в очень резких выражениях описывает, как английские короли принуждали крестьян покидать свои наделы и работать по найму: «Разграбление церковного имущества, мошенническое отчуждение государственных земель, расхищение общинной собственности, осуществляемое узурпаторски и с беспощадным террором, превращение феодальной собственности и собственности кланов в современную частную собственность — таковы разнообразные идиллические методы первоначального накопления. Таким путем удалось очистить поле для капитализма, отдать землю во власть капитала и создать для городской промышленности необходимый приток поставленного вне закона пролетариата». «Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника (крестьянина и ремесленника), основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы»…

Далее следует великолепное описание универсализации капитализма: «Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного

труда, вплетение всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима».

Ибо в представлении Маркса капитализм до сих пор является лучшей из систем и представляет собой значительный прогресс по сравнению с прежними формами эксплуатации. Значит, у него есть «историческое право на жизнь»; он даже достоин уважения, поскольку развивает производство, создает мировой рынок, стимулирует прилежание в труде и повышает уровень жизни отдельных людей. Маркс повторяет здесь все то, что уже говорил другими словами в «Коммунистическом манифесте» 1848 года. Но, как он возвестил в том же «Манифесте», капитализм — тоже лишь временная стадия. Вместе с ним однажды исчезнут все рыночные экономические категории. Ибо капитализм и рынок суть одно и то же.

Эти рассуждения выдержаны в гораздо менее изящном стиле, чем газетные статьи или политические воззвания Маркса. Такое впечатление, что его труды портятся с увеличением времени, затраченного на их написание, опровергая его собственную теорию о том, что стоимость продукта выражается через время, понадобившееся для его создания…

Вот пример такой порой туманной формы: «Капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение, — капиталиста с одной стороны, наемного рабочего — с другой». Или еще хуже: «В простой кооперации и даже в кооперации, специализированной вследствие разделения труда, вытеснение обособленного рабочего обобществленным рабочим все еще представляется более или менее случайным. Машины же, за некоторыми исключениями, о которых будет упомянуто позже, функционируют только в руках непосредственно обобществленного или совместного труда. Следовательно, кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природой самого средства труда».

Книга настолько неудобоваримая, что пятьдесят лет спустя прусский депутат от социалистов Юлиан Борхардт представит ее сокращенную и популяризованную версию (она широко переводилась на другие языки), написав в предисловии: «Нам не представлялось возможным сохранить довольно значительное количество отрывков в редакции Маркса. Они были бы совершенно непонятны, и пришлось, так сказать, „перевести“ их на немецкий язык». На самом деле вариант Борхардта кажется

мне почти таким же малопонятным. Например, приведенный выше отрывок можно безо всякого ущерба для смысла изложить так: «Технические нововведения, зачастую являясь порождением случая, побуждали к концентрации капитала». Глубинная мысль, связывающая случайность и необходимость, роль людей и общественных структур в истории, которую Маркс уже затрагивал в своей диссертации о Гераклите и Демокрите; но эта мысль тонет в ненужном нагромождении слов, хотя в очередной раз, несмотря на малопонятность, его творчество демонстрирует свою целостность, не утраченную со времен берлинской диссертации, написанной за двадцать пять лет до этого.

Он перечитывает, снова возвращается к началу, не смеет закончить, думает добавить предисловие. Переписывает, уточняет, дополняет. 15 января 1866 года Карл отправил в Германию два письма: одно — Кугельману, другое — Либкнехту, чтобы сообщить им, что работает по двенадцать часов в сутки, чтобы подчистить рукопись, и намеревается передать ее в собственные руки Отго Мейснеру — гамбургскому издателю, с которым заключил соглашение.

Занятый перечитыванием рукописи, в которую вложил более двадцати лет труда, он реже посещал штаб-квартиру Интернационала в доме 18 по Буврик-стрит. Реформисты и прудонисты снова попытались вырвать из его рук власть над организацией. 6 марта 1866 года, воспользовавшись его отсутствием на заседании Генерального совета, они, как и в прошлом году, провели голосование по резолюции, передающей им контроль за подготовкой II Конгресса Интернационала, который должен был пройти в Женеве, все так же в сентябре. 14 марта Маркс отложил поездку в Маргат, чтобы явиться на заседание Генерального совета, активизировать своих сторонников и отменить решение, принятое неделей раньше. В отличие от прошлого года съезд не отменили: он состоится, там и сразимся!

Друзья, в том числе Эккариус, предложили ему создать для себя пост «председателя Генерального совета», чтобы усилить его власть над организацией, но он отказался под тем предлогом, что он «работник умственного труда, а не физического». Кстати, в уставе, им написанном, сказано, что каждая национальная секция Интернационала должна по меньшей мере на две трети состоять из рабочих.

Тем временем Бисмарк понял, что благодаря нейтралитету Наполеона III у него наконец-то развязаны руки, чтобы воссоединить Германию. Он стал готовиться к войне с Австрией, ослабленной после поражения в Италии. Прусские военные

заводы заработали в полную силу. Маркс еще надеялся на победу Австрии, которая вызвала бы революцию в Германии, хотя и усилила бы Наполеона III. 2 апреля 1866 года он писал Энгельсу: «Что ты скажешь о Бисмарке? Теперь уже почти можно сказать, что он подталкивает к войне и таким образом предоставит нашему Луи Бонапарту прекрасную возможность приобрести безо всяких усилий кусок левобережья Рейна и тем самым пожизненно утвердиться на троне. <…> В первую очередь я желаю, чтобы пруссакам всыпали по первое число».

Два дня спустя, 4 апреля, студент Дмитрий Каракозов стрелял в царя Александра II, но промахнулся. Не удались и либеральные реформы: Россия вернулась к самому что ни на есть феодальному режиму и к нейтралитету в европейских вооруженных конфликтах.

За океаном Гражданская война продолжала взвинчивать цены на хлопок, а, следовательно, текстильная промышленность Старого Света буксовала, в Манчестере и Лондоне начались банкротства. Одна из крупнейших маклерских компаний «Оверенд Гарни» — о ней Маркс позже долго будет говорить — рухнула 11 мая 1866 года, в день повальной паники в Сити, вошедший в историю как первая «черная пятница».

Это укрепило убеждение Карла в том, что капитализм через конкуренцию и накопление прибавочной стоимости разрушается, преобразуется и концентрируется вплоть до самоуничтожения. Это побудило его переписать некоторые пассажи книги, которые он считал законченными, чтобы, проанализировав этот кризис, понять природу всех кризисов вообще. Он осознал, что капитализм из-за конкуренции между капиталистами может выжить только благодаря увеличению производительности труда, путем постоянной замены людей машинами; вся история капитализма сводится к накоплению капитала, движителя и цели производства. «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществления труда достигает такой точки, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

Когда весь или почти весь мир станет таким образом «пролетарским», пролетариям станет легче разрушить капиталистический порядок, завладеть собственностью на средства производства и передать власть наемным управленцам, не являющимся собственниками. Капиталисты станут так же не нужны для производства, как ростовщики и помещики. Маркс

дает управленцу аналогию — дирижер. Дирижер ведь тоже не является владельцем музыкальных инструментов, не должен он заниматься и выплатой жалованья музыкантам…

Третьего июля 1866 года разразилась ожидаемая война между Пруссией и Австрией. Карл все еще надеялся на победу Австрии, которая ослабила бы прусскую диктатуру, но почти не верил в нее: силы слишком неравны. И действительно: пруссаки разбили австрийцев при Садовой в Чехии. Новый ландтаг, избранный в тот же день, устроил овацию Бисмарку. 7 июля Маркс от имени Интернационала выразил свое отношение к этой войне и призвал рабочих соблюдать нейтралитет: «Генеральный совет Международного товарищества рабочих рассматривает нынешнюю войну в Европе как войну правительств. Он советует рабочим соблюдать нейтралитет и объединяться, чтобы использовать силу, рожденную из этого союза, для завоевания своей политической и социальной свободы». Война закончилась поражением Австрии. Предстоящий мирный договор (к которому попытался приложить руку Наполеон III) не позволит ей сыграть никакой роли в объединении Германии.

В это время Поль Лафарг, поселившийся в Лондоне, чтобы закончить свое медицинское образование, ухаживал за Лаурой с упорством, которое не нравилось ее отцу, хотя, уступив просьбам дочери, тот согласился на их помолвку. Маркс написал молодому человеку: «Если вы ссылаетесь на свой креольский темперамент, я считаю своим долгом поставить свой разум между вашим темпераментом и моей дочерью. Если рядом с ней вы не можете любить в манере, согласующейся с лондонским меридианом, вам придется любить ее на расстоянии». И добавил: «Прежде чем окончательно уладить ваши отношения с Лаурой, мне нужно серьезно прояснить ваше экономическое положение… Из своих наблюдений я вынес убеждение, что вы не труженик по природе. При таких обстоятельствах вам потребуется внешняя поддержка, чтобы начать жить с моей дочерью. О вашей семье я ничего не знаю. Если даже она и обладает определенным достатком, это не доказывает, что она пойдет ради вас на жертвы».

Оказывается, сдержанность и упреки Маркса в адрес Лафарга упирались в вопрос о деньгах. 7 августа 1866 года он пишет Энгельсу: «Со вчерашнего дня Лаура наполовину помолвлена с г-ном Лафаргом, моим медиком-креолом… Он красив, умен, энергичен, атлетического сложения. Его материальное положение неустойчиво, он единственный сын в семье плантаторов… Он пройдет хорошую стажировку в больницах Лондона, я договорился с одним другом, чтобы его туда взяли». Потом он добавляет: «Я постоянно отвлекаюсь на домашние заботы и теряю

много времени. Например, мясник перестал с сегодняшнего дня поставлять нам мясо, а в субботу я исчерпал свои запасы бумаги».

Когда родители Поля в Бордо пообещали ему 4 тысячи фунтов на обзаведение семьей (огромная сумма!), Карл окончательно успокоился, а Женни пришла в восторг: «Большая редкость — найти человека, разделяющего ваш образ мыслей и при этом обладающего положением в обществе и образованностью».

В начале августа Наполеон III потребовал у Бисмарка Бельгию в знак благодарности за свои услуги в отношении Австрии. Канцлер отказался: он отнюдь не нуждался в Париже, чтобы навязать Вене свои условия мира.

Десятого августа, как это часто бывало, Фридрих спросил Карла: «Нота Бонапарта, похоже, доказывает, что между ним и Бисмарком пробежала кошка. Иначе это требование не было бы выставлено так резко и внезапно, и в самый неподходящий для Бисмарка момент. Бисмарк мог бы и удовлетворить его, это точно, но разве теперь он это сделает? Что скажет победоносная армия, еще стоящая под ружьем? А немецкий парламент, а палаты, а южные немцы? Да еще старый осел [Вильгельм I], у которого как раз сейчас должен быть такой же глупо-счастливый вид, как у моей черно-белой собаки Дидоны, когда она наестся, изрек: „Ни пяди немецкой земли!“»

Маркс ответил ему, что война между Францией и Пруссией отныне неизбежна, поскольку только эти две страны отныне соперничают в Европе. И действительно, пока Англия обогащалась, два ее конкурента на континенте тратились на вооружение.

Тринадцатого августа 1866 года в редкие моменты откровенности Маркс написал Лафаргу письмо, признавшись, что если бы мог начать жизнь сначала, то не женился бы и посвятил все свое время революционной борьбе; наверняка он таким образом всё еще пытался удалить от своей дочери чересчур настойчивого молодого человека.

Тем более что Лафарг косвенным образом отнял у него еще одну дочь: однажды он привел к Марксам своего французского друга Шарля Лонге[43], журналиста, бежавшего в Бельгию и наведавшегося в Лондон, который тут же влюбился в Женнихен.

Двадцать третьего августа 1866 года Пражский мирный договор подтвердил поражение Австрии и принес Пруссии Гессен-Кассель, Нассау, Франкфурт, Шлезвиг-Гольштейн и Ганновер. Доктор Кугельман, корреспондент Маркса в Ганновере, теперь стал пруссаком. Карл по-прежнему думал, что после Австрии Пруссия нападет на Францию. И здесь он желал поражения

Пруссии, поскольку победа Бисмарка задушит идею революции в Германии. В самом деле, Саксонская народная партия, недавно сформированная Либкнехтом и Бебелем из рабочих, слилась с Немецкой народной партией, состоящей из служащих, превратилась в ее левое крыло и призывала к объединению Германии на демократической и федеративной основе.

Приближался сентябрь, а вместе с ним — II Конгресс Интернационала. Карл тратил много времени на проработку деталей, но в очередной раз отказался на нем присутствовать. 23 августа он писал доктору Кугельману (которого провел в делегаты от Германии на предстоящий конгресс): «Хотя я посвящаю много времени приготовлениям Женевского конгресса [Интернационала], я не могу и не хочу туда ехать, поскольку не имею возможности прервать работу на столь долгое время. Этим трудом я принесу больше пользы рабочему классу, чем своим личным присутствием на каком-то съезде».

В самом деле, он как раз дорабатывал предисловие к «Капиталу»: «Труд, первый том которого я предлагаю вниманию публики, составляет продолжение опубликованного в 1859 г. моего сочинения „К критике политической экономии“. Длительный перерыв между началом и продолжением вызван многолетней болезнью, которая прерывала мою работу. Содержание более раннего сочинения, упомянутого выше, резюмировано в первой главе этого тома 2. Я сделал это не только в интересах большей связности и полноты исследования. Самое изложение улучшено. Многие пункты, которые там были едва намечены, получили здесь дальнейшее развитие, поскольку это допускал предмет исследования, и, наоборот, положения, обстоятельно разработанные там, лишь вкратце намечены здесь».

Итак, первый том «Капитала» закончен. Маркс собирается его издать. Это важный момент. Карл полагает, что первым дает научное описание социализма, первым излагает историю сменяющих друг друга форм собственности, первым раскрывает истинный источник богатства и власти. Он, верно, не догадывается, что «Капитал» — это и литературное произведение, своего рода роман Викторианской эпохи, и детектив, и учебник, раскрывающий магическую сущность вещей, наделяющий их жизнью и оставляющий их жить (как в самых древних обществах) благодаря жизненной субстанции тех, кто их изготовил.

С 3 по 8 сентября в Женеве собрались 60 делегатов, 45 из которых представляли 25 секций Международного товарищества рабочих, а 15–11 примкнувших к нему организаций. В резолюции, написанной Марксом в Лондоне за неделю до съезда, говорилось, что роль профсоюзов отличается от роли партий, они

сосредоточены на борьбе с конкуренцией между рабочими. Прудонисты по-прежнему ратовали за учреждение системы беспроцентного взаимного кредитования — для них это был ключ к освобождению рабочего класса; Карл добился, чтобы проголосовали против. В другой резолюции конгресса уточнялось, что детский труд, против которого яростно боролись тогда профсоюзы, допустим, но лишь при определенных гуманных условиях: «Конгресс рассматривает тенденцию современной промышленности — привлекать к сотрудничеству в великом деле общественного производства детей и подростков обоего пола — как тенденцию прогрессивную, здоровую и законную, хотя при господстве капитала она превращается в ужасное зло. В рационально устроенном обществе всякий ребенок, начиная с девяти лет, должен быть производительным работником, трудясь по два часа в день, с тринадцати лет — по четыре часа, и с шестнадцати — по шесть».

Наконец, Карлу удалось ввести в Генеральный совет, то есть в правительство Интернационала, нескольких верных себе людей, в том числе Поля Лафарга, жениха Лауры, и Шарля Лонге, ухаживавшего за Женнихен.

Два месяца спустя, в письме от 9 ноября 1866 года доктору Кугельману, ставшему его доверенным лицом, почти таким же, как Энгельс, Маркс уточняет свою закулисную роль в этом конгрессе: «Я написал программу лондонских делегатов. Я намеренно свел ее к пунктам, которые позволили бы рабочим немедленно прийти к согласию и выступить сообща и которые прямо отвечали бы потребностям классовой борьбы…»

Тогда же, в ноябре, он в лихорадочном возбуждении дал (и позднее опубликовал) великолепное описание разразившегося в мае финансового кризиса, основываясь на материалах английской прессы: «Начало его было ознаменовано в Лондоне в мае 1866 года банкротством крупнейшего банка, за которым рухнуло бесчисленное множество прогнивших финансовых компаний. Одной из отраслей крупной промышленности, особенно пострадавшей от кризиса, стало судостроение. Заправилы отрасли не только чрезмерно увеличили производство в период процветания, но и нахватали обязательств на огромные поставки в надежде на то, что источник кредитования иссякнет еще не скоро».

Как всегда, стиль Маркса, столь неясный, когда он говорит об экономике, и столь прозрачный, когда он говорит о политике или текущих событиях, становится блестящим, когда он возвращается к философии. Так, он вставляет в свою рукопись переработанные старые заметки о Гегеле: «Для Гегеля процесс мысли, который он

под именем идеи превращает даже в нечто самостоятельное, является демиургом действительности <…>. Для меня же идеальное начало является, наоборот, лишь прошедшим через человеческий мозг материальным началом <…>. Гегелевскую диалектику надо перевернуть, чтобы найти рациональное зерно в мистической оболочке».

Тогда же, 15 декабря 1866 года, Бисмарк осуществил свою мечту (первую в списке): возник Северо-Германский союз, территория которого, отныне представляющая собой единое целое, раскинулась от Саара до Немана. Наполеон III, выступивший против Австрии в союзе с Пруссией, понял свою ошибку: настоящая угроза исходит от Берлина, а не от Вены. Пруссия, которой в Париже почти два века курили фимиам, стала новым заклятым врагом Франции. Париж стал громко возмущаться, когда Берлин помешал ему выкупить Люксембург. Война между двумя монархиями стала неизбежной. Оставалось только найти к ней предлог.

Однако пока прусская армия вооружалась до зубов, французы думали только о быте. Золя написал «Терезу Ракен», скончались Энгр и Бодлер, а Наполеон III устроил к своей вящей славе третью Всемирную выставку, на которой более шести миллионов посетителей впервые увидели речные катера, гидравлический лифт и ротационную машину Маринони, способную отпечатать двадцать тысяч экземпляров газеты в час.

На третьей неделе января 1867 года Карл делал выписки из газетных статей, чтобы использовать их впоследствии: «Что касается положения трудящихся, о нем можно судить по следующему отрывку из весьма обстоятельного отчета корреспондента „Морнинг стар“, который в начале января 1867 года посетил населенные пункты, находящиеся в самом бедственном положении. К востоку от Лондона, в городках Поплар, Милуолл, Гринвич, Дептфорд, Лаймхаус и Каннинг-Таун, по меньшей мере, 15 тысяч рабочих, из которых более трех тысяч квалифицированных, находятся вместе с семьями в буквальном смысле в отчаянном положении. Шесть — восемь месяцев перерыва в работе истощили все их сбережения».

В конце января Карл, осыпавший дочерей подарками, снова оказался в долгах, осаждаемый лавочниками и домовладельцем. Долговые обязательства, которые ему приходится подписывать, становятся неподъемными. У него снова разыгрался фурункулез, и он считал капитализм виновником всех своих несчастий, о чем сообщил Энгельсу в знаменитой фразе: «Надеюсь, буржуазия, пока жива, будет иметь причины вспоминать мои фурункулы».

Месяц спустя он, в самом деле, поставил точку в своей книге,

посвятив ее «незабвенному другу» Вильгельму Вольфу, умершему два года назад и оставившему ему средства, чтобы выкарабкаться из нищеты. Ирония истории: посвящение в «Капитале» — знак благодарности за наследство…

Второго апреля 1867 года Карл написал Фридриху, что последует его совету и сам отвезет рукопись Отто Мейснеру в Гамбург, поскольку направляется в Ганновер, чтобы навестить незнакомого друга по переписке, своего восторженного почитателя — доктора Кугельмана. Энгельс поздравил его и прислал 35 фунтов на дорогу.

Десятого апреля Маркс уехал в Гамбург по подложному паспорту. Двухдневное плавание выдалось бурным; пассажирам было очень нехорошо. По приезде Карл провел весь день 12-го числа у Мейснера, обсуждая с ним будущую публикацию. На следующий день он уехал из Гамбурга в Ганновер и на месяц поселился у Людвига Кугельмана. К своему великому удивлению, он обнаружил, что молодой врач хранит в своей библиотеке «более полное собрание наших собственных сочинений, чем мы оба вместе», — писал он Энгельсу. Наверняка это был один из самых счастливых месяцев за всю его жизнь. Все болячки, которые обычно его донимали, исчезли как по волшебству. Он был очарован хозяйкой дома и играл с детьми, в том числе с маленькой Франциской (ей тогда было девять лет), которая впоследствии будет вспоминать о приезде этого дорогого гостя: «Моей матери поклонился не мрачный революционер, которого она ожидала увидеть, а элегантный и веселый господин, говоривший с приятным рейнским акцентом, который тотчас напомнил ей о родине. Из-под густых седых волос блестели юные черные глаза, и во всех его жестах и словах тоже ощущался совершенно юный задор». Она добавляет, что гость с отцом говорили о Гёте, о Шекспире и о греческой поэзии. «Мой отец думал, что Маркс похож на Зевса, и многие люди с ним соглашались».

Именно туда ему прислали первую верстку «Капитала»; он правил гранки до конца апреля 1867 года.

Он поговорил с врачом о своих фурункулах, которые Кугельман приписал дурному питанию в прошлом. По ходу дела они обсудили еще и весьма значительное событие: Либкнехта и Бебеля только что избрали депутатами в рейхстаг! Это были первые в мире парламентарии-коммунисты, хотя и маскирующиеся под партию с легким реформистским уклоном. Решительно, революционный путь бесполезен, думал Маркс; в Германии диктатура пролетариата может наступить путем голосования. Но при условии, что Бисмарк не воспользуется

шансом еще больше усилить свою власть — войной с Францией…

Уехав из Ганновера с правкой, внесенной в верстку своей книги, Карл снова заглянул в Гамбург — нужно было отдать ее Мейснеру. 29 апреля 1867 года «Капитал» был отдан в печать в типографию Отго Виганда в Лейпциге.

Перед самым возвращением в Лондон, 1 мая, Карл по совету Кугельмана написал к одному из его друзей, тоже немецкому врачу, с которым он не был знаком, но одна из его книг была переведена на французский язык: «Хотя вы меня совершенно не знаете… мне известно, что Вы издали Вашу книгу на французском языке; не могли бы Вы связать меня с нужным человеком, поскольку я хочу издать свое сочинение во Франции… — стране революций и прогрессивной интеллигенции».

Вернувшись в Лондон в середине мая 1867 года, Карл занялся подготовкой решений нового Конгресса Интернационала, который на сей раз должен был собраться в Лозанне, по-прежнему в сентябре, как каждый год. Он вел об этом долгие разговоры с Кугельманом, которого провел в делегаты от Германии.

Первого июня царь Александр II приехал в Париж на очередную Всемирную выставку. Наполеон III пригласил его в основном для того, чтобы заключить союз против Пруссии. На ипподроме Лоншан в царственного гостя выстрелил польский эмигрант, что помешало сближению Парижа с Петербургом. Позднее, когда разразится, наконец, война с Германией, Франции будет ужасно не хватать этого союза.

Двадцать четвертого августа 1867 года Маркс послал Энгельсу из Лондона ясное изложение своей книги в нескольких строчках: «Самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в первой главе двойственный характер труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается все понимание фактов); 2) исследование прибавочной стоимости независимо от ее особых форм — прибыли, процентов, земельной ренты и т. д.». Этим все сказано.

Одновременно Карл дотошно следил за последними приготовлениями к Конгрессу Интернационала, который открылся 2 сентября в Лозанне — снова без его участия, но под контролем его людей. Там снова столкнулись французские прудонисты, английские реформисты и немецкие коммунисты. Среди семидесяти одного делегата отмечалось присутствие в немецкой группе — доктора Кугельмана, во французской — Лафарга и Лонге; другими сторонниками Маркса были генеральный секретарь Эккариус и швейцарец Беккер. В конечной резолюции люди Карла, в противовес английским синдикалистам

и французским прудонистам, записали постановление о том, что социальное раскрепощение рабочих неотделимо от их политического освобождения. Несмотря на ходатайство некоторых немцев и некоторых французов, желавших перенести штаб-квартиру Интернационала на континент, его секретариат остался в Лондоне, там же заседал и Генеральный совет.

Сразу после конгресса Маркс объяснил Энгельсу, что пребывание секретариата и Генерального совета в Лондоне необходимо для его власти. Энгельс с ним согласился: «Пока Генеральный совет остается в Лондоне, все эти решения съездов — чепуха на постном масле!» Это первый случай, когда Фридрих как будто бы признал важность Интернационала — через три года после его создания. Те, кто впоследствии хотел поставить Энгельса наравне с Марксом, обходили молчанием отсутствие Энгельса при зарождении рабочего движения.

Неделей позже Бакунин, еще не вступивший в Интернационал, вновь вышел на политическую арену. Он понял, что «левые» уже ничего не смогут сделать вне Интернационала, и решил подчинить его себе. Он объединил вокруг себя прудонистов (разделившихся на противоборствующие группировки после смерти своего вождя три года тому назад) и утопистов. Тогда уже бушевала битва между анархистским и дирижистским социализмом, актуальная и сегодня.

Бакунин добился своего избрания в руководящий комитет призрачной Лиги мира и свободы — анархистской группировки из Женевы под председательством Фогта, заклятого врага Маркса, который десять лет тому назад дал приют молодому русскому, — и потребовал его вхождения в Интернационал в качестве «сочувствующей организации». Все напрасно: Карл понял, что Бакунин — генерал без армии, а ему не нужны были анархисты, тем более Фогг. Достаточно ему возни с Толеном и прудонистами, которые участвовали во всех заговорах против него. Он уже давно понял, читая Штирнера, что у анархизма нет под собой никакой исторической базы.

Четырнадцатого сентября 1867 года «Капитал» был издан в Гамбурге тиражом в тысячу экземпляров. Опасаясь, что книгу постигнет такой же провал, как его предыдущее сочинение семью годами раньше, Карл задействовал всю сеть Интернационала, чтобы привлечь к ней внимание. По его настоянию Швейцер, преемник Лассаля, опубликовал серию статей, «чтобы сообщить о „Капитале“ читателям из рабочих». Вне этого круга книга встретила ледяной прием: к ней было слишком трудно подступиться. Лафарг писал со всевозможной почтительностью и осторожностью, подобающими будущему зятю: «Конечно,

„Капитал“ отражает великолепно мощный ум и невероятные познания, но для меня, как и для всех тех, кто близко знал Маркса, ни „Капитал“, никакое другое его сочинение не раскрывают всей величины его гения и образованности. Он стоит гораздо выше своих произведений…»

Книга плохо распродавалась — партия Либкнехта в Германии не слишком активно занималась ее распространением, что сильно огорчало Маркса. Он не выручил за нее даже тех денег, которые, как он говорил, потратил на табак, выкуренный во время ее написания. Он снова заболел. И поскольку деньги опять кончились, в октябре Энгельсу в очередной раз пришлось выступить поручителем за ссуду в 100 фунтов стерлингов.

В феврале 1868 года Карл добился замещения Анри Луи Толена, стоявшего во главе французской секции Интернационала, Эженом Варленом, который был ближе к нему.

Через три года после помолвки, 2 апреля, Лаура Маркс вышла в Лондоне замуж за Поля Лафарга, завершившего свое медицинское образование. На свадьбе Женнихен увиделась с Шарлем Лонге и сообщила ему, что хочет стать журналисткой, как он, или, в крайнем случае, актрисой. Шарль предложил ей выйти за него.

Карл три месяца кряду лежал в постели из-за очередного приступа фурункулеза. Он скучал по Лауре, совершавшей свадебное путешествие, и написал ей, прося прощения за то, что загромождал ее детство своими книжками, такую ужасную фразу: «Я — машина для пожирания книг, извергающая их затем в иной форме на навозную кучу истории».

В Париже, куда уехали на жительство Лафарги, росла социальная напряженность. На «Наполеона Маленького» нападали со всех сторон. Виктор Анри де Рошфор-Люсэ, он же Анри Рошфор, основал газету «Марсельеза», в которой будут публиковаться и Карл, и его дочь Женнихен. Та все чаще виделась с Шарлем Лонге и восставала в своих статьях для «Марсельезы» против властей, сочувствуя участи ирландских политических заключенных из организации Шинн Фейн, которые содержались в английских тюрьмах в нечеловеческих условиях. Через несколько недель после выхода ее статей одна из лидеров Шинн Фейн Роза О'Донован и большинство политзаключенных были освобождены и высланы в США.

Считая, что его французские друзья еще слишком слабы, чтобы сбросить Наполеона, Маркс не советовал им затевать революцию. Он не забыл ни катастрофы в мае 1849 года, ни разгрома немецкого и французского рабочего класса.

В июле Михаил Бакунин с помощью другого русского

анархиста, Сергея Нечаева, в очередной раз попытался проникнуть в Интернационал, основав новую группировку — Международный союз социалистической демократии — на базе явно анархистской программы: атеизм, отмена частной собственности и наследования, бесплатное образование для всех детей обоего пола, отказ от всяких реакционных союзов и от всякой политической деятельности, не имеющей своей непосредственной и прямой целью торжество дела трудящихся над капиталом, превращение государства во всеобщий союз свободных сельскохозяйственных и промышленных общин и международная солидарность трудящихся. На сей раз он предложил не вступить в Интернационал, а — замечательная дерзость! — слить с ним свою группировку на паритетных началах, требуя для себя звания зампредседателя новой организации! Разумеется, Генеральный совет Интернационала отказался от слияния с Международным союзом социалистической демократии, точно так же как раньше отказался включить в состав организации Лигу мира и свободы. Тогда Бакунин распустил свою новую группировку и тотчас создал третью, на сей раз названную Альянсом социалистической демократии, и теперь уже ввел каждого его члена, в строгом соответствии с уставом, в женевскую секцию Интернационала. Такой тактике «десантирования» ничем нельзя было помешать. Но Маркс не слишком встревожился: женевская секция, называвшаяся «Секцией альянса», была одной из самых сильных и хорошо охраняемых; она только что провела крупную забастовку строительных рабочих, а ее руководитель, крепкий профсоюзный деятель Беккер, стал доверенным лицом Маркса.

Однако, едва вступив в эту секцию, Бакунин забросал членов Интернационала посланиями, в которых выставлял себя жертвой «мрачного заговора немецких и русских евреев, фанатично преданных своему диктатору-мессии Марксу». Его влияние быстро распространилось почти на всю секцию, численный состав которой он значительно увеличил. Он даже добился своего избрания делегатом на III Конгресс Интернационала, который открылся в Брюсселе 6 сентября 1868 года.

Там впервые зашла речь о программе. Из пятидесяти предложений, выдвинутых Бакуниным, утвердили (тридцатью голосами против четырех) принцип национализации земли, недр, железных дорог и путей сообщения. Остальные были отвергнуты. С собрания Бакунин вышел воодушевленным — ему удалось-таки внести свой вклад в общее дело. Он написал Густаву Фогту (председателю своей группировки), которого ему не удалось ввести в Интернационал, что Брюссельский конгресс —

величайшее событие наших дней, и если мы сами искренне являемся демократами, мы должны не только желать, чтобы Международное товарищество рабочих в конечном счете вобрало в себя все рабочие организации Европы и Америки, но и содействовать этому всеми силами, потому что сегодня оно может стать настоящей революционной силой, способной изменить мир.

На самом деле Бакунин вовсе не примкнул к Марксу. На II Конгрессе Лиги мира и свободы в Берне в конце сентября он не скрывал, к великой радости Фогта, своей ненависти к коммунизму: «Я ненавижу коммунизм, потому что он — отрицание свободы, а я не могу себе представить ничего человеческого без свободы. Я — не коммунист, потому что коммунизм концентрирует все силы общества в государстве, которое их поглощает, потому что он неизбежно приводит к *централизации* собственности в руках *государства,* тогда как я желаю *упразднения государства* — радикального искоренения принципа авторитета и государственной опеки, который, под предлогом цивилизации и усовершенствования людей, по сие время порабощал их, угнетал, эксплуатировал и деморализовывал. Я стремлюсь к организации общества и коллективной или социальной собственности снизу вверх посредством *свободной ассоциации,* а *не* сверху вниз *при содействии власти,* какова бы она ни была <…>. В этом смысле, господа, я коллективист, но нисколько не коммунист».

В ноябре 1868 года Энгельс встревожился, видя, что Маркс снова по уши в долгах. Он спросил, сможет ли семья, уплатив по всем обязательствам, жить на 350 фунтов в год, которые он обязуется присылать поквартальными перечислениями начиная с февраля 1869 года Маркс конечно же согласился — а там будь что будет!

Двадцать второго декабря Маркс получил верноподданническое письмо от Бакунина — верх лицемерия: «Я не знаю другого общества, другой среды, кроме мира рабочих. Мое отечество будет теперь Интернационал, одним из главных основателей которого ты являешься. Итак, ты видишь, дорогой друг, что я — твой ученик, и я горжусь этим».

В следующем году в Америке ускорился технический прогресс, а в Европе надвигалась война. Изобретенный Джорджем Вестингаузом пневматический тормоз, который срабатывал от давления сжатого воздуха, сократил на девять десятых тормозной путь локомотивов; была достроена трансконтинентальная железная дорога Нью-Йорк — Сан-Франциско; первый подводный кабель соединил напрямую Францию с США. Пока Наполеон III

предлагал Австрии и Италии странный союз вчерашних врагов против вчерашнего друга — Пруссии (Бисмарк не позволил осуществиться этому плану), императрица Евгения торжественно открыла Суэцкий канал.

Во Франции обострялись социальные конфликты. Забастовка полутора тысяч шахтеров в Рикамари обернулась бунтом, армия стреляла без предупреждения, убив тринадцать человек. Тридцать семь членов парижских секций Интернационала, в том числе Варлен и венгр Лео Франкель, были объявлены в розыск и арестованы. Выйдя на свободу, Варлен объединил все профсоюзные организации столицы и основал «Грошовую кассу» *(Caisse du sou),* оказывавшую помощь парижским кожевенникам и женевским строительным рабочим. Его кооперативный ресторан «Котелок» на улице Мазарин пользовался огромным успехом.

Чувствуя, что атмосфера во Франции накаляется, Маркс подготовил к переизданию свои статьи о государственном перевороте 1851 года. 15 февраля 1869 года он отправил из Лондона Полю и Лауре Лафаргам, у которых только что родился сын (он даст ему прозвище *Fouchtra* — «черт побери!»), письмо, показывающее, какое наслаждение ему доставляло злословить о всех и каждом. В пятнадцати строчках он разнес по кочкам шестерых:

«Дорогой Поль и обожаемая Какаду [одно из прозвищ, которым он наделил в то время Лауру], вам известно мнение Фальстафа о стариках: все они циники. Так что не удивляйтесь, что я обойду вниманием упрямый факт — мое затянувшееся молчание… Одилон Барро — это *nullité grave*… Что до Эмиля де Жирардена, то в его постоянном стремлении ловко претендовать на звание одновременно проходимца, утописта и критика есть что-то *cloche.* Я бы ему руки не подал… Раз уж речь зашла об этой *vieille cocotte*[44] Даниэле Штерне, один друг спросил меня, не является ли Бланки одним из таких „нереспектабельных“ людей, как Брэдло [первый английский депутат, отказавшийся приносить присягу на Библии]. Я спросил его, был ли „респектабельным“ его герой — Каталина». Это единственный известный намек на гомосексуализм в написанном Марксом.

Затем он переходит к политическим делам, чтобы отхлестать по щекам еще двух человек: «Один старый знакомый, русский Бакунин, затеял очаровательный заговорчик против Интернационала. Когда провалилась его затея с Лигой мира и свободы, он вступил в швейцарскую секцию нашего Товарищества в Женеве. Обвел вокруг пальца старика Беккера, всегда скорого в деле, но не слишком скорого умом…» Далее он говорит о технической стороне дела: «Наш Интернационал очень хорошо

продвигается в Германии. Наш новый план, предложенный мной, разрешающий индивидуальное членство и продажу за пенни вступительных заявлений с одним из наших лозунгов, напечатанных по-немецки, по-французски и по-английски, работает очень хорошо». На самом деле в кассе Генерального совета Интернационала было только 50 фунтов стерлингов, и лишь небольшое число членских билетов, посланных Марксом в Германию, вернулось назад с отметкой об оплате вступительного взноса.

С другой стороны, Карл сообщает в этом же самом письме Полю и Лауре о своем намерении вскоре навестить их в Париже, куда ему въезд запрещен, в особенности после того, как он объявил о скором переиздании в Лондоне своей книги 1852 года о государственном перевороте Луи Наполеона Бонапарта. Он хотел обсудить перевод «Капитала» на французский язык с двумя переводчиками, с которыми заключил предварительную договоренность, — Шарлем Келлером и Эли Реклю, — а также посмотреть на внука. Он велел Лафаргам не говорить об этой планируемой поездке в своих письмах, которые могут перехватить. Его собственное письмо как раз и перехватили. К Лафаргам на улицу Сен-Сюльпис тотчас явился полицейский инспектор, спросивший, не прибыл ли господин Маркс.

Двадцать третьего июня 1869 года в Лондоне вышло новое издание «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» с таким предисловием: «Выражаю надежду, что мое сочинение будет способствовать устранению ходячей — особенно теперь в Германии — школярской фразы о так называемом цезаризме. При этой поверхностной исторической аналогии забывают самое главное, а именно, что в Древнем Риме классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для этих борцов. Забывают меткое замечание Сисмонди: римский пролетариат жил на счет общества, между тем как современное общество живет на счет пролетариата. При таком коренном различии между материальными, экономическими условиями античной и современной борьбы классов и политические фигуры, порожденные этой борьбой, могут иметь между собой не более общего, чем архиепископ Кентерберийский и первосвященник Самуил».

Тогда же, в июне, Маркс ходатайствовал о получении британского гражданства. Ему отказали.

В июле у Лафаргов шесть дней гостил некий Алан Уильяме,

не потревоженный ни таможней, ни полицией. Это был не кто иной, как Карл Маркс, вновь увидевший французскую столицу, куда он не заглядывал уже двадцать лет. Он ничего не пишет о том, какой шок, должно быть, испытал, гуляя по Парижу, преображенному префектом Османом. Правда, голова у него болела о другом.

Несмотря на разочарование, связанное с первым томом «Капитала», он уже думал о продолжении. В нем он намеревался подробно изложить свое представление о саморазрушении капитализма, а пока представил некоторым доверенным людям свою общую теорию истории и кризиса, в том числе Лафаргу, который так рассказывает о их беседе: «Больше всего я жалею об утрате заметок, написанных в тот вечер, когда Маркс изложил мне, с обилием доказательств и размышлений, что было ему свойственно, свою гениальную теорию развития человеческого общества. У меня было такое впечатление, будто с моих глаз спала пелена. Впервые я ясно почувствовал логику мировой истории и мог свести к материальным первопричинам внешне столь противоречивые явления развития общества и человеческой мысли. Я был ослеплен и сохранил это впечатление на годы… Мозг Маркса был вооружен множеством фактов, извлеченных из истории и естественных наук, а также философских теорий, познаниями и наблюдениями, накопленными за время длительного умственного труда, которые он великолепно умел использовать».

В тот вечер он изложил Лауре и ее мужу свою теорию кризиса: капитализм исчезнет в результате «тенденции к снижению нормы прибыли», то есть отношения между прибавочной стоимостью и совокупностью всего труда, затраченного на ее производство, аналогично КПД паровой машины. В самом деле, в результате конкуренции предприятия стали использовать все больше капитала, не получая прибыли в прямой пропорции к затратам, а это означает, что отношение между количеством капитала и количеством труда, вложенного в производство — «органическое строение капитала», — увеличивалось, механически вызывая снижение «нормы прибыли». Отсюда возникает экономически обусловленная невозможность обеспечить владельцам капитала прибавочную стоимость, на которую они имеют политическое право. Разражается кризис. Класс капиталистов численно сокращается, тогда как рабочий класс разрастается за счет разоренных капиталистов и крестьян, изгнанных со своих земель.

Это не приводит неизбежно к смене капиталистической формации, поскольку она имеет резерв — несколько средств

восстановления нормы прибыли: путем снижения уровня жизни рабочих, путем экспорта, путем колониальных завоеваний, путем технического прогресса и через вмешательство государства. Но теперь кризисы будут следовать один за другим, а классовая борьба, обостренная этими кризисами, ускорит конец капитализма.

Карл не говорит, что бьется над разрешением очень трудной задачи, которая встала перед ним пятнадцать лет назад и к которой он так и не подобрал ключа: эмпирическая проверка его теории невозможна, ибо для этого нужно измерить трудовую стоимость, прибавочную стоимость и накопление капитала. Однако эти величины, по его утверждению, не стабильны во времени, они не постоянны и не пропорциональны ценам из-за существования монополий и нелояльной конкуренции. Таким образом, прибыль не идентична прибавочной стоимости; накопление капитала не равняется рентабельности производства, а заработная плата не соответствует меновой стоимости рабочей силы. Ничего из написанного Марксом нельзя подтвердить опытным путем.

Чтобы попытаться измерить разницу между рыночными ценами и меновой стоимостью, он набрасывал уравнения и воображал две промежуточные величины между меновой стоимостью вещи и ее рыночной ценой: «социальную стоимость» и «производственную цену». Тут он обнаружил, что «производственная цена» непропорциональна «социальной стоимости» и что производственная цена вещей, изготовляемых на производствах с наибольшими затратами капитала, выше их социальной стоимости. Более того, он увидел, что рыночные цены отличаются от производственных, потому что на рынке не существует идеальной конкуренции. Значит, пропорциональности между рыночной ценой вещи и ее трудовой стоимостью не бывает и быть не может. И цены — единственные измеряемые величины — таким образом, не имеют прямой связи с трудовой стоимостью — единственной величиной, повинующейся экономическим законам, провозглашенным Марксом. Никакой экспериментальной проверки его концепций и законов, стало быть, ожидать нельзя, разве что это станет возможным в ходе истории. Так является ли выстроенная им теория научной? Или это просто философская гипотеза?

Очередное разочарование: в Париже он узнал, что Реклю — последователь Бакунина. Маркс отказался от его услуг переводчика «Капитала».

Вернувшись в Лондон 27 июля, Карл продолжает поиск; он мучается, паникует, доводит себя до изнеможения. Страдает от

хронического бронхита и язвы в легких. Целыми днями он наводит справки о лекарствах от кашля и выискивает решения своей задачи, не имея времени поехать полечиться на солнышке, как рекомендуют врачи (в Англии тогда было модно отправлять легочных больных в Италию или даже в Алжир).

Когда ему становилось лучше, они с Женни вновь превращались в юных голубков, как вспоминала его младшая дочь Элеонора, все еще жившая с родителями в большом доме…

В августе 1869 года, накануне IV Конгресса Интернационала, который должен был состояться теперь уже в Базеле, Саксонская народная партия Бебеля и Либкнехта отделилась от буржуазных демократов и приняла участие в основании в Эйзенахе Социал-демократической партии Германии (СДПГ), известной также под названием «эйзенахской партии». Маркс был тогда замечен Бисмарком, который увидел в нем настоящего вождя эйзенахской партии и возможного союзника, каким уже был Лассаль; канцлер предложил ему встретиться. Карл был польщен, но не откликнулся на предложение: со времен своей юности он так и не увидел в Прусском государстве своего политического идеала!

Либкнехт разоблачил Бакунина как русского агента, а Маркс отозвался о нем еще хуже в письме Энгельсу: «Этот московит, ясное дело, хочет стать диктатором европейского рабочего движения. Пусть остережется, иначе будет отлучен!»

На Базельском конгрессе сторонники Маркса в очередной раз схлестнулись с его противниками. В пику Бакунину (прибывшему туда теперь в качестве невероятного представителя «рабочих-социалистов Лиона и механиков Неаполя» и назвавшемуся «коллективистом-революционером» и «сторойником уничтожения государства») Карл установил принцип коммунистических партий, образованных для завоевания власти в государстве. Он добился, что конгресс в противовес английским тред-юнионистам поддержал «борьбу народов, эксплуатируемых национальной буржуазией» (в том числе в ирландском вопросе). А в пику прудонистам, призывавшим исключить из Интернационала всех тех, кто не занимается ручным трудом, он ввел в рабочее движение революционно настроенных работников умственного труда. По предложению верного ему Иоганна Филиппа Беккера (о котором он, между прочим, неласково высказывался в своем письме) конгресс даже принял резолюцию, привлекающую внимание социалистов всех стран к «Капиталу», который тот же Беккер в тексте, втихаря написанном лично Марксом, назвал «Библией рабочего класса»!

Деятельности Интернационала, несмотря на все эти усилия, почти никто не замечал. 15 сентября 1869 года, как раз после IV

Конгресса, Женни, просматривавшая прессу для мужа, писала Людвигу Кугельману, вернувшемуся из Базеля: «Пресса обходит конгресс мертвым молчанием, за исключением путаной статьи в „Пэлл-Мэлл“. Сегодня „Таймс“ впервые сделал первый шаг, напечатав информативную и лаконичную, очень благожелательную статью, вызвавшую большой интерес во Франции». Далее она ругает человека, долгое время бывшего им другом в Лондоне, но на конгрессе не всегда поддерживавшего предложения Маркса: «Либкнехт написал две статейки, — чтобы и волки были сыты, и овцы целы, — их лучше не читать».

Двадцать восьмого октября Михаил Бакунин (который, по его словам, подписал договор на перевод «Капитала» на русский язык) написал письмо Александру Герцену, с которым вместе издавал в Лондоне «Колокол», на сей раз снова положительно высказываясь о своем злейшем враге. Бакунин признавал огромные заслуги Маркса «в деле социализма», которому тот служит уже почти двадцать пять лет со всеми своими умом, энергией и искренностью, превосходя в этом отношении всех прочих. Он воздает Карлу должное за то, что тот является одним из основателей и явным вождем Интернационала. Однако Бакунин признает, что недалек тот день, когда он вступит с Марксом в борьбу по принципиальному вопросу о государственном коммунизме, и это будет борьба «не на жизнь, а на смерть».

Именно так и случится.

Для начала Маркс встревожился по поводу того, на каких условиях Бакунин сделает перевод «Капитала» на русский язык. Он провел расследование по своим каналам, как полицейский. Два года спустя все это выльется в огромный скандал.

Начало 1870 года во Франции ознаменовалось многочисленными волнениями, свидетельствовавшими о слабости власти. В Крезо семь тысяч рабочих устроили забастовку, требуя восьмичасового рабочего дня и ежедневной зарплаты в 5 франков. В бонапартистской прессе заговорили о том, что беспорядки вдохновляются из-за рубежа «тайным обществом» под названием «Интернационал», которое финансирует «наемников для устройства забастовок». 10 января журналиста из «Марсельезы» Виктора Нуара застрелил из пистолета князь Пьер Бонапарт, кузен императора. На похороны пришли сто тысяч парижан. Убийцу, которого судил Верховный суд, оправдали. Это дело пошатнуло устои режима. Директор «Марсельезы» Рошфор писал: «Я имел слабость возомнить, будто Бонапарт мог быть кем-то еще, кроме как убийцей». Крупные города и, что еще важнее, часть армии были отныне открыто

враждебны Наполеону III, который думал утвердить законность своих прав на престол, добившись массовой поддержки со стороны крестьян в ходе плебисцита.

В конце февраля 1870 года Лаура Лафарг родила девочку, которая умерла сразу после рождения.

В это же время Карл протестовал против переноса штаб-квартиры Международного товарищества рабочих в Швейцарию, предложенного сторонниками Бакунина, которых теперь называли «юрцами» по имени гор Юры. Маркс пояснил, что ситуация на континенте не располагает к переменам и что Англия остается единственной страной, население которой в большинстве своем состоит из наемных рабочих. «Англия, как метрополия капитала, как держава, до сих пор господствующая на мировом рынке, является пока самой пригодной страной для начала рабочей революции и к тому же *единственной страной,* в которой материальные условия этой революции достигли известной степени зрелости». Между тем Карл прекрасно знает, что на революцию в Англии, где рабочие укрощены, рассчитывать не приходится, но не может же он допустить, чтобы Интернационал отдалился от Лондона, то есть от него! Он не гнушается быть неискренним, если это в его интересах.

Четвертого марта, под прикрытием резолюции Генерального совета, Маркс ответил на обвинение в «заговоре», которое уже собиралась направить против него часть континентальной прессы: если и существует заговор со стороны рабочего класса (составляющего большинство населения стран, создающего все богатства и от имени которого якобы правит всякая власть, даже узурпаторская), то открыто, как если бы солнце устроило заговор против тьмы, с полным осознанием того, что вне его поля деятельности нет никакой законной власти.

В апреле 1870 года Бакунин заявил, что участие рабочего класса в буржуазной правительственной политике может привести только к укреплению существующего порядка вещей. Генеральный совет ответил на это, что устав Интернационала рассматривает политическую деятельность как средство борьбы за свободу. Не может быть и речи о том, чтобы отказаться от парламентской деятельности там, где она возможна. Тогда Нечаев убедил Бакунина отказаться от перевода на русский «Капитала» и посвятить себя делу революции. Нечаев сказал, что сам уладит дела с издателем.

Первые поступления от продажи «Капитала» разочаровали: книга не принесла никаких доходов, и Карл снова сетовал на «немецких профессоров», к которым так хотел примкнуть тридцать лет тому назад. 27 июня 1870 года он написал Людвигу

Кугельману: «В прошлом году я предвкушал второе издание „Капитала“ и получение гонорара за первое, но этого не произошло. Господа немецкие профессора недавно были вынуждены говорить обо мне время от времени даже глупости. Короче, между нами, я бы хотел повторно издать том первый, прежде чем выпустить том второй, потому что было бы нехорошо, если кризис разразится во время окончательной доработки второго тома».

В очередной раз сработала формула: все предлоги хороши, лишь бы не писать, и Маркс уже почти тридцать лет твердит все то же: не торопиться со словом «конец», кризис в эпилоге… Но самого себя ему не обмануть, и в конце зимы он заболел. Тогда снова чтение. Он заинтересовался вопросом о собственности на землю, наткнувшись на серию отчетов о собственности на землю в странах мира («Синих книг»), которые английское правительство как раз выпустило из печати. Он знает: вопрос о земле и соотношение между стоимостью и ценами — два важных пробела в первом томе «Капитала». Он попытается восполнить их.

В конце весны 1870 года, предчувствуя, что вскоре события начнут набирать обороты, Энгельс продал свою долю в отцовском предприятии, отошел от жизни промышленника и поселился в Лондоне по соседству с Марксами, на Риджентс-Парк-роуд, 122. Отныне Карл и Фридрих виделись ежедневно; у них больше не было причин переписываться, так что свидетельств их общения почти не осталось.

В мае 1870 года Марксы познакомились с необычным молодым человеком — Поставом Флурансом, профессором естественной истории в Коллеж де Франс, где он — в двадцать лет! — возглавил кафедру своего отца, знаменитого французского физиолога Пьера Флуранса. Министр образования Виктор Дюрюи отстранил его от преподавания как бланкиста; Флуранс объездил полмира, был в Бельгии, Италии, Турции, Греции; на Крите он участвовал в восстании 1866 года против турок и даже был представителем критян в Афинах. Вернувшись во Францию, он сотрудничал с «Марсельезой» Рошфора, так же как и Женнихен. Карл, Женни, Элеонора и Женнихен были им очарованы.

В начале лета Флуранс вернулся в Париж, оставив им свою фотографию и пообещав навестить снова. Женнихен, любившая Шарля Лонге, теперь влюбилась еще и в Гюстава Флуранса; она передала с ним письмо своей сестре Лауре Лафарг, по-прежнему жившей в Париже на улице Сен-Сюльпис, и получила от него письмо, с которым никогда не расставалась.

В конце июня 1870 года, намеренно подредактировав текст послания прусского короля французскому императору

(знаменитая «Эмская депеша»), Бисмарк превратил незначительное разногласие по поводу наследования испанского престола в крупную ссору: прусский король и не знал, что нанес Франции столь грубое оскорбление. Уверенный в своем военном превосходстве (полумиллиону солдат, выставленных Пруссией и ее германскими союзниками, Франция могла противопоставить менее 240 тысяч) канцлер хотел войны, и поскорее, чтобы покончить со своим единственным соперником на континенте и захватить Эльзас, который считал германской территорией.

Несмотря на опасения оппозиционных депутатов, в том числе Тьера, по поводу реального положения дел в армии, Наполеон III объявил 19 июля войну Пруссии, так и не заключив реального союза с Россией. Италия предложила помощь Франции при условии вывода войск из Рима. Наполеон III отказался: не может быть и речи о том, чтобы оставить папу без защиты от ужасных республиканцев!

Карл звал Лауру и Поля Лафаргов в Лондон. Те отказывались. Интернационал отменил конгресс, назначенный на сентябрь во французской столице, и заменил его простым совещанием Генерального совета в Лондоне.

Маркс разрывался надвое. Прежде всего он тревожился за дочь. Он не знал, что она собиралась уехать из Парижа в Бордо, где находилась семья ее мужа. В политическом плане он, скорее, желал победы Пруссии — одновременно из личной антипатии к Луи Наполеону Бонапарту и потому, что поражение Франции привело бы к ослаблению позиций буржуазии в этой стране. Но он опасался, что успехи Бисмарка укрепят режим в Германии и поставят под угрозу малое пространство свободы, завоеванное Социал-демократической партией его друзей Либкнехта и Бебеля, членов парламента. Он предвидел, что, чья бы сторона ни одержала победу, Вторая империя рухнет. Он думал, что Россия не станет вмешиваться в конфликт, поскольку не готова к этому в военном отношении.

В день объявления войны он написал «Воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне». Он призывал пролетариат втянутых в войну стран сделать все для того, чтобы конфликт не превратился в захватническую войну против какой-либо из сторон в новом, зарождающемся обществе. 10 августа Генеральный совет получил неожиданную похвальную ноту от Джона Стюарта Милля, который тогда еще жил в Лондоне (прежде чем поселиться в Авиньоне). Знаменитый социолог и экономист заявил, что очень доволен «Воззванием». В нем нет ни единого неуместного слова, да и короче не скажешь. Несколько дней спустя Бакунин в

«Письме к французу о современном кризисе» принял сторону Франции.

В послании, датированном 3 августа 1870 года, Маркс пишет Энгельсу, что кое-кто в рядах Интернационала пытается ославить его как прусского агента: «Лопатин уехал из Брайтона, где умирал от скуки, и поселился в Лондоне. Это единственный „надежный“ русский из всех, кого я знал до сих пор, и я очень скоро освобожу его от последних национальных предрассудков. Я узнал от него, что Бакунин распространяет слухи о том, что я *normal agent*[45] Бисмарка — вот было бы удивительно, если бы это было так! Смешно, но в тот же вечер (в прошлый вторник) Серрайе мне рассказал, что Шатлен, член французского отделения и личный друг Пиа, сообщил французскому отделению на общем собрании о сумме, уплаченной мне Бисмарком — ни больше ни меньше как 250 тысяч франков! Принимая во внимание, с одной стороны, что подумали бы во Франции о такой сумме, а с другой стороны, прусскую скаредность, это, по меньшей мере, почетная оценка!» Обвинение начало быстро распространяться — это была настоящая кампания, мастерски подготовленная Бисмарком с участием шефа полиции Штибера.

Армии столкнулись. 1 сентября поражение под Седаном вызвало антиимперские демонстрации в Париже, Марселе, Крезо и Лионе. 4 сентября Бурбонский дворец был захвачен, и Гамбетта провозгласил там республику. Было сформировано Временное правительство национальной обороны под началом генерала Трошю — военного губернатора Парижа. В него вошли Адольф Тьер, Жюль Фавр, Жюль Греви, Жюль Симон, Жюль Ферри, Адольф Кремье и Леон Гамбетта. Виктор Гюго и Луи Блан вернулись из изгнания.

Бисмарк потребовал Эльзас и Лотарингию, и Либкнехт с Бебелем выступили в рейхстаге с пророческим обличением: «Каста военных, профессоров, буржуа и купцов утверждает, что [аннексия] станет способом навеки защитить Германию от Франции <…>. Напротив, это верный способ превратить мир в простое перемирие, пока Франция не станет достаточно сильна, чтобы потребовать утраченное обратно. Это верный способ погубить и Германию, и Францию, заставив их рвать друг друга на части». Обоих депутатов тотчас арестовали за измену.

Девятого сентября Маркс во втором «Воззвании» снова обличил германскую экспансию, высказав предположение, как и Либкнехт с Бебелем несколькими днями ранее, что этот конфликт породит новую войну, теперь уже мировую, с участием России, до сих пор сохранявшей нейтралитет: «Неужели тевтонские патриоты действительно думают, что свобода и мир в Германии

будут обеспечены, если они принудят Францию броситься в объятия России? Если военные удачи, опьянение своими успехами и династические интриги толкнут Германию на путь грабительского присвоения французских областей, для нее останутся только два пути: либо она должна во что бы то ни стало сделаться *явным* орудием русской завоевательной политики, либо она должна после короткой передышки начать готовиться к другой „оборонительной“ войне, но не к одной из вновь изобретенных „локализованных“ войн, а к *войне расовой,* к войне против объединенных славянской и романской рас». Таким образом, если Либкнехт и Бебель предвидят новую франко-германскую войну, Маркс предчувствует формирование франко-российского союза и начало мирового столкновения. Очень часто в этом и заключается различие между Марксом и остальными современными ему аналитиками: даже когда тем удается заглянуть в будущее, как Либкнехту, они не видят так далеко, как он.

В Париже народ начал вооружаться, чтобы противостоять осаде пруссаков. 13 декабря Маркс заявил Кугельману: «Чем бы ни закончилась война, она обучит французский пролетариат обращению с оружием, и в этом — основа нашего будущего успеха». Энгельс, не растративший боевого задора, горел желанием защищать Париж от захватчиков, чтобы, по мере возможностей, сберечь силы пролетариата. Карл убедил его отказаться от участия в сражениях, ибо при первом же поражении французы станут смотреть на него как на предателя.

Бакунин, примчавшийся из Женевы в Лион, 26 сентября призвал лионских рабочих, которых представлял в Интернационале, взяться за оружие во имя республики, требуя отстранить от власти государство, упразднить суды, приостановить уплату налогов, ипотеки и личных долгов, созвать Национальный конвент, чтобы обсудить, как отбросить захватчика. Во главе небольшой толпы он захватил здание мэрии; на непродолжительное время ему удалось выгнать из него городские власти, но он вынужден был отступить перед войсками. Бакунин бежал в Марсель, оттуда в Геную и в Локарно, где его приютил у себя богатый друг.

Девятнадцатого сентября прусские войска окружили Париж, устроив ставку в Версале. Часть правительства укрылась в Туре. 7 октября Гамбетта вырвался на воздушном шаре из осажденного Парижа и присоединился к делегации правительства в Туре. Он призвал к всеобщей мобилизации и войне до победного конца. Он создал армию Луары, впоследствии освободившую Орлеан и начавшую наступление на Париж, но она была разбита при

Монтаржи и отступила до Лаваля. Делегация правительства перебралась из Тура в Бордо. Еще одна армия, Северная, под командованием Федерба одержала победу при Бопоме, не имевшую решающих последствий. Пруссаки бомбардировали французскую столицу. Появился черный рынок. Съев всех лошадей, а затем зверей из Ботанического сада, богатые парижане принялись за кошек, а бедные — за крыс. 20 января парижане, еще поддерживаемые республиканским правительством в Бордо, совершили первую попытку прорыва, которая оказалась безуспешной. Тьер постарался привлечь другие европейские страны на сторону своего правительства. По инициативе Интернационала в Лондоне стали собираться многолюдные митинги, призывавшие английское правительство признать Французскую республику и воспротивиться раздроблению Франции.

Восемнадцатого января 1871 года в Зеркальной галерее Версаля была провозглашена Германская империя. 28-го Временное правительство капитулировало. Министр иностранных дел Жюль Фавр подписал пакт о перемирии. Война закончилась. Бисмарк потребовал немедленной организации выборов, чтобы можно было подписать мирный договор с законным правительством, поскольку ему сообщили об отказе парижан сдаться.

Карл не знал, что Лаура Лафарг тогда находилась в Бордо и произвела на свет второго ребенка.

Восьмого февраля в Бордо собрался избранный в оккупированной Франции парламент, большинство в котором составляли монархисты (треть депутатов были аристократами), стремившиеся к скорейшему восстановлению мира. Наибольшей поддержкой, несмотря ни на что, пользовались все же Виктор Гюго и Луи Блан. 17 февраля парламент назначил Тьера «главой временной исполнительной власти Французской республики». Франция отдала Германии Эльзас и часть Лотарингии «в вечное суверенное владение». Ей удалось сохранить за собой департамент Бельфор, но пришлось уплатить репарации в 5 миллиардов франков золотом. Маркс заметил, что Французская республика не опрокинула трон, а только заняла его ставшее свободным место, и продолжает ту же политику.

В осажденном Париже многие отвергли это перемирие и собирались продолжать борьбу. Некоторые даже хотели сформировать парижское правительство — «федерацию». Маркс был резко против этого: французский рабочий класс поставлен в невероятно сложные условия, и восстание было бы отчаянным безумием. Как и двадцать лет назад, он считает, что революции

не видать успеха без союза рабочих и крестьян, парижан и провинциалов. Однако последние — бонапартисты, поддерживают правительство и парламент из Бордо и готовы идти на сотрудничество с оккупантами, лишь бы вернуть мир любой ценой.

Пока Жюль Ферри упрашивал правительство вернуться в столицу, парижане создали «федерацию», избравшую Центральный комитет и собравшую ополчение. Тьер приказал своим войскам войти в Париж, чтобы подавить восстание, изъять все оружие и, в частности, пушки у Монмартрской коммуны, мэром которой был некий Жорж Клемансо[46].

Бисмарк предоставил в помощь Тьеру оружие и все необходимые сведения, в том числе информацию, собранную о повстанцах, и данные о Марксе, полученные благодаря Штиберу — шпиону, бывавшему у автора «Капитала» пятнадцать лет назад и с тех пор ставшему шефом полиции. Он приказал разоблачать в газетах, враждебных Коммуне, в провинции и в самом Париже роль, которую Интернационал якобы сыграл в этих событиях, утверждая в одних, что Маркс — агент пруссаков, а в других — что он готовит коммунистическую революцию…

Четырнадцатого марта «Пари-Журналь», ежедневное парижское издание бонапартистского толка, опубликовал статью «Великий вождь Интернационала», возложив на Маркса всю ответственность за непокорность парижан. Эта статья, вдохновленная бисмарковской пропагандой, оказала столь большое влияние, что была передана по телеграфу и немедленно перепечатана «Таймс». Благодаря коалиции Тьера и Бисмарка Маркс, тщетно пытавшийся выступить с опровержением, в несколько дней стал известен на весь мир: в нем видели вдохновителя, даже организатора «Коммуны», провозглашенной четыре дня спустя.

Восемнадцатого марта в Париже в самом деле началось восстание, которого опасался Маркс: население воспротивилось изъятию пушек с Монмартра и побраталось с войсками. Начали строить баррикады. Движение распространилось на Лион, Сент-Этьен, Марсель, Тулузу, Нарбонн. Версальская армия подавила мятежи в провинции и осадила Париж, заняв позиции, только что оставленные пруссаками. Чтобы получить возможность вести переговоры, коммунары взяли в заложники знатных горожан и тоже устроили выборы в Париже, претендуя на звание законного правительства.

Марксы в Лондоне не находили себе места: Лаура с Полем Лафаргом, возможно, еще в Париже, и от них нет никаких вестей. Женнихен тревожилась и за Лонге, и за Флуранса.

Семнадцатилетняя Элеонора еще не встретила коммунара, которому позже отдаст свое сердце, — Проспера Лиссагаре. Но если учитывать и его, все четверо воздыхателей трех дочерей Маркса оказались затянуты в водоворот парижских событий.

Двадцать шестого марта Коммуна устроила выборы: из 485 тысяч избирателей, зарегистрированных в столице, в них приняли участие 229 тысяч — высокая явка с учетом обстоятельств. Из 92 избранных 17 были социалистами, членами Интернационала, в том числе Гюстав Флуранс, Шарль Лонге, Эжен Потье (будущий автор слов «Интернационала»), Эдуард Вайян, Луи Эжен Варлен и Пьер Везинье (открыто враждебный Марксу). Все остальные были по большей части прудонистами или бланкистами. Гюго вышел из парламента Бордо; он встал на сторону Коммуны и уехал в Брюссель.

Маркс терзается тревогой за дочь и внука — юного «Фуштра»: он только что узнал, что Лафарга избрали делегатом городской коммуны Бордо. Карл тогда был прикован к постели бронхитом и новым обострением болезни печени. Симпатизируя движению, он не мог его понять: его бесило, что повстанцы теряют драгоценное время, устраивая выборы, вместо того чтобы проявить власть, завладеть фондами Французского банка, разжать тиски армии Тьера и двинуться на Версаль. Он приходил в отчаяние от того, что не приходится ждать никакой подмоги от усмиренной и запуганной провинции. Ему рассказали о помощи, оказываемой пруссаками версальцам; он узнал, что договор, заключенный между Бисмарком и Жюлем Фавром, министром иностранных дел правительства Национальной обороны, предоставляет версальцам все возможности, чтобы занять Париж. Коллаборационизм против Сопротивления…

Осада обернулась адом. Голод стал нестерпимым. 30 марта два руководителя Коммуны — венгерский коммунист Лео Франкель и прудонист Эжен Варлен — сумели передать Марксу тайное послание, спрашивая у него совета по поводу необходимых социальных реформ. Проводя обыск в Тюильри, коммунары обнаружили в бумагах и переписке императорской семьи пометку на букву «Ф»: «Фогт: передано в августе 1859 года 40 тысяч франков». Вот оно — доказательство, которое Карл искал уже десять лет! Его оклеветали по приказу «Наполеона маленького», а теперь на него клевещет Бисмарк.

Несколько газет, в том числе «Провенс» и газета бельгийских клерикалов, напечатали под диктовку Штибера одну и ту же статью: «Париж, 2 апреля. Известие, поступившее из Германии, произвело здесь сенсацию. Совершенно доподлинно установлено, что Карл Маркс, один из самых влиятельных вождей

Интернационала, в 1857 году был личным секретарем графа Бисмарка и с тех пор не переставал поддерживать отношения со своим бывшим хозяином».

Третьего апреля несколько парижан снова попытались прорваться. Среди них был Постав Флуранс. Версальцы взяли его в плен и убили. Когда Женнихен узнает о судьбе своего друга, все семейство Маркс испытает жестокое потрясение.

Чтобы бороться против пропаганды, выставляющей его руководителем Коммуны, Маркс писал Либкнехту 10 апреля: «В Германии правительство Бисмарка… пытается навлечь на меня во Франции подозрения (а через меня — на отделение Интернационала в Париже, ибо такова цель всей махинации), а именно в том, что я — агент г-на Бисмарка. Эта попытка предпринята сотрудниками прежней бонапартистской полиции, которые продолжают (усердные, как никогда, в правление Тьера) поддерживать международную связь с полицией Штибера. Так, я был вынужден опровергать в „Таймс“ всякую ложь „Пари-Журналь“, „Голуа“ и т. д., ибо эти глупости были переданы по телеграфу в английские газеты. Самая последняя, которой только что воспротивилась Коммуна, поступила из „Суар“. Из „Суар“ она перешла во все реакционные газетенки в провинции. Этот Штибер в самом деле становится ужасен!»

Теперь Маркс встал на сторону Коммуны, видя, что в ней начинают осуществляться рекомендации из книги, написанной им двадцатью годами раньше о «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта»; если в начале боев он занимал очень сдержанную позицию, то теперь он считал, что Коммуна смогла бы стать самым первым воплощением того, что он назвал «диктатурой пролетариата».

Двенадцатого апреля 1871 года он писал Кугельману: «Если ты перечтешь последнюю главу моего „Восемнадцатого брюмера“, то увидишь мои слова о том, что при новой попытке революции во Франции будет уже невозможно передать из рук в руки военно-бюрократическую машину, придется ее сломать, и что именно в этом предпосылка всякой истинно народной революции на континенте. Это и попытались сделать наши героические товарищи по партии в Париже».

На самом деле парижане, придерживаясь определенного демократического формализма, не забрали в свои руки рычаги государственного правления. 16 апреля они устроили дополнительные выборы, с учетом отставки умеренных и казни Дюваля и Флуранса, в результате которых мандат получил О. Д. Серрайе — делегат Маркса в Париже.

В тот же день, находясь в Швейцарии, Бакунин поделился со

своим другом Огаревым радостью: наконец-то удалось перейти от «фраз» к «делу»! Каков бы ни был итог, это будет величайшее историческое событие. А в случае неудачи Бакунин желал лишь двух вещей: 1) чтобы версальцы сумели победить Париж только с открытой помощью пруссаков; 2) чтобы парижане, погибая, погубили вместе с собой, по меньшей мере, половину Парижа. Тогда, несмотря на все военные победы, социальный вопрос встанет во всей своей неоспоримой огромной величине.

На следующий день Маркс отправил Кугельману еще одно восторженное послание: он думает, что, каков бы ни был исход, эти события сыграют на руку рабочему классу. Он поэтически приветствует революционную инициативу масс, «пошедших на штурм небес», и отмечает, что было бы очень удобно вершить историю, вступая в борьбу лишь при благоприятном раскладе. «Деморализация рабочего класса <…> была бы гораздо большим несчастьем, чем гибель какого угодно числа вожаков». Благодаря сражению, данному Парижем, борьба рабочего класса с классом капиталистов и капиталистическим государством вступила в новую фазу. Каков бы ни был ее исход, мы получили новую точку отсчета всемирного исторического значения.

Марксы все больше тревожатся за Лауру и ее семью, о которой у них по-прежнему нет никаких известий. Женнихен волнуется за Лонге и Флуранса, еще не зная, что он погиб. Карл, наконец, узнал, что Лафарги с детьми приехали в Бордо. Женнихен и Элеонора решили отправиться туда, чтобы помочь сестре, и прибыли к ней 1 мая.

Десятого мая во Франкфурте был подписан мирный договор, по которому Эльзас и Лотарингия отходили к Пруссии. 13-го Маркс ответил на письмо Лео Франкеля и Эжена Варлена. Он был в бешенстве от того, что они не предприняли мер, которые позволили бы сохранить власть: не завладели золотым запасом и не напали на Версаль. Коммуна, растолковывал он, не должна терять время на личные свары, а быть настороже: в Лондоне ходят слухи о том, что тайный договор, заключенный с пруссаками, предоставит версальцам все возможности, чтобы занять Париж. Маркс настроен пессимистично; он начинает думать, что союз парижан с провинциалами уже невозможен. Коммуна обречена; компрометирующие бумаги лучше спрятать в надежном месте… Его письмо дойдет слишком поздно.

Как и предвидел Карл, Тьер приказал усилить блокаду и отказывался от посредничества. Батареи версальцев вели все более плотный огонь по столице. Генеральный совет Интернационала поручил Марксу написать третье «Воззвание», чтобы определить позицию Интернационала в данной ситуации.

Он колебался. Будучи болен, он не мог решиться на то, чтобы писать на столь трагическую тему, которой плохо владел, тем более что ситуация менялась очень быстро, а он не был в курсе этих перемен за неимением в Париже свободных журналистов, располагающих средствами быстрой связи с Лондоном.

Двадцать первого мая около ста тысяч версальских солдат ворвались в город со стороны Сен-Клу; коммунары отступали, поджигая административные здания, в том числе Тюильри и Ратушу. Шли жестокие бои. 27-го завоевание Парижа завершилось. Потери версальцев составили 877 человек убитыми и 6500 ранеными; коммунары потеряли более четырех тысяч убитыми, к которым следует добавить 17 тысяч человек, расстрелянных без суда[47], в том числе Эжена Варлена, арестованного на площади Каде. 43 522 человека были арестованы, 13 450 из них осудили, в том числе 270 приговорили к смерти, 410 — к каторге, 7496 — к депортации.

В то же время в пригороде Парижа, предаваемого огню и мечу, бельгийский электротехник Зеноб Теофиль Грамм невозмутимо продолжал работать. Изготовив первую динамо-машину постоянного тока (отправную точку современной электрической промышленности), он запатентовал свою теорию «магнитоэлектрической машины, вырабатывающей постоянный ток», основал компанию магнитоэлектрических машин, носящую свое имя, и представил первую ее модель, изготовленную в мастерских дома Бреге, в Академии наук. Электричество, долгожданное и возвещенное Марксом, стало реальным источником энергии.

Трагедия Парижской коммуны нашла свое отражение в четырех литературных произведениях. Виктор Гюго написал «Ужасный год». Артюр Рембо бушевал в «Парижской военной песне»:

Весна настала без сомненья,
Поскольку, как весенний дар,
Из зеленеющих имений
Тьер вылетает и Пи кар.

О май над голыми задами!
Смотрите, Севр, Аньер, Медон:
Вот дорогие гости сами
Дары несут со всех сторон…

Украсив крылышками спины,
— Куда там Эросу: старо! —

Тьер и Пикар из керосина
Творят картины под Коро.

Под вашим ливнем керосина
Великий город не остыл,
Не покорился и не сгинул…
Пора нам ваш умерить пыл!

И те, кто радуется, сидя
В деревне, на земле своей,
Еще свет пламени увидят,
Еще услышат треск ветвей!

«Пора цветения вишен» Жана Батиста Клемана, удерживавшего последнюю баррикаду на углу улицы Фоли-Мерикур, стала гимном Коммуне. Наконец, четвертым произведением стало третье воззвание, написанное Марксом и озаглавленное «Гражданская война во Франции», в котором Парижская коммуна, «прямая противоположность Второй империи», была представлена как первая попытка построить «новое государство». Маркс написал эту работу, не зная подробностей о том, при каких обстоятельствах восстанию пришел конец, поскольку тогда его занимало только отсутствие новостей от дочери.

Тридцатого мая он прочел это воззвание Генеральному совету. В его представлении только изоляция Парижа и слишком недолгое существование Коммуны помешали крестьянам примкнуть к «пролетарской революции», согласно главной его рекомендации с 1848 года. Он вернулся к своим предсказаниям двадцатилетней давности:

«Крестьянин был бонапартистом, потому что он отождествлял великую революцию и принесенные ему ею выгоды с именем Наполеона. Этот самообман при Второй империи быстро рассеивался. Этот предрассудок прошлого (по существу своему он был враждебен стремлениям „помещичьей палаты“) — как мог бы он устоять против обращения Коммуны к жизненным интересам и насущным потребностям крестьян?

„Помещичья палата“ отлично понимала — и этого-то она больше всего боялась, — что если Париж коммунаров будет свободно сообщаться с провинцией, то через какие-нибудь три месяца вспыхнет всеобщее крестьянское восстание…Если Коммуна была, таким образом, истинной представительницей всех здоровых элементов французского общества, а значит, и подлинно национальным правительством, то, будучи в то же

время правительством рабочих, смелой поборницей освобождения труда, она являлась интернациональной в полном смысле этого слова. Перед лицом прусской армии, присоединившей к Германии две французские провинции, Коммуна присоединила к Франции рабочих всего мира <…>. И все же это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным к общественной инициативе; это признали даже широкие слои парижского среднего класса — мелкие торговцы, ремесленники, купцы, все, за исключением богачей-капиталистов. Коммуна спасла их, мудро разрешая вопрос, бывший всегда причиной раздора в самом среднем классе, — вопрос о расчетах между должниками и кредиторами. Эта часть среднего класса участвовала в 1848 г. в подавлении июньского восстания рабочих, и сейчас же затем Учредительное собрание бесцеремонно отдало ее в жертву ее кредиторам. Но она примкнула теперь к рабочим не только поэтому. Она чувствовала, что ей приходится выбирать между Коммуной и империей, под какой бы вывеской та вновь ни появилась <…>. И действительно, после бегства из Парижа высших бонапартовских сановников и капиталистов истинная партия порядка среднего класса, выступившая под именем Республиканского союза, стала под знамя Коммуны и защищала ее от клеветы Тьера».

По Марксу, правительство Коммуны было действительно демократически избранным, а потому законным: «Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных… Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества… Всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю».

В целом Коммуна являет собой наилучшую иллюстрацию того, что Маркс называл «диктатурой пролетариата», использующей полномочия, предоставленные ею волеизъявлением народа. Не говоря уже о том, что она не переняла государственную машину как таковую, чтобы заставить ее работать на себя, а взялась ее преобразовать. Маркс перечисляет характеристики этих государственных реформ, необходимых для перехода к социализму: избавление от армии и замена ее национальной гвардией, уничтожение чиновничьего

корпуса и парламентских институтов, замененных «рабочими или признанными представителями рабочего класса», которые «были ответственны и в любое время сменяемы», исполняли свою службу «за заработную плату рабочего» и были «не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей, и исполняющей законы». Коммуна сорвала с системы правосудия покров «притворной независимости» и взялась «сломать орудие духовного угнетения» путем отделения Церкви от государства. Но этому правительству не удалось перейти к следующему этапу — социализму, потому что оно не смогло правильно распорядиться диктатурой пролетариата.

Маркс впервые подробно излагает свою концепцию перехода от капитализма к бесклассовому обществу. По его мнению, этот переход должен осуществиться в четыре этапа: «революционная и насильственная» фаза, чтобы разом лишить буржуазию власти (как во время захвата власти парижанами); «диктатура пролетариата» (то есть Коммуна) с целью предотвратить деятельность контрреволюционеров (то есть версальцев) путем радикальных реформ наподобие тех, что он перечислил; «социализм», чтобы наладить производство по принципу «каждому по труду»; и, наконец, «коммунизм» — уравнительное распределение продукции — «каждому по потребностям» и свободная организация органов управления.

«Коммуна, — заключает Маркс, — потерпела поражение при переходе от второго к третьему этапу, однако стала самой законченной формой пролетарской революции; вслед за ней в Европе возникнут новые очаги восстания». В завершение Карл проводит небольшой аппаратный маневр: чтобы обеспечить успех этим будущим революциям, чтобы перейти от диктатуры пролетариата к социализму, нужно иметь возможность опереться на крепкую международную солидарность, а для этого — усилить Генеральный совет Интернационала, выведя из него анархистов.

Этот документ был одобрен большинством организации, в том числе бланкистами и прудонистами, что ускорило выход из нее английских тред-юнионов, в том числе Оджера, основателя Интернационала, который не мог покрывать то, что он считал апологией насилия, будь оно даже допустимой самообороной.

Три тысячи первых экземпляров английского издания этого воззвания разошлись в две недели, точно так же как и немецкое, и французское издания. Это будет величайшим прижизненным успехом Маркса! Но этот успех пахнул крамолой, ибо Интернационал стал восприниматься правительствами европейских стран как проповедник свержения существующих

органов власти, а потому — враг, которого следует уничтожить любой ценой, как и тех, кто его поддерживает. Во Франции эта организация была запрещена, ее членов казнили, подвергали высылке или ссылке. В Германии Бисмарк бросил в тюрьму Либкнехта и Бебеля, а с ними и множество других. В России проводились безжалостные репрессии. В Вене, Будапеште, Италии, Бельгии за секциями Интернационала установили строгий надзор и поле их деятельности резко сократилось.

Маркс слыл тогда по всей Европе главным вдохновителем и даже организатором Коммуны, которую все действующие власти представляли кровавой диктатурой. Немецкий посол в Лондоне в очередной раз обратился с просьбой к британским властям объявить Маркса уголовным преступником, что не допускалось английскими законами, которых Маркс не нарушал. Однако ему приходилось опровергать обвинения в самых безумных намерениях — свергнуть английскую монархию, уничтожить палату лордов…

Он дал несколько интервью американским газетам. Одно из них опубликовала «Woodhull&Claflin's Weekly» — странная газета, названная по имени двух сестер, Теннеси Клафлин и Виктории Вудхалл, и издаваемая на деньги любовника последней Корнелиуса Вандербильта, главы железнодорожной империи. Кстати, в следующем году Виктория выставит свою кандидатуру на президентских выборах, наметив в свои заместители чернокожего журналиста Фредерика Дугласа — и это в то время, когда женщины не имели права голоса, а расовая сегрегация была в самом разгаре! Текст интервью очень интересен: Карл высказывается в нем очень едко, и в нем уже отражены все препятствия, которые приходится преодолевать современной журналистике, столкнувшись с пропагандой и слухами. Когда журналист задает ему вопрос о секретности Интернационала, Карл отвечает: «Никакой тайны тут нет, разве что загадка человеческой глупости тех, кто упорно не принимает во внимание, что наше товарищество открыто, как и его деятельность, а все дебаты подробно отражены в протоколах, которые может прочесть кто угодно. Вы можете купить наш устав за один пенни, а если накупите брошюр на целый шиллинг, то вскоре будете знать о нас столько же, сколько мы знаем о себе сами». И продолжает с иронией: «Восстание с равным успехом могло быть и масонским заговором, поскольку по отдельности они принимали в нем значительное участие. Я не удивлюсь, если папа припишет все восстание на их счет. <…> Интернационал не претендует диктовать здесь свою волю: ему и так уже трудно давать советы. <…> Рабочему классу нечего ждать от другого

класса. Вот почему ему совершенно необходимо самому отстаивать свое дело».

На вопрос журналиста о том, что он думает о прессе, Карл отвечает: «В бельгийской газете „Ситюасьон“ сказано: „Доктор Карл Маркс из Интернационала был арестован в Бельгии, когда намеревался проникнуть во Францию. Лондонская полиция уже давно присматривала за организацией, членом которой он является, и в данный момент принимает энергичные меры к ее уничтожению“. Две фразы — две лжи! Вы можете проверить подлинность первой, доверяя собственным чувствам восприятия: убедитесь, что я не в бельгийской тюрьме, а у себя дома, в Англии. С другой стороны, вы знаете, что английская полиция столь же не властна вмешиваться в дела Интернационала, как наша организация — вмешиваться в дела полиции. И все же совершенно точно, что это сообщение обойдет всю континентальную прессу, не получив ни малейшего опровержения, и будет следовать своей дорогой, даже если я вздумаю разослать отсюда циркулярное письмо в каждую европейскую газету». Решительно, мало что изменилось с тех пор…

3 июля, отвечая на вопросы другой американской газеты, «Нью-Йорк уорлд», Маркс заявил: «Английская буржуазия всегда изъявляла готовность принять решение большинства, пока выборы обеспечивают ее монополию. Но будьте уверены, что у нас начнется новая гражданская война, как только она окажется в меньшинстве по вопросам, имеющим для нее жизненно важное значение». Когда журналист спросил его, какую форму должно принять завоевание власти — демократическую или насильственную, он ответил, что в условиях демократии революция не нужна; при иных обстоятельствах она зависит от того, что решит рабочий класс данной страны, и только он: «В Англии, например, рабочему классу открыта дорога, ведущая к политической власти. Восстание было бы безумием там, где все можно быстро и надежно свершить мирным путем. Во Франции существует сотня репрессивных законов; классы противостоят друг другу и пребывают в смертельно опасном антагонизме, и нет никакой возможности избежать насильственного решения, коим является гражданская война. Выбор такого решения — за рабочим классом этой страны». Позднее мало кто из сторонников Маркса усвоил, что он рекомендовал использовать там, где это возможно, демократический путь для завоевания власти. Правда, он никогда не говорил и о том, что эту власть следует отдать, если выборы окажутся проиграны…

Десятого августа 1871 года, когда во Франции пресса стала

обвинять Интернационал в сговоре с прусским противником, Маркс ответил длинной защитной речью, заявляя о нейтралитете этой организации во время войны:

«В своем первом воззвании от 23 июля 1870 года Генеральный совет заявил, что войну ведет не французский народ, а Империя, и что на самом деле Бисмарк столь же виновен, как и Бонапарт. В то же время Генеральный совет призывал немецких рабочих не позволить прусскому правительству превратить оборонительную войну в завоевательную. Второе воззвание от 9 сентября 1870 года (через пять дней после провозглашения республики) сурово осуждает завоевательные цели прусского правительства. Это воззвание побуждает немецких и английских рабочих встать на сторону Французской республики. На самом деле рабочие, входящие в Международное товарищество, так энергично воспротивились в Германии политике Бисмарка, что тот велел незаконно арестовать главных немецких представителей Интернационала по ложному обвинению в „сговоре с врагом“ и бросить их в прусские казематы… Неужели французское правительство сегодня не знает, что Интернационал оказывал поддержку Франции во время войны? Наверняка знает. Консул г-на Жюля Фавра в Вене, г-н Лефевр, допустил нескромность, опубликовав (от имени французского правительства) благодарственное письмо к гг. Либкнехту и Бебелю, двум представителям Интернационала в немецком рейхстаге. Это письмо фигурирует в материалах судебного процесса о государственной измене, процесса, который саксонское правительство, под давлением Бисмарка, затеяло против Либкнехта и Бебеля и который все еще не завершен… В тот самый момент, когда подлые газеты обличали меня перед Тьером как агента Бисмарка, тот же самый Бисмарк сажал моих друзей в тюрьму за измену Германии и отдал приказ арестовать меня, как только я появлюсь в Германии. Все это доказывает, что само французское правительство считало Интернационал союзником Французской республики против прусских захватчиков; и в самом деле, он был единственным союзником Франции во время войны. С братским приветом…»

Карл занялся также французскими беженцами, широким потоком прибывавшими в Лондон. Самых значительных из уцелевших, таких как Вайян, Рандье или Везинье, чудесным образом спасшихся от версальских пуль, включили в Генеральный совет Интернационала. Многим помог Комитет помощи беженцам. Женни, Элеонора и Лафарги находились в Бордо, в семье Поля, с двумя детьми; младший сын, родившийся в январе, умер 26 июля 1871 года. Лаура потеряла уже второго ребенка. У

нее остался только маленький «Фуштра», прозванный также «Шнапсом» — и он тоже был болен.

Никаких известий от Лонге. Лафарг сообщил Женнихен и Элеоноре о смерти Флуранса, письмо которого Женнихен по-прежнему носила с собой.

Все три сестры Маркс, «Шнапс» и Поль Лафарг укрылись в Люшоне, где климат был более благоприятным для ребенка, больного туберкулезом. Один полицейский предупредил их, что Лафарга выдали и скоро арестуют. Тогда Лафарги вместе с сыном перебрались в Испанию (у Поля имелся испанский паспорт), где их арестовали в Уэске, но потом отпустили 21 августа, а две остальные сестры вернулись в Лондон. На обратном пути Женнихен и Элеонору арестовали, обыскали, продержали под стражей несколько дней и подвергли суровому допросу с участием прокурора Тулузы, мирового судьи и префекта, некоего графа де Кератри. При Женни было письмо Флуранса, с которым она никогда не расставалась, — его было бы достаточно, чтобы отправить ее на каторгу, если бы его обнаружили.

Интернационал распался. В нем теперь оставалось только 385 членов, из них 254 в Англии. Генеральным секретарем по-прежнему являлся старик Георг Эккариус, получавший 15 шиллингов в неделю, да и то нерегулярно. Поэтому он, чтобы выжить, предоставлял в газеты за плату информацию о деятельности организации, что вызвало всеобщее возмущение. Поскольку созвать конгресс в очередной раз оказалось невозможно, 17 сентября Маркс собрал в Лондоне «подготовительную конференцию»[48]. На ней он объединился с бланкистами и предложил, как говорил ранее американским журналистам, выйти из подполья и заменить в каждой стране, где это представляется возможным, тайные общества, дорогие сердцу анархистов, «коммунистическими партиями», которые должны сделать попытку прийти к власти на местах законным путем. «Юрцам», то есть Бакунину, он посоветовал «вернуться в коллектив». Это подтверждение его законопослушности и отказа от насильственной смены власти в условиях демократии устроило руководство Интернационала.

Так родилась социал-демократия. Лондонское собрание войдет в Историю как момент, когда, по инициативе Маркса и вопреки духу времени, социалистическое движение сделало четкий выбор в пользу парламентского пути, хотя еще и не осознало со всей определенностью, что власть, полученная через выборы, может быть и утрачена таким же образом.

Двенадцатого ноября 1871 года Бакунин созвал конгресс, на котором был составлен циркуляр, подтверждающий принцип

автономности секций и сводящий роль Генерального совета к выполнению функций корреспондентского и статистического бюро[49].

В это же время Тьер стал главой исполнительной власти Франции, хоть это и не определило будущей формы правления, а Золя издал «Карьеру Ругонов».

По случаю семилетней годовщины основания в Лондоне Международного товарищества рабочих Маркс произнес речь, прекрасно отражавшую его умонастроение; корреспондент той же американской газеты так записал ее содержание: «Говоря об Интернационале, он сказал, что огромный успех, которым до сих пор завершались его усилия, обязан собой обстоятельствам, над которыми члены товарищества не властны <…>. Его задача состояла в организации рабочего класса, в объединении и согласовании различных рабочих движений. Обстоятельства, столь много способствовавшие развитию товарищества, возникли благодаря условиям, при которых рабочие во всем мире подвергались все большему угнетению. В этом секрет успеха…» Иначе говоря, только что перенесенные им муки помогут развитию Интернационала.

На самом деле Маркс не верил в успех: на его взгляд, Интернационал отслужил свое. И последствия не заставят себя ждать.

Двадцать первого октября Энгельс, переживший лондонские события рядом с Марксами, бесясь от невозможности сражаться и умереть на парижских баррикадах, написал матери в Бармен великолепное письмо, прекрасно выражающее атмосферу момента и раскрывающее всю драматичность того периода:

«Дорогая матушка, я так долго не писал, потому что хотел ответить на твои замечания по поводу моей политической деятельности так, чтобы тебя не обидеть. И потом, когда я читал этот поток наглой лжи в „Кельнер цайтунг“, в особенности гнусности этого негодяя Вошенхузена, когда я видел, как все те люди, которые всю войну считали лживой всю французскую прессу, трубили в Германии, как о евангельской истине, о всяком полицейском вмешательстве, о всякой клевете самой продажной парижской газетенки на Коммуну, это вовсе не располагало меня писать тебе. О нескольких заложниках, расстрелянных на прусский манер, о нескольких дворцах, сожженных по примеру пруссаков, трезвонили вовсю, ибо всё остальное — ложь. Но о сорока тысячах мужчин, женщин и детей, скошенных версальцами из пулемета после разоружения, — об этом все молчат! Да вы и не можете об этом знать, вы ведь ограничены „Кельнер цайтунг“ и „Эльберфельдер цайтунг“, вас в буквальном смысле пичкают

ложью. Однако ты уже не раз слышала за свою жизнь, как людей называют каннибалами: солдат Тугендбунда при первом Наполеоне, демагогов 1817 и 1831 годов, людей 1848 года, а потом всегда оказывалось, что не такими они уж были плохими и что все эти разбойничьи истории, неизбежно рассеивающиеся как дым, им с самого начала приписали из корыстной страсти к преследованию. Надеюсь, дорогая матушка, ты вспомнишь об этом и применишь это правило и к людям 1871 года, когда станешь читать в газете о их воображаемых низостях. Ты знаешь, что я ни в чем не переменил своих убеждений за почти что тридцать лет. И для тебя не должно стать неожиданностью, что, как только меня принуждают к этому обстоятельства, я не только стану их защищать, но и тоже исполню свой долг. Если бы Маркса не было рядом или вообще не существовало, это ничего бы не изменило. Так что совершенно несправедливо взваливать все это на него. Я, разумеется, помню и о том, что ранее семья Маркса утверждала, будто это я сбил его с пути. Но хватит об этом. Здесь ничего не изменишь, надо смириться. Пусть только на какое-то время все успокоится, во всяком случае, слухи утихнут, и ты сама станешь смотреть на дело гораздо спокойнее. От всего сердца, твой Фридрих».

Глава шестая
ПОСЛЕДНИЕ БИТВЫ (1871–1883)

Похоже, Карл достиг своей цели; ему уже пятьдесят четыре года. В то время как в Европе раздавались громовые раскаты Парижской коммуны, он вдруг стал знаменит на весь мир. Газеты считали его всемогущим, он стоял во главе единственной многонациональной политической организации; в Германии, Франции, Великобритании, Италии, США и России возникали партии или тайные общества, ссылающиеся на него. Его последнее «Воззвание к Интернационалу», написанное под конец Парижской коммуны, было перепечатано всей западной прессой, и журналисты всего мира стремились взять у него интервью. «Манифест Коммунистической партии», прочитанный сотнями тысяч немецких рабочих и студентов, перевели на французский, русский, английский языки, как и его главную книгу «Капитал», которая начала привлекать к себе внимание ученых, политиков, революционеров. Наконец-то он имел достаточный доход, чтобы жить и обеспечить пристойное существование жене и дочерям; вопреки расхожим сплетням, их семья по-прежнему очень дружна.

Однако нет ни счастья, ни покоя: больной, иногда терпящий страшные муки, так и не оправившийся от утраты трех своих детей, выслеживаемый, находящийся под надзором, донимаемый противниками как из среды «правых», так и из представителей собственного лагеря, осыпаемый критическими замечаниями и наветами в прессе, представляющей его дьяволом, сознающий недостатки своего произведения и всю сложность его завершения, понимая, что оно вызывает интерес лишь из-за приписываемого ему политического внимания, осмеянный немецкой профессурой, к которой он так хотел бы принадлежать, предчувствующий, что капитализм в союзе с государством-покровителем может оказаться способным существенно улучшить уровень жизни рабочих для того, чтобы те отказались от коммунизма, он испытывал соблазн покончить со всем, совершив своего рода интеллектуальное, политическое и физическое самоубийство. Он устал от всего, в точности как за несколько лет до того другой великий современник, придерживавшийся совершенно иных взглядов — Алексис де Токвиль, — устал «каждый раз принимать за долгожданный берег обманчивую дымку и часто спрашивать себя, да существует ли эта суша, которую мы так долго ищем, или же наша судьба — вечно скитаться по морям».

По сути, главной политической жертвой событий 1870–1871

годов стал Интернационал: после парижской резни и репрессий в Германии, Австрии и России множество уцелевших его членов были обречены на изгнание. Остальные старались включиться в демократическую игру, как поступали прежде руководители английских тред-юнионов. Мало кто еще планировал радикально изменить общество. А среди них еще более редки были те, кто, как Маркс, стремился совершить революцию выборным путем — там, где это возможно.

В конце 1871 года главной задачей для Карла было подыскать пристанище и работу коммунарам, прибывшим в Лондон с особой секретностью: даже друзья среди британских «левых» смотрели на них как на кровожадных чудовищ. 21 декабря в письме Кугельманам Женнихен, только что вернувшаяся с Элеонорой в Лондон из скитаний по Франции, оставив Лауру на испанской границе, рассказывает о том, что неизменно встречала от ворот поворот, обращаясь с просьбой помочь беженцам: «Все последние три недели я бегала из одного лондонского пригорода в другой (не так-то легко пересечь весь этот огромный город), а потом писала письма, зачастую до часа ночи. Целью этих хождений и писем было найти денег для беженцев. До сих пор наши усилия не приносили плодов. Мерзкая клевета продажной и бесстыжей прессы внушила англичанам такое предубеждение относительно коммунаров, что к ним здесь относятся с неприкрытым отвращением. Фабриканты не желают иметь с нами дела. Тех людей, которым удалось подыскать себе место под чужим именем, увольняют сразу, как только устанавливают их личность. Бедный г-н и бедная г-жа Серрайе [представитель Маркса в Париже, избранный в правление Коммуны после смерти Флуранса], например, нашли места учителей французского языка. Но несколько дней назад им сообщили, что больше не нуждаются в услугах бывшего члена Коммуны и его жены. Я убедилась в силе этого общественного мнения и на собственном опыте. Монро [английские друзья Марксов, члены „левого“ движения], например, порвали со мной все отношения, с ужасом обнаружив, что я дочь „главного поджигателя“, защищающего проклятое движение Коммуны…»

На самом деле Маркс сделался главным авторитетом для уцелевших повстанцев. Его произведения наконец-то выбрались из гетто, в котором их удерживал немецкий язык. В декабре 1871 года в Нью-Йорке в уже упомянутой газете «Woodhull & Claflin's Weekly» вышло первое издание «Манифеста» на английском языке. Месяцем позже там же, в газете «Социалист» (еженедельнике, издаваемом французскими эмигрантами, который заменил собой «Бюллетень» франкоязычного

Республиканского союза — ассоциации, основанной двумя бывшими учениками Кабе, тридцатью годами раньше сбежавшими вместе с ним в Америку, — Меркадье и Луазо), «Манифест» был впервые опубликован на французском. Перевод был сделан не с немецкого оригинала, а с английского перевода.

Маркс получил единодушное признание в качестве духовного учителя мирового «левого» движения. Даже Бакунину 23 января 1872 года, на собрании швейцарской секции Интернационала, пришлось признать, что Маркс — первый ученый экономист и социалист наших дней. «Я встречал в своей жизни много ученых, но не знаю равных ему по учености и глубине, — заявил он. — Именно Маркс написал продуманный, глубокий и прекрасный устав, придав выражение инстинктивным, единодушным стремлениям пролетариата почти всех стран Европы, именно ему принадлежат идея и предложение об учреждении Интернационала».

В 1872 году мировая экономика снова пошла на подъем; ее центр переместился из Лондона на восточное побережье США. Развивалось станкостроение. Появились электрические двигатели. После полуторамесячной забастовки в Нью-Йорке в США был установлен (на бумаге) восьмичасовой рабочий день. В том году друг семейства Маркс, писатель Сэмюел Батлер опубликовал в Лондоне свою утопию «Едгин» *(Erehwon),* которая произвела большое впечатление на Карла описанием мира, в котором понятия болезни и преступления поменялись местами. Посвятив свою жизнь замене утопического социализма научной доктриной, он сознавал, какое значение имеет описание идеального общества, которого, однако, ни разу не пытался создать в своем воображений. В это же время обрели известность Сезанн и Писсарро, совершил свой первый полет винтовой дирижабль, а Жюль Берн напечатал «Вокруг света в 80 дней» — глобализация шла своим ходом.

И вот тогда французский издатель Эжена Сю Морис Лашатр, заочно приговоренный к двадцатилетнему заключению за причастность к Парижской коммуне, в Испании, а потом в Бельгии вернулся к задумке перевести на французский «Капитал». Первый человек, намеревавшийся это сделать, — Эли Реклю, с которым Маркс встречался в Париже в 1869 году, — отказался от этих планов и отправился со своим братом Элизе, будущим знаменитым географом, в Швейцарию работать над созданием бакунинской Федерации швейцарской Юры. Поскольку денег не было, новый издатель предложил Марксу издать книгу несколькими брошюрами, за мизерное авторское вознаграждение. 18 марта 1872 года тот согласился: «В такой форме книга будет

доступнее для рабочего класса, а для меня это соображение важнее всех прочих». Карл занялся переделкой книги первой, добавляя, вычеркивая, переписывая под предлогом работы над французским вариантом, ворча по поводу всех предлагаемых переводчиков — «бездарностей, которые только отнимают у него время; проще сделать все самому». По правде говоря, он сам перевел книгу на французский, как умел.

Теперь он уже не знал, где вспыхнет искра, от которой разгорится мировая революция. Он никогда не думал, что это случится в Англии, хотя эта страна и была центром капитализма и прибежищем вождей международного движения. Туда устремились Кропоткин и Степняк-Кравчинский, итальянец Малатеста, австриец Макс Неттлау, немец Рудольф Роккер и уцелевшие коммунары — Вайян, Серрайе и Франкель; беднейший лондонский квартал Сохо, где Маркс прожил шесть лет, даже прозвали «Малой Францией».

Франция надолго выбыла из политической игры после резни в мае 1871 года. 3 мая 1872 года первую группу осужденных коммунаров выслали в Новую Каледонию; кое-кто уехал в Алжир, присоединившись к множеству уроженцев Эльзаса и Лотарингии, желавших оставаться французами. Чтобы предоставить им землю, армия захватила владения алжирцев под предлогом их более или менее подтвержденного участия в восстаниях.

Что касается России, то и в ней, по Марксу, революции произойти не могло, поскольку она оставалась феодальным государством, которым Александр II управлял железной рукой с тех пор, как начались теракты; Карл всегда думал и писал, что социализм наступит после капитализма, а не вместо него; в России же капитализм продвинулся ничтожно мало. Кроме того, революционные силы там состояли в основном из анархистов и народников, которые ничего не понимали в его трудах и считали, что капитализм и социализм — западные извращения; народники, в частности, отвергали его теории как исходящие от «язычников». Однако первый перевод «Капитала» появился именно на русском языке, в апреле 1872 года; он был сделан ускоренными темпами двумя эмигрантами из России в Лондоне — Лопатиным и Даниельсоном (которого Маркс особенно уважал, хотя тот поначалу был народником). Книга, напечатанная тиражом в три тысячи экземпляров, была разрешена в России: царский цензор Скуратов, давший «добро», писал: «Хотя политические убеждения автора являются исключительно социалистическими и вся книга носит явную социалистическую природу, ее замысел, конечно, не делает ее общедоступной; к тому же стиль ее строго математический и научный; поэтому

комитет объявляет сию книгу свободной от судебного преследования». Мало кто прочтет ее в России, а еще меньше поймет, — добавил цензор. 28 мая 1872 года Маркс, еще плохо читавший по-русски, поздравил Даниельсона: «Перевод выполнен мастерской рукой». В первый же месяц было продано 900 экземпляров — цифра значительная, хотя и не говорящая о массовом успехе.

Остается Германия, где Карл все еще возлагает надежды на эйзенахскую партию Либкнехта и Бебеля, при условии, что они откажутся от сотрудничества с лассальянцами, завороженными государственной властью, как когда-то и сам этот молодой и блестящий адвокат.

Внутри самого съежившегося Интернационала борьба за власть велась еще напористее, хотя ставки в ней сделались ничтожно малы. Карл был убежден, что Бакунин, все так же называвший себя анархистом, на самом деле хотел использовать то, что осталось от движения, чтобы начать повсюду восстановление всех элементов самодержавного государства под названием «революционных коммун». Маркс тревожился, видя, что русский анархист старается превратить исполнительный орган Интернационала в революционный штаб, составленный меньшинством, единство мысли и действия которого означают не что иное, как ортодоксальность и слепое повиновение — *Perinde ad cadaver*[50] ордена иезуитов! Нельзя лучше сформулировать обвинение в адрес «единой партии», которая позднее сложится (именно в России) и начнет действовать от его имени, — никогда Маркс не станет ее сторонником. И никогда не поддержит принцип партии авангарда, узкого круга элиты. Но именно партия авангарда наделает столько бед после него. Маркс думал, что результата может добиться только массовая партия в условиях парламентской системы.

Поэтому он отнюдь не был намерен передавать Интернационал Бакунину. В июне 1872 года, в новом воззвании Генерального совета («Мнимые расколы в Интернационале»), он в очередной раз обвинил Бакунина в желании внести разлад в рабочее движение. Но у него были и другие заботы, поскольку лето 1872 года ознаменовалось тремя важными семейными событиями, тесно связанными с Парижской коммуной: все три его дочери были влюблены в трех французов — трех журналистов, трех коммунаров, трех чудесным образом спасшихся и миновавших участи тех, кто был 28 мая расстрелян на кладбище Пер-Лашез.

Летом 1872 года Лаура все еще находилась в Испании; она со своим мужем Полем Лафаргом вдохновляла на борьбу испанских

революционеров, подвергавшихся преследованиям со стороны напуганных Коммуной властей; в результате этой борьбы под руководством Пабло Иглесиаса вскоре будет создана Испанская социалистическая рабочая партия.

Женнихен в это же время разыскала среди эмигрантов-коммунаров, которым пыталась помочь, Шарля Лонге — журналиста, с которым ее познакомил Поль Лафарг пять лет тому назад. Лонге, директор «Рив гош», своего рода официальной газеты Коммуны, избегнувший пуль, которые сразили Флуранса (другую любовь Женнихен), только что приехал в Лондон и снова начал упорно за ней ухаживать. Они обручились.

Наконец, Элеонора тоже влюбилась в коммунара, уже четвертого в семье — графа Проспера Оливье Лиссагаре. Активный борец за республику во времена Империи, военный комиссар в Тулузе и командир эскадрона в армии Шанзи, журналист и боец Коммуны, он отказался от своего титула и издал под обстрелом шесть номеров газеты «Аксьон», а затем «Трибюн дю пёпль». Спасшись от пуль версальцев и укрывшись в. Лондоне, он навестил Маркса летом 1872 года и рассказал, что делом его жизни станет повествование об истории семидесяти двух дней Парижской коммуны. Он намеревался дать свидетельство перед Историей об ужасной резне, карикатурно представленной в прессе и официальных источниках; он опросит всех, кто выжил, — в Лондоне, Швейцарии, повсюду, где сможет найти изгнанников, и изучит все документы, которые сумеет раздобыть. Он хотел оставить о себе мнение как о журналисте, историке и актере — написать подлинный рассказ об ужасном избиении патриотов реакционным правительством пораженцев. Ведь до сих пор о майских днях рассказывали только победители. Лиссагаре показал Карлу дневник, который он вел во время тех событий — «Восемь майских дней на баррикадах». Свою книгу он намеревался завершить так: «Последняя баррикада в майские дни была на улице Рампоно. Целую четверть часа ее защищал один-единственный коммунар. Трижды ломал он древко знамени версальцев. Последний солдат Парижской коммуны сумел ускользнуть — это была награда за смелость». Этим последним бойцом был сам Лиссагаре, которому невероятное стечение обстоятельств позволило избегнуть гибели в бойне последних дней, как и Лонге с Лафаргом.

Карл покорён. Его новый знакомый спокоен, силен, точен. Конечно, Маркс понимает, что «Лисса» чересчур независим, слишком близок к анархистам, чтобы стать одним из его верных последователей; но он думает, что «красный граф» способен написать одно из тех свидетельств, без которых ни одна

социальная теория никуда не годится; и Карл уверен, что найдет в его рассказе подтверждение собственной теории о Коммуне в том виде, в каком он изложил ее в своей последней работе — третьем «Воззвании». А главное — он увидел в этом знакомстве случай противопоставить истину пропаганде, избравшей его своей мишенью, обзывая попеременно то прусским агентом, то тайным вождем Коммуны. Он хочет обнародовать эту правду как можно скорее, и не только на французском, но и на немецком и английском языках. Поэтому он предложил ошеломленному Лиссагаре лично заняться переводом его будущей книги на немецкий язык, а перевод на английский поручить своей младшей дочери Элеоноре — совершенной полиглотке. «Оба перевода, — сказал он, — будут выполняться по мере создания рукописи». Элеоноре тогда было всего семнадцать лет; она выглядела по-мальчишески и была не такой хорошенькой, как Лаура, но все же миловиднее Женнихен. Она еще училась в школе в Сауз-Хэмпстеде, где начала увлекаться театром и политикой. Мятежная во всем, она единственная в семье интересовалась иудаизмом, чтобы «вернуться к своим корням», — к большой досаде своей матери, убежденной атеистки. Отца (тоже атеиста) умиляло всё, что бы ни делала младшая дочь, так напоминавшая ему сына Эдгара.

В восторге от такого предложения Лиссагаре принялся за работу в доме у Карла вместе с отцом и дочерью. Но очень скоро Элеонора пылко влюбилась в «Лисса», который не остужал ее страсти. Карл был против этих отношений: Лиссагаре вдвое старше Элеоноры. «Ради блага моего дитя я должен действовать с массой предосторожностей и бдительностью», — писал он Энгельсу. Не говоря уж о том, что у «пламенного баска», как называл его Карл, была репутация Казановы.

Потом Маркса снова затянуло в политическую деятельность: с приближением сентября — времени ежегодного конгресса Интернационала — отношения между ним и Бакуниным в Лондоне стали сильно натянутыми.

Первые разногласия возникли по поводу места собрания: бакунисты хотели, чтобы конгресс состоялся в Швейцарии, где они чувствовали себя на своей земле, а прочие отказывались, опасаясь «пагубного местного влияния». В конечном счете конгресс состоялся в Гааге — одном из редких мест на континенте, еще открытом для «левых». «Швейцарцы» делегировали туда двух человек, чтобы представить свой проект резолюции, наказав им покинуть съезд, если за него не проголосует большинство.

Карл чувствовал, что этот конгресс имеет определяющее

значение: несмотря на всю его славу, а может быть и вследствие ее, Интернационал находился при смерти. Многие его руководители погибли под пулями версальцев; большинство из оставшихся в живых — в том числе его лучшие друзья, обличавшие прусскую экспансию Либкнехт и Бебель, — сидели по тюрьмам в разных странах Европы. На самом деле, было заявлено об участии только пятидесяти шести делегатов. За несколько дней до открытия Карл написал Кугельману, собиравшемуся на конгресс в качестве делегата от Германии: «Речь идет о жизни или смерти Интернационала». Впервые после создания этой организации Маркс решил присутствовать на конгрессе. Он встретил там делегата от Испании и Португалии Поля Лафарга, который, возвращаясь на жительство в Лондон, 1 сентября прибыл в Гаагу вместе с женой и, надо полагать, детьми, о чем свидетельствуют полицейские и гостиничные регистрационные записи: «Карл Маркс и его жена с их дочерью Лаурой и ее мужем Полем Лафаргом». Возможно, Карл воспользовался случаем, чтобы повидаться с двумя сестрами, тетей Филипс и дорогой кузиной Нанеттой, тоже ставшей активисткой Интернационала. Может быть, именно по этой причине Женни вызвалась его сопровождать?

С самого начала конгресса (освещавшегося несколькими журналистами) Бакунин потребовал отменить принятое на прошлогодней лондонской конференции решение придерживаться демократического пути. По Бакунину, только революция имеет смысл, где бы она ни разразилась. Русский анархист в очередной раз предложил лишить Генеральный совет основных его прерогатив, чтобы передать их национальным федерациям. Маркс в ответном выступлении обвинил Бакунина в подрыве Интернационала с целью свержения «законных представителей рабочих в Генеральном совете». После трех дней напряженных дебатов перешли к голосованию. Опираясь на поддержку последних вождей коммунаров, прибывших из Лондона — Франкеля и Вайяна, — Карл первым делом добился подтверждения доктрины, принятой в Лондоне: приход к власти осуществится парламентским путем везде, где это возможно, значит, нужно организоваться в партию и отправиться на выборы под собственным знаменем, не вступая в союз с буржуазными или либеральными партиями. Статью 7 устава Интернационала изменили следующим образом: «В своей борьбе против объединенной власти имущих классов пролетариат может действовать как класс, только организованный в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами». С другой стороны, прерогативы

Генерального совета были сохранены. Тем не менее анархисты не покинули конгресс и затягивали дебаты бесконечными дискуссиями о процедуре.

В очередной раз Карл не испытывал радости от собственных побед. Уставший от раздоров, измотанный напряжением, которого от него требовали в течение по меньшей мере семи последних лет еженедельные собрания Центрального комитета, желая закончить два недостающих тома «Капитала» — великого труда, который, как он чувствовал, от него ускользает, — он понимал, что Интернационал отжил свое. Однако он и на минуту не мог представить, как можно передать то, что осталось от организации, в чужие руки, в особенности в руки анархистов. Поэтому он решил одновременно свернуть деятельность Интернационала и дискредитировать Бакунина, чтобы тот не мог захватить в нем власть. И как всегда, когда он действовал, это было подобно удару молнии.

Незадолго до закрытия конгресса он, к всеобщему удивлению, выпустил две смертельные стрелы: одну — в сам Интернационал, а другую — в Бакунина.

Во-первых, в то время как собравшиеся намеревались проголосовать, уже восьмой год подряд, за сохранение штаб-квартиры Интернационала в Лондоне, Энгельс в ошеломляющей речи, почти целиком написанной Марксом (присутствовавшим в зале), предложил перенести ее… в Нью-Йорк[51]! Даже если центр капиталистического мира в то время переметнулся на другую сторону Атлантики, того же нельзя было сказать о коммунистическом движении. Его практически не существовало среди американского рабочего класса. Каждый в зале понимал, что такой переезд на деле станет смертным приговором Интернационалу, и, как прошептал один из делегатов, его с таким же успехом можно было бы перенести на Луну. Даже друзей Карла это предложение поставило в тупик: почему он хочет разрушить Интернационал, хотя только что голосованием сохранил за ним ведущую роль? Идея была подвергнута осуждению. Марксу и Энгельсу пришлось говорить с каждым поодиночке, чтобы кого-нибудь убедить. В конечном счете его резолюцию приняли только поздно ночью: двадцать шесть голосов «за», двадцать три «против» и шесть воздержавшихся. Тогда Карл добился назначения главой нового секретариата своего верного сторонника Фридриха Адольфа Зорге[52], с которым он познакомился в Кёльне в 1849 году, — это был очаровательный… учитель музыки!

Но он не хотел, чтобы удаление со сцены секретариата сыграло на руку Бакунину. Поэтому сразу же после этого

голосования, в последний день конгресса, он театрально сообщил во время заседания, что Бакунин подписал в 1869 году договор на перевод «Капитала» на русский язык за 300 рублей и оставил у себя аванс, выплаченный издателем, так и не выполнив перевода. Это был бы мелкий грешок, какой многие авторы совершали во все времена, если бы Бакунин при этом не пригрозил издателю смертью! Карл, в самом деле, продемонстрировал участникам конгресса письмо за подписью Нечаева, адресованное Любавину — посреднику между Бакуниным и издателем, в котором последнему совершенно четко грозили смертью от имени «революционного комитета», если тот не отдаст Бакунину безвозмездно означенные 300 рублей! Бакунин искренне возмутился, утверждая, что не знал об этом письме, но почти никого не убедил; его исключили из Интернационала двадцатью семью голосами против семи при двадцати одном воздержавшемся.

На самом деле Маркс прослышал об этой истории еще в июле 1870 года от Лопатина — одного из переводчиков «Капитала» на русский язык, который попытался, будучи в Женеве, убедить Бакунина в том, что Нечаев мошенник; не добившись этого, он отправился к Любавину, который рассказал ему о письме с угрозами от Нечаева; позже Любавин прислал ему это письмо вместе с осторожной запиской: «В то время мне казалось бесспорным, что Бакунин причастен к этому письму, но теперь, глядя на вещи спокойнее, я вижу, что ничто этого не подтверждает, а письмо могло быть послано Нечаевым совершенно без ведома Бакунина». Чуть позже было обнаружено письмо Бакунина Нечаеву, подтверждающее, что Нечаев грозил издателю смертью все-таки с согласия Бакунина.

Сразу после конгресса Зорге уехал в Америку без всяких средств, даже без архивов. С собой он забрал только одного сотрудника — Теодора Куно, немецкого инженера, тоже бывшего делегатом на Гаагском конгрессе. Тот напишет в своих воспоминаниях, опубликованных шестьдесят лет спустя: «Не знаю, что стало с материалами Гаагского конгресса и всех ему предшествующих. Но я уверен, что их не было в чемоданчике Зорге, когда мы поднимались в Ливерпуле на борт „Атлантика“. Не виделся их и потом, когда Генеральный совет перевели в Нью-Йорк».

По странной иронии судьбы той же осенью 1872 года, когда штаб-квартиру Интернационала перенесли в Америку, кандидатом от демократов на пост президента США избрали Хорэса Грили — основателя «Нью-Йорк дейли трибюн», газеты, в которой Карл был лондонским корреспондентом! Через два

месяца он проиграет перевыборы Улиссу Гранту — великодушному победителю в Гражданской войне, с легкостью избранному, несмотря на окружавшие его финансовые скандалы.

Через неделю после Гаагского конгресса, пока все еще размышляли над неожиданной развязкой, широко освещавшейся в прессе всего мира, Юрская федерация (по-прежнему верная Бакунину, несмотря на его исключение) собралась в Швейцарии, в Сент-Имье, вместе с испанской и итальянской федерациями, несколькими французскими и двумя американскими секциями для создания новой, открыто анархистской международной организации, целью которой станет «разрушение всякой политической власти путем революционной забастовки», но без насилия. В финальной резолюции конференции отвергалось «надувательство выборов», а также говорилось: «Устремления пролетариата могут иметь целью только учреждение абсолютно свободных экономических организаций и федераций, основанных на труде, всеобщем равенстве и совершенно не зависящих от любого политического правительства… Разрушение любой политической власти является первым долгом пролетариата». В этих словах слышался отзвук речей Прудона или даже Штирнера, предтечи анархизма, по которому Маркс тридцатью годами раньше прошелся в «Немецкой идеологии»: противостояние между «левыми», мечтающими захватить власть, и «левыми», мечтающими ее упразднить, отмечавшееся еще в эпоху Французской революции, проявилось с новой силой.

Пятнадцатого сентября 1872 года в Нюрнберге скончался один из первых наставников Карла и так же, как и Прудон, объект нападок в «Немецкой идеологии» — Людвиг Фейербах. Несколько чиновников, горстка студентов, тысячи рабочих, по большей части активисты Партии трудящихся, и лассальянцы, к которым недавно примкнул Фейербах, сопровождали его на кладбище Святого Иоанна.

В тот же день Карл Маркс напечатал в брюссельской газете «Либерте» статью, резюмирующую выводы, которые он извлек из Гаагского конгресса. Конгресс «провозгласил необходимость рабочему классу сражаться на политическом и социальном поле со старым, рушащимся обществом». Далее следовала шпилька в адрес Бакунина: «Среди нас сформировалась группа, призывавшая к неучастию рабочих в политической жизни. Мы сочли своим долгом сказать, насколько опасны и пагубны для нашего дела подобные принципы».

Пятого октября 1872 года Бакунин, укрывшийся в Цюрихе, ответил через ту же газету. Он не сложил оружия и в отместку за исключение метал громы и молнии в Маркса, тревожась, как и

тот, по поводу возможного пришествия реальной диктатуры единственной партии под прикрытием «диктатуры пролетариата». «Утверждать, будто группа людей, даже самых умных и с самыми наилучшими намерениями, способна стать гением, душой, руководящей и объединяющей волей революционного движения и экономической организации пролетариата всех стран, — надругательство над здравым смыслом, к тому же противоречащее историческому опыту. Просто диву даешься, как такой умный человек, как Маркс, мог до этого додуматься», — писал он. Таким образом, и Маркс, и Бакунин предугадывали опасность, таящуюся в их борьбе, но каждый считал, что в ней повинен другой.

Как раз перед возвращением вместе с Марксами в Лондон Лафарги потеряли второго из своих трех детей — последнего мальчика по прозвищу «Шнапс» или «Фуштра», которого Карл и Женни так любили. Семья была убита горем.

Несколько недель спустя, 10 октября, в Лондоне Женнихен вышла замуж за Шарля Лонге. Новобрачные отправились жить в Оксфорд, а Лафарги поселились в британской столице, в доме 27 по Сауз-Хилл-Парк. Они вычеркнули из памяти свое испанское изгнание. Элеонора по прозвищу Тусси — она одна теперь жила с родителями в большом доме — настойчиво упрашивала их разрешить ей обручиться с Лиссагаре; Женни и Карл отказали. Девушка бушевала, сердилась, печалилась. Ничто не помогало. Карл подумал, что ее мог бы развлечь театр, как в свое время Женнихен. Элеонора отдалась ему страстно, увлекшись Ибсеном. Тем не менее она продолжала видаться с Лисса, брак ее с которым был неугоден всей семье. В ноябре, в письме к Женнихен, Элеонора жаловалась на нелюбезное обращение Поля Лафарга с человеком, которого она любит.

Лафарг показал тестю машину для копирования рукописей, изобретенную его другом, — это был один из первых фотостатов. Карл заинтересовался этим изобретением: сколько времени можно будет сберечь, если оно заработает! Он как будто бы даже вложил деньги в это предприятие, но оно быстро разладилось из-за раздоров по поводу владения патентом. Мы увидим, что двадцать лет спустя такая машина сыграет ключевую роль в проверке рукописей Маркса…

Вернувшись из Гааги, Карл хотел снова засесть за свой труд. Он как никогда ясно осознавал, что в первом томе «Капитала» немало пробелов. Он знал, что трудовая стоимость товара не эквивалентна ее рыночной цене, более того: определение цены на товары систематически отклоняется от их стоимости, и не в форме колебаний, и поэтому его теорию прибавочной стоимости

невозможно проверить опытным путем. Он переделывает, вымарывает, вычеркивает, рвет. Много читает и, как Демокрит из его диссертации, ищет истинность своей теории в эмпирических наблюдениях. Он исписал убористым почерком больше пятидесяти тетрадей (то есть почти три тысячи страниц). Это были заметки на различные темы. Потом вернулся к первому тому, который снова переделал для второго немецкого издания и для перевода на французский язык, — он будет закончен неким Жюлем Руа, стойко переносившим капризы Карла.

Очередной финансовый кризис, разразившийся на сей раз в США в 1873 году после банкротства банка Джея Кука, убедил его в неминуемом крушении капитализма, крушении, которое избавит его от необходимости заканчивать три тома своего труда. Поэтому он сосредоточился на единственном переиздании в Германии первого тома, который, на его взгляд, нужно было выпустить срочно, и написал для него послесловие, где ощущается одновременно его желание выбросить на помойку всякую теорию, когда намечается действие, и бешенство от того, что ему не удалось найти решения задачи о переходе от стоимости к цене, столь долго его занимавшей: политическая экономия может оставаться наукой лишь при условии, что классовая борьба будет носить скрытый характер или выражаться лишь в отдельных проявлениях. Когда наступает политический кризис, «дело будет уже не в том, правильна или неправильна та или другая теорема, а в том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет». Иначе говоря, проверку теории можно осуществить без поиска соответствий в прошлом. Она верна не в силу научной связности и логичности, а в силу своей политической эффективности. Гипотеза доказана, если теория действенна: это позволяет ему выйти из тупика: его гипотезу невозможно проверить научным методом, однако она верна, если теория в целом окажется полезной классу, которому должна служить. А об этом можно будет судить, только если она осуществится на практике.

После выхода в свет переиздания первого тома, все у того же гамбургского издателя, он послал один экземпляр Дарвину, который только что напечатал свой труд «О выражении эмоций у человека и животных». Карл написал посвящение, назвавшись в нем его «искренним почитателем». Дарвин в соответствии с этикетом подтвердил получение книги, извинившись, однако, за то, что не обладает необходимыми познаниями, чтобы ее прочесть. В его экземпляре книги страницы были разрезаны только до 104 (из 802). Значит, Дарвин не увидел трех ссылок на

его произведения — на страницах 352, 385 и 386.

У Карла тогда были другие заботы, поскольку битва с анархистами не закончилась. Несмотря на дискредитацию Бакунина, несколько федераций одна за другой лишили секретариат, перенесенный в Нью-Йорк, всяческих полномочий надзирать за их делами; некоторые даже проголосовали за упразднение этого органа. 12 февраля 1873 года Маркс писал: «Эти люди [бакунисты] находятся в центре расширяющегося заговора»; он попытался сократить наносимый урон, поставив во главе каждой национальной организации (порой вопреки мнению большинства ее членов) верных себе людей. 27 апреля в Нёвшателе «юрцы» (теперь уже без Бакунина) собрали семь европейских федераций Интернационала (английскую, бельгийскую, голландскую, швейцарскую, испанскую, итальянскую и французскую). Среди делегатов был молодой французский журналист (во времена Коммуны его не было в Париже) Жюль Базиль, он же Жюль Гед, эмигрировавший в Швейцарию. Делегаты в очередной раз постановили упразднить Генеральный совет Интернационала и провозгласили автономию федераций. В это время Бакунин, уязвленный своим исключением и как никогда находившийся под влиянием Прудона, написал «Государство и анархия» — памфлет, в котором подвергал нападкам тех, кого теперь с презрением стал называть «марксистами»: «Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; господство без рабства, открытого или замаскированного, немыслимо, — вот почему мы враги государства <…>. Под управлением народным <…> разумеют правление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом… Итак, с какой точки зрения ни смотри на этот вопрос, все приходишь к тому же самому печальному результату: к управлению огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной; будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом».

Одновременно Маркс с бешенством вычитывал рукопись французского перевода «Капитала», только что законченного последним переводчиком — Жюлем Руа. Он был недоволен и открылся в этом Женнихен, которая 3 мая 1873 года сообщила в письме доктору Кугельману, что ее отец считает перевод чересчур буквальным, слабым и упрощенческим.

Но Марксу пришлось вынести и другой удар: в мае, когда Женнихен родила в Лондоне первенца, названного Шарлем (Карлом), Элеонора без согласия родителей обручилась с графом Проспером Оливье Лиссагаре (правда, тот из революционной солидарности отказывался носить свой титул). Женни просила мужа сделать все возможное, чтобы помешать браку. «Решительно, — думал Карл одновременно с гневом и гордостью, — младшенькая, с которой после смерти Эдгара я нянчился больше, чем с другими своими дочерьми, поскольку она казалась мне похожей на сына, ускользнула от меня». В июне, чтобы отдалить ее от Лисса, он набрался сил и поехал с ней в Брайтон, где пристроил на несколько месяцев учительницей французского в знатные английские семьи, проводившие там лето. Элеонора познакомилась с тремя сестрами Блэк (Клементиной, Констанцией и Грейс) и с поэтессой Эми Леви, но не отступилась от Лиссагаре.

В июле ссора с дочерью так подорвала его здоровье, что поползли слухи, будто он умирает. Некоторые газеты даже сообщили о его кончине. Его осмотрел доктор Эдвард Гумперт, врач Энгельса, выявил заражение печени, посадил на строгую диету и велел ограничить умственную деятельность четырьмя часами в день. Эти четыре часа Маркс посвящал вычитыванию французского перевода первой книги «Капитала» и приведению в порядок будущей второй.

В сентябре 1873 года ежегодный конгресс Интернационала, собравшийся на сей раз в Женеве, стал настоящей пародией: из сорока одного делегата тридцать девять были швейцарцами! Английская федерация не наскребла денег на отправку даже одного делегата; Карл туда не поехал; не было также ни одного француза, португальца, немца, испанца или итальянца. Из Нью-Йорка приехал новый генеральный секретарь Адольф Зорге. Председателем конгресса был неизменный глава женевского строительного профсоюза Жан Пьер Беккер; он зачитал краткий доклад, составленный Энгельсом (также не удостоившим конгресс своим присутствием), о положении Интернационала. Невозмутимый и призрачный конгресс обсудил устав, подтвердил полномочия Генерального совета и оставил его штаб-квартиру в Нью-Йорке. Следующий конгресс отложили на два года. 12 сентября, когда все вернулись по домам, Энгельс написал Зорге: «Старый Интернационал кончился и перестал существовать», что Маркс подтвердил две недели спустя, в письме тому же Зорге: «Этот конгресс потерпел фиаско. <…> События и ход вещей сами приведут к возрождению Интернационала в более совершенной форме. Пока же достаточно не выпускать

совершенно из рук связь с лучшими представителями товарищества в разных странах, а в остальном — плевать на местечковые решения Женевы, короче, не видеть их в упор. Единственное правильное решение, которое было там принято, — отложить конгресс на два года, ибо это упрощает нам задачу действовать намеченным образом. К тому же это позволяет уничтожить росчерком пера расчеты континентальных правительств, ибо они не смогут использовать призрак Интернационала для неминуемого крестового похода реакции. В самом деле, предпочтительнее, чтобы буржуазия повсюду считала, что этот труп благополучно погребен».

В этом письме Карл опять проявил свою прозорливость: в самом деле, много позже его смерти и вплоть до настоящего времени социалистический Интернационал не раз воскреснет в разном обличье и под разными именами; в него войдут бесчисленные коммунистические или социалистические партии, которые придут к власти (некоторые и по сей день там находятся) [53].

Месяц спустя опустошенный своим отстранением Бакунин, которого теперь чурались его собственные друзья, поскольку он им мешал, вышел из Юрской федерации, оставив странное письмо, которое, по идее, должно было помочь ему сохранить лицо, но прозвучало первым призывом к тому, что станет «пролетарской культурной революцией»: «За девять последних лет в недрах Интернационала расплодилось больше идей по спасению мира — как если бы идеи сами по себе могли его спасти, — чем нужно, и теперь я брошу вызов невзирая на личности любому, кто изобретет еще одну новую. Время идей прошло, наступило время фактов и поступков». «По своему рождению и положению в обществе, но не по своим пристрастиям и наклонностям, я всего лишь мещанин и в этом качестве мог бы заниматься среди вас только теоретической пропагандой, — писал Бакунин. — Так вот, я убежден, что время теоретических речений прошло. Если бы я был молод, то перенесся бы в рабочую среду, делил трудовую жизнь со своими братьями и участвовал бы вместе с ними в великом труде нужной всем организации». Это письмо, дающее элегантное рациональное объяснение самоотстранения Бакунина от дел после выдвинутого против него бесчестящего обвинения, вдохновит на «вхождение» в пролетарскую среду многих европейских интеллигентов, пожелавших сделаться рабочими, а также главных действующих лиц (против их воли) китайской культурной революции.

В начале 1874 года Маркс проводил много времени в обществе Элеоноры: он пытался убедить ее порвать с Лисса,

вызывая приступы гнева, печали и депрессии у Тусси, которая разрывалась между огромной любовью к отцу и всепоглощающей страстью к французу, с которым у нее было столько общего.

Десятого февраля Карл рукоплескал первому крупному политическому прорыву коммунистической партии, совершившемуся по образцу, который он утвердил в Лондоне три года тому назад: Социал-демократическая партия Германии, основанная в 1867 году в Эйзенахе и возглавляемая теперь Вильгельмом Либкнехтом, только что выпущенным из тюрьмы, на выборах в рейхстаг получила равное количество голосов с Всеобщим германским рабочим союзом, основанным за пять лет до нее Фердинандом Лассалем. Канцлер Бисмарк столкнулся с двумя крупными рабочими партиями, каждая из которых стремилась подчинить себе государство, чтобы использовать его для проведения более или менее радикальных реформ. Карл по-прежнему относился к лассальянцам как к отступникам от социализма. Он упрекал руководителей лассальянской партии в том, что они проникнуты «буржуазным гуманизмом, несовместимым с подлинно революционными целями», и ограничиваются требованием более справедливого распределения богатств, не ставя под вопрос саму структуру производства. По Марксу, распределение доходов есть всего лишь одно из проявлений способа производства; поэтому справедливое перераспределение богатств при капиталистическом способе производства невозможно.

Двадцать третьего марта Элеонора, три недели не покидавшая своей комнаты из-за приступа депрессии, снова умоляла отца признать действительной ее помолвку с Лиссагаре. В этом же месяце в Лондоне умер последний ребенок Лауры, дочка. Женни и Карл были в отчаянии. Автор «Капитала» вновь отложил в сторону свое перо.

С середины апреля до 5 мая, страдая от бессонницы и приступов фурункулеза, он находился в Рамсгейте, в доме, принадлежавшем Энгельсу, вместе с Женнихен и ее сыном Шарлем-Фелисьеном, последним из внуков Маркса. Несмотря на «чудесный воздух» и купания, прогулки и режим, Карл тревожился о здоровье ребенка: «Его состояние хуже, чем в Лондоне». В июне доктор Гумперт, присланный Энгельсом, посоветовал ему ехать лечиться подальше, в Карлсбад, что в австрийской Богемии. Карл решил отправиться туда, а заодно увезти с собой Элеонору, чтобы удалить ее от Лисса. Женни же осталась в Лондоне.

Двадцатого июля сын Женнихен, Шарль-Фелисьен Лонге, умер в возрасте одиннадцати месяцев. У Карла больше не

осталось внуков. Его собственные недуги навалились на него с удвоенной силой.

Опасаясь, что австрийские власти вышлют его как лицо без гражданства, он снова, как в 1869 году, ходатайствовал о получении британского гражданства. С этой целью он представил «свидетелей, характеризующих моральный облик», или «поручителей», правительственному чиновнику, который передал его ходатайство в министерство внутренних дел 1 августа 1874 года. Но ответа Маркс дожидаться не стал: ему сообщили, что он сможет вступить на австрийскую землю как лицо без гражданства; поэтому, когда 26 августа английское министерство отвергло его ходатайство, Карл и Элеонора уже уехали в Карлсбад. Туда к ним приехали Кугельманы. По воспоминаниям, отец и дочь скрупулезно выполняли все предписания врачей. Аристократы и крупные буржуа, узнав о присутствии грозного главы Интернационала, повелителя Коммуны, напугавшей всю Европу, устремились туда, чтобы посмотреть, как он пьет и ест самым обыкновенным образом… Со всех сторон к нему стали съезжаться побеседовать журналисты и политики; в том числе Бебель, желавший узнать его мнение об Интернационале, который явно дышал на ладан. В это время Зорге ушел с поста генерального секретаря и сообщил об этом Энгельсу, который ответил ему 12 сентября 1874 года: «Из-за твоего ухода старый Интернационал полностью прекратил свое существование. И это хорошо. Он принадлежал к эпохе Второй империи…» Как будто положение во Франции по-прежнему определяло собой революционный календарь! Энгельс словно испытал облегчение от того, что пришел конец единственной политической деятельности, которую Карл Маркс за последние тридцать лет затеял без него… Фридрих добавил к этому своего рода извещению о смерти боевую повестку дня: «Я думаю, что будущий Интернационал (когда сочинения Маркса возымеют свое действие в ближайшие несколько лет) станет чисто коммунистическим и четко провозгласит наши принципы». Энгельс не говорит о том, что сам будет деятельно этому способствовать после смерти Карла, словно чтобы взять реванш за собственное отсутствие во время создания первого Интернационала…

Двадцать первого сентября Карл и Элеонора покинули Карлсбад, находясь в гораздо лучшей форме. Они рассорились с Кугельманами, находя их чересчур назойливыми. Элеонора пообещала отцу слушаться его и больше не встречаться с Лисса. На обратном пути они заехали в Лейпциг, чтобы пообщаться с Вильгельмом Либкнехтом. Друзья заключили друг друга в объятия: они не виделись почти десять лет! Молодой человек,

бывший нянькой Элеоноре, когда она только что родилась в трущобах Сохо, двадцать лет спустя превратился в бесспорного вождя немецких левых. Вильгельм показал им своего сына, которому тогда было три года, благочестиво названного Карлом (через сорок пять лет он вместе с Розой Люксембург возглавит в Берлине трагическую революцию спартаковцев в январе 1919 года). Либкнехт огласил Марксу программу своей партии: национализация монополий и установление государственного социализма, основанного на мощи Прусского государства. Карл высказал ему все, что думал о партии лассальянцев: программа их сводится к установлению всеобщего избирательного права, созданию рабочих кооперативов и союзу с Бисмарком; Карл считал, что они причастны к клевете, которую распускал о нем канцлер. Поэтому Либкнехт не посмел рассказать ему о самом важном своем проекте: слиянии с этой самой партией…

Три месяца спустя, когда Лонге переехали из Оксфорда в Лондон, в дом 58 по Флит-роуд, а в Париже принятие поправки Валлона восстановило республику, Карл с величайшим изумлением узнал, что 14–15 февраля 1875 года семьдесят три делегата-лассальянца от Всеобщего германского рабочего союза и пятьдесят шесть делегатов от Социал-демократической рабочей партии встретились в небольшом городке Гота в Тюрингии, чтобы разработать общую программу и подготовить слияние обеих организаций в Социалистическую рабочую партию Германии.

Маркс был в ярости: объединиться с этими людьми! Подложить ему такую свинью! Через тридцать лет столкнуть его со старым врагом, который преследовал его всю жизнь и гибели которого он желал всей душой, — с Прусским государством. И если бы речь шла только о предвыборном союзе, но нет, это было слияние на основе проникнутой идеями Лассаля программы, цель которой — использовать Прусское государство, не меняя производственных отношений, даже не готовясь к уничтожению государства. Но поскольку все считали его руководителем этой новой социалистической партии, он возмущался при мысли о том, что его упрекнут в поддержке программы, столь далекой от его идей. Поэтому он тайно послал председателю Социал-демократической партии Вильгельму Бракке жесткую критическую статью, из насмешки назвав ее «Заметки на полях Готской программы». Много позже сопроводительное письмо и приложение к нему будут опубликованы под заглавием «Критика Готской программы».

В этом письме ощутимо проступают гнев и разочарование властителя дум: его друзья из «эйзенахской партии», в частности, этот проходимец Либкнехт, повели себя как оппортунисты,

выклянчивая ненужный компромисс у либеральной партии. Двадцать лет он им растолковывал, что союз с буржуазными партиями может привести только к катастрофе, наподобие той, что пережил он сам в 1849 году в Кёльне и Париже. И вот теперь в первой стране, где коммунистам наконец удалось добиться автономного существования, произошло их объединение с последователями его врага! «Это удручающе глупо», — думал он. И снова изложил им свою концепцию роли политики в истории, сделав это рассерженное послание своим настоящим политическим завещанием: «Нижеследующие критические замечания к объединительной программе будьте добры по прочтении передать для ознакомления Гейбу и Ауэру, Бебелю и Либкнехту. Я завален работой и вынужден переступать уже далеко за рамки рабочего времени, разрешенного мне врачами. Поэтому мне отнюдь не доставило особого „удовольствия“ исписать так много бумаги. Но это было необходимо для того, чтобы партийные друзья, для которых предназначается это сообщение, не истолковали впоследствии ложно те шаги, которые я, со своей стороны, должен буду предпринять… Это необходимо, так как за границей распространено заботливо поддерживаемое врагами партии мнение — мнение совершенно ложное, — будто мы тайно руководим отсюда движением так называемой эйзенахской партии <…>. Помимо того, мой долг не позволяет мне, хотя бы лишь посредством дипломатического молчания, признать программу, которая, по моему убеждению, решительно никуда не годится и деморализует партию… Вожди лассальянцев пришли к нам потому, что их вынудили к этому обстоятельства. Если бы им заявили с самого начала, что ни на какое торгашество принципами не пойдут, то они *должны* были бы удовлетвориться программой действия или организационным планом в целях совместного действия <…>. Впрочем, программа никуда не годится и независимо от того, что она канонизирует лассалевский символ веры».

По Марксу, хорошая общая программа должна была бы защитить торговцев, ремесленников, крестьян и рабочих от промышленников и крупных землевладельцев. Она должна была бы также ускорить индустриализацию страны, чтобы увеличить число наемных рабочих, улучшив их социальную защиту. И даже если *«полное запрещение* детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и поэтому является пустым благочестивым пожеланием», нужно обеспечить всем детям из народа бесплатное образование, ибо «раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного

общества».

Кроме того, коммунисты не приняли бы программу, которая не ставит своей целью исчезновение государства. Хотя он сам и боролся с анархистами, то не потому, что они якобы хотят покончить с государством, а именно потому, что не знают, как это сделать, и говорят об этом в своей программе лишь для завоевания власти.

Наконец, такая программа должна вписываться, на его взгляд, в деятельность, разбитую на три этапа (о ней он говорил в своем третьем «Воззвании», написанном после подавления Парижской коммуны). Он вычеркивает предварительный этап, упомянутый в этом «Воззвании» — этап прихода к власти революционным путем, поскольку в Германии «левые» отныне могут надеяться достигнуть ответственных постов через демократические выборы.

Выполнив первый этап своей программы, придя к власти демократическим путем, социалистическая партия должна соблюдать принцип «равноправие для всех», основанный на равенстве людей («Каждому по труду»). Чтобы этот этап не привел к обуржуазиванию (чем непременно завершится осуществление Готской программы), нужно быстро перейти ко второму этапу, а именно наделить пролетариат необходимыми средствами борьбы, чтобы не проиграть следующие выборы.

На втором этапе — «диктатуры пролетариата» — альянс, получивший большинство голосов, должен широко разрастись. Для этого ему следует организовать (не выходя за рамки парламентской демократии) полное преобразование производственных отношений, покончив, в частности, с «порабощающим человека подчинением его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда». Для этого государство должно действовать решительно, не ставя под вопрос ни личную свободу, ни свободу печати, ни разделение властей, ни назначение руководства путем свободных и многопартийных выборов. В этот период у парламентского большинства будет законная власть, чтобы пересмотреть существующее законодательство и перейти к принципу «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Маркс пишет: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть не чем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата».* Эта диктатура должна создать децентрализованное, прозрачное по своей структуре государство,

действующее открыто, без цензуры в печати, без бюрократии, без однопартийной системы, без иерархических назначений, без постоянной армии, с выборными судьями, без «чисто репрессивных органов». Таким образом, это государство будет исчезающим, но все еще способным обороняться от врагов. Важный момент: по Марксу, диктатура пролетариата не должна ставить под вопрос личную свободу, наоборот, ее задача — организовать исчезновение «репрессивных органов государства». Как это далеко от того смысла, который вложит в эту концепцию Ленин!

Маркс видел, что Парижская коммуна попыталась совершить нечто подобное, но не сумела организовать собственную оборону и поставить средства производства на службу трудящимся.

На третьем этапе программы, после исчезновения репрессивного государства, установится коммунистическое общество — без классов и без разделения труда; граждане будут вольны работать по собственному усмотрению, развивать свои способности, уважая способности других; они будут располагать потребительскими благами по своим потребностям, не подчиняясь идеологии или религиозной морали. Предприятия будут находиться в коллективном владении (необязательно в государственном).

Маркс не уточняет, при каких условиях осуществится переход от одного этапа к другому, не учитывает того, что может произойти, если большинство избирателей не захотят такого перехода и потребуют восстановить прежний порядок; не дает описаний того, каким будет государство при диктатуре пролетариата, что сохранится от него при коммунистическом обществе, каким образом будет осуществляться управление коллективной собственностью в идеальном обществе. Он пишет: «Возникает вопрос: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово „народ“ со словом „государство“, это ни капельки не подвинет его разрешения».

В завершение, как это часто бывало и раньше, он приводит латинскую фразу. На сей раз это пять слов, по поводу которых были написаны тысячи страниц: «Dixi et salvavi animam meam» («Сказал и спас свою душу»). Пятнадцать лет спустя в письме к Бебелю, которому, среди прочих, предназначалось это послание, Энгельс подтвердит, что Маркс хотел этим сказать и что написал он все это, не надеясь никого переубедить, единственно чтобы не

быть в долгу перед своей совестью. Похоже, он окончательно отказался от мысли о том, что революция придет из Германии, на что прежде так надеялся. Видно, он поставил жирный крест на мечте своей юности. Создается впечатление, что мысль о «спасении души» возвращала его не то к религии матери, не то к абстрактному Богу отца и дочери.

Факты очень скоро подтвердили его правоту: хотя в новой партии по-прежнему бушевали споры между марксистами и реформистами, слияние двух социалистических движений Германии только усилило Прусское государство. Чтобы опередить «прогрессивную общественность», канцлер Бисмарк позаботился о социальной защите трудящихся и усилил свою власть над обществом, подвергая строгой цензуре социалистов, которых еле терпел.

Отныне всё в Германии вращалось вокруг государства. Это будет уроком для национал-социалистов, да и для Ленина, который возьмет бисмарковскую Пруссию за образец, намереваясь следовать ему в России.

Испытав очередное разочарование, Карл как раз и стал проявлять растущий интерес к России — стране с ненавистным ему режимом, — и в особенности к ее крестьянству. Именно там, и больше нигде в мире, еще проявлялись хоть какие-то революционные признаки. Чтобы лучше понять Россию, Карл всерьез занялся изучением русского языка, о котором уже имел кое-какое представление. Лафарг вспоминает: «Через полгода он знал уже достаточно, чтобы получать удовольствие от чтения русских поэтов и писателей, которых любил больше прочих — Пушкина, Гоголя и Щедрина. Он прочел документы официальных следственных комитетов: царское правительство препятствовало их обнародованию из-за ужасных вещей, которые в них содержались. Марксу их присылали верные друзья, и он наверняка был единственным экономистом Западной Европы, который смог с ними ознакомиться».

В июне 1875 года Карл все больше занимался Элеонорой, которая, с тех пор как пообещала ему больше не встречаться с Лиссагаре, погрузилась в глубокую депрессию с анорексией и страдала от тех же болей, что и отец, стараясь, как и он, заглушить их табаком. Энгельс по-прежнему оплачивал счета Марксов. Карл переехал вместе с Женни, Элеонорой и Хелен в дом 41 на той же улице — Мейтланд-Парк-роуд, дом был поменьше; хозяин его был счастлив, что «Капитал» наконец-то издан в Париже издательством «Прогресс». Тираж в десять тысяч экземпляров разошелся быстро.

В августе 1875 года Карл вернулся с Элеонорой в Карлсбад.

Там они встретили Генриха Греца, крупного прусского историка иудаизма, первым написавшего историю еврейского народа. Маркс и Грец вели долгие беседы об иудаизме, а после переписывались. Элеонора, все более увлекающаяся религией предков, участвовала в их спорах. Счастливый тем, что дочь наконец чем-то заинтересовалась, Карл долго рассказывал ей о своей матери, об отце, а также о своих предках, сплошь раввинах. Он был тронут тем, что дочь так привержена к своим корням. Ее теизм вызывал в нем волнение. Он узнавал в этом убеждения своего отца, поклонявшегося богу ученых. Решительно, Элеонора обладала всеми качествами, которые он надеялся обнаружить в Эдгаре. Она была точь-в-точь тот сын, которого ему хотелось бы иметь.

Вскоре после возвращения в Лондон у Карла снова заболели легкие. Ему было тяжело дышать. Женни, не покидавшая Лондон из-за ощущения усталости, причины которой пока еще никто толком не изучил, с трудом перечитывала то, что он писал. Он стал писать меньше.

В 1876 году один за другим появлялись признаки новой технической революции: Александр Белл изобрел телефон; Шарль Кро и Томас Эдисон независимо друг от друга подали заявку на получение патента на изобретение фонографа; Николаус Отго запатентовал первый четырехтактный двигатель внутреннего сгорания. В Париже, во дворце Трокадеро и вдоль Сены, выстроилась необыкновенная и роскошная Всемирная выставка. В Америке развивались банки, финансовый капитализм понемногу обгонял промышленный. Страховые компании начали защищать городскую буржуазию от двух болезней века — туберкулеза и железнодорожных катастроф; некоторые прусские предприятия организовали страхование своих работников от тех же напастей; несколько горнодобывающих предприятий даже нанимали врачей для оказания помощи рабочим.

Элеонора съехала от родителей и стала жить в Лондоне одна, пообещав посвятить себя театру и больше не видеться с Лиссагаре. Она успешно дебютировала в пьесе под названием «Мост вздохов» некого Томаса Гуда, в роли молодой девушки, которая совершает самоубийство… А потом мать выяснила, что она по-прежнему встречается с баском, наконец-то издавшим в Брюсселе на французском языке свою великолепную «Историю Парижской коммуны». Книгу тотчас запретили в Париже. Женни отправила дочь в Брайтон, где она снова встретилась с тремя сестрами Блэк и поэтессой Эми Леви. Элеонора уже открыто обратилась к иудаизму (хотя и не приняла эту веру) и не прекратила отношений с Лисса, приезжавшим к ней в Брайтон.

Странные отношения: в это же время Маркс закончил перевод на немецкий книги Лиссагаре, отвергнув одного за другим намеченных переводчиков. Он даже почти смирился с мыслью о том, что его дочь может выйти замуж за человека, которого любит и который, похоже, искренне любит ее. В этом он — редкий случай — вступил в пререкания с Женни, которая наотрез отказывалась изменить свое мнение о французе.

В мае Бебель обратился из Берлина к Энгельсу с просьбой вместе разработать доктрину СДПГ, в противовес той, над которой в это же время работал лассальянец Евгений Дюринг[54], профессор естественных наук Берлинского университета. Всю жизнь страстно увлекаясь науками, Энгельс попытался вписать идеи Маркса в контекст естественных наук. Карл сам написал первый набросок одной главы этой книги, изложив в ней свои экономические и философские идеи. Книга получит название «Анти-Дюринг» и после смерти Маркса станет катехизисом «марксизма».

После долгих рассуждений о естественных науках своего времени Энгельс предлагает сжатое изложение экономической теории «Капитала»; от имени Маркса он уточняет природу общества при переходе к социализму: плановая организация, в которой власть над людьми сменяется управлением вещами. «Пролетариат овладевает государственной властью и превращает средства производства сперва в государственную собственность. Но тем самым он прекращает свое существование как пролетариат, уничтожает различие классов и их антагонизм, а также само государство как государство». Ответы, которых сам Маркс дать не осмелился, здесь чрезвычайно просты: государство контролирует экономику. Трудно себе представить, что, наделив государство такими полномочиями, можно будет отправить его в небытие!

Именно с «Анти-Дюринга» Энгельса начинается отклонение от философии свободы, разработанной Марксом в собственных сочинениях. Согласен ли он? Или слишком устал, чтобы возражать старому другу? Считает ли он, что государственная собственность — не помеха отмиранию государства? Наверняка его больше волновали собственные книги, работа над которыми застопорилась, чем эта, о которой он никогда не говорил и которая не казалась ему важной. А главное — после Готской программы он наверняка перестал интересоваться тем, что происходит в партии, которая предала его, слившись с лассальянцами. В его представлении, из Германии уже не могло исходить ничего хорошего.

Первого июля 1876 года в Берне в глубокой нищете умер

Бакунин, разбазарив имущество Карло Кафиеро — своего итальянского друга, приютившего его в Локарно. 15 июля в Филадельфии, в тот самый момент, когда создавалась будущая марксистская Вульгата[55], Генеральный совет Интернационала, собравшись в тесной комнатке, принял решение о роспуске этой организации, лишенной всяких финансовых средств и позабытой и Марксом, и немцами с французами — единственными живыми силами тогдашнего левого движения. Тридцать восемь лет спустя Ленин напишет: «I Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его вширь, создания массовых социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств».

Надеясь вернуть под свое крыло представителей «самодержавных коммунистических» организаций, «юрцы» собрались 26 октября в Берне. Некий Петр Кропоткин, только что прибывший из России, чтобы примкнуть к анархистскому движению, взывал к постоянному бунту — словом, пером, кинжалом, ружьем, динамитом… Восхищенные терактами русских нигилистов, не дававших покоя царю, итальянцы тоже предложили перейти к насилию. Напротив, бельгийская, голландская и английская федерации хотели вернуться к выборам.

В 1877 году Карл все еще работал над вторым и третьим томами «Капитала». В частности, бился все над тем же вопросом о переходе от трудовой стоимости к цене, так и не разрешенном с тех пор, как он впервые задался им в год смерти Эдгара, двадцать два года тому назад. Маркс снова взялся изучать алгебру, надеясь с ее помощью найти решение задачи, а еще он думал, подобно Блезу Паскалю, что математика поможет ему забыть о физической боли. Лафарг отмечает: «Алгебра приносила ему даже моральную поддержку; она была ему опорой в самые горькие моменты его бурной жизни <…>. Маркс находил в высшей математике диалектику в ее самом логичном и простом выражении. Науку, говорил он, можно считать по-настоящему развитой только тогда, когда она способна использовать математику». Карл так увлекся этой новой областью знания, что даже, как говорят, собирался написать историю дифференциального исчисления и читал для этого трактаты Декарта, Ньютона, Лейбница, Лагранжа, Маклаурина и Эйлера. Делая выписки, строил очередные планы.

В это же время он снова встретил молодого человека, которого никогда совершенно не упускал из виду, — Фредерика, сына Хелен Демут, которого Энгельс признал своим. Молодой

человек, бывший рабочим, недавно вступил в Интернационал; он подружился с Элеонорой. Это была странная парочка, не догадывавшаяся, что они брат и сестра. В феврале 1877 года Карл, тревожившийся по поводу того, что замышляют анархисты, попросил обоих просочиться на лондонские собрания сторонников покойного Бакунина. Оба узнали, что анархисты готовят новый Интернационал взамен только что распущенного.

С 1 января по 13 мая 1877 года первые главы «Анти-Дюринга» были опубликованы в лейпцигской газете «Форвертс», ставшей официальным органом новой социал-демократической партии. Но поскольку многие партийцы считали профессора Дюринга равным Марксу, против содержания этой публикации выступили многие. Возражения звучали и на партийном съезде, собравшемся снова в Готе в конце мая. Один депутат, некий Юлиус Фальтейх, заявил, что «Маркс, как и Энгельс, хорошо послужили общему делу и, хочется верить, продолжат служить ему в будущем; но то же самое верно для Дюринга. Партия должна использовать таких людей, но спорам профессоров не место в „Форвертс“, их следует вести в научных изданиях». Тогда Август Бебель решил опубликовать конец «Анти-Дюринга» в научном приложении к «Форвертс». Однако в тот самый момент, когда в этом приложении вышли главы о «Философии» и «Политической экономии», Дюринг был изгнан из университета прусской полицией, что сделало его героем в глазах партийцев, а «Форвертс» даже поместила стихи в его честь. Один из сподвижников Дюринга, молодой берлинский социалист Эдуард Бернштейн[56], о котором речь еще впереди, позже напишет: «Вместо боевого клича „Здесь Маркс, там Лассаль“ в 1875–1876 гг. зародился новый боевой клич: „Здесь Дюринг, там Маркс и Лассаль!“. И моя скромная особа немало способствовала такой перемене». Бернштейн пока еще сторонник Дюринга. Вскоре он перейдет в другой лагерь: станет секретарем Энгельса и даже его душеприказчиком…

Как всегда, Карла больше интересовало то, что происходит в мире, чем внутренние распри социалистической партии Германии: он не верил, что готская партия сможет стать революционной. В особенности его восхищали два важных новшества, позволявших провести индустриализацию двух древнейших областей экономической деятельности, а следовательно, привести их к капитализму — животноводства, которое стало бурно развиваться благодаря перевозке мяса в холодильных камерах на грузовом судне «Фригорифик» из Буэнос-Айреса в Руан (35 тонн мяса), и музыки благодаря фонографу Эдисона. Он также интересовался первыми опытами

француза Марселя Депре, читавшего в Консерватории искусств и ремесел лекции, которые показывали, что электрическую энергию вскоре станет возможно передавать на большие расстояния, а следовательно, использовать вдали от места ее производства; Маркс понимал, что это целый переворот в науке, и несколько недель говорил только об этом; будучи болен, он бесился от мысли, что его, наверное, уже не будет в живых, когда эти замечательные возможности осуществятся. Его захватили события в Чикаго, где 1 мая 1877 года произошла всеобщая забастовка профсоюзов Американской федерации труда, потребовавших на деле установить восьмичасовой рабочий день; четыре манифестанта были убиты, пять анархо-синдикалистов казнены. Именно благодаря своей неустанной, всеобъемлющей, восторженной любознательности, всегда готовой принять новое, Маркс был мировым духом.

В том году Жюль Гед вместе с другими изгнанниками получил, наконец, разрешение вернуться во Францию и поселился в Париже. Он, анархист, открыл для себя идеи Маркса благодаря кружку молодых людей, собиравшихся в кафе «Суффло», и немецкому журналисту Карлу Гиршу. Для него это стало откровением. Гед основал первую французскую коммунистическую газету «Эгалите» («Равенство») и просил для нее статьи у Маркса, а также у некоторых старых друзей-анархистов, например у Реклю.

Лонге, Лафарги и Элеонора теперь жили в Лондоне рядом с Женни и Карлом. Ни у кого из дочерей Маркса на тот момент не было детей. В третий раз он решил повезти младшую дочь на воды вместе с Женни, которая как будто была в силах перенести путешествие. Только они выехали в Карлсбад, как вдруг 8 августа 1877 года австрийское правительство известило Маркса о том, что его не пропустят через границу. Тогда он повернул на Нойенар под Кёльном — другой водный курорт.

Осенью он узнал от Элеоноры и Фредерика, что анархисты одиннадцати стран собрались в Вервье под руководством Джеймса Гильома — родившегося в Лондоне жителя Невшателя. Он пришел на смену Бакунину и решительно заявил о своем намерении покончить с самим принципом партии: «Все партии образуют реакционную массу, нужно бороться со всеми ними сразу». Чуть позже, в Генте, тридцать пять делегатов — анархистов, «марксистов» и «самодержавных социалистов» — образовали «всемирный социалистический конгресс» и грызлись в нем друг с другом. Маркс следил за этими «морскими баталиями в стакане воды». «В Гентском конгрессе, по меньшей мере, то хорошо, что Гильом и компания были совершенно оставлены

бывшими союзниками», — писал он 27 сентября Зорге, ставшему учителем музыки в Нью-Йорке. 19 октября, в другом письме к Зорге, он в очередной раз раскритиковал тех, что хочет придать социализму более высокий идеальный оборот, то есть заменить материалистическую базу современной мифологией с богинями Справедливостью, Свободой, Равенством и Братством. Он повторил в точности то, о чем говорил еще в 1843 году.

В 1878 году, то есть через семнадцать лет после Лассаля в Германии, Жюль Гед основал первую французскую социалистическую партию — Федерацию социалистических трудящихся Франции, более известную под именем Рабочей партии. В то время как Огюст Ренуар писал «Мулен де ла Галет», Гед предстал перед судом из-за того, что призывал к коллективной апроприации земли и орудий труда; его приговорили к шести месяцам тюрьмы строгого режима, которые он отбывал в тюрьме Сен-Пелажи.

В том году в США, где разразился очередной тяжелый экономический кризис, Дэвид Хьюз изобрел микрофон; в Бостоне начали продавать велосипеды; в Лондоне впервые применили электрическое освещение домов. В Германии Бисмарк, стремившийся к союзу с консерваторами, чтобы преодолеть суровый экономический кризис, наступавший из Америки, обрушился на левых и распустил СДПГ; для социалистов это был тяжелый удар, и в Германии начались демонстрации, чтобы добиться их возвращения на законную политическую сцену.

Это событие, которое в другое время заставило бы Карла по меньшей мере написать мстительную статью, оставило его практически равнодушным: Германия больше не входит в сферу его интересов.

Он пишет, ведь время поджимает! Редактирует второй и третий тома «Капитала». Естественно, как всякий раз, когда нужно закончить произведение, он погружается в бесконечные исследования, боясь, что не прочел какую-нибудь книгу или не ознакомился с важным документом. Чтобы изучить вопрос о земельной ренте, он заинтересовался геологией, агрономией, физиологией растений, теорией удобрения. Чтобы лучше понять древние общества, читает книги Льюиса Генри Моргана, Джона Люббока, Генри Мейна. Изучает сельское общество, которое, на его взгляд, обеспечило успех государственному перевороту Наполеона III и погубило Парижскую коммуну. Он анализирует его идеологию, его влияние на классовую борьбу, все больше приходя к убеждению, что та зависит не только от соотношения экономических сил. Собирает заметки об Индии, статистику по России: базовая структура ее крестьянского общества, «мир»,

интригует и привлекает его все больше и больше, поскольку она не капиталистическая и не феодальная, а общинная. Значит, она может стать основой для изначального обобществления средств производства. В Лондоне он познакомился с Максимом Ковалевским, рассказавшим ему о разных типах коллективной собственности на землю и о формах общинной жизни, в частности в Средиземноморье. В его исследованиях угадывался путь, ведущий к коммунизму через сельское хозяйство, о котором Маркс до сих пор не думал.

В самом деле, после разочарования в Германии Россия стала для него наваждением, фокусировавшим новые надежды. Он все чаще беседовал с русскими народниками — своими переводчиками Николаем Даниельсоном[57] и Германом Лопатиным[58], а также Петром Лавровым[59]. К нему обращались и радикальные революционеры, например Николай Константинович Михайловский и Вера Засулич, которую только что оправдали в России после покушения на шефа полиции генерала Трепова. Заинтересовался он и революционной организацией «Земля и воля», основанной в 1874 году с целью убийства Александра II, ввязавшегося в безжалостную войну с целью подчинения себе окраин империи и разгрома турецкого султана. Карл по-прежнему пылал ненавистью к царскому режиму. 4 февраля 1878 года в письме Либкнехту, который пытался воссоздать свою партию, запрещенную Бисмарком, Карл, вместо того чтобы поинтересоваться судьбой своих немецких друзей, защищает… турок, явно считая их европейцами. И впервые говорит о возможности коммунистической революции в России, которую считает лишь запалом, который вызовет революцию по всей Европе: «Мы решительно принимаем сторону турок по двум причинам: 1) потому что мы изучили турецкого крестьянина, а значит, турецкую народную массу, и увидели в нем, несомненно, самого активного и самого высоконравственного представителя европейского крестьянства; 2) потому что поражение русских значительно ускорит социальную революцию в России, а через нее — революцию во всей Европе…»

Ему по-прежнему мерещатся русские агенты в британском правительстве. Поскольку Пальмерстон уступил место Дизраэли, неоспоримо настроенному против царя, новыми мишенями Маркса стали маркиз Солсбери («близкий друг Игнатьева, первосвященник Суда общих тяжб»), граф Дерби и граф Карнарвон, «ныне отстраненный от своих обязанностей». Но он в очередной раз ошибся, поскольку Великобритания, пригрозив России своим вмешательством, заставила Александра II

отказаться от большинства уступок, сделанных султаном по условиям предварительного мирного договора в Сан-Стефано под Стамбулом. Царю тогда серьезно угрожали нигилисты: новая тайная организация «Народная воля» даже поставила своей единственной целью его убить; в 1879 году в Александра стреляли рядом с его дворцом; его поезд был уничтожен в результате теракта; столовую Зимнего дворца сокрушил взрыв.

А в Пруссии, в то время как Профессиональный союз печатников с благословения властей впервые учредил страхование на случай безработицы, Бисмарк преследовал социалистов, запретил ссылаться на Маркса в прессе и книгах и помешал переизданию «Капитала».

Новый предлог: 10 апреля 1879 года Карл написал своему русскому другу Даниельсону, что хочет отложить публикацию второго тома «Капитала» до усугубления нового промышленного кризиса в Англии; пока же он пополнит книгу новыми фактами, поступившими из России и США. То же самое он говорил, готовя к публикации двадцать лет назад «К критике политической экономии», а тринадцать лет назад — первый том «Капитала». Правда, теперь он уже больше ничего не ждет от Франции и Германии.

Карл чувствует себя все более усталым. Он обрюзг, покрылся морщинами, ходит с трудом. Один из многочисленных американских журналистов, приезжавших брать у него интервью, дал ему на вид больше семидесяти лет, тогда как ему не было и шестидесяти. С 21 августа по 16 сентября 1879 года он отдыхал на острове Джерси вместе с Женни, которая все больше слабела. Карл был тогда так знаменит, что им заинтересовался английский двор: принцесса Виктория, дочь королевы и будущая супруга кайзера Вильгельма II, прислала к нему депутата, чтобы тот пообедал с Марксом, а потом рассказал ей о встрече во всех подробностях.

Вернувшись с Джерси, Карл объявил Даниельсону, что скоро закончит второй том.

В том году во Франции окончательно утвердилась республика. Мак-Магон ушел в отставку, президентом был избран Жюль Греви, «Марсельеза» стала государственным гимном, а день 14 июля — национальным праздником. В октябре 1879 года французская Рабочая партия стала открыто коллективистской и больше не считалась незаконной. На съезде в Марселе детище Геда утвердило своей целью всеобщую национализацию: «Коллективная экспроприация всех орудий труда и производственных сил должна проводиться всеми возможными способами». Многие синдикалисты и бланкисты к ней не

примкнули, оставшись независимыми.

В Германии сохранялась диктатура и Бисмарк преследовал социалистов. То же было в России: указом от 12 февраля 1880 года Александр II, как раз перед очередным покушением на него, назначил главным начальником Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия графа Лорис-Меликова, у которого отобрали плоды победы над Турцией, поручив ему искоренить нигилизм и закончить государственную реформу. Несколько недель спустя, когда Виктор Гюго своим красноречием добился того, что Франция отказалась выдать виновника покушения на царский поезд, обе страны разорвали отношения. Постепенно оппозиционная российская интеллигенция приняла марксизм как признак «западничества»; даже народники, отвергавшие его как порождение «испорченного» Запада, отныне соглашались говорить о нем серьезно. Марксизм в России представал своего рода заменой недостижимому капитализму…

В начале мая 1880 года Жюль Гед отправился в Лондон и встретился там с Марксом, Лонге и Лафаргом. Гед спросил Карла, является ли «марксистской» программа, над которой он работал в преддверии выборов в парламент. Маркс возмущен: он разработал теорию, а не учение для сектантов! «Верно лишь то, что я — не марксист!» — заявил он. Он помог Геду написать устав партии, которую называл «истинно рабочей». Даже написал преамбулу к предвыборной программе французов. Нужно привести из нее длинную цитату, поскольку это самая последняя политическая работа Маркса, перекликающаяся с «Манифестом», написанным за тридцать два года до нее:

«Принимая во внимание, что эмансипация производительного класса есть освобождение всех людей без различия пола и расы; что производители не смогут стать свободными, пока не вступят во владение средствами производства; что существуют только две формы принадлежности средств производства: 1) индивидуальная, которая никогда не имела повсеместного распространения и все больше сокращается вследствие технического прогресса; 2) коллективная, материальные и интеллектуальные элементы которой составляются самим развитием капиталистического общества; принимая во внимание, что коллективная экспроприация может произойти только в результате революционной деятельности производительного класса, или пролетариата, организованного в политическую партию; что к подобной организации следует стремиться всеми средствами, какими располагает пролетариат, включая всеобщее избирательное право, превращенное, таким образом, из орудия

обмана, каким оно являлось до сих пор, в орудие освобождения; французские социалистические трудящиеся, ставя себе целью в экономическом плане вернуться к обобществлению всех средств производства, решили выйти на выборы со следующей программой-минимум…» Решительно: к социализму можно прийти только выборным путем.

Двадцать третьего мая 1880 года многолюдная демонстрация в Париже, на кладбище Пер-Лашез, вынудила правительство амнистировать последних коммунаров. Лафарг решил остаться в Лондоне, Лонге — вернуться в Париж.

В то же время в Берлине сын австрийского художника, расписывавшего декорации в Венском императорском театре, Карл Каутский подружился с одним из молодых лассальянцев, руководителей распущенной социалистической партии, о котором мы уже упоминали в связи с защитой Дюринга, — Эдуардом Бернштейном, служившим тогда секретарем у промышленника-социалиста Хохберга. По совету Бернштейна, изменившего свое мнение о Марксе, Каутский прочел «Анти-Дюринг»; для него это стало откровением. Вскоре он станет главным эпигоном Маркса. Распоряжаясь его наследием, он будет всячески способствовать его присвоению немецкими социалистами, а завладев его рукописями, он станет яростно драться за них с… Бернштейном.

Маркс тогда работал над несколькими задуманными книгами. Лафарг вспоминает, что в тот момент «он намеревался, в том числе, написать логику и историю философии… Он так восхищался Бальзаком, что собирался написать литературоведческую работу о „Человеческой комедии“, как только закончит свой *экономический труд».* Он использовал работы Моргана о родственных связях в древних общинах и Ковалевского о собственности на землю, чтобы показать различие между «древними сельскими общинами» и коммунизмом — новой системой, высшей формой общинной жизни, ставшей таковой благодаря современным технологиям, опираясь при этом на «мир» — изначальную форму коллективной собственности на землю. Похоже, Россия была единственной страной, которая его интересовала…

Вот тогда-то Лафарг и решил открыть ему, что работает над книгой, коренным образом отличающейся от всей Марксовой политэкономии — «Право на лень». Тесть предоставил в его распоряжение свою библиотеку. В глубине души Карл всегда ненавидел труд и не скрывал этого, с самого начала своих исследований назвав его главной причиной отчуждения, выходящего далеко за рамки капитализма. Он никогда не

отстаивал право на труд, на полную занятость, — и борьба трудящихся за эти ценности казалась ему лишь способом увеличивать отчуждение. Так что идея поразмышлять о наилучшем способе избавления от труда не была ему чужда. Лафарг понял, что Карл уже все прочел по данной теме, как и по многим другим. Он был ошеломлен, когда обнаружил пометки тестя на полях «Права на праздность и организации рабского труда в греческой и римской республиках» Моро-Кристофа — книги, изданной в Париже в 1849 году. В его библиотеке он отыскал и брошюру Мориса Кристалл «Уступки труда», опубликованную в 1861 году. Лафарг писал наперекор традиционным ценностям рабочего движения. Он критиковал тех, кто, как Луи Блан, требовал «права на труд», и высказывался относительно их следующим образом: «Позор французскому пролетариату!.. Вследствие двойного безумства трудящихся — убивать себя сверхтрудом и прозябать в воздержании — главная проблема капиталистического производства уже не в том, чтобы найти производителей и удесятерить их силы, а в том, чтобы обнаружить потребителей, возбудить их аппетиты и создать для них искусственные потребности». Его книга была призывом к «наслаждению», обличением «религии капитала» и всех социальных систем, прославляющих труд как общественную и индивидуальную ценность. Он надеялся, что благодаря машинам люди избавятся от наемного труда («наихудшего рабства») и будут занимать свое время исключительно «досугом». Эта книга, имевшая огромный успех, однако, не заставила Лафарга отречься от своих социалистических убеждений.

Тем временем депрессия Элеоноры усилилась до такой степени, что под угрозой оказалась ее жизнь: дочь Маркса все чаще стала поговаривать о самоубийстве… Отец всполошился и добился от Женни разрешения на брак с Проспером Оливье Лиссагаре, который ждал этого уже восемь лет. Но тут противоречивая Элеонора сама пошла на попятный. 4 июля 1880 года Лиссагаре решил воспользоваться амнистией и вернулся в Париж. Его отношениям с Элеонорой пришел конец.

Существует мнение, что в тот же момент, когда, наконец, был закончен первый перевод на английский язык первого тома «Капитала», Маркс попросил разрешения у Дарвина посвятить ему свою работу. Дарвин отклонил эту честь, ответив вежливым и сдержанным письмом, так же как холодно принял присланное ему несколько лет назад немецкое издание. В своем ответе он даже походя назвал атеистическую или антихристианскую пропаганду вредной для освобождения духа. На самом деле эта история, пересказанная всеми биографами, не вполне точна.

Дарвин говорит в этом письме о другой книге, а Маркс никогда не думал, что идеи Дарвина можно применить к социальному анализу.

Однако как много общего у теории естественного отбора (приводящей к мутации видов живых существ), теории классовой борьбы (приводящей к изменению социальной структуры общества) и еще одной великой теории XIX века — теории термодинамики (приводящей к изменению состояния материи)! Во всех трех говорится о ничтожных вариациях и мощных скачках; о времени, утекающем необратимо — к хаосу, как говорил Карно; к свободе, как считал Маркс; к лучшей приспособляемости, как утверждал Дарвин. Приспособляемость свободы к хаосу — вот что объединяет Карно, Маркса и Дарвина, трех гигантов этого века.

«Анти-Дюринг» на французском языке печатался частями в газете Жюля Геда с 16 июня по 4 августа 1880 года и имел большой успех. В тот самый момент, когда учение, которое начали называть «марксизмом», было отражено в десятках газет и книг, его комментировавших, самого Маркса начали обожествлять: его друг Фридрих заказал тысячу двести экземпляров фотографии Маркса и велел ему их подписать: «С дружеским приветом, Карл Маркс. 27 июня 1880 г.». «Маркс, — писал Энгельс, — изображен на ней во всем своем олимпийском величии и с обычными для него радостью жизни и верой в победу». Один экземпляр этой фотографии позже попадет к Ленину. Началась иконографическая пропаганда. Наметились очертания новой религии. Маркс не возражал.

Осенью 1880 года Лонге вернулся в Париж, пока без Женнихен и детей (у них было тогда трое малышей). В ноябре он побывал на съезде французской Рабочей партии Жюля Геда в Гавре.

В конце года анархисты, собравшиеся в Швейцарии, в Шоде-Фон, снова предложили выйти за рамки законной деятельности и перейти в подполье. Нечаев, представлявшийся, как и Гильом, преемником Бакунина, заявлял, что революционер «не должен бояться не только крови, но и грязи, и должен уметь обращать на пользу революции ложь и клевету, подлоги и шантаж, убийство и насилие».

В России случилось то, что должно было случиться: в воскресенье 13(1) марта 1881 года, во время смены караула, четыре участника покушения под командованием народоволки Софьи Перовской убили Александра И. Его сын, ставший в тридцать шесть лет Александром III, ослабил либеральные реформы. Во время его правления русифицировались окраины

империи и возрос антисемитизм.

В важном и чрезвычайно обдуманном (сохранилось три черновика) письме, написанном в это время русской революционерке Вере Засулич, Маркс пришел-таки к выводу о возможности в России прийти к социализму, минуя стадию капитализма: «Россия — единственная европейская страна, в которой „земледельческая община“ сохранилась в национальном масштабе до наших дней. Она не является, подобно Ост-Индии, добычей чужеземного завоевателя. В то же время она не живет изолированно от современного мира <…>. С другой стороны, *одновременное* существование западного производства, господствующего на мировом рынке, позволяет России ввести в общину все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его кавдинские ущелья». Именно за это письмо — и только за него — уцепятся те, кто вознамерится построить коммунизм «в одной отдельно взятой стране» вместо капитализма, а не после него. Мы увидим, что два года спустя Маркс внесет уточнение, как бы предвидя такое толкование: революция в России может иметь успех только в рамках мировой революции.

Тем временем в Германии социалистическая партия, запрещенная три года тому назад, снова была разрешена. Она возродилась под руководством Либкнехта и Августа Бебеля, с которыми сблизился молодой Каутский. Бернштейн стал в Цюрихе главным редактором партийного еженедельника «Социал-демократ» и проповедовал классовую борьбу, чтобы поскорее покончить с буржуазным обществом: изначально приняв учение Маркса в штыки, теперь он курил ему фимиам.

В Париже приняли законы о бесплатном начальном образовании и о свободе собраний; после смерти Флобера был издан оставшийся незаконченным роман «Бувар и Пекюше», где герои ведут отчаянные поиски универсального знания, напоминающие искания Маркса, мирового духа. Женни Лонге приехала к мужу. Месяцем позже Поль Лафарг тоже поселился во французской столице, сначала без Лауры. В тот же момент молодой Каутский отправился в Лондон, где познакомился с Карлом, Элеонорой, Лаурой и Энгельсом. Вернувшись в Вену, он обручился с венской санитаркой, некоей Луизой Штрассер, и женился на ней. Мы увидим, что и тот и другая сыграют важную роль в распоряжении наследием Маркса.

Карл заинтересованно следил за основанием в Лондоне Лондонской демократической федерации неким Генри Майерсом Гайндманом. Элеонора воодушевилась; она записалась туда и представила отцу Гайндмана, который так описывает их встречу:

«Поначалу его агрессивность, нетерпимость и интеллектуальное начало брали верх; только потом проявлялись симпатия и природная доброта, скрывавшиеся под его грубоватой внешностью». Марксизм потихоньку просочился в английскую политическую жизнь. Мы увидим, что его влияние на британских «левых» будет очень незначительным.

Карл по-прежнему интересовался Индией и отмечал, что в Европе еще не осознали, что в этой стране свирепствует жестокий голод, а ведь веком раньше, во время голода в Бенгалии в 1770 году, общественное мнение в Лондоне и Париже было возмущено. Он объясняет появление этого безразличие совершенствованием колониальной пропаганды.

Он по-прежнему увлекался техническим прогрессом, бывшим в его глазах настоящей революцией; так, его заинтересовали идея Фернана Фореста использовать бензин в качестве топлива для четырехтактного двигателя и первый электрический трамвай, пущенный в Берлине. Он работал над множеством прожектов по естественным наукам, математике, истории техники; исписал четыре толстые тетради заметками о «всемирной истории». Его обуревало все то же желание написать историю политической экономии, чтобы вернуться к ее истокам. Он теперь взялся уже не за два, а за три дополнительных тома «Капитала»: последний был посвящен истории экономических учений.

В ноябре 1881 года болезнь Женни приняла серьезный характер. Ей поставили диагноз: рак печени. Карл тоже был так болен (перитонит в сочетании с плевритом), что лишь один раз смог подняться с постели, чтобы зайти в соседнюю комнату, где находилась его жена. Лафарг пишет: «Во время последней болезни его жены он не мог заниматься обычной научной работой; ему удавалось выбраться из тягостного состояния, в которое его повергали страдания его супруги, лишь погрузившись в математику. Именно в тот период нравственных мучений он написал работу об исчислении бесконечно малых — очень ценную, как уверяли познакомившиеся с ней математики». Эта работа не была опубликована и доподлинно неизвестно, существовала ли она.

Женни умерла 2 декабря в присутствии Карла, трех дочерей и двух зятьев, вернувшихся из Парижа, чтобы побыть подле нее. «Она умирала как коммунистка и материалистка, какой всегда была при жизни, — сообщает Лафарг. — Смерть не пугала ее. Когда она почувствовала приближение конца, то воскликнула: „Карл, мои силы надломлены!“»

Карл был слишком болен, чтобы присутствовать на похоронах. Женни похоронили на кладбище Хайгейт, на участке

для «нечестивцев», то есть неверующих. Еще одни пропущенные похороны — после погребения брата, отца, тестя и матери. Только несколько близких людей проводили Женни в последний путь. Энгельс произнес речь. Поль Лафарг, бывший рядом с Лаурой, Элеонорой, Женнихен и Шарлем Лонге, напишет: «Никто не обладал чувством равенства так, как она, хотя она родилась и была воспитана в семье немецких аристократов. Для нее не существовало социальных различий и классов. В своем доме, за своим столом она принимала рабочих в спецовках с той же учтивостью, с той же предупредительностью, как если бы они были князьями <…>. Она бросила все, чтобы последовать за своим Карлом, и никогда, даже в дни величайшей нужды, не пожалела о том, что сделала».

После похорон матери вдруг разболелась Женнихен, ей пришлось уехать обратно в Париж с мужем и Полем Лафаргом. Карл остался один с Лаурой и Элеонорой, которая познакомилась на собраниях партии Гайндмана с журналистом Эдвардом Эвелингом. Тот был женат, гораздо старше ее, социалист. В точности как ее отец — в очередной раз.

В том году Карл еще работал. Он подтвердил свои мысли о возможности революции в России и уточнил свою позицию. В предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» он пишет: «Сегодня <…> Россия является авангардом революционного движения в Европе <…>. Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России большую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада? Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития».

Вот что позволяет снять противоречие между всем им написанным и прошлогодним письмом: революция в России «может явиться исходным пунктом коммунистического развития», только если «послужит сигналом пролетарской революции на Западе», то есть станет мировой. Эту столь важную часть фразы

целый век будут «забывать» Ленин и его преемники; они сделают все возможное, чтобы заставить поверить в то, будто Маркс дал карт-бланш идее о прямом переходе к социализму в одной только России.

В июле 1882 года Лаура Лафарг уехала к мужу в Париж, и Карл теперь остался один с Элеонорой, а также с Энгельсом, который в предисловии к очередному изданию «Манифеста» размышляет об эпитете «коммунистический». «В 1848 году, — пишет он, — всевозможные социальные знахари обещали без всякого вреда для капитала и прибыли залатать все социальные бедствия с помощью всякого рода заплат. <…> Это были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки скорее у „образованных“ классов. А та часть рабочего класса, которая убедилась в недостаточности чисто политических переворотов и провозглашала необходимость коренного переустройства общества, называла себя тогда коммунистической… А так как мы с самого начала придерживались того мнения, что „освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса“, то для нас не могло быть никакого сомнения в том, какое из двух названий нам следует выбрать. Более того, нам и впоследствии никогда не приходило в голову отказываться от него».

Карл не умел жить без Женни. Он погибал. Теперь он не расставался с фотографиями отца, жены и Женнихен, — последней было все хуже и хуже. Сам он страдал от болей в горле и в легких. Врачи говорили, что облегчение может наступить только в сухом климате. Впрочем, тогда у английских эскулапов было модно посылать легочных больных на Лазурный Берег, в Италию или Алжир. И врачи Энгельса отправили Карла на Средиземное море. Он поедет один. Долгое одинокое путешествие.

Лонге дал ему адрес одного друга, служившего в Алжире, — судьи Ферме, который готов был стать его проводником. Карл проехал через всю Францию, в Марселе сел на корабль, прожил в Алжире с 20 февраля по 2 мая 1882 года. Он был не единственным иностранцем: в Алжир ежегодно приезжали полторы тысячи англичан, о чем свидетельствовали названия гостиниц: «Виктория», «Англетер», «Англетер-Ориент»… Когда туда прибыл Маркс, в самом Алжире насчитывалось 75 тысяч жителей. Ничто в столице не намекало на бунт, подобный тому, что назревал на юге, где казнили без суда, отбирали скот, поджигали поселки, уничтожали посевы. Карл не знал и о восстании в Южном Оране[60], начавшемся летом 1881 года, — оно продолжалось весь период его пребывания в Алжире и до мая

1883 года, на границе с Марокко. Не услышал он и о смерти Дарвина, случившейся 19 апреля 1882 года. Он практически не видал Алжира: шел дождь, было холодно, он целый день сидел запершись в гостинице «Виктория», в квартале Мустафа, в верхней части Белого города. Думал о Женни, о дочерях. Читал местную газету «Пти колон», набитую ложными новостями, называющую восстания «бандитизмом», хотя эта газетенка была гораздо более умеренной по сравнению с «Курье д'Оран» или «Монитер д'Алже». Судья Ферме показал ему ситуацию сквозь призму колониальной идеологии, в которой Карлу не всегда удавалось разобраться. Он только раз вышел из дома. В шестнадцати письмах (девять — «Фреду», остальные — дочерям) говорится только о его здоровье и о погоде. Единственное критическое замечание: в письме Энгельсу от 8 апреля 1882 года Карл сообщает: «Ферме мне рассказывает, что <…> применяется (причем „регулярно“) ПЫТКА, чтобы вырвать у арабов признания; естественно, этим занимается „полиция“; судья будто бы ничего об этом не знает».

Потом Карл стал задыхаться от одиночества и печали. Он пишет Лауре, только что поселившейся с Полем Лафаргом в Энгиене, что приедет «отдохнуть» в Париж и поселится у нее, чтобы не докучать больной Женнихен, которая живет теперь совсем рядом, в Аржантее. В этом письме у него вырвалась необыкновенная и трогательная фраза: «Я называю покоем „семейную жизнь“, детские голоса, весь этот „микроскопический мирок, который гораздо интереснее макроскопического мира“».

«Гораздо интереснее макроскопического мира»… Весьма трогательное суждение для человека, пожертвовавшего всем, даже тремя детьми, во имя изучения законов мира и воздействия на него!

Он высадился в Марселе 5 мая 1882 года, в тот самый момент, когда французский экспедиционный корпус в 700 человек отправлялся оттуда в Тонкий, а Поль Дерулед[61] основал «Лигу патриотов».

Приехав к Лауре, Маркс узнал, что Женнихен совсем плоха. Он метался от одной к другой и терял ощущение реальности. Спорил о политике с Лонге и Лафаргом; последний в октябре вышел вместе с Ж. Гедом из Рабочей партии, чтобы основать Французскую рабочую партию (ФРП) на съезде в Роанне. Диссиденты из ФРП основали Федерацию французских трудящихся-социалистов, в которую вошли анархисты и реформисты, получившие прозвище «поссибилистов». В том году во французский язык впервые вошло слово «марксизм», уже давно использовавшееся в Интернационале; его употребил Поль Брусе в

брошюре «Марксизм в Интернационале». В Каннах скончался Луи Блан[62]; Третья республика устроила ему похороны государственного масштаба. Отныне социализм получил признание.

Карла воодушевили новые опыты Марселя Депре, которому удалось впервые передать электроэнергию на расстоянии по высоковольтным проводам между Мисбахом и Мюнхеном. Маркс видел в этом будущее социализма, о чем и написал Энгельсу. Он также узнал о том, что Роберт Кох открыл бациллу туберкулеза. Но Марксу это теперь уже не поможет.

В конце октября он покинул старших дочерей и поехал к младшей, переживавшей депрессию и отправившейся отдохнуть в Веве. Он оставил умирающую Женнихен, чтобы поддержать находящуюся на грани самоубийства Элеонору. Отец с дочерью вместе поехали на остров Уайт. Состояние здоровья Маркса ухудшилось до такой степени, что он практически не мог глотать, его ежедневно рвало, как часто бывало с самой молодости. Он еще был на острове, когда Геда и Лафарга снова арестовали в декабре за подрывную пропаганду. Они на полгода вернулись в тюрьму за «подстрекательство к гражданской войне». На суде Гед сказал: «Одна революция даровала нам равенство перед законом, другая — всеобщее избирательное право, еще одна — республиканские формы в экономической области. Я совершенно логично рассчитываю на новую революцию, чтобы добиться равенства в средствах производства, выборности в цехах, республики в экономике». Карл написал Лауре письмо, более похожее на дифирамб ее мужу, он восхвалял его последние статьи и «мужественную борьбу с существующими властями, что вызывает симпатию к человеку». Он все еще находился на Уайте с Элеонорой, когда 11 января 1883 года в возрасте тридцати восьми лет умерла Женнихен; она оставила пятерых детей, один из которых, Гарри, был очень болен. В тот же день, 11 января 1883 года, Маркс и Элеонора выехали с Уайта в Лондон; там их встретила Хелен Демут и сообщила о смерти Женнихен и об отъезде Энгельса на ее похороны. Как и на погребении Женни, Энгельс произнес речь на похоронах старшей дочери Маркса: «Пролетариат лишился мужественного бойца. Ее скорбящий отец имеет, по крайней мере, то утешение, что знает: сотни тысяч трудящихся в Европе и Америке разделяют его горе».

Двадцатого января Энгельс вернулся из Парижа и больше уже не покидал своего друга. Они говорили о будущих книгах, о рукописях, о том, что еще нужно опубликовать, об обеих дочерях — Лауре и Элеоноре, которым Энгельс пообещал по-прежнему оказывать материальную поддержку.

Четырнадцатого марта Карл Маркс умер от туберкулеза, сидя в кресле. Элеонора находилась рядом, а Энгельс ненадолго вышел из комнаты.

Постаревший Фридрих вынул из кармана своего друга фотографии его отца, жены и старшей дочери. Через двое суток он положит их ему в фоб. Они встретились за сорок лет до этого. С тех пор — ни дня друг без друга, хотя бы и в переписке.

Карла похоронили рядом с женой, на кладбище Хайгейт. На погребении присутствовали одиннадцать человек: две дочери, Элеонора и Лаура, зятья — Поль Лафарг, только что вышедший из тюрьмы, и Шарль Лонге, один из сыновей которого был при смерти, Хелен Демут и шесть верных друзей, включая Энгельса, который произнес на английском языке надгробную речь — длинную и хорошо продуманную. Сквозь тяжелую скорбь, испытываемую неразлучным другом, в ней звучало провозвестие марксизма:

«14 марта, без четверти три пополудни, перестал мыслить величайший из современных мыслителей. Его оставили одного всего лишь на две минуты; войдя в комнату, мы нашли его в кресле спокойно уснувшим — но уже навеки. Для борющегося пролетариата Европы и Америки, для исторической науки смерть этого человека — неизмеримая потеря. Уже в ближайшее время станет ощутительной та брешь, которая образовалась после смерти этого гиганта. Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории <…>. Маркс открыл также особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества <…>. Двух таких открытий было бы достаточно для одной жизни. Счастлив был бы тот, кому удалось сделать даже одно такое открытие. Но Маркс делал самостоятельные открытия в каждой области, которую он исследовал, — даже в области математики, — а таких областей было очень много, и ни одной из них он не занимался поверхностно. Таков был этот муж науки. Но это в нем было далеко не главным. Наука была для Маркса исторически движущей, революционной силой. Какую бы живую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в любой теоретической науке, практическое применение которого подчас нельзя было даже и предвидеть, — его радость была совсем иной, когда дело шло об открытии, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще <…>. Ибо Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным образом участие в ниспровержении капиталистического общества и созданных им

государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения, — вот что было в действительности его жизненным призванием. Его стихией была борьба. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие <…>. Вот почему Маркс был тем человеком, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Правительства — и самодержавные, и республиканские — высылали его, буржуа — и консервативные, и ультрадемократические — наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он сметал все это, как паутину, со своего пути, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке, от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг. И имя его, и дело переживут века!»

Четыре дня спустя в том же склепе похоронили Гарри Лонге, умершего в возрасте четырех лет.

Глава седьмая
МИРОВОЙ ДУХ

В научно-фантастическом романе «Лимб», написанном в 1952 году, Бернард Вольф[63], бывший английским секретарем Троцкого, рассказывает историю нейрохирурга доктора Мартина. Заведуя полевым госпиталем во время третьей мировой войны, происходящей в 1970 году между его страной Хинтерландом и остальным миром, врач вынужден до тошноты ампутировать раненым руки и ноги. В своем личном дневнике он пишет, что ему не пришлось бы этого делать, если бы мужчины от рождения были лишены рук и ног и, таким образом, неспособны к насилию. Потом он, не вынеся ужаса водородно-атомных бомбардировок, дезертирует из армейского госпиталя и укрывается на забытом островке, где живут мандуньи — племя, с незапамятных времен практикующее ритуальную лоботомию «мандунгу». Война принимает такой суровый оборот, что между островком и остальным миром прерывается всякая связь. Через восемнадцать лет на остров высаживаются войска Хинтерланда, одержавшего победу; они состоят из странных людей, конечности которых заменены съемными биоточными протезами. Мартин узнает, что его страна отныне находится под властью пацифистов, проповедующих добровольное членовредительство для подавления инстинктивной воинственности. Тайно вернувшись домой, он видит, что во всех общественных местах красуется его портрет в молодые годы: один из его бывших сотрудников захватил власть в Хинтерланде, представившись пророком, несущим слово истины исчезнувшего мессии — доктора Мартина; его записи в блокноте, оставленные в госпитале, стали священной книгой тоталитарной идеологии, в которой проповедуются любовь и братство, а доблесть мужчин измеряется количеством конечностей, которые они себе ампутировали. Мартин начинает бороться против собственных идей в этом Хинтерланде, ставшем тоталитарным государством, мечтая об острове мандуньев, который представляется ему единственной надеждой на возрождение свободы.

«Лимб» — великий, но неизвестный роман. Это обвинительная речь против хитроумных властей, умеющих канонизировать мифы, религиозные откровения, научные теории или философские доктрины, превращая их в вероучение; это и критика мифа о *новом человеке,* все больше становящемся «яростным пацифистом», породить которого стремится всякое

тоталитарное общество; наконец, это роман-бунт против подмены разума силой.

Вольф, возможно, говорит в нем о Марксе и о его карикатурном двойнике, заказчике убийства Троцкого — Сталине[64], находившемся тогда на вершине власти. Ибо Маркс, как и доктор Мартин, не желал этого ужаса, хотя ответственность за все это частично можно возложить и на него.

Вольф мог бы с таким же успехом говорить об Иисусе, Магомете, Дарвине или Ницше, учение которых было сведено к карикатуре их последователями — от инквизиторов до «красных кхмеров», от исламских фанатиков до нацистов — и превращено в орудие власти.

Сегодня, когда политические режимы, ссылающиеся на марксизм, почти полностью исчезли с лица земли, намечаются новые узурпации такого типа. Поэтому теперь как никогда важно понять, каким образом Карл Маркс — одиночка, преследуемый полицией всех европейских стран, ненавидимый даже в собственном лагере, опальный писатель, основные произведения которого в момент его смерти пребывали в состоянии неразобранных черновиков, — стал через полвека после своих похорон абсолютным и непререкаемым авторитетом для половины человечества, вынужденной почитать его труды и преклоняться перед его портретом, выставленным во всех общественных местах.

Изучая факт этого посмертного прославления, можно отметить, что для того чтобы книга, теория или учение какого-то автора легли в основу тоталитарной системы, нужны шесть условий, одинаковых что для доктора Мартина, что для Маркса: произведение, создающее целостную картину истории и проводящее ясное различие между ужасным настоящим и светлым будущим; достаточно сложностей и неясностей, допускающих разные трактовки; достаточно двусмысленная практическая деятельность, чтобы применить ее к политике; друг (или несколько друзей), достаточно законный хранитель наследия, чтобы свести произведение к простым основам; некий харизматический лидер, способный донести это послание, выйдя за рамки круга первых учеников и опираясь на преданную ему организацию; наконец, политическая обстановка, позволяющая прийти к власти.

Целостная картина мира представлена в «Манифесте» и в «Капитале»; неясности, создающие возможность разных трактовок, рассыпаны по всему наследию Маркса. Ему же свойственна практика — одновременно анархистская и диктаторская. Друзьями, похоронившими его под несколькими

наслоениями упрощений, а потом и выдумок, были Энгельс и Каутский. Харизматическими лидерами — Ленин и Сталин, опиравшиеся на Коммунистическую партию Советского Союза и Коминтерн. Политическая обстановка, приведшая к приходу к власти марксизма, была создана Первой мировой войной в России и Германии — двух заблудших наследницах Гегеля и Маркса, националистического дирижизма и интернационалистического социализма.

После смерти Маркса осталось внушительное наследие, одновременно ясное и усеянное двусмысленностями.

Его видение мира сначала основывалось на обличении труда, его абстрактности, вызываемого им отчуждения от самого себя и от других. Именно труд делает Историю, порождая классовую борьбу, которая, в свою очередь, разрождается капитализмом; он по своей природе стремится получить всемирное распространение, преобразовывать все большую часть услуг в промышленную продукцию, выбиваться из сил в поисках прибыли, которую все труднее получить, требовать все более высокую прибавочную стоимость, чтобы компенсировать увеличивающуюся стоимость капиталовложений, необходимых из-за конкуренции. По Марксу, капитализм выполняет цивилизаторскую миссию. Буржуазия, в его представлении, играет даже революционную роль, производя переворот в человеческом потенциале, разрушая изолированность народов; «она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни»[65].

Капитализм — обязательное предварительное условие коммунизма, ибо без него повсюду наступит нищета, а вместе с нуждой возобновится борьба за самое необходимое, и человечество опять будет барахтаться в той же грязи. Пролетариат сможет одержать настоящую победу над буржуазией только тогда, когда по ходу истории возникнут материальные предпосылки, порождающие необходимость положить конец буржуазным способам производства и, следовательно, политическому господству буржуазии. Следовательно, нужно ускорить повсеместное распространение капитализма, способствовать глобализации и свободной торговле: «В наше время протекционистская система чаще всего консервативна, а система свободной торговли — разрушительна. Она упраздняет национальные различия и доводит до предела антагонизм между буржуазией и пролетариатом. Одним словом, система коммерческой свободы приближает социальную революцию.

Только в этом революционном смысле я выступаю, господа, за свободную торговлю»[66].

Капитализм роет себе могилу, отчуждая и эксплуатируя трудящихся. Он отчуждает их, делая непричастными к производимым им вещам и держа их во власти чар, которые накладывают деньги; он создает, таким образом, «разочарованный» мир, где каждый отчужден самим существованием товаров, которые он потребляет и производит. Капитализм эксплуатирует производителей, преобразуя их рабочую силу в товар, цена которого (заработная плата, соответствующая расходам на содержание и воспроизводство рабочей силы) ниже стоимости, которую она может создать, — причем создать ее может только рабочая сила, ибо машины не наделяют изготавливаемый на них предмет большей стоимостью, чем та, что в нем заложена. Разница между стоимостью, созданной трудом, и издержками на ее производство (прибавочная стоимость) принадлежит капиталу, который старается ее увеличить, уменьшая вознаграждение рабочих, составляя резерв промышленной армии из безработных в развитых странах и колониального рынка, повышая производительность труда: «По мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата»[67]. Это пауперизация рабочего класса.

Под таким натиском средние классы исчезают. Сами предприятия становятся все малочисленнее из-за неукротимой конкуренции: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности». Все больше капиталистов превращаются в пролетариев. И хотя каждое предприятие изо всех сил старается сохранить по отдельности получаемую им прибыль, общий уровень прибыли снижается из-за роста капиталовложений, что неизбежно влечет за собой кризисы, а потом революцию, которая одна только способна преобразовать природу общества и установить такой строй, в котором исчезнут одновременно отчуждение и эксплуатация: коммунистический.

Парламентская демократия позволит зародиться и развиться политическому сознанию пролетариата, необходимому для свершения революции и переходу к коммунизму. Любая насильственная революция и террор на руку только буржуазии.

«Восстание было бы безумием там, где мирная агитация привела бы к цели более быстрым и верным путем». Придя к власти демократическим путем, большинство должно сохранить ее благодаря «диктатуре пролетариата», то есть использованию демократических средств для уничтожения репрессивного аппарата, при этом остаются неприкосновенными личные свободы, разделение властей и свобода печати. В странах, где нет ни демократии, ни капитализма, в частности в России, никакая коммунистическая революция не достигнет успеха, если одновременно с ней не разразится мировая революция: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»[68].

Чтобы рабочий класс проникся таким сознанием, нужно, чтобы представляющие его партии объединились, вышли на выборы и выиграли их; они способны этого достичь, даже если в обществе господствует идеология хозяев экономики, ибо человеческая мысль и деятельность не являются пленницами экономических структур. Точно так же, как может существовать свободное искусство, вне связи с соотношением экономических сил, бывает и свободная политическая мысль. Угнетенные могут восстать, проникшись «классовым сознанием». Историю вершат личности, а не массы.

После исчезновения государства воцарится коммунизм. Каждый будет волен проводить время по своему усмотрению, материальные блага будут в избытке предоставляться бесплатно, средства производства — находиться в коллективной собственности. Коммунизм — это не застывшее общество, установленное раз и навсегда, а беспрестанное «движение» к личной свободе, которую надо постоянно завоевывать, выдумывать, чтобы каждый мог осуществить все свои устремления: например, «в коммунистическом обществе не существует живописцев, существуют лишь люди, которые „занимаются и живописью как одним из видов своей деятельности“»[69]. («Коммунизм для нас не *состояние,* которое должно быть установлено, не *идеал,* с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние».) Свобода и равенство станут в нем совместимы благодаря действительному, а не философскому равенству личных прав и свобод.

Коммунизм может быть только общемировым; революция не продержится долго в одной отдельно взятой стране, ибо

«пролетариат может существовать только *во всемирно-историческом смысле,* подобно тому как коммунизм — его деяние — вообще возможен лишь как „всемирно-историческое“ существование». Таким образом, Маркс превращает «социализм» во второе пришествие всепланетного масштаба, когда примирятся человек и его творения, а человек получит вечную жизнь благодаря своему классу, который, придя к власти, реализуется, отрицая себя.

Это опасная для будущего двусмысленность. В учении Маркса достаточно неоднозначных мест, допускающих множество толкований. Как любой человек до и после него, Маркс заблуждается по поводу дат и сроков. При каждом новом кризисе ему приходится вставлять дополнительную фазу, чтобы объяснить, почему возник переход от неожиданного подъема к неизбежному краху. Не уточняет он и того, как соотнести прибавочную стоимость с уровнем прибыли. Не говорит, каким образом и на какое время капитализм сможет отдалить свой окончательный кризис. Не объясняет, может ли, и каким образом, диктатура пролетариата оказаться обратимой, иными словами, что случится, если большинство народа (что еще следует понимать под словом «народ»?) захочет остановить ход революции. Ничего не говорит он и о природе коммунистического общества, о том, как будет установлена коллективная собственность на предприятия, о роли остаточного государства: он делает ответы на эти вопросы зависимыми от случайности. Наконец, последняя двусмысленность: он прославляет трудящегося, считая при этом, что труд по своей природе, независимо от формы собственности, является сам по себе нестерпимым отчуждением.

С другой стороны, его собственное поведение, в целом довольно анархическое, порой слишком далеко от того идеала, который он проповедует. Будучи прежде всего журналистом, он считает свободу мысли (а следовательно, парламентскую демократию там, где она процветает) самым священным правом. Всю свою жизнь он ставил превыше всего свободу, сопоставлял свои идеи с фактами, старался не допустить, чтобы его учение стало догмой, чтобы его превратили в идеологию. Он осознает свои ошибки; но он, утверждающий, что человек по природе добр, и желающий вручить человечеству ключи к свободному обществу, может вести себя презрительно, с оскорбительным, несносным высокомерием по отношению к другим. Он бранит (как в «Нищете философии»), отвергает (как в «Циркуляре против Криге»), предает анафеме (как в «Святом семействе»). Оскорбляет и своих товарищей, например Августа фон Виллиха; из-за идеологических

разногласий отказывается от дружбы (с Отто Бауэром, Моисеем Гессом или Арнольдом Руге); даже проводит полицейское расследование о своих врагах (Бакунине или лорде Пальмерстоне). Позволяет своим детям умирать от нищеты, не прикладывая ни малейших усилий, чтобы заработать себе на жизнь.

Он намеренно вписал свою теорию в борьбу, задумав и выстроив свою жизнь как постоянное колебание между общественной деятельностью, которая его захватывает, и писательством, которое требует терпения. Он сделал науку (политэкономию) орудием бунта обездоленных, угнетенных, оскорбленных; это материалист, верующий в силу духа; философ, считающий, что в основе истории лежит экономика, а действие стоит выше теории; это пессимист, верящий в человека. Очень скоро другие представят его теорию в карикатурном виде, чтобы осуществить ее на практике, пытаясь следовать его поведению как образцу морали.

Другие — это Энгельс, который создаст концепцию передовой партии; Каутский, который сделает экономическую теорию Маркса карикатурной; Ленин, который привнесет в Россию марксизм как стратегию переделки отсталой страны на западный манер; Сталин, который «диктатуру пролетариата» превратил в «диктатуру против пролетариата».

Их деятельность разворачивается на четырех площадках: в Великобритании, оставившей от Маркса только социал-демократическую практику, без терминологии; во Франции, сохранившей от него только терминологию, без политической практики; в Германии и России, которые осуществят на деле две профанированные разновидности его теории: Германия сделает выбор в пользу национального тоталитаризма против коммунистического интернационализма; Россия осуществит национальный тоталитаризм под лозунгом интернационализма. И та и другая в большей степени были наследницами Бисмарка (то есть прусской диктатуры), чем Маркса.

Чтобы создать орудие захвата государственной власти (чего Маркс остерегался с самой юности), эпигонам придется тщательно переписать его биографию, а потом подвергнуть чистке его творчество, чтобы изъять оттуда все, что не поддастся карикатурному упрощению; наконец, им надо будет попытаться подтянуть стиль собственных писаний до его уровня, сделать их такими же острыми и публицистически хлесткими, чтобы присвоить себе право говорить от его имени.

Единственными, кто мог расшифровать черновики Маркса — «этот почерк, сокращения слов и целых фраз», как писал

Лафарг, — были Фридрих Энгельс и две дочери Карла. Элеонора полгода разбирала пачки исписанных листков, множество писем, книг, коробок и свертков. По счастью, арендный договор на дом 41 по Мейтланд-роуд действовал еще год, так что у нее было время этим заниматься, хотя она тогда и переехала к Эдварду Эвелингу — журналисту-социалисту, с которым встречалась уже год, — несмотря на то, что он все еще не развелся. Ее сестра Лаура, жившая в Париже, помогала ей мало. Она в основном занималась детьми покойной Женнихен. Энгельс по-прежнему поддерживал деньгами обеих дочерей Карла, выполняя обещание, данное другу перед его смертью.

Четыре сестры Карла жили тогда слишком далеко, чтобы заботиться о будущем его произведений: одна находилась в Южной Африке, еще две, Луиза и София, в Нидерландах, четвертая, Эмилия, — в Трире. Хелен Демут перешла в экономки к Энгельсу. Ее сын Фредерик сблизился с Элеонорой, которая по-прежнему ничего не знала о их родстве.

Элеонора поместила в нескольких газетах в Лондоне и других городах Европы обращение к читателям, знавшим Маркса, с просьбой прислать ей для снятия копий и последующей публикации его письма или записки. Дочь Софии Лина Смит, жившая в Маастрихте, прочла это объявление в голландской прессе и разыскала в бумагах матери, умершей сразу после Карла, единственное сохранившееся письмо дяди: это было важное письмо Карла отцу, написанное в 1837 году, самое последнее (мы цитировали его в начале этой книги). К Софии это письмо перешло от матери после ее смерти. Понятно, какое значение ему придавали в семье. Ясно также, что, несмотря на неприятие сестрами Маркса его деятельности, они, как и мать, наверное, тайно гордились своим братом. Но Элеонора задумалась о том, понравилась ли бы отцу публикация частной переписки такого рода, и оставила письмо при себе.

Энгельс с согласия Элеоноры выудил из хаоса, царившего в доме Маркса, незаконченные рукописи второго, третьего и четвертого томов «Капитала», намереваясь издать их, что было обговорено с другом незадолго до его смерти. К остальным рукописям — ранним неизданным трудам — он не прикоснулся. Но ему все равно было трудно разобраться в этом ворохе. 30 августа он писал Бебелю, беспокоившемуся о том, как подвигается работа: «Если бы я знал, то не оставлял бы его в покое ни днем ни ночью, пока работа не была бы закончена и напечатана». Почему он пишет это председателю Социал-демократической партии Германии? Потому что сразу же после кончины Маркса руководители немецкой партии занялись его

наследием, которое хотели присвоить и обнародовать. Гений научного социализма — немец, и сначала он должен воцариться в Германии.

За наследие Маркса сразу же началось соперничество в Германии, затем оно перекинулось в Россию. Ни в Англии, ни в Америке споров не будет, а во Франции они не примут большого размаха.

В октябре 1883 года Энгельс заболел, два месяца не вставал с постели и понял, что ему понадобится помощь, чтобы выполнить свою задачу. Именно в этот момент в Лондон приехал Карл Каутский, чтобы поздравить его с днем рождения. Молодой человек был тогда соратником Бебеля в Берлине. Каутский только что основал «Нойе цайт» («Новое время») — научный журнал немецкой партии. Он был врагом лассальянцев, почитателем Маркса и Энгельса, пылким читателем «Анти-Дюринга» и «Капитала». По собственному ли желанию он приехал? Может быть, он был прислан Бебелем? Во всяком случае, Энгельс посвятил его в расшифровку рукописей Маркса и представил Элеоноре, которая показала ему письмо 1837 года Карла отцу. Каутский хотел опубликовать его в «Нойе цайт». Элеонора возражала: письмо слишком личное. Энгельс предложил Каутскому работать вместе с ним над публикацией произведений Маркса. Каутский обещал подумать и вернулся в Берлин.

В следующем, 1884 году Элеонора вместе с Эдвардом Эвелингом и писателями Уильямом Моррисом и Сэмюэлом Батлером вышла из Демократической федерации Генри Гайндмана, которая стала называться Социал-демократической федерацией; они основали Социалистическую лигу. В это же время при участии Джорджа Бернарда Шоу образовалось еще одно английское социалистическое движение — Фабианское общество, названное по имени римского полководца Фабия Максима Кунктатора (Медлительного), известного выжидательной тактикой в борьбе с Ганнибалом и избегавшего лобовых атак. В Англии тогда было три левых течения, основывающихся на идеях Маркса: социал-демократическое, социалистическое и фабианское. Фабианское общество, проповедовавшее марксистские идеи безнасильственного завоевания власти пролетариатом, двадцать лет спустя породит нынешнюю лейбористскую партию.

В том же году русский эмигрант Георгий Плеханов, основавший за год до того в Женеве первую русскую марксистскую организацию «Освобождение труда», перевел и переправил в Россию «Наемный труд и капитал» — небольшую популярную работу, написанную Марксом в Брюсселе в 1847 году

и предназначенную для рабочих.

Энгельс попросил Хелен перенести к нему домой большую часть рукописей, оставшихся в жилище Маркса. Элеонора оставила у себя только личные письма и все, что было написано по-английски.

В 1885 году Каутский, несколько месяцев собиравший воспоминания немецких современников о Марксе, принял предложение Энгельса и переехал в Лондон со своей женой Луизой, австрийской сестрой милосердия. На самом деле его направила туда немецкая партия; его единственной целью было вернуть рукописи Маркса на родину, чтобы сделать их идеологическим базисом немецкой социалистической партии. Энгельс нашел Луизу привлекательной («У нее прелестная фигурка», — говорил он) и сделал своей экономкой. Очень скоро супруги прибрали к своим рукам «старого генерала» (Энгельса), рукописи Маркса и вообще «марксизм». Каутский опубликовал в «Нойе цайт» первые рассказы о Марксе с целью создания легенды: «Воспоминания рабочего о Карле Марксе» некоего Фридриха Лесснера, который встречался с ним в Берлине; статью Зорге о Марксе; а главное — мемуары Поля Лафарга, которые Каутский лично заказал мужу Лауры. Всё это послужило основой первой биографии автора «Капитала».

Приехав в Лондон, Каутский летом 1885 года набросал на бумаге с ужасающим предвидением несколько замечаний о немецкой социалистической партии для популяризующей марксизм книги, над которой он работал: «Почти все интеллигенты в партии <…> рассуждая о национальной идее, о возрождении старинного прошлого Германии и о колониях, заботятся на самом деле лишь об авансах правительству, о замене классовой борьбы властью „справедливости“ и выражают свое неприятие материалистической концепции Истории — марксистской догмы, как они ее называют». Этот уклон тридцать лет спустя приведет к созданию национал-социалистической партии.

Энгельс и Каутский немедленно взялись за работу и к концу года издали второй том «Капитала» у Отто Мейснера. Предисловие Энгельса уже было лживым: «Именно Маркс впервые открыл великий закон движения всемирной истории, закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов»[70], тогда как Маркс всегда уточнял, что идеи, как и искусство, стоят вне классовой борьбы. И вторая ложь: «Этот

закон имеет для истории такое же значение, как закон превращения энергии для естествознания». Таким образом, «марксизм» превратился под его пером в непреложную истину, тогда как Маркс, как мы видели, считал, что социальная теория — открытая наука, «движение» на службе политики, которое должно уступить ей дорогу.

В том же году Энгельс выступил в поддержку Лиги женских профсоюзов, которая начала отстаивать интересы женщин в мире труда.

Не он один искажал правду о Марксе. Элеонора не уступала ему в этом. В том же году она издала два памфлета своего отца против Пальмерстона («Разоблачения дипломатической истории восемнадцатого столетия» и «Историю жизни лорда Пальмерстона»), изъяв наиболее антирусские пассажи в угоду русским друзьям своего отца. В Париже более беспристрастная Лаура перевела на французский «Манифест Коммунистической партии», на сей раз непосредственно с немецкого. В том же году Лаура поддержала своего мужа и Жюля Геда, в третий раз представших перед судом — теперь уже за разговоры об «освободительном ружье». Гед заявил в свою защиту: «Я не отказываюсь ни от одного из своих слов. Но это ружье не было направлено против человека, шкура которого не важна нам ни много ни мало <…>. Это было ружье ваших великих дней, господа буржуазия, ружье 14 июля и 10 августа, ружье 1830 и 1848 годов, ружье 4 сентября 1870 года. Оно привело к власти третье сословие. И приведет к ней — по такому же праву — рабочий класс». В отличие от того, что произошло два года назад, на этот раз Жюля Геда и Поля Лафарга оправдали присяжные из народа. Положение изменилось: социалисты могут говорить с большей свободой. Теперь стало возможно даже издавать Маркса в Париже, не опасаясь цензуры. Кстати, в том году некий Габриель Древиль сделал первое краткое изложение «Капитала» на французском языке в «Очерке о научном социализме».

Энгельс продолжал разбирать собственные рукописи и работы своего друга совместно с Каутскими, которые ждали подходящего момента, чтобы переправить их в Германию. В следующем году он издал «Тезисы о Фейербахе» и в предисловии впервые употребил выражение «диалектический материализм», в то время как Маркс говорил о «материалистической диалектике». Разница существенная: диалектика — метод, материализм — философия. А теперь сама философия стала диалектической, то есть готовой допустить любые внутренние противоречия. Первый русский марксист Плеханов попытается выстроить из этого теорию с достаточно неясной формулировкой, допускающей

разные толкования: «диалектический материализм» — это теория истины, по которой существует «противоречие между характером человеческого мышления, представляющимся нам в силу необходимости абсолютным, и осуществлением его в отдельных людях, мыслящих ограниченно. Это противоречие может быть разрешено только в бесконечном поступательном движении…». Иначе говоря, мы можем допустить противоречие, если нашей целью является применение утопии на практике… Или, другими словами, произвол законен, если служит революции. Вот вам пример глубокого искажения Маркса — от перемены слов местами.

Все так же увлекаясь театром, который она считала средством распространения социалистических идей, Элеонора переводила Ибсена с норвежского и «Мадам Бовари» с французского. Работала над новым переводом на английский «Капитала» по третьему немецкому изданию с помощью Эдварда Эвелинга, с которым жила, и Сэмюела Мура (юриста, друга Маркса, отказавшегося принять эмигрантов-коммунаров). Энгельс читал ее переводы. Все так же подверженная депрессиям, Элеонора, не видя возможности заставить своего спутника развестись, попыталась покончить с собой.

Энгельс решил, что настал момент для всех угнетенных классов и народов слиться в социалистическом Интернационале — новой семье, новой сущности народов, объединяющем рабочих и национальные меньшинства в единой борьбе с буржуазией. Тревожась о том, что антисемитизм (это словечко появилось недавно) начинает причинять ущерб немецкому рабочему классу, он говорит, что класс буржуазии сделал его «оружием пропаганды, чтобы отвлечь рабочие массы от антикапиталистических настроений». Он опасается, что ненависть к евреям отвлечет эксплуатируемые классы от революционной борьбы и направит их против лидеров революционных партий. Энгельс добавляет: «Возбуждая среди рабочих враждебность к евреям, буржуазия надеется тем самым сама избежать возмездия». Он называет рабочие партии авангардом рабочего класса.

В 1887 году новое английское издание «Капитала», выпущенное Сваном Зонненшайном в издательстве «Лоури и К°», практически не нашло читателей. Как утверждают некоторые источники, в США было распродано пять тысяч экземпляров лишь потому, что издатель распространял книгу среди работников банковского сектора, представляя ее как пособие по зарабатыванию денег!

В том же году Каутский, все еще живший в Лондоне у Энгельса, издал свою первую популяризаторскую книгу

«Экономическое учение Карла Маркса». 11 мая некто Александр Ульянов, старший брат будущего Ленина, был повешен по приказу царя. Русский анархист П. А. Кропоткин написал в Швейцарии в издаваемой им газете «Револьте» о том, что эксплуататоров не победить несколькими фунтами взрывчатки и верить в возможность этого — чистая иллюзия.

В 1888 году умерли почти одновременно кайзер Вильгельм I и его преемник Фридрих III, оставивший прусский трон своему сыну Вильгельму II. Правление Бисмарка закончилось. Социал-демократическая партия Бебеля получила полную свободу действий и обзавелась стабильными структурами после отмены законов, принуждавших ее действовать подпольно. Старые партийные активисты, прошедшие через суды и тюрьмы, заняли ответственные посты, стали партийными функционерами и обрели веру в неизбежность революции. Издавать Маркса в Германии было пока еще нельзя.

В том же году редакцию «Социал-демократа» изгнали из Швейцарии; руководивший ею Эдуард Бернштейн был послан Бебелем в Лондон на помощь Каутскому и быстро стал его соперником в отношении Энгельса, в то время как личный врач Энгельса, доктор Фрейбергер, стал соперником Каутского в отношении Луизы… Энгельс же был поглощен подготовкой своего реванша: поскольку социалистические партии теперь действовали на законных основаниях, он намеревался восстановить Интернационал и исполнять ту роль, которую Маркс играл без него в первом товариществе трудящихся…

В июле 1889 года в Париже собрались социалисты, чтобы отпраздновать столетие Французской революции. Каждый делегат рассказал о распространении социалистических идей в своей стране. Плеханов, делегированный марксистским кружком «Освобождение труда», поведал о положении в России: «Побуждаемое нуждой в деньгах, наше самодержавное правительство всеми силами содействует процессу развития капитализма в России. Нам, социалистам, эта сторона его деятельности может доставить только удовольствие, потому что этим путем оно само копает себе яму. Пролетариат, образующийся вследствие разложения сельской общины, нанесет смертельный удар самодержавию <…>. Задача нашей революционной интеллигенции сводится, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у

нас нет и быть не может». Иными словами, марксизм, теория социализма, открывает путь революции лишь при условии установления капитализма.

Делегаты заложили основы нового Интернационала, который вскоре получит известность под названием социалистического. Как и Первый, Второй интернационал ставил во главу угла парламентскую деятельность и придерживался духа марксизма. В него должны были войти не только партии, но и профсоюзы. Зато, в отличие от Первого интернационала, каждая национальная секция пользовалась полной автономией; это была федерация национальных партий с едва намеченной структурой, без секретариата. Анархистов, отвергавших политическую деятельность, из нее исключили.

Основные споры разгорелись по поводу альтернативы между революцией и реформой, а также по поводу колониализма. В продолжение кампании, начатой в США Федерацией труда, было решено организовать 1 мая следующего года международную демонстрацию с требованием восьмичасового рабочего дня.

Энгельс, внимательно следивший за образованием социалистических партий и написанием программ, добился своего избрания почетным президентом нового Интернационала. 18 декабря 1889 года он вновь заявил о необходимости создать, в особенности в Германии, сильную коммунистическую партию — авангард рабочего класса. Он писал одному немецкому другу: «Для достижения победы грядущей социальной революции пролетариат должен прежде всего образовать автономную партию, сознательную классовую партию, отдельную от всех прочих. Это можно прочесть уже в „Коммунистическом манифесте“, написанном в 1847 году».

Каутский, продолжавший вместе с Бернштейном работу по расшифровке третьего и четвертого томов «Капитала», развелся; Луиза вернулась в Вену и вновь стала работать сестрой милосердия. Бебель предложил Каутскому стать функционером СДРП и занять высший административный пост — генерального секретаря. Каутский вернулся в Германию, захватив с собой («чтобы продолжить работу») рукопись четвертого тома, но только ее: Энгельс не желал ничего ему отдавать. Бернштейн сменил Каутского, имея все ту же задачу: вернуть в Германию все рукописи Маркса.

В том году Социал-демократическая рабочая партия изменила название и стала Социал-демократической партией Германии (СДПГ), это имя она носит и до сих пор; под руководством Либкнехта была разработана программа, к которой Энгельс, вмешивавшийся во все, приложил свою руку: всеобщее

избирательное право, социальная защита и пенсия для всех, защита безработных и признание профсоюзов; предлагалось кое-что обобществить, но объекты коллективизации подробно не приводились. 20 марта 1890 года канцлер Бисмарк подал в отставку; на выборах СДПГ получила голоса.

В письме Полю Лафаргу от 27 августа Энгельс передает фразу, которую Маркс несколько раз повторил в конце своей жизни: «Я не марксист». В Берлине Каутский женился на другой Луизе, которую называл Люизой, чтобы отличать от первой…

Восемнадцатого ноября 1890 года Хелен Демут умерла от рака; ее похоронили прямо в могиле Марксов, рядом с супругами и маленьким Гарри, на кладбище Хайгейт, как того хотели Карл и Женни. Четыре дня спустя Энгельс написал о ней в старой газете чартистов: «В том, что касается меня, работа, которую я смог осуществить после смерти Маркса, в большой степени обязана собой солнечному свету и поддержке, которые несло с собой ее присутствие в доме». Ф. Лесснер представляет дело иначе: «Утрата Хелен Демут была очень тяжела для Энгельса. По счастью, в скором времени госпожа Луиза Каутская, ныне госпожа Фрейбергер, решила переехать из Вены в Лондон, чтобы вести дом Энгельса». На самом деле все было опять-таки по-другому: в Лондон Луизу прислали Бебель и Либкнехт, поскольку им нужен был там «свой человек», а они уже совершенно не доверяли Бернштейну, позволявшему себе такие, на их взгляд, недопустимые вольности, как критика Маркса. «Поселиться в Лондоне — долг перед партией», — объяснили они Луизе, а та по приезде повторила эти слова Элеоноре, которая сообщила о них Лауре в письме от 19 декабря 1890 года. Задача Луизы была такой же, как у Каутского и Бернштейна: вернуть, как только это станет возможно, рукописи Маркса в Германию.

В 1891 году на Первый конгресс социалистического Интернационала в Брюсселе съехались представители профсоюзных конфедераций, рабочих коллективов и партий. Чуть позже на Первом конгрессе СДПГ в Эрфурте Карл Каутский выразил мнение всех немецких социалистов, заявив, что спонтанное развитие капитализма должно привести к революционному взрыву. Все полагали, что победа социализма отныне уже не вызывает сомнения, что она в порядке вещей; власть скоро окажется в их руках.

Либеральное и христианское руководство тоже этого опасалось, и в том же году папа Лев XIII в энциклике «Rerum novarum» (о положении трудящихся) призвал государства «стараться, чтобы у рабочих весь год была работа, и образовать фонд, из которого члены могли бы получать пособие не только в

совершенно исключительных случаях, но и в болезни, в старости или в несчастии».

Вслед за немецкими товарищами и по их примеру французские социалисты организовали свою партию и вошли в парламент. Французская рабочая партия под руководством Геда и Лафарга насчитывала тогда всего две тысячи членов; ее газета «Социалист» плохо распространялась. Ее целью было стать «инструктором и агитатором» революционного социализма, что подразумевало издание газет, брошюр и проведение митингов. Гед заявил: «Мы знаем только две нации: нацию капиталистов, буржуазии, имущего класса, с одной стороны, а с другой — нацию пролетариев, массы обездоленных, трудящегося класса. И все мы, французские социалисты, и вы, немецкие социалисты, принадлежим к этой второй нации. Мы из одной нации: рабочие всех стран образуют единую нацию, противостоящую другой, которая тоже одна и та же во всех странах».

Восьмого ноября 1891 года Поль Лафарг был избран депутатом по первому округу Лилля.

В 1893 году была перевернута еще одна страница: Проспер Оливье Лиссагаре оставил газету «Батай» и отошел от общественной жизни; его книга о Парижской коммуне сразу после своего выхода стала классикой.

О состоянии духа Энгельса в том году можно судить по одной примечательной истории: в апреле русский студент Алексей Воден, эмигрировавший в Лозанну, захотел поехать в Лондон, чтобы работать над историей английской философии; он попросил у Плеханова рекомендательное письмо к Бернштейну и Энгельсу; вождь русских марксистов устроил ему форменный экзамен «по философии истории Маркса и по философии истории Гегеля, по субъективистам-народникам, настаивая на непридирчивом и сжатом изложении; по второму тому „Капитала“… по Прудону (без использования „Нищеты философии“); наконец, по Фейербаху, Бауэру, Штирнеру, Тюбингену…». Удовлетворенный его ответами, Плеханов вручил ему письмо и попросил переписать для него в Британском музее длинные отрывки из «Святого семейства». Когда Воден приехал в Лондон, Энгельс, работавший тогда над третьим томом «Капитала», расспросил его о русских народниках и о их разногласиях с Плехановым; Энгельс объяснил, что «желал бы, чтобы русские — да и не только русские — не подбирали цитат из Маркса и его, Энгельса, а мыслили бы так, как мыслил бы Маркс на их месте, и что только в этом смысле слово „марксист“ имеет *raison d'être…*». В следующие дни Энгельс предоставил Водену возможность читать ранние рукописи Маркса. Он спрашивал,

какие ранние произведения Маркса и его собственные интересуют Плеханова и его друзей и по какой причине. Воден приводил всевозможные доводы в пользу скорейшей публикации всех философских произведений Маркса и совместных с Энгельсом трудов. Энгельс сказал, что неоднократно слышал то же самое от некоторых немцев, но попросил признаться откровенно, что тот считает наиболее важным: чтобы он, Энгельс, провел остаток жизни, издавая заброшенные рукописи сороковых годов, или чтобы после выхода третьего тома «Капитала» он занялся изданием рукописей Маркса по теории прибавочной стоимости? Воден призывал Энгельса извлечь из незаслуженного забвения хотя бы основные философские работы Маркса, поскольку одного «Фейербаха» недостаточно. Тот сказал, что для того, чтобы разобраться во всем этом старье, нужно интересоваться Гегелем, которым теперь не интересуется никто, точнее говоря, «ни Каутский, ни Бернштейн».

Чувствуется, что «старый генерал» прекрасно понимал маневры тех, кто окружал его, дожидаясь его смерти: он был полон решимости заставить их ждать как можно дольше!

В том же 1893 году на Конгрессе социалистического Интернационала в Цюрихе было решено отделить политическую борьбу от профсоюзной. Была основана Международная революционная социал-демократическая партия, условием для приема в которую было признание классовой борьбы и необходимости обобществить средства производства. Эта партия будет не слишком реальной. Каутский, которого теперь прозвали в Берлине «папой марксизма» за его популяризаторскую деятельность, объявил, что социализм неизбежен, а его наступление не требует активных действий. Он приверженец «пассивного радикализма»: «Мы знаем, что наших целей нельзя достичь иначе чем через революцию; мы знаем также, что не в нашей власти свершить эту революцию, как и не во власти наших противников ей помешать. Поэтому нам нет дела до ее подготовки или начала».

Некоторые профсоюзные организации, в том числе английские тред-юнионы, собрались отдельно и учредили профсоюзный Интернационал, тем самым отделившись от партийцев. В него вошли реформистские и революционные профсоюзы. Со своей стороны, Французская рабочая партия одержала явный успех на выборах в парламент, получив в нем с полсотни мест. В числе депутатов были Гед, Лафарг, Мильеран и Жан Жорес[71], будущий соперник Жюля Геда.

В 1894 году Энгельс опубликовал подготовленный совместно с Бернштейном третий том «Капитала», в котором повторялись

вышеизложенные тезисы. В предисловии он уточняет, что второй и третий тома «Капитала», как неоднократно говорил ему Маркс, должны быть посвящены его жене, и добавляет, что во всех своих статьях, в том числе в этой, всегда называет себя не «социал-демократом», а «коммунистом». «Для Маркса и для меня, — продолжает Энгельс, — было поэтому чистейшей невозможностью употреблять для обозначения специально нашей точки зрения выражение столь растяжимое. В настоящее время дело обстоит иначе, и это слово („социал-демократ“) может, пожалуй, сойти, хотя оно и остается неточным для такой партии, экономическая программа которой не является просто социалистической вообще, а прямо коммунистической, — для партии, политическая конечная цель которой есть преодоление всего государства, а следовательно, также и демократии. Названия *действительных* политических партий, однако, никогда вполне не соответствуют им; партия развивается, название остается». Упрощение Маркса уже началось.

В сентябре 1894 года разразился скандал по поводу «дела Дрейфуса»[72], расколовший европейское левое движение и сыгравший важную роль в судьбе марксизма: Альфред Дрейфус попал под подозрение в октябре, под суд — в декабре, на каторгу — в январе. В это же время на Украине, в «зоне еврейских поселений» — огромном гетто, где держали российских евреев, — руководитель Всеобщего еврейского рабочего союза (Бунда) Кремер и еврей-социалист Мартов издали манифест «Об агитации», вобравший в себя весь опыт еврейского пролетариата. Мартов уехал из России; он станет одним из самых первых русских революционеров-марксистов, а потом — главным противником Ленина.

Элеонора осталась в одиночестве. Она боялась, что Луиза Каутская со своим новым мужем доктором Фрейбергером приберут к рукам больного старика Энгельса и *Nachlass* — сокровище отцовских рукописей. Теперь Фрейбергеры занимали часть дома Энгельса, на который даже повесили табличку со своим именем, и как будто держали его в своей власти, точь-в-точь как в свое время Каутские. Элеонора открылась сестре, но Лаура (ежемесячно пользовавшаяся щедротами Энгельса) ее не поддержала и оставила без ответа настойчивую просьбу приехать и самой во всем убедиться. Элеонора осталась один на один со своими опасениями, разделяемыми Эдуардом Бернштейном. Каутский, сохранивший хорошие отношения со своей первой супругой, призывал ее не доверять человеку, которого сам прислал на свое место: этот Бернштейн казался ему большим вольнодумцем…

Энгельс был плох. Он чувствовал приближение конца и потребовал у Каутского рукопись четвертого тома, вывезенную в Берлин «для проверки некоторых положений тома третьего». 14 ноября 1894 года он написал Лауре и Элеоноре о том, что намерен завещать всю свою библиотеку, в том числе книги, полученные после смерти Маркса, и их совместные рукописи Социал-демократической партии Германии.

Двадцать шестого марта 1895 года Энгельс сделал приписку к завещанию, согласно которой все принадлежащие ему письма, написанные Марксу или Марксом (за исключением их личной переписки), следует вернуть Элеоноре. Он завещал Бернштейну в Лондоне и Бебелю в Берлине — для партии — свои собственные рукописи, свою переписку с Марксом и свои авторские права. Его личное имущество, решил он, будет поделено между Лаурой, Элеонорой и Луизой; хорошенькая санитарка, затесавшаяся в круг наследников, получит к тому же мебель и вещи покойного, а также преимущественное право на аренду его дома, в котором она была намерена жить и дальше. Энгельс завещал 250 фунтов своим душеприказчикам, в том числе Бернштейну, и тысячу фунтов Бебелю на финансирование предвыборных кампаний СДПГ. Луиза попытается манипулировать стариком, чтобы завладеть рукописями, но тот откажется попросить дочерей Маркса передать их ему.

Перед смертью Энгельс хотел лично издать некоторые рукописи Маркса и первым делом решил опубликовать в официальном печатном органе партии «Форвертс» статью о революции 1848 года, предваряя ее длинным вступлением, подчеркивавшим значение революции в политической деятельности — странный и в то же время показательный выбор. Принимая во внимание угрозу цензуры, в этом предисловии он проводит различие между революцией — способом действия всего пролетариата — и осторожностью, которую рекомендует пролетариату Германии. Каутский нашел этот текст все еще слишком острым и кое-что подсократил. Разъяренный Энгельс написал ему 1 апреля 1895 года, что отрывок из предисловия, напечатанный в «Форвертс» без его ведома, подогнан таким образом, что он предстает в нем мирным проповедником законности любой ценой. Поэтому Энгельс требует опубликовать предисловие без купюр в «Нойе цайт», чтобы стереть даже воспоминание о первой постыдной публикации. Он намеревался высказать самому Либкнехту свое мнение по этому вопросу, равно как и тем, кто предоставил Каутскому возможность исказить мнение Энгельса. В тот же день он написал Полю Лафаргу: «Либкнехт мне удружил. Взял из моего предисловия к

статьям Маркса о Франции 1848–1850 гг. все, что могло бы ему пригодиться, чтобы поддержать непременно мирную и ненасильственную тактику, которую он с тем большей охотой проповедует, что сейчас в Берлине готовятся жесткие законы. Но эту тактику я предполагаю лишь для сегодняшней Германии, и то еще с большими оговорками. Во Франции, Бельгии, Италии, Австрии этой тактики нельзя придерживаться целиком, а в Германии она уже завтра может оказаться неприменимой». Энгельс не говорит о России: на его взгляд, она не входит в этот круг, поскольку революция там просто немыслима.

Три месяца спустя, в начале июля 1895 года, Энгельс, который тогда был очень болен, с воодушевлением воспринял новость о самых первых массовых стачках в Санкт-Петербурге. Он также с волнением узнал, что 24 июля двадцатитрехлетний Жан Лонге (Джонни) — сын Женнихен и внук Карла — вошел в число ста двадцати французских делегатов от Рабочей партии своего дяди Лафарга и Геда, представляя региональную федерацию Нижней Нормандии на IV Конгрессе Интернационала в Лондоне. Джонни жил у своей тети Элеоноры с дядей Лафаргом, с которым часто общался после смерти матери; Лаура заменила ему мать. Они все вместе приехали к «старому генералу» и находились в Лондоне, когда 5 августа 1895 года Энгельс умер.

Судьба марксизма отныне будет решаться в Германии и России. Во Франции он будет лишь бледной копией того, чем стал в Германии; Англия превратится всего лишь в укрытие, где эмигранты будут искать прибежища и передышки, не оказывая влияния на британское общество.

Через двенадцать дней после смерти Энгельса Элеонора, забравшая все рукописи отца на английском языке, попросила Каутского продолжить работу над четвертым томом «Капитала». Она вступила в переговоры с издателем Дитцем, предложившим Мейснеру выкупить права на уже опубликованные книги.

В это время Луиза и открыла Элеоноре, что Маркс — настоящий отец Фредди. Она якобы узнала об этом от Энгельса на его смертном одре. Наверняка Луиза хотела получить от Элеоноры рукописи на сохранение. Элеонора сблизилась со сводным братом и намеревалась делить с ним своего рода обреченность на несчастье. Возможно, это известие както повлияло на решение, которое она приняла совместно с Лаурой: они решили доверить рукописи отца Каутскому, который, как им казалось, наилучшим образом сможет распорядиться этим наследием. Элеонора оставила у себя только статьи на английском языке. Луиза, будучи эмиссаром Бебеля в Лондоне, сообщила своему начальству, что это она добилась того, чего они

так долго желали. Партия поблагодарила ее, не удосужившись выразить признательность дочерям Маркса! Элеонора была этим шокирована, казалось, все пропало: дарованное обратно не заберешь.

Однако отчаиваться было преждевременно: рукописи Маркса и Энгельса не было смысла вывозить из Англии из-за старых немецких антисоциалистических законов, запрещавших их ввоз. Рукописи Маркса остались у Элеоноры. Бумаги Энгельса, находящиеся под двойным надзором Бернштейна и Бебеля, спрятали по просьбе последнего в погребе одного лондонского активиста, Юлиуса Мотгелера, в двух деревянных сундуках с двойным навесным замком: один набор ключей был у Бернштейна, второй — у Луизы Фейдерер. Один не мог их открыть без согласия другого. Апофеоз товарищеского доверия…

Все больше проникаясь своей еврейской сущностью, которая, в ее представлении, необязательно была связана с верой, Элеонора теснее сблизилась с писательницей Эми Леви. Та опубликовала роман «Рувим Сакс» о сложностях вхождения евреев в английское общество, а потом оборвала свою жизнь, перечитав фанки своих самых прекрасных стихов — «Лондонская чинара». Потеря лучшей подруги стала очередным ударом для Элеоноры.

Смерть Энгельса развязала руки Бернштейну, который все в большей степени ощущал себя реформистом и писал в 1896 году из Лондона Каутскому: «Практически мы образуем лишь одну радикальную партию; мы делаем лишь то, что делают все радикальные буржуазные партии, вот только мы прячем это под словами, совершенно несоразмерными нашим делам и средствам». Бернштейн думал, что капиталистическая экономическая система теперь будет приспосабливаться к ситуации, что она способна стать лучше. Значит, к социализму можно прийти постепенно. Он даже осмелился критиковать Маркса, утверждая, что автор «Капитала» недооценил способностей к адаптации промышленного общества через расширение рынка, более быстрое обращение товаров и создание крупных предприятий (на самом деле мы знаем, что Маркс это предвидел). Бернштейн отвергал как идею о классовой борьбе, так и идею свержения капитализма. Повторив слова шиллеровской Марии Стюарт — «Пускай осмелится казаться тем, что есть!» — он потребовал, чтобы социалистическая партия признала, что является реформистской.

Законный наследник Энгельса, то есть некоторых рукописей Маркса, переметнулся к врагу! Социалисты в Берлине встревожились. Каутский был в ярости, как и молодая польская

еврейка, недавно вступившая в партию и возглавившая входивших в нее радикалов, — Роза Люксембург. Она обвинила Бернштейна в том, что тот совершает ту же ошибку, что и Прудон, ошибку, в свое время разоблаченную Марксом: нужно понять, что внешняя иррациональность системы и составляет ее суть, и не пытаться заменить ее посредством реформ «более справедливым» или «более рациональным» капиталом. В противоположность Бернштейну Роза Люксембург считала, что способы, которые находит капитализм, чтобы выжить, неприемлемы, в частности экспроприация стран-колоний. Такая экспансия не может продолжаться бесконечно, «поскольку земля круглая», следовательно, капиталистический способ производства стремится к катастрофе.

Марксизм устанавливался повсюду в Европе как доктрина «левых». Повсюду он предстает в схематичном, карикатурном облике, сведенном понемногу к упрощенному манихейству: власть не приемлет сомнений, свойственных ученому.

В Париже популяризатор Маркса Древиль писал в «Принципах социализма»: «Во Франции, как и везде в наше время, утверждающийся социализм — это тот социализм, что вышел из экономической критики Маркса. Хотят этого или нет, все, что есть сегодня социалистического, привязано к марксистской теории».

Одновременно, 10 ноября 1896 года, в газете «Матэн» была подтверждена невиновность Дрейфуса. Элеонора между тем продолжала разбирать черновики отцовских писем на английском языке, которые получила от Энгельса. Она писала сестре 12 ноября: «Все письма перемешаны. То есть пачки, сложенные дорогим старым генералом, совершенно не разобраны, причем не только не по датам: бывает, что листки одного и того же письма оказываются в разных пачках». Она не занималась рукописями, судьба которых так и не была решена; там были все черновики, которые Маркс и не опубликовал, и не выбросил.

В России молодой Ленин мечтал установить в своей стране государство по прусскому образцу и партию наподобие немецкой соцпартии. Владимир Ульянов, живший на берегах Лены (отсюда его партийная кличка «Ленин»[73]), критиковал Плеханова за недооценку революционного характера крестьянства, переоценку роли либеральной буржуазии и слабую связь с рабочим миром. Вставал все тот же вопрос: возможно ли России перепрыгнуть через стадию капитализма и, не увеличивая долю наемного труда, установить социализм, опираясь на крестьянство?

В конце 1897 года в Париже лейтенант Пикар заявил, что верит в невиновность Дрейфуса и в виновность другого

французского офицера — майора Эстерхази. 13 января 1898 года Эмиль Золя напечатал открытое письмо в защиту Дрейфуса «Я обвиняю» на первой странице газеты «Орор» («Аврора»), издаваемой Клемансо. Европейские «левые» раскололись. Гед, как и Золя, считал, что Дрейфус — невинная жертва военного суда, но его судьба не касается социалистов. Роза Люксембург была того же мнения: «дело Дрейфуса» — внутренний конфликт буржуазии, не касающийся рабочего класса. Жорес же считал, что нужно бороться с несправедливостью везде, где бы она себя ни проявила. В тот год вождь социалистов подхватил фразу Маркса, произнесенную в марте 1850 года, призывая к «революционной эволюции».

Двадцать третьего июня 1898 года Бисмарк тихо скончался, мрачный и всеми забытый, а Элеонора сделала ошеломляющее открытие: Эдвард Эвелинг, с которым она жила уже пятнадцать лет, ухаживая за ним, поскольку он уже давно был болен, двумя годами раньше тайно женился на другой под подложным именем! Он не осмелился уйти от нее, опасаясь, что она покончит с собой.

Элеонора — *г* маленькая Тусси, младшая дочь Карла, которую он так пестовал, потому что видел в ней воплощение своего сына Эдгара, всю свою жизнь столько говорившая о самоубийстве, перешла от слов к делу. Без осечки.

Три дня спустя Лаура примчалась в Лондон, чтобы похоронить сестру в склепе своих родителей. Она увезла во Францию некоторые рукописи отца. Те, что хранились у Энгельса, остались под присмотром Бернштейна и Луизы, которые ненавидели друг друга все сильнее.

Эдвард Эвелинг умер через пять месяцев после Элеоноры.

Пятидесятилетняя годовщина издания в 1848 году «Манифеста Коммунистической партии» дала повод к глубоким размышлениям среди европейских «левых». В Берлине Роза Люксембург объясняла в работе «Социальная реформа, или Революция», что главная проблема социал-демократического движения заключается в объединении повседневных сражений с великой переделкой мира. Оружие теории, предоставленное полвека назад Марксом, позволит избежать двух подводных камней — сектантства и буржуазного оппортунизма. В Париже Жан Жорес написал на ту же тему «Как осуществится социализм?»: «Было бы самообманом повторять ответы, данные полвека назад нашими старшими товарищами и учителями… Решающей заслугой Маркса стало сближение и слияние идеи социализма и рабочего движения». В отличие от Геда тот же Жорес 11 октября напечатал в «Пти репюблик» статью под заглавием «Доказательства по делу Дрейфуса», выступив в защиту

невинно осужденного офицера.

Второго сентября 1898 года Луиза Фрейбергер сообщила Августу Бебелю об откровениях, сделанных Энгельсом на смертном одре по поводу личной жизни Маркса, в частности по поводу отца ребенка Хелен Демут. Английский историк Ивонна Капп, читавшая это письмо, полагает, что оно недостойно доверия, поскольку передает «надуманные вариации, в которых Луиза Фрейбергер позволяет себе рассказывать о супружеских отношениях Марксов в то время, когда она не могла ничего о них знать». Однако сегодня отцовство Маркса кажется бесспорным.

В том же году все руководители французских социалистов представляли марксизм как основу своей идеологии и программы. Один из них, Жорж Сорель[74], считал, что главное в теории Маркса — концепция социального механизма, образованного классами, благодаря которому современное общество меняется целиком и полностью под влиянием господствующих сегодня идей и страстей. Жорес в работе «Социализм и свобода», вышедшей 1 декабря 1898 года в «Ревю де Пари», называет своим идеалом обобществление средств производства, а своим учителем — Маркса, стараясь следовать ему буквально: во Франции революция должна осуществиться через парламентскую деятельность, и только так. Она должна стать «революционной эволюцией».

В июне 1899 года президент Лубе помиловал Дрейфуса, с которого, однако, так и не были сняты обвинения. «Дело» не было закрыто. Теперь Жорес и Гед противостояли друг другу во всем. Для первого быть социалистом значило выступать за Маркса-демократа и за вмешательство в «дело Дрейфуса». Для второго быть социалистом значило сделать выбор в пользу Маркса-революционера и не вмешиваться в «дело Дрейфуса». В октябре 1899 года конгресс социалистов в Париже признал правоту Жореса и даже утвердил принцип участия во власти соцпартии наряду с правыми партиями «при исключительных обстоятельствах». Если яснее, то в случае войны с Германией, которой желали все, чтобы вернуть Эльзас и Лотарингию.

В том году Эдуард Бернштейн, по-прежнему находившийся в Лондоне, осмелился открыто выступить против Бебеля и Каутского. Он, издав в Германии «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», предложил преобразовать социалистическую партию в реформистское движение. Каутский ответил на это работой «Марксизм и его критик Бернштейн».

В Лондоне марксист-народник Даниельсон, взявший теперь литературное имя Николайон, отказался от идеи об «абсолютной» невозможности капитализма в России и примкнул к идее,

вычитанной у Маркса, о «невозможности „нормального органичного“ капиталистического развития в России». Иначе говоря, капитализм в России существует, и революция там возможна, но при условии, что она произойдет одновременно во всем мире. То же самое думает Ленин, написавший «Развитие капитализма в России».

Ленин эмигрировал в Швейцарию. В узком кругу эмигрантов-марксистов он повстречал Мартова[75] — молодого человека из украинского Бунда. Вместе они основали газету «Искра». Познакомился Ленин также с Николаем Рязановым[76] (марксист, союзник Плеханова), который работал в группе русских интеллигентов и сотрудничал с «Искрой». Этот Рязанов, высокообразованный молодой человек с сильным характером, изучал тогда написанное Марксом о России и историю Первого интернационала. Через двадцать лет он привезет рукописи Маркса в Россию, ставшую советской.

В следующем году Рязанов отправился в Берлин, в штаб-квартиру Социал-демократической партии; ему нужно было поработать в архивах. Там он с изумлением обнаружил рукописи Маркса в полном беспорядке и библиотеку Энгельса — все это только что было доставлено: наконец-то было получено «добро» на вывоз наследия основоположников марксизма из Лондона. Но здесь была лишь часть рукописей — многое Бернштейн оставил себе! Однако и этих сокровищ, о существовании которых никто не знал, могло бы с лихвой хватить — но он не мог их расшифровать за неимением времени и разрешения на эту работу.

Позднее Рязанов вспоминал, как в 1900 году увидел в Берлине эту библиотеку, беспорядочно сваленную в нескольких комнатах. Несколько тысяч книг, принадлежавших создателям научного социализма, исчезли. Никто даже не потрудился проверить, нет ли в них пометок или комментариев на полях, следов работы Маркса или Энгельса. Часть рукописей, которые должны были направить в архивы Социал-демократической партии в Берлине, была удержана Бернштейном, переписка Энгельса и наибольшая часть пока еще неизвестных произведений остались в Лондоне. Позднее станет известно, что часть библиотеки Маркса и Энгельса, а также бесчисленные рукописи действительно остались в руках Фейдереров, которые потом кое-что вернут, но значительная часть раритетов будет ими продана.

В том же 1900 году, в то время как в Германии умер Вильгельм Либкнехт и ему на смену пришел его младший сын Карл, во Франции Жан Жорес в «Вопросах о методе», опираясь на Бернштейна, подверг обструкции идею диктатуры пролетариата как захват власти активным меньшинством, сознающим свою

историческую роль. Один молодой человек, о котором вскоре заговорят, Леон Блюм, согласился с ним. «Всем известно… что метафизика Маркса посредственна, а его экономическое учение расползается по швам», — писал он в январе в «Ревю бланш».

Одновременно в Англии фабианцы вступили в Независимую лейбористскую партию, а Конгресс тред-юнионов и Независимая лейбористская партия сформировали Комитет рабочего представительства, первым секретарем которого стал Джеймс Рамсей Макдональд. В его программу входило отстаивать интересы рабочего класса, отказываясь от классовой борьбы и утверждая положительную роль среднего класса.

Двадцать восьмого ноября в присутствии восьми тысяч человек, собравшихся на Лилльском ипподроме, Жорес и Гед схлестнулись, подводя итог «дела Дрейфуса» и развития левого движения, разрывающегося между реформизмом и революцией. Расхождения между социалистами усилились. После конгресса в Лионе Французская социалистическая партия (ФСП) объединила «независимых», включая Жореса, тогда как в Социалистической партии Франции (СПФ) собрались сторонники Геда и Вайяна.

В 1901 году либеральная экономическая наука переживала новый подъем. Вместо того чтобы взять за отправную точку производство, как Маркс, она исходила из обмена. Вместо фабрики — рынок. Во главе угла — торговец, а не промышленник и тем более не наемный рабочий, последний присутствовал на этой картине лишь как потребитель. Леон Вальрас, а потом Вильфредо Парето, сменивший его на кафедре экономики в Лозаннском университете, разработали концепцию экономического равновесия, из которой следует, что мир как взаимосвязанная система может существовать, пока не нарушено равновесие. Парето подвергает нападкам Маркса, на которого ссылается в «Социалистических системах», обличая ложную истину идеологии, которая на самом деле защищает интересы только одного класса, тогда как экономическая теория чего-то стоит только тогда, когда подчиняется правилам, применимым к математическим моделям физической науки.

На парламентских выборах 1902 года во Франции ФСП получила тридцать семь мандатов, СПФ — четырнадцать. Ряды французских левых редели. Интернационал не был уполномочен вмешаться.

В это же время Бернштейн вернулся в Германию с рукописями Энгельса. В 1902 году он был избран депутатом от СДПГ, хотя уже не верил ни в теорию своей партии, ни в раскол общества на два класса, ни в крах капитализма.

В то время как немецкие марксисты возвращались домой,

русские, по-прежнему находясь в изгнании, основали в Швейцарии Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП). Ленин, живший в Цюрихе, напечатал «Что делать?». Заглавие он позаимствовал у Николая Чернышевского, опубликовавшего свой утопический роман сорока годами раньше с подзаголовком «Новые люди» — этот роман оказал сильное влияние на всех русских революционеров. В работе Ленина отражены его главные принципы: рабочий класс представлен авангардом пролетариата, обладающим всеми полномочиями. Он говорит о необходимости революционного авангарда, передовой партии, ибо «рабочий класс не способен пойти далее защиты своих профессиональных интересов». Эта партия должна вооружиться научным знанием общества, чтобы стать единственным законным источником политической инициативы и организовать «диктатуру партии в отношении рабочего класса» и всего общества. Любой раскол или расхождение во мнениях внутри партии — признак слабости. Теперь уже речь идет не о диктатуре пролетариата, а о диктатуре партии. И о диктатуре одного человека в этой партии, призванной обеспечить ее единство. Владимир Ульянов намеревается организовать революцию в России по образцу Парижской коммуны. Чтобы подготовиться к ней, он изучает статьи Маркса о революциях 1848 и 1870 годов и извлекает из них важный урок: необходим союз с крестьянством. Сделать все возможное, чтобы повести его за собой, ничего не предпринимать без него. Он объединил своих друзей вокруг еженедельника «Социализм», привлекавшего все больше русских революционеров к марксизму.

Тридцатого июля 1903 года в Брюсселе, на первом съезде РСДРП, Мартов и Троцкий заявили, что о пролетарской революции в России говорить преждевременно, нужно предоставить буржуазии возможность руководить сменой режима, ибо крестьянство не способно понять, в чем заключаются его истинные интересы, а рабочий класс еще слишком слаб, чтобы управлять страной. Ленин, напротив, утверждал, что буржуазия в России не способна возглавить демократическую революцию, поскольку она не может желать уничтожения крупных поместий и не будет создавать условия для вхождения сельского хозяйства в рыночную экономику. Он полагал, что нужен союз рабочих и крестьян. Цель — «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», позволяющая осуществить «программу-минимум»: демократическая республика, национализация земли, уничтожение регулярной армии. Ленин пишет: «Марксизм учит пролетария не отстранению от буржуазной революции, не безучастию к ней, не предоставлению руководства в ней

буржуазии, а, напротив, самому энергичному участию, самой решительной борьбе за последовательный пролетарский демократизм, за доведение революции до конца».

На съезде завязалась суровая борьба. Голосование прошло в полной сумятице. Сторонники Ленина стали называть себя «большевиками», а своих соперников — Мартова и Троцкого — «меньшевиками». Ленину удалось придать своей деятельности демократическую окраску.

В том же году Шарль Лонге, всю свою жизнь остававшийся социалистом и журналистом, умер, оставив четырех детей — Женни, Марселя, Эдгара и Жана (из всех четверых только последний стал социалистом-активистом). Воспитывала их в основном Лаура Лафарг.

В 1904 году социалисты, создавшие социал-демократический кооператив, отыскали родовой дом Маркса в Трире и купили соседний дом для партии и профсоюза. Во Франции раздоры между социалистами не утихали. Они ослабили социалистический Интернационал, который, собравшись в августе на VI Конгресс в Амстердаме, осудил всякое сотрудничество с «буржуазными» партиями и рекомендовал французам объединить свои силы «в интересах международного пролетариата, перед которым они несут ответственность за пагубные последствия своих разногласий». Жюль Гед одержал победу над Жоресом.

Девятое января 1905 года вошло в российскую историю под названием «Кровавое воскресенье»: свыше ста сорока тысяч петербургских рабочих устроили мирную демонстрацию перед Зимним дворцом, неся в руках иконы, чтобы вручить петицию царю; армия стала стрелять по толпе, свыше тысячи человек было убито[77]. Николай II тотчас пообещал выборы, свободу печати, всеобщее избирательное право и конституцию — ничего из этого народ не получил. В конце года редкие марксисты и революционеры, находившиеся в стране, были брошены в тюрьмы, а Дума распущена[78]. Ленин остался за границей: время завоевания власти для социалистической революции еще не пришло. Но неудавшееся восстание побудило его задуматься о роли всеобщей стачки в завоевании власти.

23—25 апреля 1905 года, следуя призыву Интернационала, в Париже, в кафе «Глобус» на Страсбургском бульваре собрался объединительный конгресс французских социалистов. 286 делегатов приняли «Хартию единства», составленную явно в марксистском духе: «Социалистическая партия является классовой партией, имеющей целью обобществить средства производства и торговли, то есть преобразовать капиталистическое общество в коллективистское или

коммунистическое, а средством — экономическую и политическую организацию пролетариата. По своим целям, идеалам и применяемым методам французская секция рабочего Интернационала, хотя и продолжает осуществление неотложных реформ, требуемых рабочим классом, является не реформистской партией, а партией классовой борьбы и революции». Ее печатным органом стала газета «Юманите».

В Германии Каутский, которому удалось добиться от Бернштейна передачи некоторых рукописей партии, издал с согласия Элеоноры четвертый том «Капитала», в который вошли теории Маркса о прибавочной стоимости под заглавием «История экономических учений».

В 1906 году в Лондоне Комитет рабочего представительства принял название Лейбористской партии; внутри нее возобладали взгляды фабианцев, ратующих за постепенное проникновение марксизма в общество.

Двенадцатого июля кассационный суд отменил «в связи с прекращением дела» приговор в отношении Дрейфуса. Защищавший его Жорес стал вождем французских социалистов. Тем не менее в том же году в органе социалистической партии — газете «Мувман сосьялист» появилась статья «Крах дрейфусизма, или Торжество еврейской партии»…

В 1908 году, в двадцать пятую годовщину смерти Маркса, Роза Люксембург, верившая в скорую революцию в Германии, опубликовала в газете «Социализм» статью, заявляющую, что Россия, несмотря на поражение революции 1905 года, тоже становится возможным фронтом для захвата власти: «Обычно вклад в науку большинства великих ученых получает полное признание только после их смерти. Время возвращает им все их значение. Сегодня, четверть века спустя после смерти Маркса, гром русской Революции возвещает присоединение к марксистской мысли новой обширной территории…»

В 1910 году, роясь в архивах, привезенных Бернштейном, Каутский, еще руководивший журналом «Нойе цайт», обнаружил рукописи Маркса, о существовании которых никто не знал и которые скрывал Бернштейн: подготовительные наброски к «Критике гегелевской философии права», «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Основные черты критики политической экономии». Важная находка, устанавливающая связь между «Немецкой идеологией» и зрелыми произведениями. Каутский встретился с Рязановым. Молодой русский эмигрант, изучавший труды Маркса, пришел расспросить его, как уже расспрашивал Бебеля и Бернштейна. Очень скоро он понял двуличие Бернштейна, что само по себе сблизило его с Каутским,

поразившим юношу своим знанием творчества Маркса и высоким интеллектуальным уровнем. Каутский рассказал ему о своих поразительных открытиях и сделал своим секретарем; он поручил Рязанову подготовить переписку Маркса для публикации. Рязанов согласился. Что может быть лучше для революционера, чем познакомить мир с работами учителя? По свидетельству Рязанова, после смерти Энгельса архивы пришли в полнейшее запустение. Энгельс жестоко просчитался: если бы не было завещания, архивы наверняка сохранились бы лучше. Огромная библиотека Маркса и Энгельса почти совершенно утрачена. Наследники даже не дали себе труда выяснить, все ли архивы были переданы им целиком. Вот так архивы Маркса перешли из рук немцев в руки русских — точнее, из рук нескольких немцев, которых они не слишком интересовали, в руки одного русского, который по-настоящему ими дорожил.

Рязанов даже провел летом 1910 года несколько недель в Дравейле под Парижем, у Лафаргов, которые любезно предоставили в его распоряжение бумаги и письма, оставленные Марксом. Это были бесчисленные письма, политические рукописи, менее важные тексты, например ответы на вопросы «исповеди» для Нанетгы за шестьдесят лет до этого. Рязанов снял копии. Он вовсе не предчувствовал драматического конца своих хозяев и вернулся в Берлин.

В воскресенье 26 ноября 1911 года в возрасте шестидесяти пяти лет Лаура покончила с собой, как двенадцатью годами ранее ее сестра. Ее муж Поль Лафарг, которому было семьдесят, последовал ее примеру. Они избрали этот возраст, чтобы лишить себя жизни «до наступления безжалостной старости», сделав себе укол синильной кислоты. Лаура завещала бумаги отца немецким социал-демократам. Ленин присутствовал на их похоронах и произнес надгробную речь.

Рязанов тотчас вернулся в Дравейль, но там ему не удалось, принимая из рук наследников бумаги Маркса, отныне принадлежавшие немецкой социал-демократии, обнаружить те самые исповеди и некоторые другие бумаги: их уже кто-то присвоил.

В 1913 году Рязанов издал в Берлине первую подборку писем Маркса с многочисленными купюрами, которые заставили его сделать Бернштейн и Меринг — еще один руководитель социалистов, — «потому что не все можно доверить публике».

***

Двадцать восьмого июня 1914 года наследник Австро-Венгерской империи был убит в Сараеве сербским террористом Гаврилой Принципом. Австрия объявила войну Сербии 28 июля. На следующий день немецкий кайзер Вильгельм II, чувствуя приближение катастрофы, несколько раз телеграфировал царю, чтобы отговорить его от намерения из славянской солидарности поддерживать Сербию. Но в игру вступили военные союзы. 30 июля Николай II, получивший в Москве тремя днями раньше заверения в поддержке от президента Французской республики Раймона Пуанкаре и премьер-министра Рене Вивиани, объявил всеобщую мобилизацию. По возвращении во Францию Пуанкаре и Вивиани приветствовали криками «Да здравствует война!». Вся Франция целиком (за исключением ничтожного меньшинства, включая Жореса и Кальо) была за вступление в войну. Через месяц, 31 июля, анархист Рауль Виллен убил Жореса в парижском кафе «Круассан» (пять лет спустя его оправдают).

В субботу 1 августа 1914 года в Берлине кайзер и канцлер Бетманн-Гольвег объявили войну России. Столица Российской империи, основанная Петром Великим под немецким названием Санкт-Петербург, стала называться Петроградом. Франция, в свою очередь, объявила всеобщую мобилизацию, но Пуанкаре успокаивающе заявил: «Мобилизация — еще не война». Руководители социалистов во всех странах спорили о том, какую позицию занять. За исключением русских и сербов, которых, между прочим, это касалось в первую очередь, все проголосовали за предоставление кредитов на военные нужды, запрашиваемых правительствами их стран.

Третьего августа Германия объявила войну Франции. 4 августа СДПГ проголосовала за военные кредиты; глава ее фракции в парламенте Гуго Гаазе заявил: «Мы не бросим отечество в час опасности». Каутский не стал перечить руководству партии и поддержал войну. Лишь несколько активистов СДПГ остались приверженцами мира; в их числе были Роза Люксембург, популяризатор Маркса Юлиан Борхардт и Карл Либкнехт, сын Вильгельма. Роза Люксембург считала, что Европа должна сделать выбор между «социализмом и варварством». Странная ирония судьбы: пацифистов исключили из Второго интернационала, в котором остались только партии противоборствующих сторон! Тогда они объявили себя «коммунистами», в противоположность бывшим

товарищам-«социалистам», по-прежнему ссылавшимся на Маркса. Существование социалистического Интернационала отныне лишено смысла. Коммунисты основали свою организацию — *die Internationale*.

В тот же день немецкий канцлер обозвал «пустой бумажкой» протокол 1831 года, гарантирующий бельгийский нейтралитет, что втянуло в войну Англию — к великому удивлению Вильгельма II.

В Париже воинственность достигла своего апогея: 10 августа 1914 года газета социалистов «Юманите», основанная Жаном Жоресом, писала: «Тысячи пылких молодых людей из чрева народа и из глубин мелкой и крупной буржуазии, покинув свои семьи без малодушия и без колебаний, вступили в армию, поставив свою жизнь на службу отечеству, которое в опасности». Несмотря на свой прежний протест против участия социалистов в буржуазном правительстве, Жюль Гед принял участие в «Священном союзе» и стал министром без портфеля в правительстве национального единства.

Двадцать третьего августа Япония, союзница Англии, объявила войну Германии. 29 ноября в войну вступил турецкий султан Мехмед V, союзник Германии.

Тогда же родилась третья ложь, искажающая мысль Маркса: после Энгельса и Каутского за переделку его наследия взялся Ленин, продолжив работу немцев. Изобретя в «Что делать?» руководящую партию, он в июле — ноябре 1914 года написал в Швейцарии для «Настольного энциклопедического словаря» Товарищества братьев Гранат сорок пять страниц о Карле Марксе, вернее, о «марксизме». Всё здесь фальсификация или, по меньшей мере, карикатура, подправляющая автора «Капитала» в направлении революции, подготавливаемой Лениным. Ленин взялся доказать, что революция в России, объединившая рабочих и крестьян под руководством рабочей партии, станет ключом к мировой революции: «Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных „главенствующих“ идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил <…>. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы». Ленин оставляет без внимания

нестыковки, обнаруженные Марксом в его собственной теории: «Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение». По Ленину, «общеизвестный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполне объяснен Марксом на основе закона стоимости, ибо сумма стоимостей всех товаров совпадает с суммой цен». «Из предыдущего видно, что неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат».

Ленин начинает отстаивать идею о построении социализма в одной отдельно взятой стране: нужно перестать мыслить в мировом масштабе; все рабочие принадлежат одной нации, и именно в рамках их нации они должны совершить революцию, ибо «нации — неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не „устраиваясь в пределах нации“, не будучи „национален“ (хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия)». Ссылаясь на Маркса, он утверждает, что наилучшее место для политического действия рабочих — Россия: «Следует отметить ряд глубоких (и особенно важных для отсталых стран, как Россия) мыслей Маркса об эволюции капитализма в земледелии. Превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует неизбежно, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги <…> —(Кооперации, т. е. товарищества мелких крестьян, играя чрезвычайно прогрессивную буржуазную роль, лишь ослабляют эту тенденцию, но не уничтожают ее; не надо также забывать, что эти кооперации дают много зажиточным крестьянам и очень мало, почти ничего, массе бедноты, а затем товарищества сами становятся эксплуататорами наемного труда.)».

Отсюда вывод: революция должна произойти в России, когда рабочие и крестьяне объединятся под руководством единой

партии. Но поскольку нужно еще оправдать эту партию, Ленин ставит Энгельса наравне с Марксом, делая его, по крайней мере, выразителем мысли Маркса: «Наконец, по вопросу об отношении социализма Маркса к мелкому крестьянству, которое останется в эпоху экспроприации экспроприаторов, необходимо указать на заявление Энгельса, выражающего мысли Маркса…» Далее следует отрывок из Энгельса, не имеющий никакого отношения к мысли Маркса[79].

В короткой биографии Маркса Ленин свивает еще один лавровый венок и возлагает его на чело Энгельса — великого борца и воспитателя пролетариата, дабы увековечить его имя: «Для правильной оценки взглядов Маркса безусловно необходимо знакомство с произведениями его ближайшего единомышленника и сотрудника *Фридриха Энгельса.* Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его, не считаясь со *всеми* сочинениями Энгельса».

К концу 1914 года русская армия откатилась более чем на 500 километров вглубь страны и потеряла более двух миллионов человек. Когда немецкая армия, ворвавшаяся во Францию с севера, была остановлена под Верденом, стало ясно, что война затянется надолго.

Розу Люксембург арестовали в Берлине 18 февраля 1915 года за выступления в прессе против войны, которую вела Германия. 15 февраля был основан «научно-практический ежемесячный марксистский» журнал «Интернационал», в котором под псевдонимом «Юниус» печатали передаваемые из тюрьмы письма Розы к своей организации — «Группе Спартака»[80]: «Интернационал, выражающий интересы пролетариата, может родиться лишь из самокритики пролетариата, в сознании его собственной власти — той власти, которая 4 августа поникла, словно шаткий тростник».

В 1916 году, в то время как война стала позиционной, а русская армия под командованием генерала Брусилова совершила в Польше прорыв, потеснив войска Гинденбурга, Ленин написал, что империализм — «высшая стадия развития капитализма». В новом издании, вышедшем четыре года спустя, он уточнит: «В книжке доказано, что война 1914–1918 годов была с обеих сторон империалистской (т. е. захватной, грабительской, разбойнической) войной, войной из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний, „сфер влияния“ финансового капитала и т. д. Ибо доказательство того, каков истинный социальный, или вернее: истинный классовый характер войны, содержится, разумеется, не в дипломатической истории войны, а в анализе *объективного* положения командующих классов во *всех* воюющих

державах. Чтобы изобразить это объективное положение, надо взять не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно *совокупность* данных об *основах* хозяйственной жизни *всех* воюющих держав и *всего* мира».

Двадцать четвертого марта 1916 года руководство социал-демократии решает исключить из своих рядов всех, кто противится войне. 30 марта Роза Люксембург писала в одном из своих писем: «Все поставлено на карту: борьба за партию, а не против партии. Наш девиз — не раскол или единство, не старая или новая партия, но завоевание партии снизу через восстание масс, которые должны взять в свои руки организации и их средства, не на словах, а на деле. Решающее сражение за партию началось». Она договаривается до того, что Гинденбург стал вместе с руководством социал-демократов душеприказчиком Маркса и Энгельса! Произошел разрыв: часть СДПГ под руководством Бернштейна, Карла Либкнехта, Франца Меринга и Клары Цеткин присоединилась к ней — возникла Независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ), связанная с «Группой Спартака», программу которой написала в тюрьме Роза Люксембург. Бернштейн — пацифист, но не революционер, — очень скоро порвал с ними, сокрушаясь о том, что «человек с такими умственными задатками и образованием, как Роза Люксембург [она блестяще училась в Варшавском лицее], мог участвовать в написании» такой программы — «злого памфлета, настолько же неясного, насколько демагогического и провокационного».

Бремя войны становилось все тяжелее. В то время как во Франции рабочий класс почти полностью (за редкими исключениями) поддерживал армию, в Германии поднялась революционная волна, раздуваемая «Группой Спартака». Металлурги Берлина и Лейпцига начали забастовку в знак протеста против войны и голода.

В это же время, в феврале 1917 года, в разгар войны между Россией и Германией, когда фронт растянулся на несколько тысяч километров, Рязанов умудрился прибыть из Берлина в Россию, привезя с собой рукописи Маркса и Энгельса, подшивки «Форвертс» и «Рейнише цайтунг» за 1842–1843 годы, «Нью-Йорк дейли трибюн» за те годы, когда с ней сотрудничал Маркс, а также фотокопии немецких архивных документов. Наверняка он сделал это с молчаливого разрешения руководства социал-демократов, которое не возмущалось по поводу вывоза старых

бумажек… А немецкой армии было на руку все, что могло пошатнуть царский трон.

Восьмого марта 1917 года рабочие Путиловского завода в Петрограде устроили забастовку, выступив против тех, кто обрекал их на голодное существование, и присоединились к маршу, организованному по случаю Международного женского дня. Редко кто кричал «Долой царя!». В последующие дни манифестации возобновились. В воскресенье 11 марта армия стреляла по толпе. Были убиты сорок человек. Солдаты и рабочие стали брататься и создали Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. К ним примкнули несколько меньшевиков, депутатов Государственной думы, под руководством адвоката Александра Керенского и 15 марта предложили либералу князю Львову и Милюкову возглавить правительство. В тот же вечер царь отрекся от престола, но война продолжалась. В новое правительство вошли меньшевики.

Двадцать седьмого марта, в разгар коммунистического движения в Берлине и Петрограде, правительство кайзера зафрахтовало бронепоезд и обеспечило переезд Ленина и некоторых его товарищей из Швейцарии в Россию, точно так же как чуть раньше устроило переезд Рязанова, надеясь, что большевики дестабилизируют в Петрограде и новое правительство.

В самом деле, 7 (20) июля 1917 года, когда стало ясно, что Керенскому не удастся быстро подавить бунты, разжигаемые против него Лениным, было опубликовано постановление об аресте Ленина. Власти решили арестовать руководство большевиков, запретить их газеты, в частности «Правду», и отправить на фронт революционные воинские части Петрограда, чересчур подверженные большевистской пропаганде. Спасаясь от преследований, Ленин бежал в Финляндию. В начале июля некоторые коммунисты решили, что назрела революционная ситуация; Ленин был с ними не согласен. Правительство Керенского объявило о выборах в Учредительное собрание.

Керенский, принявший бразды правления из рук Милюкова, продолжил войну; генерал Брусилов, по-прежнему возглавлявший русские войска, 1 июля разбил немцев под Бржезанами. Сменивший его Корнилов продолжал одерживать победы. Потом русская армия развалилась. В сентябре немцы атаковали на севере. 3 сентября они заняли Ригу, 21-го — Якобштадт.

Эсеры, которых поддерживало крестьянство, получили большинство в Учредительном собрании — 419 мест против 168 у большевиков, 18 — у меньшевиков, 17 — у кадетов и 81 — у всех прочих.

Рязанов, назначенный в апреле народным комиссаром путей сообщения в Одессе, был избран представителем этого украинского портового города в Учредительном собрании и членом исполкома Союза железнодорожников.

Ленин написал 28 сентября из Финляндии обращение к Центральному комитету своей партии, оставшемуся в Петрограде, о необходимости тайной подготовки к восстанию. Не в силах не думать о судьбе Парижской коммуны (та продержалась только семьдесят два дня) и находясь под впечатлением от третьего «Воззвания» Маркса, а также от его статьи о государственном перевороте Наполеона III, он знал, что сможет захватить и удержать власть только в том случае, если установит союз с крестьянством. Но для него диктатура пролетариата должна установиться надолго. В письме к ЦК РСДРП[81] он дал теоретическое обоснование Октябрьской революции, попытался сделать точный тактический анализ действий, основанных на неверной интерпретации Маркса, которому он приписывает революцию любой ценой («революцию как искусство»), о чем Маркс никогда в жизни не писал:

«Вождь оппортунизма, Бернштейн, уже снискал себе печальную славу обвинением марксизма в бланкизме, и нынешние оппортунисты в сущности ни на йоту не подновляют и не „обогащают“ скудные „идеи“ Бернштейна, крича о бланкизме. Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно *искусством,* сказав, что к восстанию надо относиться, как к искусству, что надо *завоевать* первый успех и от успеха идти к успеху, не прекращая *наступления* на врага, пользуясь его растерянностью и т. д. и т. п. Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это вопервых. Восстание должно опираться на *революционный подъем народа.* Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции.* Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается *марксизм от бланкизма.* Но раз есть налицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как *к искусству,* значит изменить марксизму и изменить революции.

Чтобы доказать, почему именно переживаемый нами момент

надо признать таким, когда *обязательно* для партии признать *восстание* поставленным ходом объективных событий в порядке дня и отнестись к восстанию, как к искусству, чтобы доказать это, лучше всего, пожалуй, употребить метод сравнения и сопоставить 3–4 июля с сентябрьскими днями. 3–4 июля можно было, не греша против истины, поставить вопрос так: правильнее было бы взять власть, ибо иначе все равно враги обвинят нас в восстании и расправятся, как с повстанцами. Но из этого нельзя было сделать вывода в пользу взятия власти тогда, ибо объективных условий для победы восстания тогда не было. 1. Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции. Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах. Оно создано *только* историей июля и августа, опытом „расправы“ с большевиками и опытом корниловщины. 2. Не было тогда всенародного революционного подъема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти Советами во многих местах доказывают это. 3. Не было тогда *колебаний,* в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские: наш главный враг, империализм союзный и всемирный, ибо „союзники“ стоят во главе всемирного империализма, *заколебался* между войной до победы и сепаратным миром против России. Наши мелкобуржуазные демократы, явно потеряв большинство в народе, заколебались гигантски, отказавшись от блока, т. е. от коалиции, с кадетами. 4. Потому 3–4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо *драться, умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого „озверения“, такой кипучей ненависти *и к* Керенским, *и к* Церетели-Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков. Политически мы не удержали бы власти 3–4 июля, ибо армия и провинция, *до корниловщины,* могли пойти и пошли бы на Питер. Теперь картина совсем иная. За нами большинство *класса,* авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы. За нами *большинство* народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший признак того, что крестьянство от блока эсеров (и от самих эсеров) *земли не получит.* А в этом гвоздь общенародного характера революции. За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и *всего империализма,* и всего блока меньшевиков с эсерами. За нами *верная победа,* ибо народ совсем уже близок к отчаянию, а

мы даем всему народу верный выход, показав значение нашего руководства всему народу „в дни корниловские“, затем *предложив* компромисс блокистам и *получив отказ от них* при условии отнюдь не прекращающихся колебаний с их стороны».

Чтобы навязать эту точку зрения, Ленин вернулся в Петроград 23 октября и добился принятия решения о вооруженном восстании с целью установить «диктатуру пролетариата». Большевики решили выступить под тремя лозунгами: «Мир народам», чтобы привлечь на свою сторону солдат; «Земля крестьянам», чтобы привлечь сельское население; и «Вся власть Советам» с оглядкой на солдат и рабочих. Затем он тотчас вернулся в Финляндию, предоставив Троцкому, которого он сделал своим заместителем, готовить восстание. Вернулся он 29 октября, сломил сопротивление Каменева и Зиновьева, которые опасались неудачи и хотели отсрочить восстание. В ночь с 6 на 7 ноября 1917 года большевики захватили опорные центры Петрограда и арестовали министров, заседавших в Зимнем дворце. Ленин возглавил правительство и заявил, что российское рабочее движение — авангард мирового пролетариата. Он назначил Троцкого наркомом иностранных дел. Ленин надеялся, что новая власть продержится, по меньшей мере, семьдесят два дня, как Парижская коммуна, и повторял фразу Маркса: «Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены; они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется освобождения». Но теперь он будет навязывать концепцию диктатуры пролетариата, в корне отличающуюся от концепции Маркса: по Марксу, это временное господство широкого большинства, уважающего права людей, свободу прессы, оппозиционные партии и разделение властей; Ленин же представлял ее как окончательную диктатуру определенного меньшинства.

На следующий же день вождь большевиков запросил мира. Он был готов на любые уступки, поскольку был убежден, что немцы не замедлят последовать за русскими по пути пролетарской революции.

В России душили «буржуазную» прессу. 20 декабря была создана политическая полиция (ЧК), запрещены забастовки. Запретили и умеренную партию кадетов — конституционных демократов.

Девятнадцатого января 1918 года Ленин распустил Учредительное собрание, практически не дав ему возможности ничего сделать. 30 августа эсерку Фанни Каплан обвинили в подготовке покушения, и последняя партия, противостоявшая большевикам, была запрещена, ее члены — социалисты-

революционеры — подверглись преследованиям и ссылке в лагеря. Рязанов создал Главархив, стал профессором в открывшемся в 1919 году Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова и принял участие в создании Социалистической академии.

Третьего марта 1918 года в Брест-Литовске был заключен мирный договор между Россией и странами Четвертного союза, которые предоставили независимость Украине, поспешившей дать убежище белой армии, враждебной коммунистическому правительству.

Партия большевиков, все еще называвшаяся Российской социал-демократической партией, приняла название коммунистической на съезде в марте 1918 года.

Немецкие социалисты по-разному восприняли события в России. Роза Люксембург восторженно встретила известие об Октябрьской революции, хотя ее и встревожила ленинская концепция диктатуры пролетариата. Она проницательно писала: «Свобода только для сторонников правительства, для членов партии, как бы они ни были многочисленны, — это не свобода. Свобода — это всегда свобода для инакомыслящего <…>. Историческая задача, выпавшая пролетариату, пришедшему к власти, заключается в том, чтобы создать вместо буржуазной демократии социалистическую, а не уничтожить всякую демократию». Как и Маркс, она представляла себе диктатуру пролетариата как «способ применения демократии — не через ее отмену, а через энергичное, решительное вмешательство <…> в экономические отношения буржуазного общества, без которых нельзя осуществить социалистических преобразований. Но эта диктатура должна осуществляться всем классом, а не узким руководящим меньшинством от имени класса, иначе говоря, она должна шаг за шагом выходить из активного участия масс, находиться под их непосредственным влиянием, подчиняясь контролю со стороны общественности — продукта растущего политического воспитания народных масс».

В это же время Карл Каутский примкнул к своему старому врагу Бернштейну, чтобы вместе с ним обличать происходящее в России. Он считал, что государственное управление экономикой приведет к деспотическому правлению восточного типа: «Этот безумный эксперимент приведет лишь к тому, что все полетит кувырком», а большевистская модель породит только контрреволюцию.

Ленин ответил ему в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский», приведя ложную цитату из Маркса: «Революционная диктатура пролетариата есть насилие против

буржуазии; необходимость же этого насилия в особенности вызывается, как подробнейшим образом и многократно объясняли Маркс и Энгельс (особенно в „Гражданской войне во Франции“ и в предисловии к ней), — тем, что существуют военщина и бюрократия». А ведь Маркс, как мы видели, говорил прямо противоположное. Понимая, что передергивает, Ленин добавляет еще одну ложь: «Как раз этих учреждений, как раз в Англии и в Америке, как раз в 70-х годах XIX века, когда Маркс делал свое замечание, не было! (А теперь они и в Англии и в Америке есть.)». И далее: «Каутский полностью отрекается от марксизма, отделываясь при анализе русской революции юридическим, формальным, служащим буржуазии для прикрытия ее господства и для обмана масс, понятием „демократия“ и забывая о том, что „демократия“ выражает на деле иногда диктатуру буржуазии, иногда бессильный реформизм мещанства, подчиняющегося этой диктатуре, и т. д.».

По Ленину, Бернштейн и Каутский революционеры и марксисты только на словах, а на деле — ренегаты, всячески пытающиеся укрыться от революции.

В мае 1918 года Ленин находился в Москве, ставшей с марта столицей, отсюда он пытался установить государственную монополию на сельское хозяйство и промышленность, для этого национализировал крупные предприятия и коллективизировал сельское хозяйство.

В это же время в Берлине, пока армия под командованием Людендорфа катилась к поражению под ударами марксистов-активистов и французских пушек, историк Освальд Шпенглер в важном (хотя и не он принес ему мировую известность) труде «Пруссачество и социализм» обличил социализм Маркса как антинемецкий, в силу того, что он еврейский, тогда как «настоящий» социализм, на его взгляд, — может быть только прусским и национальным. Таким образом, он подвел идеологическую базу под убеждения немецких «правых», а в будущем — крайне правых и национал-социалистов, противостоя одновременно коммунистам и англосаксам, поскольку он обвиняет марксистов и капиталистов в сговоре против Германии. Из этой книги следует привести большую цитату, поскольку в ней устанавливается связь между тем, что в тот страшный 1918 год привело к зарождению двух наихудших видов варварства всех времен, в том числе одного — в Германии:

«Первым социалистом сознательно стал Фридрих Вильгельм I, а не Маркс. Именно он, образцовая личность, стоит у истоков этого мирового движения…» Тогда как капитализм, как утверждает Шпенглер, английского происхождения. «На вершине

западноевропейской культуры развились две великие философские школы: английская, школа эгоизма и сенсуализма, и прусская, школа идеализма <…>. В то время как для нас, пруссаков, конструктивной противоположностью всегда будет повелевать и подчиняться внутри строго дисциплинированной общины, называется ли она государством, партией, рабочим классом, офицерским корпусом или чиновничьим аппаратом, — общины, каждый член которой без исключения является ее слугой <…>, основной народ, следуя своим пиратским инстинктам, воспринимает экономическую жизнь совершенно иначе. Для него речь идет о борьбе и добыче — точнее, о доле добычи, которая достанется каждому <…>. Их цель состоит в накоплении личного состояния, частных богатств, в уничтожении частной конкуренции, в эксплуатации публики через рекламу, политику <…>. Вся борьба между хозяевами и рабочими в английской промышленности 1850 года касалась товара „труд“: одни хотели завладеть им по дешевке, тогда как другие хотели продать его подороже».

Маркс — порождение английского капитализма, и его теорию нельзя применить в Германии.

«Маркс мыслит чисто по-английски. Его двуклассовая система выведена из положения народа торговцев, который принес свое сельское хозяйство в жертву торговле и который никогда не обладал государственным чиновничеством с подчеркнутым — прусским — сословным сознанием. Здесь существуют все еще только буржуа и пролетарий, субъекты и объекты сделки, грабители и ограбленные, совсем в духе викингов <…>. Только капитализм английского типа сочетается с социализмом марксистского типа. Прусская идея об управлении экономической жизнью в надындивидуальной перспективе преобразовала, не желая того, благодаря протекционистскому законодательству 1879 года, немецкий капитализм в социалистические формы в смысле государственного порядка <…>. Таким образом, два главных экономических принципа сегодня противостоят друг другу. Викинг стал защитником свободной торговли; Рыцарь же превратился в чиновника в администрации. Между ними невозможно примирение; и поскольку оба они, германцы и первостатейные фаустовские люди, не знают никаких пределов своим желаниям и будут считать себя достигшими цели лишь тогда, когда весь мир покорится их Идее, будет война, пока один из них не одержит окончательную победу».

Эти страшные и пророческие слова заканчиваются так: «Должна ли мировая экономика быть эксплуатацией или

организацией мира? Должны ли цезари будущей империи быть миллиардерами или чиновниками? Должны ли народы Земли, покуда их объединяет эта империя фаустовской цивилизации, быть объектом политики трестов или политики людей, как подразумевается в конце второй части „Фауста“? Речь о судьбе мира…»

Желая того или нет, Шпенглер прославляет СССР, в котором «цари станут чиновниками», и будущий Третий рейх, где кайзер превратится в фюрера — вождя.

В то время как в России продолжалась бойня, 7 октября 1918 года «Группа Спартака» и левые радикалы из Бремена призвали к созданию «Германской социалистической республики, солидарной с Российской советской республикой». 1 ноября разразилась революция, монархия рухнула, кайзер отрекся от престола, была провозглашена республика. Война закончилась. «Группа Спартака» превратилась в союз под названием «Коммунистическая партия Германии — Союз Спартака» и объединилась с левым крылом НСДПГ. Издаваемая ими газета «Роте фане» («Красное знамя») писала, что «История — единственный настоящий учитель; революция — лучшая школа пролетариата».

Пока французы праздновали окончание великого побоища, Ленин начал выстраивать свое государство, коллективизировать предприятия и обзаводиться репрессивным инструментарием, забыв, что Маркс, напротив, вменял в первоочередную обязанность диктатуре пролетариата «уничтожение репрессивного аппарата». Экономика встала на решающий путь промышленного коллективизма. Ленин заявил, что «социализм — это советская власть плюс электрификация всей страны». Экономист Преображенский разработал концепцию «первоначального социалистического накопления», чтобы восстановить разрушенную страну в форме государственного капитализма, тогда как, по Марксу, русские социалисты должны были бы исходить из крестьянской общины.

Но чтобы уйти и от парламентской демократии, и от народников в определении идеологических основ нового режима, чтобы доказать его «научное значение, опирающееся на всю европейскую историю освобождения народов», Ленину было необходимо ссылаться на Маркса.

Поэтому сразу после Октябрьской революции, когда Советская республика находилась в кольце внешних и внутренних врагов и пыталась осуществить гигантскую задачу — захватить государственную власть в разгар войны и совладать с вооруженной оппозицией, по всей стране начали возводить

памятники… во славу двух немцев (представителей вражеской нации), в целом неизвестных русскому народу, — Маркса и Энгельса! Странный приоритет для страны, лежащей в руинах, которой нужно было построить из ничего государство и коллективистскую общественную систему, не имеющую аналогов в мире…

Девятого ноября 1918 года, то есть за два дня до подписания франко-немецкого мирного договора в Ретонде, в то время как немецкие коммунисты пытались захватить власть в Баварии, организовав ее отделение от Германии, Ленин лично открыл первый памятник Марксу и Энгельсу в Москве. Он произнес по этому случаю важную речь, целиком напечатанную в 242-м выпуске газеты «Правда»:

«Мы открываем памятник вождям всемирной рабочей революции, Марксу и Энгельсу… Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком. Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они указали пролетариям всех стран их роль, их задачу, их призвание: подняться первыми на революционную борьбу против капитала, объединить вокруг себя в этой борьбе всех трудящихся и эксплуатируемых. Мы переживаем счастливое время, когда это предвидение великих социалистов стало сбываться. Мы видим все, как в целом ряде стран занимается заря международной социалистической революции пролетариата. Несказанные ужасы империалистской бойни народов вызывают всюду геройский подъем угнетенных масс, удесятеряют их силы в борьбе за освобождение. Пусть же памятники Марксу и Энгельсу еще и еще раз напоминают миллионам рабочих и крестьян, что мы не одиноки в своей борьбе. Рядом с нами поднимаются рабочие более передовых стран. Их и нас ждут еще тяжелые битвы. В общей борьбе будет сломан гнет капитала, будет окончательно завоеван социализм!»

Ключевая фраза здесь — «мы не одиноки в своей борьбе». Ленин через Маркса пытается связать свою борьбу с наукой, Историей, а также с нарождающейся надеждой на революцию в Германии.

На романовском обелиске, воздвигнутом в Александровском саду в 1913 году в честь трехсотлетия династии Романовых, Ленин велел высечь вместо имен царей наряду с именами Маркса и Энгельса фамилии двух десятков провозвестников коммунизма, в том числе Мора, Кампанеллы, Фурье и Чернышевского[82]. Россия была одинока в пространстве; она искала себе союзников

во времени.

В то же время Рязанов вернулся к своей работе: изучению Маркса. Основав Главархив, где хранились документы русского и немецкого социализма, и приняв участие в создании Социалистической академии, он возглавил в ней «Музей марксизма», который быстро преобразовал в Институт К. Маркса и Ф. Энгельса[83], перенеся туда все, что привез из Германии и Франции в самый разгар войны: рукописи Маркса и Энгельса и фотокопии немецких архивных документов. Затем он вернулся на месяц в Германию, пытаясь заполучить рукописи Маркса и Энгельса, еще остававшиеся у социал-демократической партии или у Бернштейна. Несмотря на царивший тогда хаос, каждый социалист отстаивал собственные интересы. Бернштейн не собирался ничего отдавать и заявил, будто бы одолжил неопубликованную главу «Немецкой идеологии», которую хотел получить Рязанов, Мерингу, а тот ее не вернул. Какие-то тексты были у коммунистов, еще кое-какие — у независимых социалистов. Рязанов знал, что рукопись «Немецкой идеологии» здесь. Она была ему нужна. Впоследствии он будет вспоминать, каких трудов ему стоило вызволять одну рукопись за другой из архивов Бернштейна. Ему приходилось ссылаться на все известные ему печатные источники, и только после нескольких дней споров Бернштейн показал ему вторую часть рукописи. В результате Рязанову наконец удалось раздобыть фотокопию всей «Немецкой идеологии».

Он снова отправился рыться в архивах СДПГ и обнаружил там довольно объемистую рукопись, начинавшуюся с пятой страницы, — «Критику гегелевской философии права», первую работу Маркса, которую считали утраченной! — еще одну рукопись о наемном труде и фрагмент исследования Маркса о греческой философии, то есть его диссертацию. Там же были экономические сочинения конца 1850-х годов и двадцать три тетради — черновики «Капитала»! Огромный труд — фотокопирование архивов Бернштейна и самых важных экономических рукописей — не оставил Рязанову возможности переснять тетради с выписками и заметками Маркса. Он поехал во Франкфурт, в Институт социальных исследований при университете, который с конца войны находился под контролем немецкой социал-демократии, чтобы обговорить возможность совместной публикации Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса. Немцы согласились. События этому воспрепятствовали.

То была пора научных дерзаний; несколько экономистов попытались буквально применить марксистские теории. Так, советские экономисты Смит и Клепиров попытались, заручившись

поддержкой самого Ленина, разработать метод установления заработной платы в зависимости от энергетических затрат на выполняемую работу. Ленин заявил в этой связи: «Идя по пути Марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же по всякому другому пути, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи»[84].

В том же году в Китае Ли Дачжао и Чэнь Дусю организовали группы по изучению трудов Маркса, которого они открыли для себя во Франции во время изгнания. В Хунани в одну из таких групп входил Мао Цзэдун. Немецкий мыслитель в самом деле стал мировым духом.

В Германии в декабре 1918 года обе социал-демократические партии — СДПГ и НСДПГ — объединились, чтобы сделать канцлером главу СДПГ Фридриха Эберта и сдержать напор Коммунистической партии, ставшей также главной мишенью для нападок крайне «правых». Руководители социал-демократов — Каутский, Бернштейн, Гильфердинг, Носке и Шейдеман — заняли ключевые посты в первом демократическом правительстве Германии.

В начале января 1919 года спартаковцы устроили восстание по примеру того, что удалось в России. Роза Люксембург была против этого движения, чувствуя, что соотношение сил в стране неблагоприятно. Восстание под руководством двух социалистов — Носке и Шейдемана — было подавлено. Розу арестовали. 15 января она и Карл Либкнехт были убиты на набережной Шпрее офицерами из добровольческих отрядов. Обоим было около сорока лет. Бернштейн выразил протест против «подлого и зверского убийства» сына своего друга и Розы. Больше всего его тревожил реваншизм военных, которые считали, что они не проиграли войну, а им нанесли удар в спину коммунисты.

Рязанов вернулся в Москву и в том же 1919 году основал журналы «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса»[85] и «Летописи марксизма»[86]. Он опубликовал также несколько сборников марксистских статей: «Международный пролетариат и война», «Георгий Плеханов и группа „Освобождение труда“», «Очерки по истории марксизма», «К. Маркс и Ф. Энгельс». Он начал издавать «Библиотеку марксиста» и «Библиотеку материализма» (Гассенди, Гоббс, Ламетри, Гельвеций, Гольбах, Дидро, Толанд, Пристли и Фейербах), а также философские труды Гегеля. Всё это усиленно переводилось на русский и другие языки.

В марте 1919 года, всеми силами стараясь избежать изоляции России, Ленин основал Третий интернационал, вскоре получивший название «Коминтерн», чтобы объединить

коммунистов, придерживавшихся, как и большевики, принципа очищения своих рядов от инакомыслящих, и поддержать революцию в России. Ленин написал тогда: «Перед коммунистическими партиями — авангардом международного пролетариата — стоит задача: выполнить, провести в жизнь заветы марксизма и осуществить вековые идеалы социализма и рабочего движения»[87]. В статье первой устава Коммунистического интернационала значится: «Коммунистический Интернационал — Международное Товарищество Рабочих — представляет собой объединение коммунистических партий отдельных стран, единую мировую коммунистическую партию. Являясь вождем и организатором мирового революционного движения пролетариата, носителем принципов и целей коммунизма, Коммунистический Интернационал борется за завоевание большинства рабочего класса и широких слоев неимущего крестьянства, за установление мировой диктатуры пролетариата, за создание Всемирного Союза Социалистических Советских Республик, за полное уничтожение классов и осуществление социализма — этой первой ступени коммунистического общества».

Верховным органом Третьего интернационала являлся Всемирный конгресс, собиравшийся раз в два года, который избирал Исполнительный комитет и Интернациональную контрольную комиссию. В своей работе ЦК опирался на отчеты центральных комитетов секций, входящих в Интернационал. Была запущена машина крупномасштабной пропаганды. Издательские службы переводили, печатали и распространяли классиков марксизма. Органы печати издавали на четырех языках «Коммунистический Интернационал»; в школах Коминтерна готовили руководящие кадры для компартий. Чтобы вступить в Интернационал, каждая партия должна была выполнить двадцать одно условие. Поначалу в Коминтерне кипели споры, но постепенно он стал равняться на советский аппарат, а марксизм свел к катехизису. Он превратился в ту самую секту, за создание которой Маркс справедливо клеймил Бакунина.

Социалистов поставили перед выбором. В Германии к новому Интернационалу примкнула Коммунистическая партия, но не СДПГ. Во Франции бушевали споры между сторонниками Второго и Третьего интернационалов. Леон Блюм, впервые избранный в 1919 году депутатом от Парижа, писал в «Юманите»: «Мы остаемся революционными социалистами. Я не выбираю ни Вильсона, ни Ленина. Я выбираю Жореса».

Когда в мае 1919 года в Баварии пала советская республика, а ее глава Курт Эйснер был убит, революционная волна пошла на

спад. Коммунистическая партия Германии сдавала свои позиции, несмотря на слияние с левым крылом НСДПГ. Когда она попыталась поднять новое восстание в январе 1920 года, социал-демократическое правительство приказало стрелять по толпе (около сорока человек было убито) и закрыло коммунистические печатные издания. Тогда Компартия остепенилась; она вошла в федеральный парламент, а также в региональные парламенты. Тем не менее Москва еще надеялась на поддержку своей революции со стороны Германии.

В 1920 году рязановский Институт Маркса и Энгельса опубликовал под видом пятого тома «Капитала» разрозненные заметки, не имеющие ничего общего с этим произведением, и избранные места из переписки Маркса и Энгельса. Рязанов исколесил всю Европу, чтобы собрать, урвать, даже украсть как можно больше рукописей Маркса — оригиналов или копий. Он создал Институт красной профессуры, готовивший преподавателей марксистской философии, политэкономии, истории партии для аппарата и государственных чиновников. По такому же образцу уже несколько университетов ковали теперь коммунистические кадры: Университет имени Свердлова в Москве (где преподавал Рязанов), Университет имени Зиновьева в Ленинграде, Коммунистический университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена, Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) и Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) имени Ю. Мархлевского. Рязанов начал весьма вольные изыскания о жизни Маркса, даже о его доходах. В частности, он подсчитал полученные Марксом суммы, сведения о которых можно было почерпнуть из переписки. В это время в России усиленными темпами продвигалась коллективизация; чтобы справиться с дефицитом, Ленин даже отменил деньги и ввел карточную систему.

Французская социалистическая партия собралась 25 декабря 1920 года на конгресс в Туре, чтобы обсудить вопрос о присоединении к Третьему интернационалу. Резолюция Кашена-Фроссара призывала к вступлению в него; сторонники резолюции, предложенной Жаном Лонге (внуком Маркса), соглашались на это с некоторыми оговорками, но некоторые затем все-таки примкнули к Леону Блюму, который, находясь в меньшинстве, отверг концепцию партии, выстраиваемой согласно двадцати одному условию для вступления в Коммунистический интернационал. В речи, ставшей знаменитой, он заявил, что большевизм «основан на идеях, которые сами по себе ошибочны и противоречат главным и неизменным принципам марксистского социализма <…>. Если вы считаете, что целью является

преобразование и что преобразование и есть революция, тогда всё, что даже в рамках буржуазного общества может подготовить такое преобразование, становится революционной работой. Если в этом революция, то ежедневная пропагандистская работа, выполняемая активистом, это революция, понемногу продвигающаяся каждый день. Всё, что является социалистической организацией и пропагандой, всё, что является продвижением внутри капиталистического общества <…>, всё это революционно. И сами реформы <…>, если они служат укреплению власти рабочего класса над капиталистическим обществом <…>, революционны <…>. Этот новый социализм [то есть большевизм] основан на глубочайшем фактическом заблуждении, которое состоит в обобщении… некоторого количества понятий, почерпнутых из опыта самой русской Революции <…>. Вместо воли народа, формирующейся у основы и восходящей ступенчато, ваш режим централизации устанавливает подчинение каждой базовой организации вышестоящей; на вершине иерархии стоит управляющий Комитет, от которого все должно зависеть, это своего рода военное командование, когда приказы отдаются сверху и передаются ступенчато к рядовым партийцам, в простые секции… Вы стремитесь уже не к единству в этом смысле, а к единообразию, абсолютной однородности <…>. Москва требует полной и радикальной чистки всего, что до сих пор являлось социалистической партией». Блюм заключает: «Мы убеждены, что пока вы отправитесь на поиски приключений, кто-то должен охранять старый дом».

К этому моменту ситуация в России ухудшилась: сражение с белой армией еще не было выиграно. Преследуемые голодом и эпидемиями горожане уходили в деревни. Большевики теряли контроль над страной. 2 марта 1921 года под лозунгом «Да здравствуют Советы! Долой большевиков!» матросы линкоров «Севастополь» и «Петропавловск» подняли мятеж, который был назван Кронштадтским. Восстание было подавлено, но на X съезде Коммунистической партии Ленин, извлекший уроки из этого положения, объявил о новой экономической политике (нэпе), вопреки Троцкому, призывавшему к сохранению «военного коммунизма». «Мы слабы и глупы, — писал Ленин. — Мы боимся посмотреть прямо в лицо „низкой истине“ и слишком часто отдаем себя во власть „нас возвышающему обману“ <…>. Мы часто сбиваемся все еще на рассуждение: „капитализм есть зло, социализм есть благо“. Но это рассуждение неправильно, ибо забывает всю совокупность наличных общественно-экономических укладов, выхватывая только два из них. Капитализм есть зло по

отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью…»[88] Наконец-то он все же вспомнил Маркса, после того как столь долго его затушевывал. Ленин намеревался восстановить в «некоторых» секторах (сельское хозяйство, кустарное производство, розничная торговля, мелкая промышленность) и на «неограниченное» время экономику капиталистического типа (через приватизацию), а параллельно выстроить социалистический сектор в области транспорта, банков, крупной промышленности, оптовой и внешней торговли. Продразверстку в деревнях заменили продналогом; на этом же закончилось распределение земли. Внутренняя торговля вновь стала свободной; обратились к зарубежным капиталам, методам и технологиям. На смену ЧК пришло ГПУ с более ограниченными полномочиями.

Двадцать третьего июля 1921 года в Шанхае состоялся первый съезд Коммунистической партии Китая, которая решила равняться на Маркса и назвала своей целью «построение коммунизма через диктатуру пролетариата». Теперь Маркс был вездесущ в революционных умах планеты. Достаточно было того, чтобы огромная аграрная страна — Россия — сделала его иконой модернизации, чтобы прочие поступили так же, проповедуя антикапиталистическое учение за неимением возможности построить у себя капитализм. Марксизм стал, таким образом, заменителем капитализма.

В 1922 году, когда Лениным постепенно овладевала болезнь, которая сведет его в могилу, Россия, ставшая Союзом Советских Социалистических Республик, учредила демократию, подобную театру теней. Она провозгласила равенство народов и признание их права на самоопределение, но это право, разумеется, было чисто фиктивным. Законодательной властью, тоже фиктивной, наделили Съезд Советов СССР, исполнительная власть принадлежала Центральному исполнительному комитету (ЦИК) и Совету народных комиссаров (СНК). ЦИК состоял из двух палат: Совета Союза и Совета национальностей. Один из помощников Ленина, грузин Сталин, ставший после смерти Ленина генеральным секретарем Центрального комитета Коммунистической партии, сделал этот пост самым важным в стране, постепенно уничтожив всех своих соперников.

Рязанов, опубликовавший тогда целиком найденные им письма, словно торопясь действовать, пока его не арестовали, рассказывает в одной лекции, прочитанной в начале 1923 года («О литературном наследии Маркса и Энгельса», не опубликованной в СССР, но тайно изданной два года спустя в Лейпциге), историю злоключений рукописей Маркса. Он гордится

своим трудом, которому посвятил больше тридцати лет своей жизни, наперекор всем и вся:

«Издание, подготовленное Бернштейном и Мерингом, недостойно. Теперь бесчисленные отрывки, которые они выбросили из переписки без малейших на то указаний, встали на свои места, во всяком случае, в тех письмах, которые я сам мог сравнить с оригиналом. Не было ни одного письма, которое не постарались бы изменить эти кощунственные руки. Чересчур сильные выражения Маркса и Энгельса были приглажены или вычеркнуты из текста. Когда Маркс обзывает кого-нибудь „ослом“, два наших недотроги непременно заменят это слово на „глупца“ или „дурака“». Таким образом, эта переписка похожа на обмен посланиями двух монахинь. Зато ни один шиллинг или пенни, присланный Энгельсом Марксу из Манчестера, не забыт. Они не упустили ни одной детали, способной представить Маркса в невыгодном для филистера свете. Если издатели переписки сделали все возможное, чтобы сохранить престиж старшего Либкнехта или Лассаля, смягчая чересчур образные выражения, они не пощадили частной жизни Маркса. «До войны я уже смог получить от Бебеля переписку Маркса и Энгельса в годы, соответствующие моей „Истории Интернационала“. Я сказал Бебелю, что не могу продолжать работу без этих писем, поскольку недостойно использовать подчищенную переписку. Под давлением Бебеля Бернштейну пришлось доверить их мне. Прежде чем их вернуть, я снял с них фотокопию, никого не поставив в известность. То же мне пришлось сделать и с остальной перепиской».

Рязанов все это рассказывает, потому что знает, что его дни сочтены. На подходе другой фальсификатор. Здесь он говорит не о Бернштейне, а в завуалированной, трагической форме — о Сталине, который вовлечет страну в свои игры, все так же прикрываясь именем Маркса и представляясь его лучшим толкователем, а затем и превосходящим его мыслителем.

В 1923 году Второй интернационал, свернувший свою деятельность с началом войны, восстановился благодаря европейским социал-демократам и австрийским социалистам, основавшим в одиночку организацию, которую в насмешку называли «Вторым с половиной интернационалом». Они еще не махнули рукой на демократизацию в СССР и не отказались от союза с коммунистами в каждой стране.

Однако в Германии началась братоубийственная распря между социалистами и коммунистами — и те и другие были наследниками Маркса. Она оказалась на руку только крайне правым.

Следует кратко пересказать эту историю, ибо она объясняет, каким образом марксизм подвергся искажению и породил двух чудовищ, о которых возвещал и которых опасался сам Маркс.

В то время как в 1843 году он назвал все религии (в том числе иудаизм) и капитализм причиной несчастий людей, теперь одновременно установились две диктатуры, чтобы уничтожить не собственно капитализм, а капиталистов, не собственно иудаизм, а евреев. Обе они уходили корнями в Пруссию Бисмарка, прославляемую Гегелем и обличаемую Марксом.

В СССР у постели умирающего Ленина началось сражение между Сталиным и Троцким, то есть между теми, кто хотел вести революцию дальше к горизонтам Интернационала, и теми, кто намеревался углублять ее в одной только России. Цены на сельскохозяйственную продукцию понизились; цены на промышленные товары резко возросли. Нэпманы в городах и кулаки в деревнях доживали последние дни.

В Германии Компартия сумела в 1923 году образовать в Тюрингии и Саксонии коалиционное правительство рабочих партий. Центральное правительство Германии, из которого только что вышли социалисты, не пожелало этого терпеть и отправило армию выгонять коммунистов из местных правительств. Начался мятеж, который был быстро подавлен, а Гитлер воспользовался им, чтобы попытаться захватить отнятую у коммунистов власть в Баварии. Гитлер стал воплощением пророчества Шпенглера: он тоже утверждал, что приведет людей к счастью через деятельность государства, уничтожая паразитов, врагов народа, эксплуататоров. В своей книге «Майн кампф» он осуждает марксизм, который, как он говорит, чужд общинному духу; марксизм ослабляет нацию, это «могильщик» народа и Германской империи. Главная проблема, которую предстоит разрешить, — это уничтожение марксизма, «нарыва на теле нации». В тот день, когда марксизм в Германии будет сломлен, страна сбросит свои цепи навсегда. «Капитал» Маркса был для Гитлера эманацией международного капитала, связанного с демократией, которая утверждает, будто один человек ничем не лучше и не хуже другого. Будущий фюрер ругал всё подряд — иудаизм, демократию, капитализм, коммунизм и марксизм: «Еврейское учение марксизма отвергает аристократический принцип рождения и на место извечного превосходства силы и индивидуальности ставит численность массы и ее мертвый вес. Марксизм отрицает в человеке ценность личности, он оспаривает значение народности и расы и отнимает таким образом у человечества предпосылки его существования и его культуры. Если бы марксизм стал основой всего мира, это означало бы

конец всякой системы, какую до сих пор представлял себе ум человеческий. Для обитателей нашей планеты это означало бы конец их существования». Это перекликается с мыслями Шпенглера, отвергавшего и капитализм, и марксизм как англосаксонское наследие.

Гитлера арестовали и посадили в тюрьму, куда к нему приходили посетители, словно он поселился в гостинице. КПГ, председателем которой стал Эрнст Тельман, все больше подпадала под влияние Коминтерна, побуждавшего ее во всем равняться на СССР.

В Германии, переживавшей финансовый кризис, газета социал-демократов «Фольксвахт» выкупила права на первый этаж родового дома Маркса в Трире, а потом партия приобрела весь дом.

В январе 1924 года умер Ленин. Троцкий проповедовал «мировую революцию», Сталин — строительство социализма в одной отдельно взятой стране. Троцкий был против продолжения нэпа, политики, которую поддерживал его соперник — пока. Сталин, Зиновьев и Каменев составляли правящую тройку, но двое последних перешли на сторону Троцкого. Сталин продолжал эксперимент с нэпом. Ему нужно было обожествить Ленина, как тому в свое время требовалось обожествить Маркса и Энгельса. Поэтому он повсюду разместил изображение вождя революции рядом с портретами основателей марксизма, причем в таком порядке: Ленин — Энгельс — Маркс. Чтобы вознести его на еще более высокий пьедестал (одновременно с изгнанием его бывшего окружения), он публиковал работы с научным обоснованием деятельности Ленина: «Принципы ленинизма», «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», «Вопросы ленинизма» и т. д.

Он использовал Интернационал, чтобы заручиться поддержкой всей Европы. В Германии, Франции, Австрии — везде, где были коммунистические партии, — Коминтерн открывал партийные школы. Ученых, артистов и писателей — членов партии — призывали доказать, что их открытия, идеи или произведения соответствуют законам диалектики. «Философские» лекции Сталина о ленинизме публиковались и тиражировались.

В Италии, где в 1922 году Муссолини одержал верх над коммунистами, в 1926 году философ Антонио Грамши[89] в «Письмах из тюрьмы» критикует коммунистов за незнание экономики, в особенности нападая на модного в СССР той поры теоретика Бухарина, а также обличает между строк сталинские перегибы.

С ноября 1923-го по июнь 1929 года СДПГ, возглавляемая

Германом Мюллером, не входила в правительство, но поддерживала его. Она получила больше трети голосов на выборах и могла опереться на мощный рабочий профсоюз и на движение ветеранов войны «Знамя рейха». Она сделала выбор в пользу реформизма и согласилась с тем, что стране пришлось уплатить за свое поражение. В то время канцлером был центрист по имени Вильгельм… Маркс!

В 1927 году сторонники Троцкого устроили демонстрацию в Москве. Сталин при поддержке Молотова и Калинина исключил Троцкого и Зиновьева из ВКП(б). Первый был выслан в Алма-Ату, а потом покинул страну. Второго убрали с важных постов. Затем Сталин избавился от Рыкова и Бухарина. Рязанов, еще возглавлявший Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, издал два первых тома архивов Маркса и Энгельса, потом пять первых томов Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса, которых отныне окончательно поставили наравне — так же как Ленина, а вскоре и Сталина.

В конце 1920-х годов Сталин стал отправлять своих оппонентов в массовом порядке в трудовые лагеря, положил конец новой экономической политике и начал политику систематической национализации. Он подвел под свою линию научную основу под названием «марксизм-ленинизм», не имевшую ничего общего с Марксом: построение социализма в одной отдельно взятой стране, приоритетное развитие тяжелой и военной промышленности, «демократический централизм» в партии, то есть абсолютная диктатура одного человека во всем обществе, и столь же безраздельное господство над руководством «братских партий». Так, в Германии, где экономическое положение стабилизировалось с прекращением требования уплаты военных долгов, Коминтерн в открытом письме от 19 декабря 1928 года обличил «опасность поправения» в КПГ, одна из фракций которой взбунтовалась против безусловного равнения партии на СССР. Лидеров этой группы, Тальгеймера и Брандлера, называли «ликвидаторами-меньшевиками», «примиренцами», «оппортунистами», обвиняли их в «отказе от принципов ленинизма». Поскольку они были членами ВКП(б), их выслали в СССР и ликвидировали.

В том же году в Лондоне умер рабочий-социалист Фредерик Демут. Ему было семьдесят восемь лет, и он так и не узнал, что его отцом мог быть Карл Маркс.

В Германии к власти вернулась Социал-демократическая партия, объявившая о том, что в родном доме Маркса скоро будет открыт музей Маркса и Энгельса. Коммунисты обрушились на социалистов с яростными нападками. Газета КЛГ «Роте фане»

писала 13 апреля 1929 года в воззвании к рабочим: «Социал-демократия — ваш враг <…>. Социал-демократия начала войну с революционными организациями пролетариата. Социал-демократия увеличивает бремя налогов, душащих рабочий народ, одаривая капиталистическое государство мешками денег. Социал-демократия потворствует строительству броненосцев через ваше содействие. Социал-демократия — лучшие оборонительные войска немецкой буржуазии, это самый крепкий таран фашизма и империализма…»

Первого мая 1929 года глава берлинской полиции социал-демократ Цергибель велел открыть огонь по стотысячной коммунистической демонстрации. На съезде в июне 1929 года КПГ обвинила социал-демократию в «подготовке установления фашистской диктатуры», назвав ее «самой прочной опорой поднимающего голову фашизма». Для КПГ социалисты были еще более опасными врагами, чем нацисты. Финансовый кризис, разразившийся в США в октябре 1929 года, нарушил относительную стабильность экономики в Европе; снова началась безработица и народ вышел на демонстрации. В конце года социалист Гильфердинг оставил пост министра финансов.

Для обоснования концепции о построении социализма в одной отдельно взятой стране Сталин в статье «Национальный вопрос и ленинизм» призвал не смешивать «новые, социалистические нации со старыми, буржуазными нациями», которые исчезнут вместе с капитализмом. Начиная с 1930 года грузин объявил себя единственным авторитетным интерпретатором Маркса. В феврале 1931 года Рязанова арестовали. Он ожидал этого уже почти восемь лет. В следующем году созданный им институт опубликовал ранние произведения Маркса, над подготовкой которых к печати он работал до последнего дня.

На Западе, где начинался глубокий кризис, некоторые видели начало агонии капитализма в кейнсианстве и государственном вмешательстве в экономику. Джон Мейнард Кейнс считал «Капитал» Маркса устаревшим учебником по экономике, не только ошибочным с экономической точки зрения, но и лишенным интереса и практического применения в современном мире. Кое-кто пришел к мысли о том, что социализм следует искать не *за пределами* капитализма, а *рядом* с ним. Это не вершина материального изобилия, а пересмотр самого представления о развитии рынка. В 1930 году Уолтер Бенджамин предложил разработать «исторический материализм, который уничтожил бы в себе идею прогресса». Вместо того чтобы быть «локомотивом истории», революция, по его мнению, должна

действовать как «стоп-кран», чтобы уберечь мир от катастрофы.

В 1931 году нацистская партия одержала первые значительные успехи на выборах на фоне роста безработицы. КПГ не почувствовала обострения националистских настроений среди деклассирующейся мелкой буржуазии и по-прежнему считала, что ее главный враг — Социал-демократическая партия. В июле 1931 года вождь коммунистов Тельман писал: «Так как нацисты сумели одержать значительные успехи на выборах, товарищи недооценивают нашей борьбы с социал-фашизмом <…>. В этом, несомненно, видны признаки отклонения нашей политической линии, вменяющей в обязанность направить главный удар против Социал-демократической партии <…>. Все силы партии должны быть брошены на борьбу с социал-демократией; пока они не освободятся от влияния социал-фашистов, миллионы рабочих потеряны для антифашистской борьбы <…>. На нынешней стадии постепенной фашизации любое ослабление нашей борьбы с социал-демократией становится тяжким проступком». КПГ, создавшая «Рот Фронт» — «Союз красных фронтовиков», по-прежнему противостояла социалистам, тогда как нацистские штурмовые отряды набирали силу при финансовой поддержке промышленников. В феврале 1932 года в Германии насчитывалось шесть миллионов безработных. КПГ организовала сотни забастовок. Нацисты победили на выборах в марте 1932 года, а потом потеряли голоса на ноябрьских выборах. СДПГ теперь получила только 18,3 % голосов и отказалась от единой всеобщей забастовки, к которой призывала КПГ.

Тридцатого января 1933 года Гинденбург призвал к власти Гитлера. В то же время родовое имение Маркса было осквернено нацистами. Уже не было и речи о том, чтобы превратить его в музей. Пожар рейхстага стал для нацистской партии поводом запретить КПГ и СДПГ, а также все прочие организации рабочих. 7 февраля Тельман, наконец-то поняв свою ошибку, заявил на тайном собрании ЦК Коммунистической партии: «Не только ликвидация последних прав трудящихся, не только запрет партии, не только правосудие фашистского класса, но и все формы фашистского террора, а далее — массовое интернирование коммунистов в концлагеря, линчевание и убийство наших мужественных борцов-антифашистов, в особенности руководителей компартии, — вот оружие, которое фашистская диктатура будет использовать против нас». Он оказался прав: его арестуют, как и тысячи активистов Компартии. Многих из них казнят в 1944 году.

Начиная с этого времени коммунистов убивали как в нацистской Германии, так и в сталинской России. В Германии их

арестовывали и расстреливали за то, что они отстаивали свою свободу; то же было в советской России, где сталинские перегибы обернулись кошмаром. И в той, и в другой стране в лагеря отправляли ученых, учителей, интеллигенцию, партийных руководителей. Наука сбилась с пути от страха. И при том, и при другом режиме крупные деятели науки, литературы или искусства пробивали себе дорогу, либо прославляя окарикатуренного Маркса, либо критикуя его карикатурным образом.

11—17 февраля 1935 года на Втором всесоюзном съезде колхозников-ударников некто Лысенко, называвший себя агрономом, заявил, что «кулаки от науки» — враги коммунизма: «И в ученом мире и не в ученом мире, а классовый враг — всегда враг, ученый он или нет». Сталин вскочил и стал аплодировать: «Браво, товарищ Лысенко, браво!» Ободренный Лысенко продолжал: «В нашем Советском Союзе, товарищи, люди не родятся, родятся организмы, а люди у нас делаются — трактористы, мотористы, механики, академики, ученые и так далее. И вот один из таких сделанных людей, а не рожденных, я — я не родился человеком, я сделался человеком». Лысенко утверждал, что приобретенные свойства передаются по наследству, и отвергал роль генов и хромосом в наследственности. Сталин предоставил ему все возможности для развития его теории.

В Германии избиение коммунистов продолжалось. В 1936 году за «нелегальную коммунистическую деятельность» арестовали одиннадцать тысяч человек, в следующем — еще восемь тысяч.

Весной 1937 года и в России, и в Германии началась последняя облава на врагов единственных в этих странах партий. Сталин выступил на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Лысенко и его правая рука философ Презент обличали генетиков — «саботажников, бездарностей и врагов пролетариата», пресмыкающихся перед реакционными иностранными учеными…

Двадцать первого января 1938 года в Саратове выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР приговорила Рязанова к расстрелу за принадлежность к «правотроцкистской организации». Закрытое судебное заседание продолжалось 15 минут. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. В том же году в Амстердаме умер Каутский, а Троцкий основал Четвертый интернационал. Социалистический Интернационал прекратил свое существование, подорванный разногласиями

между нейтралистскими партиями Северной Европы и франко-британцами, придерживавшимися политики вербовки. Молотов и Риббентроп подписали Пакт о ненападении между двумя диктатурами.

В марте 1939 года в докладе на XVIII съезде ВКП(б) Сталин уже задвинул Маркса за кулисы и говорил о нем только как о «классике марксизма»: «Нельзя требовать от классиков марксизма, отделенных от нашего времени периодом в 45–55 лет, чтобы они предвидели все и всякие случаи зигзагов истории в каждой отдельной стране в далеком будущем. Было бы смешно требовать, чтобы классики марксизма выработали для нас готовые решения на все и всякие теоретические вопросы, которые могут возникнуть в каждой отдельной стране спустя 50—100 лет, с тем чтобы мы, потомки классиков марксизма, имели возможность спокойно лежать на печке и жевать готовые решения».

Потом началась война, а вместе с ней — геноцид евреев: результат длительного процесса «разрушения Разума», которого никто не сумел предвидеть в свете классовой борьбы.

В 1940 году Троцкого убили по приказу Сталина, а в СССР, готовящемся вступить в войну, были опубликованы «Основные черты критики политической экономии», написанные Марксом веком раньше. В 1942 году в Германии еще 9916 человек были арестованы и отправлены в лагеря — на этот раз коммунисты. Их ждала та же участь, что и евреев. Репрессиям по-прежнему подвергались крестьяне и интеллигенция в России.

Обе диктатуры 22 июня 1941 года столкнулись в жестокой борьбе после нарушения пакта Молотова — Риббентропа. Западные демократии наверняка не смогли бы победить в 1945 году заклятого врага марксизма, не заключив союз с родиной сталинизма…

В конце войны в Трире, во французской оккупационной зоне, обнаружили нетронутым дом Маркса. Международный комитет под председательством Леона Блюма собрал средства на его восстановление. В западной части Германии Коммунистическая партия по-прежнему находилась под запретом, тогда как на Востоке, от Берлина до Софии, коммунизм стал государственной идеологией.

После обнаружения нацистских лагерей смерти отношение к марксизму поменялось. Попытку переосмыслить марксизм с точки зрения Освенцима сделали Адорно с Хоркхаймером в «Диалектике просвещения»: авторы бросили вызов вере в исторический прогресс, которая составляла незыблемый потенциал марксистской традиции. Со своей стороны Герберт

Маркузе в работах «Эрос и цивилизация» и «Одномерный человек» попытался проанализировать его с точки зрения психоанализа. Никто не сумел найти в классовой борьбе ни оснований, ни психологических причин нацистского варварства.

В 1946 году Луи Арагон писал: «Коммунистический человек уже не умозрительная фигура, он существует, потому что проливал свою кровь». Идея о новом человеке, зародившаяся во времена Французской революции, все еще была популярна.

В СССР сталинское безумие достигло своего апогея. В системе образования проводилась чистка, все так же во имя Маркса. Закрывались научно-исследовательские институты. Лысенко и его сторонники заняли ключевые посты в советской научной бюрократии[90]. Генетика в то время практически была под запретом. Лысенко в докладе «О двух направлениях в генетике» заявил, что «благодаря Марксу» может превратить пшеницу в рожь, ячмень в овес, капусту в репу; он уверял, что коммунизм восторжествует над природой и народы, которым посчастливилось иметь своим вождем Сталина, узнают новый золотой век — эпоху безграничного изобилия.

В 1947 году Сталин воссоздал Третий интернационал под названием «Коминформ». Осенью 1948 года он раскрыл план о высаживании южных культур на севере, чтобы «изменить их природу», повысить урожаи яровых вместо озимых и создать широкие лесополосы в южных областях, чтобы защитить их от суховеев с востока. В речи на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1948 года министр иностранных дел Молотов приветствовал торжество настоящей науки, основанной на принципах материализма, над реакционными и идеалистическими пережитками в научной деятельности. Одновременно во Франции Арагон писал по поводу Лысенко в журнале «Европа»: «Никогда, ни в одной стране, ни в один период истории человечества научные споры не могли бы пользоваться такой известностью, приковывая к себе внимание миллионов мужчин и женщин <…>. Впервые труд целого народа связан с научными исследованиями…»

Двадцать первого сентября 1949 года коммунисты пришли к власти в Китае, тоже ссылаясь на Маркса, которого они представляли отцом мирового научного социализма. 26 декабря на невероятной церемонии в честь семидесятилетия Сталина марксистский бред вступил в стадию пароксизма, о чем свидетельствует официальный отчет той поры: в конференц-зале отделения истории и философии академик М. Б. Митин[91] заявил: «И. В. Сталин, верный ученик Ленина, продолжатель его дела, внес неоценимый вклад в развитие ленинизма. <…>

Товарищ Сталин подчеркивает единство, преемственность, целостность и прогрессивность учения Маркса и Ленина. Он особо подчеркивает, что основой ленинизма является марксизм, что, не обратившись к марксизму, не поняв его, невозможно понять ленинизм <…>. С другой стороны, совершенно неверно рассматривать классическую русскую философию как научную основу ленинизма наряду с марксизмом. Ленинизм, как неоднократно подчеркивал товарищ Сталин, имеет единственную научную основу, и этой основой является марксизм <…>. Товарищ Сталин говорит о преемственности, целостности и прогрессивности учения Маркса и Ленина. Он подчеркивает тот факт, что основой ленинизма является марксизм, что, если не исходить от марксизма, не понять его, невозможно понять ленинизм. При этом товарищ Сталин привлекает внимание к тому новому, что связано с именем Ленина, он показывает, какой вклад внес Ленин в развитие марксистской теории, обобщив новый опыт классовой борьбы пролетариата в эпоху империализма и пролетарской революции <…>. И. В. Сталин развил, поднял на более высокий уровень учение диалектического и исторического материализма. Его работы стоят наряду с трудами классиков марксизма-ленинизма, такими как „Капитал“ Маркса, „Анти-Дюринг“ Энгельса и „Материализм и эмпириокритицизм“ Ленина. В своем гениальном труде он представляет основы диалектического и исторического материализма в невероятно четкой и сжатой форме. Товарищ Сталин в этой работе обобщает вклад Маркса, Энгельса и Ленина в учение о диалектическом методе и материалистической теории. Он разработал все это на основе новейших достижений науки и революционной практики <…>. В наши дни учение Маркса и Энгельса, поднятое Лениным и Сталиным на недостижимый уровень, превратилось в научную основу преобразования социальных отношений, техники и самой природы. Иосиф Виссарионович Сталин, продолжатель бессмертного труда Маркса и Энгельса, друг и соратник Владимира Ильича Ленина и продолжатель его гениальных трудов, — величайший мыслитель современной эпохи, сокровище марксистско-ленинской науки». Полный бред!

В Восточной Германии началось издание Полного собрания сочинений Маркса, доныне оставшееся незаконченным. В 1951 году на Международной конференции социалистов во Франкфурте-на-Майне британские лейбористы воссоздали Второй социалистический интернационал, который принимал марксизм как одно из социалистических учений, но отвергал коммунизм, «несовместимый с критическим духом марксизма». Вошедшие в

Социнтерн партии, по большей части европейские, представляли страны — члены НАТО, противостоявшие друг другу только в вопросе о деколонизации.

Когда Сталин умер в 1953 году, с ним умерла и его система, основанная на терроре. Коммунистические партии Восточной Европы одна за другой отказывались от теории абсолютной пауперизации пролетариата и даже запретили в 1956 году всякое цитирование Сталина — тогда в Венгрии подавили мятеж, а Запад даже не подумал вмешаться. Для некоторых повстанцев Маркс был источником вдохновения, другие же его проклинали. В том же году на лондонском кладбище Хайгейт установили бюст Маркса на его могиле. Понемногу начал пустеть ГУЛАГ, куда именем Маркса и Ленина были сосланы сотни тысяч зэков.

Китай Мао Цзэдуна и Албания Энвера Ходжи продолжали равняться на Сталина. В уставе КПК значилось: «Коммунистическая партия Китая ориентируется в своей деятельности на марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна». От Вьетнама до Ганы, от Гвинеи до Алжира большинство освободительных движений причисляли себя к марксистским или поклонялись современным воплощениям марксизма — от Хо Ши Мина до Че Гевары. Однако марксизма в буквальном смысле уже не существовало. А Маркса — тем более. Никто уже почти не ссылался на оригинальные работы, погребенные под наносами лжи и искажений.

Повсюду началась «оттепель»; Маркс стал ее косвенной жертвой, поскольку на него возложили ответственность за все жестокости, совершенные его именем.

В 1959 году в Бад-Годесберге немецкие социал-демократы отказались, по примеру своих скандинавских коллег, от всякого обращения к марксизму. Они также отказались от национализации и планирования, чтобы развивать совместное управление. В программе партии говорилось: «Конкуренция по мере возможности, планирование по мере необходимости».

В СССР положение быстро менялось. В июне 1964 года в отделении биологических наук Академии наук СССР еще прошла кандидатура лысенковца Н. Н. Нуждина. Однако во время общего заседания отделения молодой физик Андрей Сахаров выразил протест: он призвал присутствующих проголосовать так, чтобы голоса, поданные «за», принадлежали лишь тем, кто, наряду с Нуждиным и Лысенко, были ответственны за страшный и тяжелый период в истории советской науки, по счастью, ныне завершившийся. Диктатура над духом, проводившаяся толкователями Маркса, тоже приближалась к своему концу…

Че Гевара уехал с Кубы в 1964 году, потому что уже не верил

в революцию в одной отдельно взятой стране. В феврале 1965 года Лысенко сняли с поста директора Института генетики Академии наук, и он удалился в свое приусадебное хозяйство. В мае 1968 года дом Маркса в Трире стал музеем — в тот самый момент, когда в Париже, Берлине, Риме и Праге вспыхнули мятежи под его именем. В 1971 году на конгрессе в Эпинэ французские социалисты решили не отказываться от марксизма, и сам Франсуа Миттеран охотно называл себя марксистом, но не ленинцем, поясняя, что отдает предпочтение строительству единой Европы перед построением социализма в одной отдельно взятой стране. После смерти Мао (1976) Китай, а затем и Албания тоже перестали равняться на ленинизм.

В СССР в 1983 году, в то время как половина планеты еще жила под знаменем марксизма, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС взялся опубликовать к столетию смерти Карла Маркса иллюстрированное издание части его произведений. Авторы издания еще писали тогда о Ленине: он взял себе за непреложное правило «прислушиваться» к Марксу, творчески изучать труды Маркса и Энгельса. Его работы развили все положения марксистской науки: философию, экономическое учение, научный социализм. Он создал целостное учение партии и вооружил партию теорией социалистического государства. Чтобы решить все эти задачи, Ленин исходил из теории Маркса и Энгельса…

«Марксизм-ленинизм» сохранился еще в Камбодже у «красных кхмеров», в Перу, в рядах движения «Светлый путь», в Непале и во Франции среди движений типа Коммунистической марксистско-ленинской партии. «Марксизм» же живет на Западе. Немцы франкфуртской школы (например, Маркузе и Адорно), французы (в том числе Альтюссер) делают упор на идеологической составляющей контроля, осуществляемого капиталом над обществом; они возвращаются к «первозданному Марксу», пытаясь провести (надуманное, как мы видели) различие между его юношескими и последующими произведениями. Марксизм живет в экономике, истории, философии. Некоторые экономисты понимают значение теории накопления, роли монополий в ценообразовании; некоторым удается примирить теорию цен и его теорию прибавочной стоимости. Другие основывают на его трудах теории современного капитализма с превалированием очень крупных предприятий, в которых главенствуют техноструктуры. Третьи развивают теории, пытаясь создать на основе работ Маркса анализ отношений между Севером и Югом («неравный обмен» Самира Амина), теорию истории (Иммануил Валлерштейн) или

обличение военно-промышленного комплекса (Баран и Суизи); четвертые находят решения для задачи о преобразовании стоимости в цену, которая не давала покоя Марксу. Наконец, пятые пытаются основать на его книгах политическую практику коммунистической партии в современной стране (теория государственно-монополистического капитализма Боккара). Большинство американских и европейских экономистов критикуют его теорию как научно необоснованную и чисто идеологическую. В их представлении марксизм — это чистая идеология, лишенная научной и принципиальной основы.

В то время как на Востоке диктаторы переделывали Маркса, чтобы узаконить свои причуды, на Западе кое-кто придумывал его биографию, чтобы выставить его дьяволом и дискредитировать его идеи. Его поочередно выставляли жутким эгоистом, невыносимо мелочным, невероятно ленивым, ужасно суровым со своими детьми, непроходимым мещанином; его корили за безбожие и, наоборот, — за тайную веру. Иные даже называли его приспешником дьявола, желающим отомстить Богу и уничтожить человечество: подтверждение тому они находили в его бороде, в его сочинениях и в трагической гибели его детей (трое умерли от нищеты и двое покончили с собой). Напротив, такие авторы, как Поль Лафарг, Фридрих Энгельс, Карл Либкнехт, Франц Меринг, Борис Николаевский, Ленин, рассказывали о его жизни почти как о житии Мессии.

В США после маккартизма, который одновременно преследовал марксизм и воображал его повсюду, тот поселился в студгородках: несколько тысяч преподавателей встали под его знамя, предпочитая именоваться «радикалами». Марксисты Юджин Дженовезе и Уильям А. Уильяме захватили контроль над Организацией американских историков. В рядах католической церкви влияние марксистского учения было еще значительным; к нему примкнула часть низшего духовенства, а Всемирный совет церквей (в который католики не входят) даже стал орудием политики местных «левых» движений благодаря «теологам освобождения». Пролетариат, зарождение которого Маркс видел и чью эру предсказал, и для них тоже стал новым мессией.

В это время советскому обществу не удалось примирить диктатуру и прогресс: демократия, рынок и обновление оказались необходимы друг другу. Хотя СССР и становился понемногу более открытым, ему не удавалось достигнуть достаточно высокой производительности, чтобы оставаться конкурентоспособным; основные ресурсы страны шли на нужды армии — из-за гонки вооружений и, в частности, «звездных войн», начатых президентом Рейганом в 1984 году. В 1989 году система,

построенная Лениным и его преемниками, подорванная значительными военными расходами, безудержным разбазариванием ресурсов, нелепым планированием, исчезла по воле последнего из своих вождей — Михаила Горбачева. Он отказался от силового вмешательства в освободительное движение Польши, когда был создан первый независимый профсоюз Восточной Европы — польское объединение «Солидарность». В 1991 году после отчаянной попытки военного путча он передал власть Борису Ельцину и четырнадцати другим местным коммунистическим руководителям. Таков был конец Советского Союза.

Повсюду в Восточной Европе свергали с пьедесталов статуи Маркса, Энгельса и Ленина. Сегодня в мире нет почти ни одной страны, для которой они были бы авторитетом, разве что, да и то больше символически и эпизодически, в Китае, в Северной Корее и на Кубе. Везде социализм был понемногу заменен рыночным национализмом.

Так закончилось долгое отступление от текста, начатое после смерти Маркса.

***

В 1883 году мир был полон надежд: зарождалась демократия, намечалась глобализация, бурно развивался технический прогресс. Затем люди начали бояться будущего; тогда некоторые использовали труды самого глобалистского из мыслителей, мирового духа как алиби, чтобы возвести варварские укрепления. На сегодняшний день учение Маркса не только дискредитировано опытом СССР, Камбоджи, Китая, Кубы и многих других стран, но и кажется устаревшим в плане теоретических основ.

Уже невозможно разграничить общественные классы; буржуазия и пролетариат более не являются полностью противостоящими друг другу социальными группами; среди самих наемных рабочих возникают все более и более тонкие различия; некоторые из них отныне являются акционерами; управленцы руководят предприятиями, не являясь их владельцами, и присваивают часть прибыли; деятельность изобретателей, художников получает финансовое подтверждение. Информация становится определяющим капиталом наряду с деньгами; именно благодаря ей получают большую часть прибыли, и уже невозможно измерить затраты на производство какой-либо вещи часами труда, необходимыми для ее изготовления. Наконец, изменить прибавочную стоимость

становится все труднее.

Несмотря на это, теория Маркса обрела свой смысл в рамках глобализации, которую он предвидел. Мы наблюдаем бурное развитие капитализма, потрясение традиционных обществ, подъем индивидуализма, абсолютную пауперизацию трети мирового населения, концентрацию капитала, перемещение предприятий, повсеместное проникновение рынка, социальную нестабильность, товарный фетишизм, создание богатств единственно промышленностью, распространение финансовой индустрии, ограждающей себя от рисков нестабильности. Все это Маркс предвидел. Стоимость труда, как он и говорил, остается ключевой переменной в экономике; уровень рентабельности — главной целью; чтобы сохранить его, а то и поднять, заработная плата по-прежнему растет не так быстро, как производительность труда, и государство все так же берет на себя растущую часть расходов на соцобеспечение и науку.

Завтра (если глобализация в очередной раз не остановится) сохранение рентабельности капитала не сможет осуществиться через всемирное обобществление расходов за неимением мирового государства; значит, это произойдет через сокращение издержек на производство, то есть через перенос предприятий, уничтожение социальной защиты и ускоренную замену некоторых услуг промышленными товарами, чтобы сократить расходы на воспроизводство рабочей силы. Иначе говоря — через автоматизацию услуг отдыха, здравоохранения и образования.

Если человек превратится таким образом в товар, в конечном счете его начнут клонировать, несмотря на иллюзорные юридические заслоны, которые стараются воздвигнуть несколько стран; никто уже не сможет желать быть чем-то другим, кроме товара. Тирания новинок, фетишизм потребления, о которых столько говорил Маркс, замедлят (возможно, навсегда) чарующим зрелищем бесконечно обновляемых товаров наступление революции, которая сама превратится в шоу, устраиваемое несколькими террористами для всего мира.

Исчерпав таким образом возможности товарного преобразования социальных отношений и использовав все свои ресурсы, капитализм, если он к тому времени не уничтожит человечество, сможет перейти в мировой социализм. Иначе говоря, рынок сможет уступить место братству. Чтобы представить это себе, надо вернуться к принципам, о которых Маркс говорил, мечтая о всемирном социализме: бесплатность, искусство «делать», а не «производить», предоставление в общее и бесплатное пользование благ, необходимых для осуществления прав и обязанностей. Поскольку не существует мирового

государства, которое можно было бы захватить, что произойдет не через осуществление власти во всемирном масштабе, а через перемену в умах — «революционную эволюцию», столь дорогую Марксу. Через переход к ответственности и бескорыстности. Каждый человек станет гражданином мира, и мир, наконец-то, окажется созданным для человека.

Тогда нужно будет перечитать Карла Маркса и почерпнуть у него доводы, чтобы не повторять ошибок прошлого века, не очаровываться кажущейся простотой. Следует допустить, что любая власть должна быть обратимой, любая теория создана для возражений, любая истина обречена на устаревание, что произвол есть верная смерть, что абсолютное благо есть источник абсолютного зла; что мысль должна оставаться открытой; нельзя раскладывать все по полочкам, необходимо рассматривать противоположные точки зрения, не смешивать ошибку с виновниками, механизмы с действующими лицами, классы с людьми. Оставить человека в центре всего.

Прежде чем прийти к этому, будущие поколения вспомнят об изгнаннике Карле Марксе, который, живя в нищете в Лондоне, оплакивая умерших детей, мечтал о благе человечества. Тогда они вновь обратятся к мировому духу и его главной мысли: человек заслуживает того, чтобы в него верили.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА КАРЛА МАРКСА

1818, 5 мая — в городе Трир (Рейнская область Пруссии) у адвоката Генриха Маркса и его жены Генриетты (урожденная Пресбург) родился сын Карл.

1830, октябрь — поступление в гимназию имени Фридриха Вильгельма в Трире.

1835, 24 сентября — окончание Трирской гимназии и получение аттестата зрелости.

15 октября — поступление на юридический факультет Боннского университета.

1836, 22 октября — перевод на юридический факультет Берлинского университета.

1838— наряду с занятиями на юридическом факультете Маркс изучает историю и философию, занимается английским и итальянским языками.

1837, апрель — август — изучение философии Гегеля и знакомство с левыми гегельянцами («младогегельянцами») — Бруно Бауэром и др.

1838, 10 мая — отец Карла Генрих Маркс умер от туберкулеза.

1839, март — 1841 — Маркс изучает греческую философию и пишет докторскую диссертацию «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура».

1841, 30 марта — окончание учебы в Берлинском университете.

15 апреля — диплом доктора философии от Йенского университета и возвращение в Трир.

Июль — переезд в Бонн, где Маркс рассчитывает занять место доцента в Боннском университете.

Осень — отказ от университетской карьеры в связи с преследованиями преподавателей за убеждения.

1842, январь — февраль — первая публицистическая работа «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» для «Немецкого ежегодника». По цензурным соображениям в Пруссии эта статья не была опубликована. Вышла в феврале 1843 года в Швейцарии.

Апрель — начало сотрудничества с «Rheinische Zeitung» («Рейнская газета»). Первая публикация Маркса — «Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания».

Первая половина октября — переезд в Кёльн.

15 октября — Маркс назначен редактором «Rheinische Zeitung».

16 октября — в «Rheinische Zeitung» опубликована статья Маркса «Коммунизм и аугсбургская „Allgemeine Zeitung“».

Октябрь 1842 — начало 1843 — изучение работ французских социалистов-утопистов (Ш. Фурье и др.), а также Ж. Прудона.

1843, между 1 и 20 января — написание статьи «Оправдание мозельского корреспондента».

15–20 января — статья печатается в «Rheinische Zeitung».

19 января — правительство Пруссии принимает решение о закрытии «Rheinische Zeitung» с 1 апреля. До этого момента над газетой устанавливается особо строгая цензура. *10 февраля* — продолжение статьи Маркса «Оправдание мозельского корреспондента» не допущено к печати.

12 февраля — Маркс выступает на собрании акционеров «Rheinische Zeitung» с протестом против предложений добиться отмены запрещения газеты любой ценой.

17 марта — Маркс выходит из редакции «Rheinische Zeitung».

Конец марта — поездка в Голландию.

Март — сентябрь — Маркс ведет переговоры с Арнольдом Руге об издании за границей «Немецко-французского ежегодника». В сентябре в письме А. Руге Маркс формулирует задачи журнала.

Май — июнь — Энгельс устанавливает в Лондоне связи с руководителями «Союза справедливых».

Май — октябрь — Маркс живет в Кройцнахе.

Лето — работа над рукописью «К критике гегелевской философии права» и выписки из литературы по истории («Кройцнахские тетради»).

19 июня — женитьба на подруге детства Женни фон Вестфален.

Конец октября — бегство с женой в Париж.

Ноябрь — знакомство в Париже с деятелями европейского демократического, социалистического и рабочего движения, посещение собраний немецких и французских рабочих и ремесленников.

Вторая половина ноября — посещение редакции газеты в Кельне Энгельсом, сотрудничавшим с «Rheinische Zeitung» в качестве корреспондента.

Конец ноября — разрыв Маркса с берлинским кружком левых гегельянцев, предлагавшим превратить «Rheinische Zeitung» в оторванное от проблем общества философское издание.

Конец декабря — знакомство с Генрихом Гейне, с которым у

него устанавливаются дружеские отношения.

Конец года — изучение истории Великой французской революции и первое обращение к политической экономии — работам А. Смита. *1844, февраль* — в Париже выходит первый сдвоенный выпуск (оказавшийся единственным) «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» («Немецко-французский ежегодник»), издаваемый совместно Марксом и А. Руге. В журнале опубликованы работы Маркса «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение». *23 марта* — Маркс впервые встречается с русскими политическими деятелями — М. Бакуниным, В. Боткиным и Г. Толстым. *26 марта* — разрыв Маркса с Руге из-за отрицательного отношения последнего к коммунистическим взглядам Маркса и прекращение издания «Deutsch-Franzosische Jahrbucher».

19 апреля — на основании статей, опубликованных в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», правительство Пруссии обвиняет Маркса в государственной измене и издает приказ о его аресте.

1 мая — родилась Женни (Женнихен), старшая дочь Маркса.

Лето — в работе, позднее получившей известность как «Экономическо-философские рукописи», впервые осуществлен синтез философских, экономических и коммунистических воззрений Маркса. Эта работа явилась исходным пунктом многолетнего процесса, завершившегося созданием «Капитала».

4–6 июня — восстание силезских ткачей.

7 и 10 августа — в издаваемой в Париже немецкой газете «Vorwarts!» («Вперед!») публикуется статья Маркса против А. Руге «Критические заметки к статье „Пруссака“ „Король прусский и социальная реформа“». Начало сотрудничества Маркса с газетой и участие в ее редактировании.

28 августа — Энгельс навещает Маркса в Париже. Начало их дружбы и сотрудничества.

1845, 1 февраля — подписание договора с Карлом Леске из Дармштадта на издание книги «Критика политики и политической экономии», которую Маркс обязался предоставить к началу осени.

3 февраля — высылка из Парижа, переезд в Брюссель.

Конец февраля — во Франкфурте-на-Майне выходит в свет первое совместное произведение Маркса и Энгельса — «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании».

Начало апреля — Энгельс переезжает к Марксу в Брюссель.

Апрель — «Тезисы о Фейербахе» (впервые опубликованы в 1888 году).

Июль — август — Маркс и Энгельс предпринимают шестинедельную поездку в Лондон и Манчестер с целью изучения английской экономической литературы.

26 сентября — рождение дочери Лауры.

1846, начало года — Маркс и Энгельс создают в Брюсселе Коммунистический корреспондентский комитет.

Май — завершение работы над основной частью «Немецкой идеологии».

15 августа — переезд Энгельса в Париж.

1847— рождение Эдгара, сына Маркса.

Конец января — по приглашению руководства «Союза справедливых» Маркс и Энгельс вступают в союз с целью его реорганизации на коммунистической основе.

2–9 июня — первый конгресс Союза коммунистов в Лондоне.

Начало июля — в Брюсселе и Париже на французском языке выходит книга Маркса «Нищета философии. Ответ на „Философию нищеты“ г-на Прудона».

Конец июля — Энгельс едет к Марксу в Брюссель.

5 августа — под руководством Маркса в Брюсселе основывается община Союза коммунистов.

Конец августа — Маркс и Энгельс организуют в Брюсселе Немецкое рабочее общество.

Середина сентября 1847 — февраль 1848 — сотрудничество с «Deutsche-Brüsseler Zeitung» («Немецко-Брюссельская газета»).

Середина октября — возвращение Энгельса из Брюсселя в Париж.

29 ноября — 8 декабря — участие в работе второго конгресса Союза коммунистов в Лондоне. Марксу поручено выработать программу союза.

1848, январь — «Речь о свободе торговли».

31 января — Энгельс, высланный из Парижа, приезжает в Брюссель.

10 февраля — получение от матери части отцовского наследства — 6 тысяч франков золотом.

Около 24 февраля — в Лондоне выходит написанный Марксом и Энгельсом «Манифест Коммунистической партии» — программный документ Союза коммунистов.

3 марта — снят запрет 1845 года на пребывание Маркса во Франции.

4 марта — Маркс, высланный из Бельгии, покидает Брюссель.

5 марта — прибытие с семьей в Париж.

11 марта — в Париже образован Центральный комитет Союза коммунистов во главе с Марксом.

13 марта — восстание в Вене.

18 марта — баррикадные бои в Берлине.

21 марта — Энгельс приезжает из Брюсселя в Париж.

Между 21 и 29 марта — Маркс и Энгельс вырабатывают «Требования Коммунистической партии в Германии».

11 апреля — Маркс и Энгельс прибывают в Кёльн.

18 мая — открытие общегерманского Национального собрания во Франкфурте-на-Майне.

31 мая — выходит первый номер «Новой Рейнской газеты» («Neue Rheinische Zeitung»), датированный 1 июня. Маркс — главный редактор, Энгельс — его заместитель.

Конец августа — начало октября — трехнедельная поездка в Вену и Берлин.

После 26 сентября — Энгельс покидает Кёльн в связи с угрозой ареста. Он едет через Бармен в Брюссель, оттуда через Францию в Швейцарию.

6—31 октября — революционное восстание в Вене. Победа контрреволюции.

8 ноября — контрреволюционный переворот в Пруссии.

10 декабря — Шарль Луи Бонапарт избран президентом Франции.

1849, середина января — Энгельс возвращается из Швейцарии в Кёльн.

7–8 февраля — процесс против Маркса в Кёльнском суде присяжных. Маркс сам провел свою защиту и выиграл процесс. *28 марта* — Национальное собрание во Франкфурте-на-Майне принимает конституцию Германской империи («имперскую конституцию»).

Начало мая — вооруженное восстание в Дрездене, Пфальце, Бадене и Рейнской провинции в защиту имперской конституции.

16 мая — в Кёльне Маркс получает приказ покинуть территорию Пруссии.

Около 17 мая — приказ об аресте Энгельса в связи с его участием в эльберфельдском восстании.

18 мая — выходит последний номер «Новой Рейнской газеты» («Neue Rheinische Zeitung»), датированный 19 мая.

19 мая — Маркс и Энгельс выезжают из Кёльна через Франкфурт-на-Майне в Юго-Западную Германию.

3 июня — Маркс приезжает в Париж, 7 июля вслед за ним выезжает его семья.

6 июня — приказ прусского правительства о розыске и аресте Энгельса.

13 июня — 11 июля — Энгельс участвует в боях баден-пфальцского восстания.

16 августа — Маркс выслан из Парижа, 24 августа он уезжает. *26 августа* — прибытие Маркса в Лондон.

17 сентября — за ним следует его семья.

Конец августа — начало сентября — в Лондоне под руководством Маркса воссоздается Центральный комитет Союза коммунистов.

5 *ноября* — рождение второго сына Маркса — Генри Гвидо.

12 ноября — Энгельс прибывает в Лондон.

1850, январь — март — Маркс пишет работу «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», в которой он обобщает опыт Французской революции 1848–1849 годов и формулирует теорию революционной борьбы.

6 марта — 29 ноября — в Гамбурге выходят шесть номеров редактируемой Марксом газеты «Neue Rheinische Zeitung. Politischökonomishe Revue» («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение»). В ней публикуются работы Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и Энгельса «Крестьянская война в Германии».

Конец марта — Маркс и Энгельс пишут «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850 г.».

Начало июня — Маркс и Энгельс пишут «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Июнь 1850 г.».

Июль — возобновление исследований по политической экономии. *Середина ноября* — Энгельс переезжает в Манчестер и работает в фирме «Эрмен и Энгельс».

19 ноября — умирает сын Маркса Гвидо.

1851, 28 марта — у Маркса рождается дочь Франциска.

Май — арест активистов Союза коммунистов в Кёльне.

Осень 1851— весна 1862 — сотрудничество Маркса и Энгельса в «New York Daily Tribune» («Нью-Йоркская ежедневная трибуна»). *2 декабря* — государственный переворот во Франции — президент Луи Бонапарт становится императором Наполеоном III.

1852, 14 апреля — умирает дочь Маркса Франциска.

Май — в Нью-Йорке в первом выпуске журнала «Революция» («Die Revolution») опубликована работа Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

Август — в «Нью-Йорк дейли трибюн» вышла первая статья Маркса, за которую он получил свой первый фунт стерлингов.

4 октября — 12 ноября — судебный процесс арестованных в Кёльне членов Союза коммунистов.

17 ноября — лондонский округ Союза коммунистов по инициативе Маркса объявляет о роспуске союза.

1853, вторая половина января — в Базеле выходит в свет работа Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе

коммунистов».

1855, 16 января — рождение дочери Элеоноры.

6 апреля — умирает Эдгар, сын Маркса.

1857, август — май 1858— Маркс работает над рукописью «Критика политической экономии», которая явилась первым черновым вариантом будущего «Капитала».

1858, 11 января — Маркс впервые (в письме Энгельсу) упоминает о своих занятиях математикой.

11 июня — в Берлине выходит в свет работа Маркса «К критике политической экономии», в которой впервые используется понятие общественно-политической формации — ключевого теоретического понятия материалистического понимания истории.

19 октября — в «Нью-Йорк дейли трибюн» опубликована статья Маркса «Вопрос об отмене крепостного права в России».

1859, 17 января — в «Нью-Йорк дейли трибюн» опубликована статья Маркса «Об освобождении крестьян в России».

Май — книга «К критике политической экономии» вышла в Берлине тиражом тысяча экземпляров.

1860 — в Лондоне опубликована книга-памфлет Маркса «Господин Фогт». Энгельс-отец удостоил Фридриха статуса своего компаньона.

1864, 28 сентября — учредительное собрание Международного товарищества рабочих (Первого интернационала) в Лондоне. Маркс избран членом Временного комитета.

24 ноября — в Лондоне выходят в свет написанные Марксом «Учредительный манифест» и «Временный устав Международного товарищества рабочих», превращенный на Женевском конгрессе 1866 года в постоянный.

1866, 16 июня — 26 июля — война между Пруссией и Австрией.

3–8 сентября — Конгресс Интернационала в Женеве.

1867, 2–8 сентября — Конгресс Интернационала в Лозанне.

14 сентября — в Гамбурге тиражом тысяча экземпляров выходит в свет первый том «Капитала» — главного труда Маркса.

1868, 2 апреля — дочь Маркса Лаура выходит замуж за Поля Лафарга.

5–7 сентября — объединительный съезд Союза немецких рабочих обществ в Нюрнберге.

6—13 сентября — Конгресс Интернационала в Брюсселе.

30 июня — Энгельс прекращает свою деятельность в качестве совладельца фирмы «Эрмен и Энгельс».

7–9 августа — учредительный съезд немецкой Социал-

демократической рабочей партии в Эйзенахе.

6–11 сентября — Конгресс Интернационала в Базеле.

10 сентября — 11 октября — Маркс с дочерью Женни предпринимает поездку в Ганновер к Людвигу Кугельману.

2 октября — в Лейпциге выходит в свет первый номер органа немецкой Социал-демократической рабочей партии — газеты «Volkstaat» («Народное государство»). Маркс и Энгельс становятся сотрудниками газеты.

1870, 19 июля — Франция объявила войну Пруссии.

19–23 июля — «Первое воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне».

4 сентября — революция во Франции — низложение императора Наполеона III и провозглашение Французской республики. *9 сентября* — Генеральный совет Интернационала одобряет написанное Марксом «Второе воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне».

1871, 18 января — в Версале близ Парижа провозглашена Германская империя. Король Пруссии Вильгельм I становится императором (кайзером) Германии.

28 января — капитуляция Франции.

18 марта — 28 мая — Парижская коммуна.

30 мая — Генеральный совет Интернационала одобряет написанную Марксом работу «Гражданская война во Франции», в которой обобщается опыт Парижской коммуны. Около 13 июня «Гражданская война…» издана в Лондоне на английском языке.

17–23 сентября — конференция Интернационала в Лондоне.

1872, 27 марта — в Петербурге выходит в свет русский перевод (первое иностранное издание) первого тома «Капитала».

2–7 сентября — Маркс и Энгельс принимают участие в Конгрессе Интернационала в Гааге.

6 сентября — делегаты Гаагского конгресса по настоянию Маркса и Энгельса принимают решение о переводе местопребывания Генерального совета Интернационала в Нью-Йорк.

17 сентября 1872 — ноябрь 1875— в Париже в виде отдельных выпусков издается первый том «Капитала» на французском языке.

10 октября — дочь Маркса Женни выходит замуж за Шарля Лонге.

1874, 19 августа — 3 октября — Маркс с дочерью Элеонорой проходит курс лечения в Карлсбаде (ныне Карловы Вары) и возвращается в Лондон через Дрезден, Лейпциг, Берлин и

Гамбург. В августе — сентябре 1875 и 1876 годов он повторяет лечение на этом курорте.

1875, 5 мая — Маркс посылает Вильгельму Бракке «Критику Готской программы».

1877, 1 января — 13 мая — первые главы работы Энгельса «Анти-Дюринг» опубликованы в лейпцигской газете «Форвертс».

Февраль — Маркс посылает Элеонору и Фредерика Демут «просочиться» на лондонские собрания сторонников покойного Бакунина.

8 августа — 27 октября — Маркс с женой и Элеонорой проходит курс лечения на курорте Нойенар и в Шварцвальде.

1879, 17–18 сентября — Энгельс и Маркс пишут так называемое циркулярное письмо Августу Бебелю, Вильгельму Либкнехту, Вильгельму Бракке и др.

28 сентября — в Цюрихе выходит первый номер газеты «Социал-демократ» («Sozialdemokrat») — центрального органа немецкой социал-демократии, после принятия «Закона о социалистах» находящейся в подполье. Маркс и Энгельс становятся сотрудниками этой газеты.

1880, начало мая — Маркс и Энгельс обсуждают в Лондоне с Жюлем Гедом и Полем Лафаргом программу французской Рабочей партии.

1881, начало года — Маркс изучает и конспектирует работу Л. Моргана «Древнее общество».

2 декабря — в Лондоне умирает жена Маркса Женни.

1882, 9 февраля — начало октября — Маркс предпринимает поездку с целью отдыха и лечения в Алжир, Южную Францию и Швейцарию, навещает во Франции дочерей Женни и Лауру.

1883, 11 января — в Аржантее близ Парижа в возрасте тридцати восьми лет умирает дочь Маркса Женни.

20 января — возвращение Энгельса из Парижа.

14 марта — Маркс скончался в Лондоне на 65-м году жизни.

17 марта — похоронен на Хайгейтском кладбище в Лондоне. Надгробная речь Фридриха Энгельса.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Сочинения

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1—50. М., 1955–1981.

Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.

Архив Маркса и Энгельса. Т. 1 (VI)-9, 11–15. М., 1933–1973.

Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрении. М., 1966.

Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии. М., 1947.

Маркс К. Математические рукописи. М., I968.

Маркс К. Интервью корреспонденту американской газеты «Chicago Tribune» в первой половине декабря 1878 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 10.

Маркс К. О книге Листа «Национальная система политической экономии» // Вопросы истории КПСС. 1971. № 12.

О Марксе

Альтюссер П. За Маркса. М.: Праксис, 2006.

Баллаев А. Б. Читая Маркса. Историческо-философские очерки. М.: Праксис, 2004.

Гемков Г. «Мы прожили не напрасно…». Биография Карла Маркса и Фридриха Энгельса. М.: Политиздат, 1986.

Гуревин С. М. Карл Маркс — публицист. М.: Мысль, 1982.

Деррида Ж. Маркс и сыновья. М.: Логосальтера, 2006.

Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960.

Ильенков Э. В. Маркс и западный мир // *Ильенков Э. В.* Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.

К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.

Карл Маркс. Биография. М.: Политиздат, 1968; 1973, 2-е изд.; 1989, 3-е изд.

Кедров Б. М. Карл Маркс о науке и техническом прогрессе. М.: Знание, 1985.

Лукьянов Б. Г. По законам красоты. Эстетические взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса и современность. М.: Современник, 1988.

Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. М.: Политиздат, 1990.

Маркс против России (Анализ неизвестных статей). Мюнхен: Центральное образование политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1961.

Семенов Ю. И. Диалектический материализм: Его место в истории философской мысли и современное значение // Философия и общество. 2002. № 3. С. 74–102.

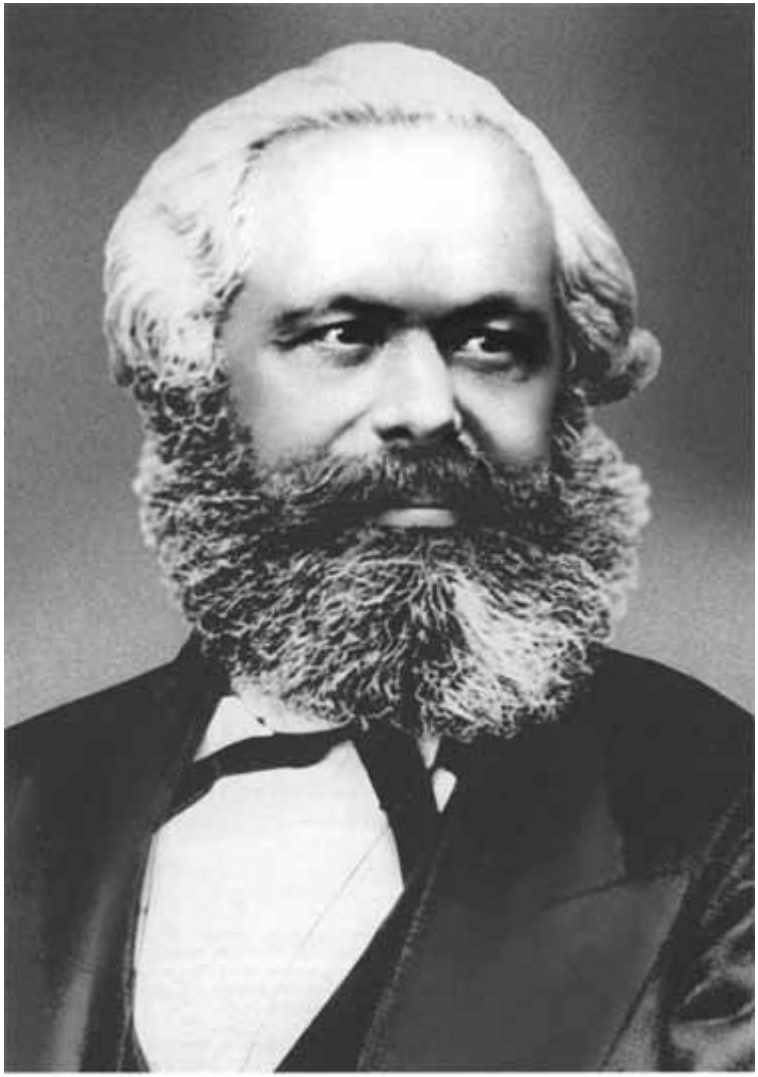
Турбин В. В. Ошибка К. Маркса. Стоимость (относительность понятия). Сущность денег. Пенза, 1998.

Фромм Э. Концепция человека у Маркса. — В кн.: *Фромм Э.* Душа человека. М.: Республика, 1992.

Энгельс Ф. Карл Маркс // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 16.

Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 19.

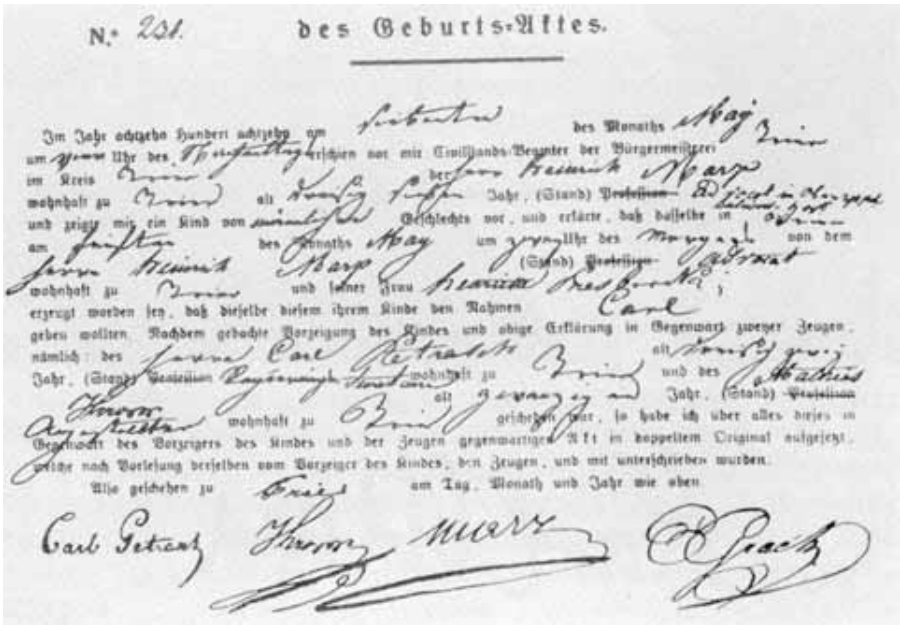
Иллюстрации

Вид Трира в начале XIX века.

N.° 251. des Geburts-Aktes.

Im Jahr achtzehn Hundert achtzig neun um siebenten des Monaths Mai
um zwei Uhr des Nachmittags erschien vor mir Civilstands-Beamter der Bürgermeisterei
im Kreis der Herr Heinrich Marx
wohnhaft zu Trier als Rentier Jahr, (Stand) Professeur
und zeigte mir ein Kind von männlichen Geschlechts vor, und erklärte, daß daßelbe in
am siebenten des Monaths Mai um zwei Uhr des Nachmittags von dem
Herrn Heinrich Marx Advokat
wohnhaft zu Trier und seiner Frau Henriette Pressburg
erzeugt worden sey, daß dieselbe diesem ihrem Kinde den Nahmen Carl
geben wollten. Nachdem gedachte Vorzeigung des Kindes und obige Erklärung in Gegenwart zweyer Zeugen,
nämlich: des Herrn Carl Petrasch alt Rentier
Jahr, (Stand) Professeur wohnhaft zu Trier und des Herrn Mathias
alt Jahr, (Stand) Professeur
wohnhaft zu geschehen war, so habe ich über alles dieses in
Gegenwart des Vorzeigers des Kindes und der Zeugen gegenwärtigen Akt in doppeltem Original aufgesetzt,
welche nach Vorlesung derselben vom Vorzeiger des Kindes, den Zeugen, und mir unterschrieben wurden.
Also geschehen zu Trier am Tag, Monath und Jahr wie oben.

Carl Petrasch Heinrich Marx Jacobi

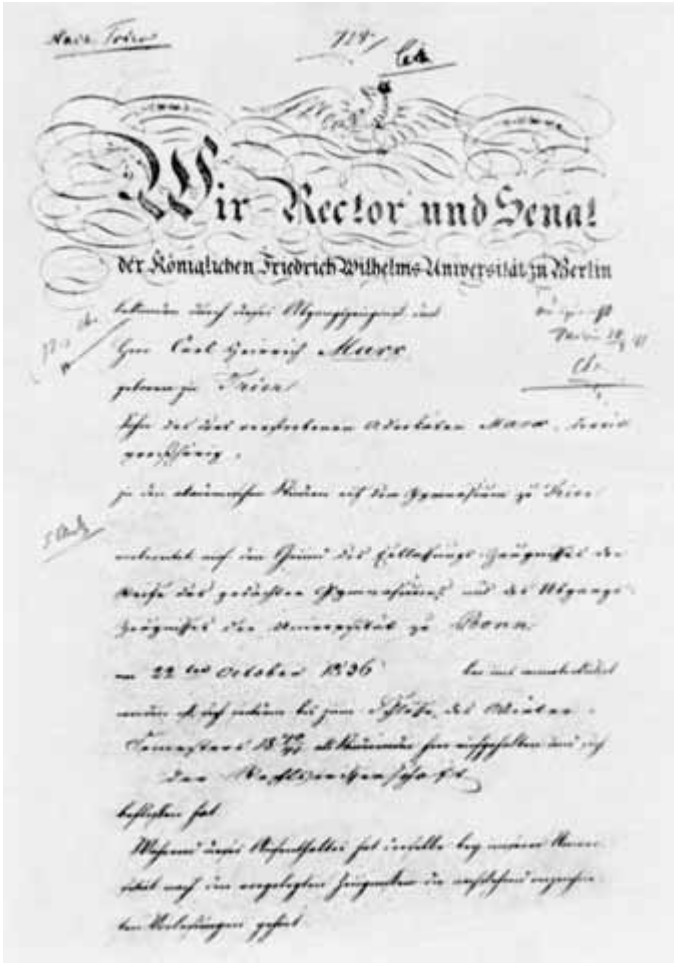
Свидетельство о рождении Карла Маркса.

Дом в Трире, где родился Маркс.

Гимназия, где Маркс учился с 1830 по 1835 год.

Wir Rector und Senat
der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin

Аттестат зрелости, датированный 24 сентября 1835 года.

Йенский университет.

Карл Маркс — студент.

Иммануил Кант.

Георг Вильгельм Гегель.

Людвиг Фейербах.

Тайный советник Иоганн Людвиг фон Вестфален, тесть Маркса.

Женни фон Вестфален.

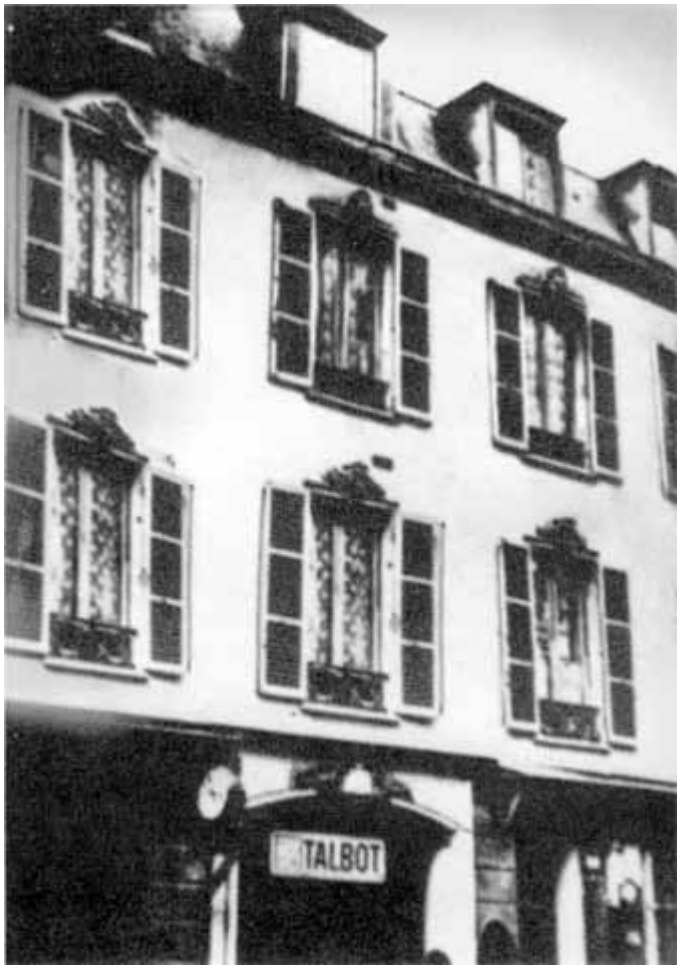
Генрих Гейне в гостях у Маркса и его жены.

Служанка семьи Марксов Ленхен Демут.

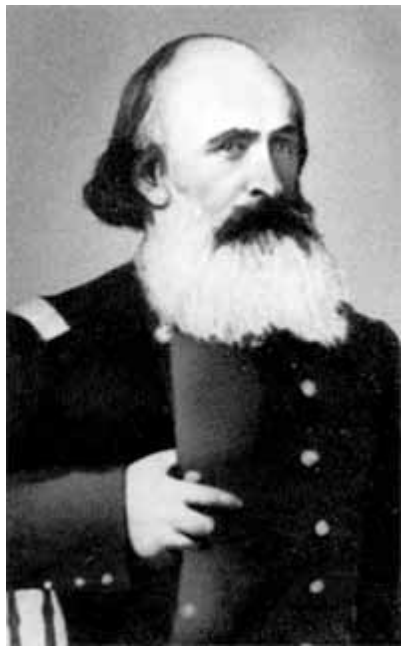
Молодой Фридрих Энгельс.

Дом в Париже на улице Ванно, где Маркс жил в 1843–1845 годах.

Вильгельм Вейтлинг.

Иосиф Вейдемейер.

Вильгельм Вольф.

Manifest

der

Kommunistischen Partei.

Veröffentlicht im Februar 1848.

London.

«Манифест Коммунистической партии» вышел в Лондоне в 1848 году.

Карла Маркса высылают из Брюсселя.

Маркс и Энгельс в типографии «Новой Рейнской газеты».

Neue

Rheinische Zeitung

Organ der Demokratie.

№ 301. Köln, Samstag, den 19. Mai 1849.

Abschiedsgruß der Neuen Rheinischen Zeitung.

An die Arbeiter Kölns.

Последний номер газеты, вышедший 19 мая 1849 года.

Михаил Бакунин.

Фердинанд Лассаль.

Пьер Жозеф Прудон.

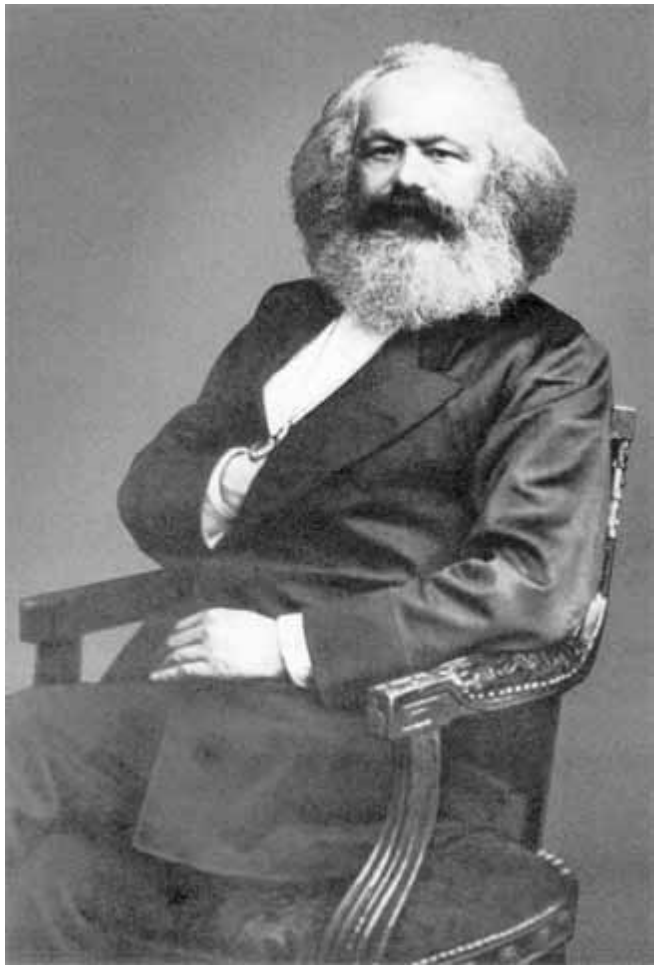
Женни Маркс с дочерью Женни.

Сын Маркса Эдгар, умерший от туберкулеза в возрасте восьми лет.

Маркс в 1861 году.

Маркс в 1875 году.

Энгельс, Маркс и его дочери — Женни, Лаура, Элеонора.

Дом на Андерсон-стрит — первое пристанище Маркса в Лондоне.

Портмоне Карла Маркса.

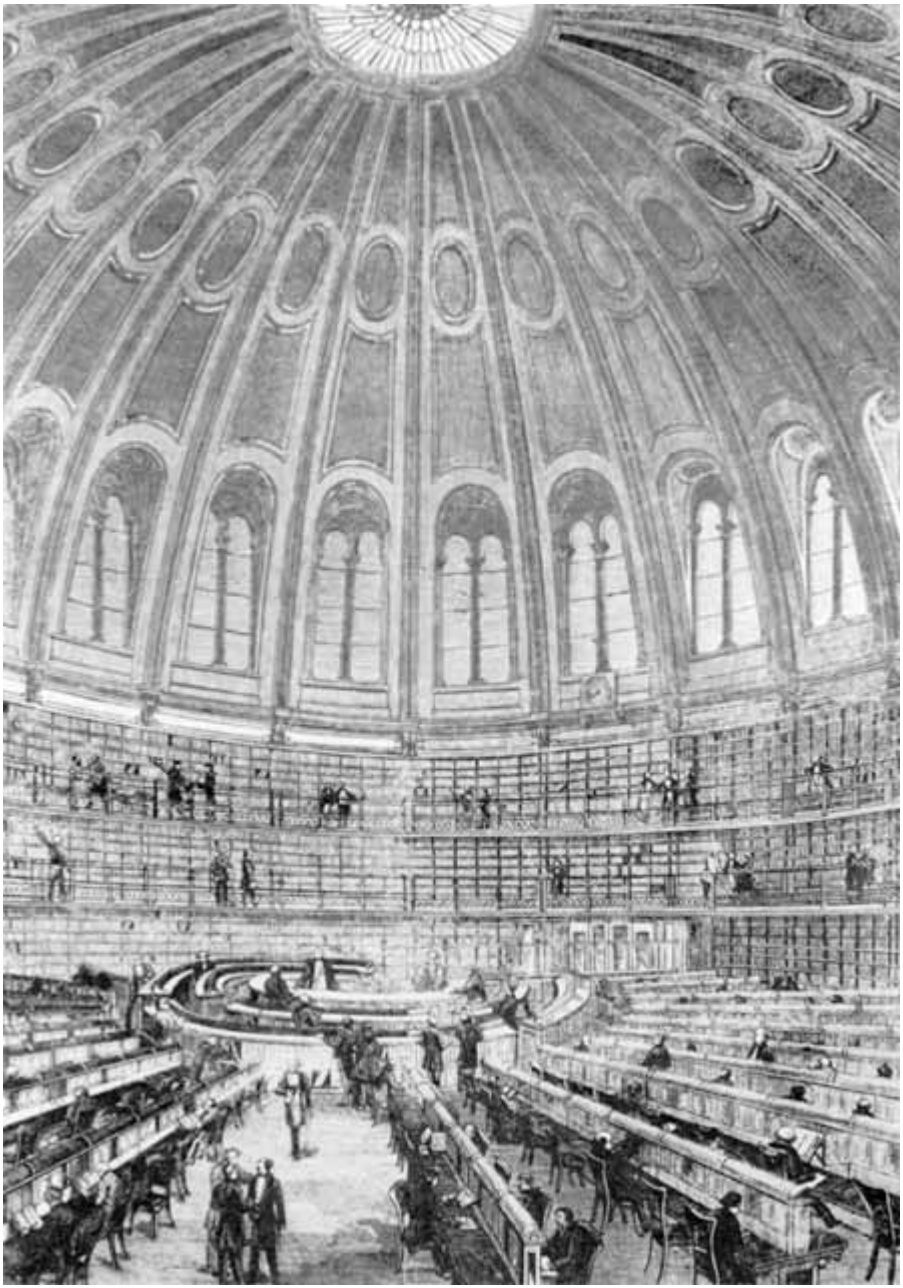
Мундштук Карла Маркса.

Знаменитая анкета, заполненная Марксом по просьбе дочерей. «Ваше представление о счастье — борьба… Ваш любимый девиз — подвергай все сомнению».

Кабинет Маркса в доме на Мейтленд-парк-роуд, где семья жила с 1864 по 1875 год.

Читальный зал Британского музея.

Первый том «Капитала» и рукопись книги.

КАПИТАЛЪ.

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

СОЧИНЕНІЕ

КАРЛА МАРКСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА I. ПРОЦЕССЪ ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.
1872

Русское издание «Капитала», вышедшее в 1872 году.

Первый переводчик «Капитала» на русский язык Герман Лопатин.

Упражнения Маркса в русской грамматике.

Младшая дочь Маркса Элеонора.

Муж Элеоноры Эдуард Эвелинг.

Вильгельм Либкнехт.

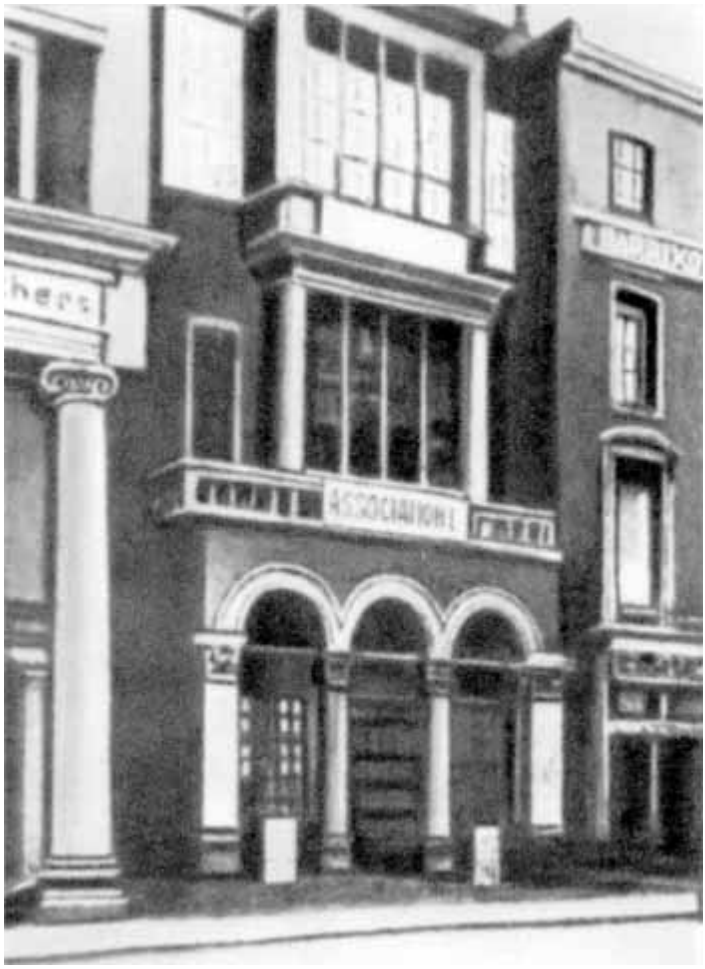
Август Бебель.

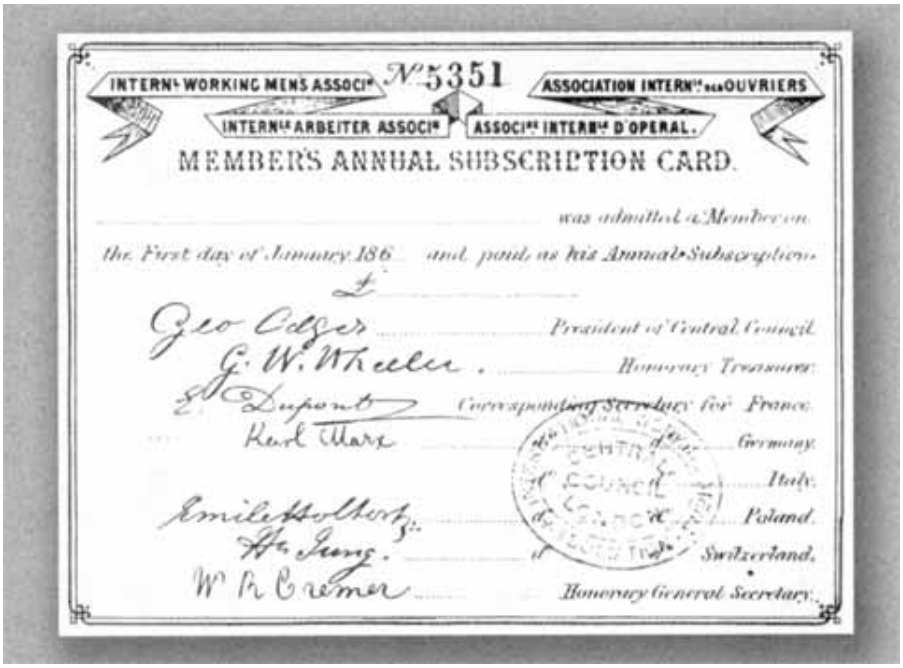
Женни Маркс со своим мужем Шарлем Лонге.

Поль Лафарг — муж Лауры Маркс.

Дом на Хай-Холберн-стрит, где размещался Генеральный совет Интернационала.

INTERNL WORKING MENS ASSOCN № 5351 ASSOCIATION INTERNLE DES OUVRIERS

INTERNLE ARBEITER ASSOCN ASSOCIN INTERNLE D'OPERAL.

MEMBER'S ANNUAL SUBSCRIPTION CARD.

was admitted a Member on

the First day of January 186 and paid as his Annual Subscription

£

Geo Odger President of Central Council.

G. W. Wheeler. Honorary Treasurer.

L. Dupont Corresponding Secretary for France.

Karl Marx d° Germany.

d° Council d° Italy.

Emile Holtorff d° Poland.

H. Jung. d° Switzerland.

W. R. Cremer Honorary General Secretary.

Членский билет Интернационала с подписями Маркса и его товарищей.

Делегаты Женевского конгресса Интернационала.

Фридрих Энгельс в 1860-е годы.

Жена Фридриха Энгельса Лиззи Бернс.

Провозглашение Парижской коммуны. *18марта 1871 г.*

Гюстав Флуранс.

Проспер Лиссагаре.

Маркс со старшей дочерью Женни. *1869 г.*

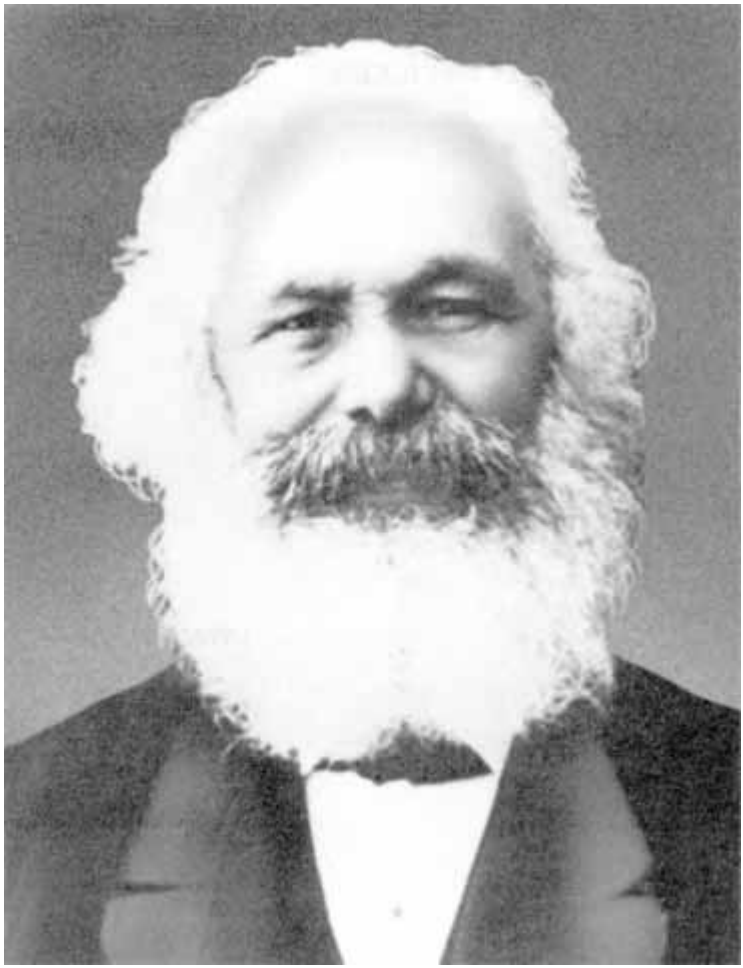
Георгий Плеханов.

Карл Каутский.

Дом на Мейтленд-парк-роуд, 41, где Маркс жил с 1875 по 1883 год.

Последнее фото Карла Маркса.

Памятник Марксу на Хайгетском кладбище в Лондоне.

Книги Маркса и Энгельса на разных языках мира.

В. И. Ленин на открытии памятника Марксу и Энгельсу. *Москва, 1918 г.*

notes

Примечания

1

Автор сам себе противоречит, признавая: «Сегодня, когда политические режимы, ссылающиеся на марксизм, почти полностью исчезли с лица земли, намечаются новые узурпации такого типа. Поэтому теперь как никогда важно понять, каким образом Карл Маркс…» и т. д.

2

Вслед за Гегелем, который, во-первых, выдвинул это понятие, во-вторых, абсолютизировал и тем самым отождествил себя (а равно и любого пребывающего в Царстве Духа) с ним. *Здесь и далее — прим. ред.*

3

Луи Пьер Альтюссер (1918–1990) — французский философ-неомарксист, строящий свою концепцию, с одной стороны, на резком противопоставлении Маркса и Гегеля, с другой — на противопоставлении ранних и поздних работ Маркса. Последние были объявлены Альтюссером немарксистскими.

4

Эта исключительно горнопромышленная линия, проложенная в 1823 году от Андрезье до Сент-Этьена (22 километра), в 1826 году была, продлена — от Сент-Этьенна до Лиона, а в 1828-м — от Андрезье до Роанна.

5

Это закрепленное конституцией звание — тонкий намек на демократичность нового правителя.

6

Иудейский ритуал, знаменующий достижение мальчиками совершеннолетия.

«Народная хартия».

8

Построена в 1837 году.

9

«Союз справедливых» *(La Ligue des justes, Bund der Gerechten),* тайное социалистическое общество, созданное в 1836 году в Париже портным В. Вейтлингом (1808–1871) из немецких социалистов-эмигрантов. В 1847 году реорганизован К. Марксом и Ф. Энгельсом в Союз коммунистов.

10

Секст Проперций (50 г. до н. э. — ок. 16 г. до н. э.) — древнеримский элегический поэт, автор четырех книг «Элегий». Вместе с Вергилием и Овидием принадлежал к поэтическому обществу неотериков, организовавшемуся вокруг Мецената.

11

Moor — по-немецки «мавр».

12

Любое государство, где бы ни жил мыслитель, создающий систему, подобную гегелевской, рассматривалось бы им как идеальное, независимо от порядков, там имеющихся. Гегель разворачивает историю из конечной точки настоящего, действительной действительности, и она для него — абсолют. История в этой точке закончилась, и государство в ней — последнее и совершенное.

13

Герман Маркс скончался в 1842 году, Каролина Маркс — в 1847-м.

14

Арнольд Руге (1802–1880) — немецкий публицист, философ-младогегельянец.

15

Полное название: «Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности».

16

Моисей Гесс (1812–1875) — немецкий философ еврейского происхождения, младогегельянец, предтеча сионизма (его социалистического направления), «провозвестник» государства Израиль. Оказал большое влияние на Маркса. Переводчик «Капитала».

17

Будь здоров и благосклонен ко мне *(дат.)*.

18

Франсуа Гизо — французский историк и государственный деятель. В 1840–1848 годах — министр иностранных дел и главный руководитель внутренней политики правительства Франции.

19

Карл Фогт (1817–1895) — немецкий естествоиспытатель, тайный агент Луи Бонапарта. С 1839 года жил в Берне (Швейцария), куда эмигрировал и его отец.

20

Просто… Там не было *(англ.)*.

21

«Немецко-французский ежегодник» издавался в Париже под редакцией Маркса и Руге на немецком языке. Вышел только первый сдвоенный выпуск в феврале 1844 года.

Да не послужит это дурной приметой *(лат.)*.

23

Георг Гервег (1817–1875) — немецкий поэт, автор «Стихов живого человека». Много лет участвовал в революционном движении, был дружен с Марксом и Энгельсом, а также с А. И. Герценом, у которого впоследствии увел жену.

24

Виктор Консидеран (1808–1893) — французский социалист-утопист, последователь Ш. Фурье.

25

Однако она выйдет лишь через год с небольшим: *Hess M.* Über das Geldwesen. — In: Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform. Bd. I. Darmstadt, 1845. S. 1-33.

26

Понятие отчуждения впервые сформулировано Гегелем в «Феноменологии духа». Раб отчуждает свою свободу, подчиняясь господину. Он зависим от произвола господина. Однако затем обнаруживается, что в не меньшей степени отчуждается и господин, так как его жизнь зависит полностью от трудовой деятельности раба. Инверсия — характеристика метода, свойственного гегелевской диалектике.

27

С января по декабрь 1844 года газета «Форвертс» выходила в Париже два раза в неделю.

28

Поль Лафарг (1842–1911) — видный деятель международного рабочего движения, один из основателей французской Рабочей партии.

29

Александр Гумбольдт (1809–1859) — крупный немецкий ученый, естествоиспытатель, путешественник, камергер и советник прусского короля.

30

Полное название — *«Положение рабочего класса в Англии:* По собственным наблюдениям и достоверным источникам».

31

«Братские демократы» — международное общество социалистов в Лондоне (1845–1853).

32

Инициатива кампании исходила от умеренно либеральной партии, получившей название «династической оппозиции».

33

«Нью-Йоркская ежедневная трибуна» — американская газета, выходившая с 1841 по 1924 год. Основана известным журналистом Хорэсом Грили.

34

Вильгельм Либкнехт (1826–1900) — один из основателей и вождей Социал-демократической партии Германии.

35

Сотрудничество Маркса в газете началось в августе 1851 года и продолжалось свыше десяти лет, до марта 1862 года; большое число статей в ней по просьбе Маркса было написано Энгельсом.

36

Хорэс Грили (1811–1872) — американский политический деятель и журналист. В 1841 году основал газету «Нью-Йорк дейли трибюн» («New York Daily Tribune»), являющуюся с 50-х годов XIX века органом Республиканской партии.

37

Генри Джон Темпл Пальмерстон, виконт (1784–1865) — английский государственный деятель, министр иностранных дел, министр внутренних дел, премьер-министр.

Задним числом *(лат.)*.

39

«Народ» — еженедельная газета, выходила на немецком языке в Лондоне с 7 мая по 20 августа 1859 года.

40

Карл Фогт (1817–1895) — немецкий естествоиспытатель, тайный агент Луи Бонапарта. С 1839 года жил в Берне (Швейцария), куда эмигрировал и его отец.

41

Автор крайне упрощенно излагает причины и ход восстания в Польше, Белоруссии и Литве, подготовленного подпольным Центральным национальным комитетом польских националистов. Не сумев разбить русские войска, повстанцы перешли к партизанской борьбе и были окончательно разбиты в мае 1864 года.

42

Одно из лучших французских красных вин.

43

Шарль Лонге (1833–1903) — журналист, деятель французского рабочего движения, член Генерального совета Интернационала и член Парижской коммуны. Впоследствии примкнул к поссибилистам (сторонникам постепенных реформ).

Nullité grave — полное ничтожество; *cloche* — жалкое; *vieille cocotte* — старая кокотка *(фр.)*.

Платный агент *(англ.)*.

46

Жорж Клемансо (1841–1929) — впоследствии видный французский политик, премьер-министр Франции в 1906–1909 и 1917–1920 годах.

По другим данным, количество казненных участников Коммуны достигло сорока тысяч человек.

48

Лондонская конференция делегатов проходила 17–23 сентября 1871 года. Необходимо было сделать выводы из уроков Парижской коммуны. Конференция приняла решение о необходимости создания в каждой стране самостоятельной политической партии пролетариата как решающего условия победы пролетарской революции, призвала секции усилить работу в профсоюзах, среди женщин, а также в сельских местностях.

49

На сепаратном конгрессе в Сонвил ье (Швейцария) бакунисты выпустили с этими требованиями Сонвильерский циркуляр.

«Подобен трупу» *(лат.),* то есть предан начальству душой и телом, является послушным орудием в его руках.

51

«Чтобы положить конец любым попыткам устраивать от имени Интернационала бесполезные путчи» (Ф. Энгельс).

52

Фридрих Адольф Зорге (1828–1906) — видный деятель американского и международного рабочего движения, дед знаменитого разведчика Рихарда Зорге.

53

Сегодня в Социнтерн входят 154 партии из 130 стран.

54

Евгений Дюринг (1833–1921) — немецкий философ; занимался также вопросами политэкономии и права. Согласно его теории, причиной социального неравенства, эксплуатации и нищеты является насилие. Социалистическое преобразование общества должно исключать революционный переворот и идти в духе социализма Прудона, путем кооперирования мелких производителей.

55

Вульгата — латинский перевод Библии, сделанный в IV веке блаженным Иеронимом. В переносном смысле: священная книга, основа вероучения.

56

Эдуард Бернштейн (1850–1932) — один из лидеров оппозиционного крыла Германской социал-демократической партии и Второго интернационала. Фальсификатор литературного наследия Маркса.

57

Николай Францевич Даниельсон (1844–1918) — русский экономист, участник кружка Чайковского, переводчик «Капитала».

58

Герман Александрович Лопатин (1845–1918) — русский революционер-народник, друг К. Маркса, первый переводчик «Капитала».

59

Петр Лаврович Лавров (1823–1900) — русский философ, социолог и публицист, один из идеологов народничества.

60

Восстание в Южном Оране было эпизодом того движения, которое охватило весь мусульманский мир вслед за победами русских над Турцией. Но оно имело и местную причину: злобу, которую питали против французского владычества марабуты (проповедники) из могущественного племени улед-сиди-шейхи.

61

Поль Деруледе (1846–1914) — французский политический деятель, литератор. Принимал участие в подавлении Парижской коммуны. В 1882 году основал «Лигу патриотов», ставившую главной целью подготовку новой войны с Германией.

62

Луи Блан (1811–1882) — французский утопический социалист, историк, журналист, деятель Революции 1848 года. Рассуждал о возможности мирным путем разрешить противоречия между трудом и капиталом. Оказался врагом Парижской коммуны. В историю социализма и рабочего движения вошел как родоначальник оппортунизма и реформизма (луиблановщины).

63

Вольф Бернард (род. в 1915 г.) — американский писатель-социалист. В 1937 году в течение нескольких месяцев был английским секретарем Троцкого.

Будучи секретарем Троцкого, Вольф мог знать о книге «Преступления Сталина», написанной Троцким в 1937 году. В то время она была издана на основных европейских языках, но на русском языке не публиковалась. Троцкий в августе 1940 года был убит по приказу Сталина.

«Манифест Коммунистической партии».

«Речь о свободе торговли».

«Процесс накопления капитала» («Капитал», т. 1).

68

Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии».

69

«Немецкая идеология». Две последующие цитаты — оттуда же.

70

Энгельс Ф. Предисловие к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» 1885 года.

71

Жан Жорес (1859–1914) — руководитель Французской социалистической партии, депутат парламента.

72

«Дело Дрейфуса» — дело по ложному обвинению офицера французского Генерального штаба еврея А. Дрейфуса в шпионаже в пользу Германии. Несмотря на отсутствие доказательств, суд приговорил Дрейфуса к пожизненной каторге. Борьба вокруг «дела Дрейфуса» привела к острому политическому кризису во Франции.

Это популярная на Западе, но совершенно недостоверная версия происхождения знаменитого псевдонима.

74

Жорж Сорель (1847–1922) — французский философ-эклектик, представитель «новой школы» марксизма.

75

Л. Мартов (Юлий Осипович Цедербаум) (1873–1923) — участник российского революционного движения, член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С 1900 года — член редакции газеты «Искра».

76

Давид Борисович Гольдендах взял псевдоним Рязанов в честь главного героя повести писателя-народника 1860-х годов В. А. Слепцова «Трудное время». Имя Николай, по-видимому, перешло от его прежнего конспиративного прозвища — Николай Парижский.

77

Автор повторяет завышенные цифры, приводимые революционной, а затем советской пропагандой. Реальный итог Кровавого воскресенья — от ста до четырехсот убитых.

78

Первая Государственная дума была созвана только в апреле 1906 года; распущена 8 июля того же года.

«Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем и думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или нет), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы доказать крестьянину все преимущества такого перехода, преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъясняемы» *(Энгельс Ф.* К аграрному вопросу на Западе).

80

«Группа Спартака» — организация немецких левых социал-демократов, созданная в 1916 году. Переименована в «Союз Спартака» в 1918 году.

81

«Марксизм и восстание. Письмо Центральному комитету РСДРП».

82

Список из девятнадцати фамилий помещен на фасадной плоскости четырехгранного обелиска — Маркс, Энгельс, Либкнехт, Лассаль, Бебель, Кампанелла, Мелье, Уинстлей, Мор, Сен-Симон, Вальян, Фурье, Жорес, Прудон, Бакунин, Чернышевский, Лавров, Михайловский, Плеханов; кубический постамент украшен рельефным орнаментом, в центре которого в венке вырублено: «РСФСР» и ниже — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

83

Научно-исследовательский институт К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ) на базе кабинета теории, истории и практики марксизма. Вначале институт (директор Д. Б. Рязанов) находился при Социалистической академии, с июня 1922 года — при ВЦИК, с апреля 1924 года — при ЦИК СССР.

«Материализм и эмпириокритицизм».

85

«Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» стал выходить с 1924 года.

«Летописи марксизма (Записки Института К. Маркса и Ф. Энгельса)» стали выходить в 1926 году.

«Третий интернационал и его место в истории».

«О продовольственном налоге».

89

Антонио Грамши (1891–1937) — итальянский философ, политолог, социолог, политический деятель, чья концепция предвосхищает идеи неомарксизма.

Т. Д. Лысенко в это время занимал пост президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ).

91

Марк Борисович Митин (1901–1987) — советский философ, академик. Коллеги за глаза называли его Мрак Борисович.